

T 2/40
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVI.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.

Книга II (77).

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1905 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Нусинеревъ и К^о.
Шименовская ул., соб. доми.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лосекаго.	71
Предпосылки демократіи. С. Котляревскаго.	104
Критика чистаго опыта. Давида Викторова.	128

Психологія фанатизма (Фотій Спасскій). Окончаніе В. Ф. Чижа.	149
Геній и здоровье Н. В. Гоголя. Продолженіе. Г. Трошина.	187
Наказаніе, какъ факторъ культуры. І. В. Михайловскаго .	250
Пиеагоръ и пиеагорейцы. Кн. С. Н. Трубецкаго	303

Критика и библіографія.

І. Обзоръ книгъ.

Л. Шестовъ. Апоеозъ безпочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб. 1905. Ст. 285. Ц. 1 р. 50 к.	
С. К—аго	326
L'année psychologique publiée par A. Binet avec collaboration de H. Beaunis, V. Henri et Th. Ribot. Secrétaire de la Rédaction: Larguier des Bangels. Neuvième année. Paris, 1903. Н. Виноградова	327

Объявленія.

Обоснованіе мистическаго эмпиризма ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава шестая.

Знаніе какъ сужденіе.

I. Дифференціація объектовъ знанія. Объективность процесса знанія.

Исслѣдуя свойства познавательнаго процесса, мы нашли, что объектъ знанія имманентенъ процессу знанія: онъ есть сама жизнь, сама дѣйствительность, присутствующая въ актѣ знанія, переживаемая въ немъ. Но этого мало: сама по себѣ жизнь еще не есть знаніе, она становится знаніемъ благодаря нѣкоторому дополнительному процессу, именно процессу сравниванія. Слѣдовательно, *знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями* ²⁾. Пока жизнь не подвергается сравненію, она течетъ для меня, не производящаго сравненія, какъ что-то темное, безформенное, безсознательное (т.-е. неопознанное). Если я гуляю въ жаркій лѣтній полдень по берегу рѣки, окутанному пышной растительностью, и ни о чемъ не думаю, ничего не желаю, какъ бы утрачиваю свое я, сливаясь въ одно съ природою, то для меня ничто не существуетъ въ отдѣльности, все сливается въ одинъ неясный могучій потокъ жизни. Но вотъ что-то всплеснуло надъ водою, привлекло къ себѣ

¹⁾ «Вопр. Фил. и Псих.» № 75.

²⁾ Гл. III. 1. Отношеніе объекта знанія къ знанію. «Вопр. фил.» кн. 73, стр. 217—228.

мое вниманіе и начался интеллектуальный процессъ различенія. Зеркальная гладь воды, зеленые берега рѣки, прибрежные тростники все стало обособляться другъ отъ друга и нѣтъ конца этому процессу до тѣхъ поръ, пока у меня есть охота всматриваться въ дѣйствительность и углубляться въ нее. Только что береговья заросли сливались для меня въ одну сплошную массу, а теперь, смотришь, темная зелень тростника уже обособилась отъ болѣе свѣтлой зелени аира, и даже среди сплошной массы тростниковъ стебли, листья и темно-бурая метелка ихъ обособляются другъ отъ друга по цвѣту, положенію, формѣ. Подъ вліяніемъ различенія все дифференцируется: безформенное становится оформленнымъ, безобразное пріобрѣтаетъ образъ.

Слѣдовательно, *знаніе есть процессъ дифференцірованія дѣйствительности путемъ сравниванія*. Благодаря этому процессу жизнь, не утрачивая своей реальности, превращается въ представляемую жизнь, въ представленіе (или понятіе). Однако въ человѣческомъ знаніи она никогда не укладывается сполна въ форму представленія: въ ней всегда сохраняется еще недифференцированный остатокъ. Такъ оно и должно быть. Всякій актъ сравниванія дифференцируетъ только одну какую-нибудь ничтожно малую сторону объекта, напр. цвѣтъ, вѣсъ, пространственную форму и т. п. и даже каждая изъ этихъ дифференцированныхъ сторонъ, напр. цвѣтъ, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто недифференцированное, поскольку отгѣнки и свойства цвѣта выясняются все подробнѣе и подробнѣе только путемъ безконечнаго множества сравниваній съ безконечнымъ множествомъ другихъ цвѣтовъ и явленій. Въ этомъ смыслѣ всякій объектъ, т. е. всякій уголокъ міровой жизни оказывается поистинѣ безконечнымъ ¹⁾, и дифференцировать эту безконечность сполна

¹⁾ Въ соч. Риккерта «Границы естественно-научнаго образованія понятій» (перев. А. Водена) очень хорошо обрисовано это свойство объектовъ познанія подъ именемъ «экстенсивной и интензивной безконечности» ихъ. См. стр. 33. сс.

можно было бы не иначе, какъ подвергнувъ объектъ сравненію со всѣми остальными объектами всего міра. Человѣческой умъ безконечно далекъ отъ этого идеала знанія, и потому для человѣка всякій объектъ есть что-то покрытое лишь снаружи ничтожною коркою, ничтожнымъ налетомъ дифференцированности, а подъ этою коркою попрежнему остается какое-то еще безобразное, не перешедшее въ форму представленія, но все же опредѣлившееся, какъ наличное могучее и богатое содержаніемъ бытіе.

Путемъ ряда сравненій знаніе все болѣе и болѣе переводить безформенные объекты въ образы объектовъ, въ дифференцированную форму представленія (или понятія). Если въ результатъ этого процесса въ самомъ дѣлѣ получается образъ познаваемого объекта (подъ образомъ мы разумѣемъ не копію объекта, а самый объектъ въ дифференцированномъ видѣ), а не какого либо иного явленія, то цѣль достигнута, мы обладаемъ истиною. Иными словами, это значитъ, что истина получается лишь въ томъ случаѣ, если дифференцированный образъ складывается только изъ элементовъ самого объекта, если въ этотъ образъ ничто не привносится извнѣ; но въ процессъ знанія дѣйствуетъ, именно производитъ сравненіе только познающій субъектъ, слѣдовательно, только онъ можетъ внести въ образъ объекта что-либо извнѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что истина есть *объективный* образъ предмета, а ложь есть *субъективный* образъ предмета. Отсюда ясно, что отличить истину отъ лжи можно лишь въ томъ случаѣ, если есть признаки, по которымъ познающій субъектъ можетъ отличить, какіе элементы образа исходятъ отъ самого объекта, и какіе элементы привнесены имъ, субъектомъ. На основаніи тѣхъ же соображеній, которыя руководили нами при изслѣдованіи вопроса о критеріи субъективности и транссубъективности ¹⁾, мы аргюи утверждаемъ, что различіе между субъективнымъ и объективнымъ не можетъ быть количественнымъ или

¹⁾ Гл. III. Вопр. фил. 74.

складывающимся изъ отношеній, оно должно заключаться въ качественной окраскѣ этихъ переживаній. Иными словами, во всякомъ актѣ знанія должны быть стороны, окрашенныя чувствованіемъ субъективности, и стороны, обладающія характеромъ объективности. Достаточно одного примѣра, чтобы показать, что это именно такъ и есть. Положимъ, мы выдумываемъ какую-нибудь небылицу, напр. рассказываемъ, что вокругъ памятника Петра Великаго на Сенатской площади въ Петербургѣ растутъ четыре огромные развѣсистые дуба. Въ этомъ высказываніи несомнѣнно образъ памятника стоитъ въ нашемъ сознаніи, какъ что-то такое, чего мы никоимъ образомъ не относимъ по содержанію за счетъ своихъ дѣятельностей; быть можетъ, также и развѣсистые дубы, видѣнные нами гдѣ-либо прежде, составляютъ такое же *объективное* содержаніе высказыванія; но ужъ навѣрное *сочетаніе* памятника съ дубами чувствуется, какъ производимый нами синтезъ, какъ что-то такое, что вовсе не кроется въ содержаніи самого объекта. Наоборотъ, когда мы говоримъ, что всадникъ Петръ стоитъ на гранитной скалѣ, это *сочетаніе* представляется, какъ что то исходящее изъ самого объекта. Эти стороны переживаній превосходно описаны Липсомъ въ его „Основахъ логики“. „Въ однихъ случаяхъ я сознаю,—говоритъ Липсъ,— что бытіе объектовъ сознанія, ихъ возникновеніе, сочетаніе и раздѣленіе, ихъ сохраненіе и измѣненіе кажется мнѣ непосредственно осуществленіемъ моей воли, я чувствую себя въ своемъ процессѣ представленія активнымъ, свободнымъ, дѣятельнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заключается непосредственное сознаніе принадлежности объектовъ къ моему я, связанности ихъ со мною, зависимости отъ меня, короче—непосредственное „сознаніе субъективности“. Въ другихъ случаяхъ я испытываю, что объекты сознанія противодѣйствуютъ желаемому процессу представленія, я чувствую себя стѣсненнымъ ими въ своемъ процессѣ представленія, связаннымъ, принуждаемымъ, несвободнымъ или пассивнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заклю-

чается непосредственное сознание независимости отъ меня, самостоятельности въ отношеніи меня, короче—непосредственное „сознание объективности“ ¹⁾.

Надобно тотчасъ же замѣтить, что объективность не слѣдуетъ смѣшивать съ транссубъективностью. Моя собственная дѣятельность, если она становится объектомъ моего знанія, напр. если я вспоминаю свою выдумку о памятникѣ Петра, стоитъ передо мною какъ что-то такое, чего вычеркнуть нельзя, что принуждаетъ меня признать себя и такимъ образомъ объективно связываетъ меня въ актѣ сужденія ²⁾.

Живое и непосредственное руководство актами мышленія на пути къ истинѣ принадлежитъ описанному сознанию объективности и субъективности, а вовсе не закону тождества, противорѣчія или исключеннаго третьяго, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшихъ главахъ. Этотъ критерій истины дѣйствительно можно назвать живымъ и непосредственнымъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто онъ исключаетъ всякую возможность заблужденія. Изъ приведеннаго примѣра видно, что одно и то же явленіе въ одномъ отношеніи можетъ переживаться съ сознаниемъ субъективности, а въ другомъ отношеніи съ сознаниемъ объективности. Поэтому чтобы придти къ истинѣ, нужно подвергать сложные комплексы дѣйствительности глубокому дифференцированію: только утонченныя различенія показываютъ окончательно, какіе элементы дѣйствительности и въ какой связи имѣютъ объективное значеніе. Эта работа такъ трудна, что первоначально истина всегда высказывается въ грубомъ смѣшеніи съ ложью, и весь процессъ развитія науки есть процессъ очистки отъ лжи путемъ дифференцированія объектовъ, руководимаго сознаниемъ объективности.

II. Сужденіе.

Познавательная дѣятельность приводитъ всегда къ истинѣ или къ лжи. Въ какой же формѣ выражается истина или

1) Липпсъ «Основы логики», перев. Лосскаго, стр. 6.

2) См. Липпсъ, тамъ же, стр. 11 с.

ложь? Въ формѣ сужденія, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ логика. Но если такъ, то это значитъ, что представленія, понятія и даже умозаключенія, служа выразителями истины или лжи, должны быть сужденіями по существу, хотя бы и модифицированными. Отсюда для теоріи знанія возникаетъ задача развить такое ученіе о сужденіяхъ, которое, исходя изъ природы познавательнаго процесса, показало бы что единственная форма, въ которой можетъ выразиться знаніе, есть сужденіе, и разъяснило бы структуру сужденія, въ особенности характеръ связи между субъектомъ и предикатомъ. Эта теорія должна подвергнуть сужденія такому глубокому анализу, чтобы легко охватить всѣ формы суждений безъ исключенія. Мало того, какъ уже сказано, она должна показать, какъ вырастаютъ изъ сужденія тѣ модификаціи его, которыя обозначаются терминами представленіе, понятіе и умозаключеніе. Всѣми этими вопросами мы должны заняться теперь, исходя изъ установленныхъ нами основныхъ признаковъ знанія.

Знаніе есть дифференцированіе объекта путемъ сравненія. Этотъ процессъ неизбѣжно долженъ идти слѣдующимъ путемъ. До акта сравниванія дѣйствительность стоитъ передъ нами, какъ что-то темное, хаотическое. Первые акты дифференцированія обособляютъ въ ней какую-нибудь сторону А, дѣйствительность по прежнему въ цѣломъ остается темною, неясною, но теперь она уже съ одной изъ своихъ сторонъ ясно и опредѣленно характеризуется, какъ А. Эта ступень знанія и до сихъ поръ сохраняется въ языкѣ въ формѣ такихъ выраженій, какъ свѣтаетъ, моросить, смеркается и т. п. Дальнѣйшіе акты дифференцированія принимаютъ слѣдующій видъ: нѣчто темное, но уже опредѣлившееся съ одной изъ сторонъ, какъ А, опредѣляется дальше, какъ В; нѣчто опредѣлившееся, какъ А, В, опредѣляется дальше, какъ С и т. д.; напр., я иду по лѣсной дорожкѣ и замѣчаю: что-то маленькое перебѣжало черезъ дорогу; что-то маленькое, перебѣжавшее черезъ дорогу, запищало и т. д. Каждый такой актъ дифференцированія заключаетъ въ

себѣ тѣ три элемента, которые считаются необходимыми для сужденія; субъектъ, предикатъ и отношеніе предиката къ субъекту. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ актѣ дифференцированія путемъ сравненія долженъ быть исходный пунктъ для дифференцированія: темная дѣйствительность, еще совсѣмъ неопознанная и потому невыраженная никакимъ словомъ, или же въ болѣе сложныхъ актахъ знанія, темная, но уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дифференцированная дѣйствительность. Въ актѣ дифференціаціи изъ этой дѣйствительности обособляется нѣкоторая новая ея сторона, и сознается она именно, какъ сторона, какъ элементъ дѣйствительности, подвергнувшейся дифференцированію, такъ что между исходнымъ пунктомъ дифференціаціи и продуктомъ ея сохраняется живая, тѣсная связь, отношеніе болѣе глубокое, чѣмъ простая послѣдовательность во времени. Отсюда ясно, что процессъ знанія, *какъ процессъ дифференцированія путемъ сравненія*, неизбѣжно выражается не иначе, какъ *въ формѣ сужденія*, и этимъ *генезисомъ сужденія* вполнѣ объясняется структура его, т. е. неизбѣжная наличность въ немъ трехъ элементовъ субъекта, предиката и отношенія между субъектомъ и предикатомъ. Изъ сказаннаго нетрудно даже извлечь точное опредѣленіе понятій субъекта и предиката, такъ что мы его и приводить не будемъ. Мало того, здѣсь есть всѣ данныя для опредѣленія сужденія, но мы его теперь еще не дадимъ: оно будетъ развито позже въ связи съ оцѣнкою другихъ существующихъ въ наукѣ опредѣленій сужденія. Только связь между субъектомъ и предикатомъ намѣчена здѣсь еще слишкомъ неопредѣленно; подробнымъ разсмотрѣніемъ ея мы займемся въ слѣдующей главѣ.

На первый взглядъ кажется, что субъектомъ развитого сужденія служитъ дифференцированное представленіе или понятіе съ ограниченнымъ, точно опредѣленнымъ содержаніемъ. На дѣлѣ это невѣрно. Субъектомъ сужденія служитъ всегда темная, неисчерпаемая, неизвѣстная намъ дѣйствительность, но въ высоко развитомъ сужденіи она обозна-

чается при помощи какого-либо представления, въ которомъ отмѣчены стороны этой дѣйствительности, уже дифференцировавшіяся въ предыдущихъ актахъ знанія, и потому легко можетъ показаться, будто именно это представление, какъ дифференцированное переживаніе, есть субъектъ сужденія. Объ этомъ несовпаденіи между субъектомъ сужденія и представленіемъ субъекта подробно говоритъ М. И. Каринскій въ своемъ сочиненіи „Классификація выводовъ“. — „Истиннымъ субъектомъ сужденія, — говоритъ Каринскій, — всегда служитъ неопредѣленно мыслимый предметъ, о которомъ всегда предполагается, что его содержаніе никакъ не исчерпывается сполна тѣмъ свойствомъ, какимъ онъ характеризуется въ подлежащемъ. Этотъ неопредѣленно мыслимый предметъ ставится въ сужденіи нашею мыслию въ качествѣ нѣкотораго X, чего-то такого, что въ предѣлахъ этого сужденія остается неисчерпаннымъ со многихъ сторонъ и что можетъ быть исчерпано сполна въ своемъ содержаніи лишь въ цѣломъ рядѣ сужденій. Определенное представление, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, имѣетъ свою цѣлью только указать на этотъ предметъ, только сдѣлать, такъ сказать, намекъ на то, на что направлена мысль, чему намѣреваются приписать извѣстное опредѣленіе. Подлинный смыслъ сужденій всегда таковъ: предметъ, который ближайшимъ образомъ характеризуется для насъ такою-то совокупностью признаковъ (то-есть, тѣми представленіями, которыя непосредственно соединяются съ терминомъ подлежащаго), имѣетъ кромѣ того еще такіе-то признаки (соединяемые непосредственно съ терминомъ сказуемаго). Определенное представление, соединяемое непосредственно съ терминомъ подлежащаго, составляетъ въ сущности только часть содержанія предмета“. „Этимъ отчасти объясняется, почему мы отлично понимаемъ другъ друга при взаимной передачѣ мнѣній о предметахъ, тогда какъ термины, обозначающіе предметы, часто вызываютъ далеко несходныя представленія у различныхъ людей. Важно не то, что одинъ съ терминомъ „человѣкъ“ непосред-

ственно соединяетъ представленіе о разумно-нравственномъ существѣ, другой—неизвѣстный видимый образъ, что даже этотъ образъ очерчивается далеко не тождественно въ представленіи различныхъ людей, напримѣръ, въ мысли зрячаго и слѣпого; важно не то, что мѣтка оказывается не одинаковой; взаимное пониманіе вполне обеспечено, если разные мѣтки указываютъ на одни и тѣ же предметы, на одну и ту же неопредѣленную полноту содержанія, изъ которой онѣ взяты для ея же характеристики, такъ какъ въ сужденіи ей именно приписывается опредѣленіе, а не тому опредѣленному понятію, которое соединяется съ терминомъ подлежащаго¹⁾.

Къ сожалѣнію однако, М. И. Каринскій, по нашему мнѣнію, не использовалъ во всей полнотѣ этого ученія о субъектѣ сужденія. У насъ это ученіе непосредственно вытекаетъ изъ того, что сама дѣйствительность, сама жизнь служить субъектомъ сужденія, а также изъ того, что знаніе возникаетъ на почвѣ этой жизни путемъ медленнаго процесса дифференцирующаго сравниванія. Поэтому развитое выше ученіе о субъектѣ сужденія должно лежать въ основѣ рѣшенія многихъ проблемъ.

Нетрудно представить себѣ, какимъ образомъ изъ послѣдовательныхъ актовъ дифференцированія, выражающихся въ формѣ сужденія, возникаютъ представленія и понятія. Положимъ, благодаря первому акту дифференцированія мы узнали, что (нѣчто) есть „S“, во второмъ актѣ мы уже узнаемъ, что „S есть P“, въ третьемъ—„SP есть M“ и т. д. Иными словами, дифференцированные продукты предыдущихъ сужденій мыслятся, какъ одинъ компактный комплексъ элементовъ S, SP, SPM на фонѣ недифференцированнаго остатка.

Комплексы дифференцированныхъ элементовъ, образовавшіеся изъ сужденій, въ свою очередь становятся элементами новыхъ болѣе сложныхъ сужденій. Всякій такой ком-

¹⁾ Каринскій. Классификація выводовъ, стр. 88 с.

плексъ, какъ происшедшій изъ своего рода сгущенія сужденій, можетъ быть опять разложенъ на сужденія. Но, конечно, не всегда образованію такого комплекса предшествуютъ ясно выраженные акты сужденія: иногда дифференцированные элементы сразу образуютъ комплексъ представленія, не пройдя черезъ отчетливо выраженную форму сужденія. Поэтому о представленіяхъ (и понятіяхъ) можно сказать, что они суть *переразвитые или недоразвитые, а потому сокращенные комплексы суждений*. Напр., въ сужденіи „этотъ высокій худощавый человѣкъ очень похожъ на моего брата“ представленіе „этотъ высокій худощавый человѣкъ“ есть комплексъ недоразвитыхъ или переразвитыхъ сужденій „это — человѣкъ“, „этотъ человѣкъ — высокъ“ и т. д. Единственное возраженіе противъ этихъ соображеній можетъ быть такое: въ сужденіи есть всегда истина или ложь, между тѣмъ какъ въ представленіи, напр. въ построеніяхъ фантазіи нѣтъ ни истины, ни лжи. Доля правды, кроющаяся въ этомъ возраженіи, будетъ указана позже.

Всѣ ли сужденія охватываются ученіемъ о сужденіи, какъ объ актѣ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравненія? Прежде всего является вопросъ, какъ отнестись къ сужденіямъ, повидимому не заключающимъ въ себѣ всѣхъ трехъ необходимыхъ элементовъ акта дифференцированія: субъекта, предиката или отношенія между ними. Таковы вопросительныя, безсубъектныя и экзистенціальныя сужденія. Вопросы не требуютъ особаго изслѣдованія: уже давно принято считать ихъ не сужденіями, а только зачатками сужденій. Въ нихъ дается субъектъ будущаго сужденія, т.-е. исходный пунктъ для дальнѣйшей дифференціаціи, и ставится задача произвести эту дифференціацію, т.-е. найти предикатъ. Болѣе интересны для насъ безсубъектныя сужденія, въ родѣ „свѣтаетъ“, „гремить“ и т. п. Они не только не составляютъ затрудненія для нашей теоріи, но даже требуются ею: первые акты дифференцированія должны

1) См. Липиць, Основы логики, стр. 280.

относиться къ чему-то совершенно еще неясному и потому невыразимому съ помощью языка. Предикать этихъ суждений, единственный отчетливо дифференцированный въ нихъ элементъ, не долженъ непременно выражаться глаголомъ. Какое угодно слово можетъ играть эту роль, это видно, напр., изъ такихъ выражений дѣтскаго языка, какъ „бо-бо“ (больно). Надобно однако замѣтить, что эти сужденія только по своей словесной формѣ даютъ право на названіе безсубъектныхъ. По своему интеллектуальному содержанію ни одно сужденіе не можетъ быть вполнѣ лишено субъекта; отсюда не составляютъ исключенія также сужденія „свѣтаетъ, гремитъ“ и т. п.: въ нихъ субъектомъ служить или весь находящійся передо мною міръ, или неопредѣленная часть его, которая потому и не указывается, что она не опредѣлена точно. Отсюда понятно, что по мѣрѣ развитія языка и знаній, количество безсубъектныхъ суждений, съ одной стороны, уменьшается, а съ другой стороны, еще болѣе возрастаетъ: вмѣстѣ съ возрастающею точностью оцѣнки знанія мы отказываемся отъ прежнихъ опредѣленныхъ субъектовъ и выражаемся такъ, чтобы показать, что субъектъ не можетъ быть точно указанъ. Таковы выраженія „громомъ убило“, „мнѣ не вѣрится“, „ему не сидится“ (непроизвольность, а потому и невозможность отнести эти состоянія къ я), „въ комнатѣ душно“ и т. п. ¹⁾ Такимъ образомъ мы вовсе не вступаемъ въ противорѣчіе съ представителями языкознанія, утверждающими, что „съ теченіемъ времени число безсубъектныхъ оборотовъ все растетъ—и чѣмъ ближе подвигаемся къ современному состоянію языковъ, тѣмъ ихъ все больше и больше; наконецъ, въ настоящее время новые языки, можно сказать, переполнены безсубъектными формами всевозможныхъ оттѣнковъ и ступеней безсубъектности“ ²⁾).

Всего труднѣе на первый взглядъ справиться съ экзистен-

¹⁾ Примѣры взяты изъ соч. проф. Овсянико-Куликовскаго «Синтаксисъ русскаго языка».

²⁾ Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Синтаксисъ, стр. 189.

ціальними сужденіями, типичнимъ примѣромъ которыхъ служитъ сужденіе „Богъ существуетъ“. Однако, по нашему мнѣнію, всѣ затрудненія происходятъ здѣсь лишь отъ того, что изслѣдователи сосредоточиваются на словесной формѣ этихъ сужденій, а не на самихъ мысляхъ, выраженныхъ въ нихъ. Если, слѣдуя словесной формѣ сужденія „Богъ существуетъ“, допустить, что субъектомъ его служитъ понятіе Бога, а предикатомъ бытіе, то тогда дѣйствительно это сужденіе съ трудомъ укладывалось бы въ рамки теорій, какъ мы это покажемъ ниже, рассматривая разныя ученія о сужденіяхъ. Но на дѣлѣ это невѣрно. Сужденіе „Богъ существуетъ“ есть результатъ процесса дифференціаціи, производимаго *не надъ какимъ-то ничто, а надъ нѣкоторою реально-стью*, еще темною для насъ, но уже характеризованною словомъ Богъ и несомнѣнно наличною: мыслить о чемъ-то, чего нѣтъ и что не признано за наличное, никоимъ образомъ нельзя; въ субъектѣ *всякаго сужденія* уже есть признаніе его наличности, какъ исходнаго пункта для дифференціаціи, а потому утверждать *эту* наличность еще разъ въ предикатѣ было бы бессмысленно. Однако, всеобщая наличность всѣхъ объектовъ мысли можетъ быть очень различною въ разныхъ случаяхъ: Богъ можетъ оказаться, напр., или существующимъ только въ творческой фантазіи народа, или обладающимъ самостоятельнымъ трансубъективнымъ бытіемъ, и эти различія въ существованіи объекта могутъ быть предметомъ изслѣдованія. Въ этомъ и состоитъ функція экзистенціальныхъ сужденій: въ нихъ субъектомъ служитъ не вещь, а существованіе вещи, и предикатъ опредѣляетъ точнѣе свойства ея существованія. Выраженный въ точной словесной формѣ смыслъ сужденія „Богъ существуетъ“ таковъ: „Существованіе Бога есть существованіе трансубъективное“ (а не въ фантазіи народа, не въ моей субъективной дѣятельности и т. п.). При такомъ пониманіи экзистенціальныхъ сужденій различія между ними и другими актами дифференціаціи путемъ сравненія оказываются чисто внѣшними.

Есть еще одинъ запутанный вопросъ, объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, легко разрѣшающійся при нашемъ взглядѣ на сужденіе. Запутанность вопроса состоитъ въ томъ, что трудно найти границу, обособляющую аналитическія сужденія отъ синтетическихъ, трудно опредѣлить, подвижна ли она или нѣтъ, трудно найти смыслъ чисто аналитическихъ сужденій и т. п. Всѣ эти проблемы сами собою падаютъ, и въ то же время всѣ кроющіяся въ нихъ недоразумѣнія и неясности выясняются, если признать, что *всѣ сужденія имѣютъ въ одномъ отношеніи аналитическій, а въ другомъ синтетическій характеръ*. Съ этимъ нельзя не согласиться, если признать, что во всякомъ сужденіи „S—P“ субъектъ S есть богатая еще не дифференцированнымъ содержаніемъ дѣйствительность, не исчерпываемая, а только характеризуемая признакомъ S. Отсюда ясно, что всякое даже и самое типичное синтетическое сужденіе въ отношеніи къ недифференцированной части субъекта есть сужденіе аналитическое. Такъ, напр., сужденіе „этотъ высокій худощавый человѣкъ удивительно блѣденъ“ несомнѣнно получается путемъ дальнѣйшей дифференціаціи, т.-е. анализа того субъекта, который первоначально характеризуется для меня, какъ „этотъ (S); человѣкъ (M), высокій (N), худощавый (R)“. Но, съ другой стороны, если всмотрѣться въ формулу этого сужденія „SMNR—P“ и обратить вниманіе не на весь субъектъ, а только на ту его сторону, которая уже опознана и выражена признаками SMNR, то окажется, что сужденіе получилось путемъ синтеза, именно путемъ присоединенія P къ SMNR, которые на P вовсе не похожи, и никакой анализъ не могъ бы изъ нихъ извлечь P.

Точно также типичныя аналитическія сужденія имѣютъ аналитическій характеръ только въ отношеніи къ цѣлому субъекту, а въ отношеніи къ опознанной части субъекта они тоже имѣютъ синтетическій характеръ, и лишь при этомъ условіи имѣютъ смыслъ, а не превращаются въ пустословіе. Такъ, аксіома „цѣлое больше каждой изъ своихъ частей“ имѣетъ характеръ сужденія только въ томъ слу-

чаѣ, если субъектъ „цѣлое“ заключаетъ въ себѣ *въ опознанной формѣ* не количественную оцѣнку, высказанную въ предикатѣ, а только то общее впечатлѣніе, которое заставляетъ насъ называть одно въ отношеніи къ другому частью. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ни одного сужденія, которое не было бы синтетическимъ. Мнѣніе М. И. Каринскаго по этому вопросу вполне совпадаетъ съ нашимъ, какъ и слѣдовало ожидать, имѣя въ виду его ученіе о субъектѣ сужденія. „Даже въ тѣхъ случаяхъ,—говоритъ Каринскій, въ которыхъ опредѣленіе берется изъ числа тѣхъ самыхъ качественностей, которыми характеризуется предметъ („сужденія аналитическія“), оно прилагается вовсе не этимъ качественностямъ, а поставляемымъ неопредѣленно мыслию предметамъ, о которыхъ можетъ быть высказано множество другихъ сужденій и которые, слѣдовательно, представляютъ для нашей мысли неопредѣленную полноту содержанія, предполагаютъ цѣлыя ряды свойствъ и отношеній. Говоря, что тѣла протяженны, мы хотимъ сказать вовсе не то, что въ понятіи тѣла есть признакъ протяженности, а то, что предметы, которые характеризуются признаками, соединенными съ терминомъ тѣло, но которымъ должны принадлежать и многія другія свойства и отношенія, имѣютъ свойство протяженности; называть подобныя сужденія аналитическими можно лишь въ томъ смыслѣ, что для убѣжденія въ ихъ истинности достаточно сослаться на понятіе, непосредственно характеризующее ихъ субъектъ для нашего сознанія, а никакъ не въ томъ, что въ нихъ предикатъ приписывается самому этому понятію“¹⁾. Подобный же взглядъ на сужденія высказываетъ Гегель. Онъ говоритъ, что (діалектическое) „развитіе имѣетъ и *аналитическій* характеръ, поскольку имманентною діалектикою полагается лишь то, что содержится въ непосредственномъ понятіи, и *синтетическій* характеръ, потому что въ понятіи высказанное раз-

1) М. И. Каринскій, Классификація выводовъ, стр. 89 с.

2) Hegel, Encyclopädie der philos. Wiss., Logik (2 изд.), § 239, стр. 411 с.

личіе еще не было поставлено“. Замѣчательно, что самъ Кантъ, въ теоріи знанія котораго дѣленіе сужденій на синтетическія и аналитическія играетъ такую важную роль, близокъ былъ къ тому, чтобы считать всѣ сужденія синтетическими, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ Прологоменахъ ¹⁾.

Итакъ, всякое сужденіе есть *анализъ* неопознанной стороны субъекта, но въ отношеніи къ опознанной сторонѣ субъекта всякое сужденіе есть *синтезъ*. Для оцѣнки основаній науки, именно опредѣленій и аксіомъ, эти свойства сужденій окажутся очень важными.

III. Ученія о сужденіи.

Разсмотрѣвъ разныя формы сужденій, мы можемъ теперь опредѣлить понятіе сужденія и сопоставить свое опредѣленіе съ другими опредѣленіями и ученіями. Согласно нашимъ взглядамъ, *сужденіе есть отдѣльный актъ дифференціаціи объекта путемъ сравненія*. Въ этомъ опредѣленіи почти повторяется опредѣленіе знанія. Такъ и должно быть. Знаніе осуществляется не иначе, какъ въ актахъ сужденія, оно во всемъ своемъ объемѣ есть не что иное, какъ комплексъ сужденій; слѣдовательно, если знаніе есть дифференцированіе дѣйствительности путемъ сравненія, то сужденіе есть отдѣльный актъ этого дифференцированія, и все то содержаніе, которое кроется въ понятіи этого дифференцированія, содѣйствовало и будетъ еще дальше содѣйствовать нашему дальнѣйшему изслѣдованію вопроса ²⁾.

Всякое содержаніе дѣйствительности можетъ подвергнуться дифференцированію путемъ сравненія, а потому всѣ ученія, согласно которымъ только нѣкоторыя стороны дѣй-

¹⁾ См. Прологомены, перев. Соловьева, стр. 23 с.

²⁾ Въ «Основахъ логики» Липпса сужденіе также опредѣляется, какъ «отдѣльный актъ знанія» (стр. 20), но Липпсъ не далъ содержательнаго опредѣленія понятія знанія, а потому это опредѣленіе сужденія не пригодилося ему; въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ замѣнилъ его другимъ опредѣленіемъ, которое мы и разсмотримъ позже.

ствительности выражаются въ сужденіи, односторонни. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. ученія о томъ, что сужденіе есть отношеніе между понятіями, именно уравненіе между понятіями или процессъ сравненія понятій и т. п., совсѣмъ даже не имѣютъ въ виду самого живого процесса сужденія; они берутъ сужденіе, какъ уже законченный совершившійся фактъ, находятъ въ немъ два элемента, субъектъ и предикатъ, и отмѣчаютъ тѣ отношенія этихъ элементовъ, которыя могутъ быть установлены между ними, когда они уже даны. Эти ученія подвергнуты уже обстоятельной отрицательной критикѣ, напр. въ „Системѣ логики“ Милля. Мы займемся поэтому внимательнымъ разсмотрѣніемъ ученія о сужденіи, какъ о выраженіи отношеній не между понятіями, а между вещами.

По мнѣнію Милля, всякое сужденіе есть утвержденіе относительно существованія, сосуществованія, послѣдовательности, связи причины со слѣдствіемъ или сходства явленій ¹⁾. Иными словами, для Милля всякое сужденіе есть или сужденіе о бытіи или сужденіе объ отношеніи между явленіями. Приблизительно такой же характеръ имѣеть ученіе Липпса. Сужденіе вообще онъ опредѣляетъ, какъ „сознаніе объективности или сознаніе принужденія, производимаго представляемыми объектами на процессъ представленія“. Однако, тотчасъ же онъ прибавляетъ, что это опредѣленіе относится также и къ несовершеннымъ актамъ знанія, т. е. къ неполнымъ сужденіямъ, къ которымъ онъ причисляетъ между прочимъ и экзистенціальныя сужденія. Поэтому ему нужно еще опредѣленіе для полныхъ сужденій, т. е. для тѣхъ актовъ знанія, которые фактически почти исключительно изучаются во всякой логикѣ. Это опредѣленіе у него таково: сужденіе есть „сознаніе объективной необходимости сосуществованія или порядка (отношенія) предметовъ сознанія“ ²⁾. Между тѣмъ экзистенціальныя су-

¹⁾ Милль, Система логики, т. I., перев. Резенера, стр. 118.

²⁾ Липпсъ, Основы логики, перев. Н. Лосскаго, стр. 20.

ждения суть лишь „простой актъ признанія представляемаго объекта“ или „сознанія его объективной дѣйствительности“ 1).

Итакъ, согласно этимъ ученіямъ, приходится допустить существованіе двухъ совершенно различныхъ и по *структурѣ*, и по *содержанію* типовъ сужденій, что уже сомнительно. Мало того, отсюда приходится сдѣлать рядъ скептическихъ выводовъ о всей познавательной дѣятельности. Если всякое знаніе выражается въ сужденіи, а всякое сужденіе есть сужденіе о бытіи или отношеніи, то отсюда слѣдуетъ, что вещей мы не познаемъ, онѣ остаются для насъ какими то *x*, *y*, *z* и т. п., о которыхъ мы знаемъ только, что они существуютъ и вступаютъ въ такія-то отношенія другъ къ другу. Милль и Липпсъ не дѣлаютъ этого вывода изъ своего опредѣленія сужденій; въ иной связи и, правда, въ ограниченномъ объемѣ, именно лишь въ примѣненіи къ естественно-научному знанію въ понятіяхъ, такое ученіе о знаніи развито Г. Риккертомъ въ его сочиненіи „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ 2). Это ученіе мы рассмотримъ именно здѣсь, такъ какъ, повторяемъ, оно обязательно для всѣхъ, кто опредѣляетъ сужденіе, какъ утвержденіе относительно бытія вещей или отношенія между ними.

Въ каждомъ сужденіи, дѣйствительно, устанавливается нѣкоторое отношеніе между субъектомъ и предикатомъ и потому понятно, какъ возникли ученія Милля и Липпса. Однако присутствіе отношенія въ каждомъ сужденіи еще не доказываетъ того, что сужденія суть именно сужденія объ отношеніяхъ. Содержаніе знанія въ сужденіи вовсе не ограничивается отношеніемъ предиката къ субъекту, а кроется въ цѣломъ сужденіи. Это особенно становится замѣтнымъ, если разсмотрѣть тѣ случаи, когда сужденіе, какъ это видно изъ вопроса, на который оно отвѣчаетъ, дѣй-

1) Тамъ же, стр. 66.

2) Г. Риккертъ, Границы естественно-научнаго образованія понятій. Перев. А. Водена, стр. 66—97, стр. 164—185.

ствительно и несомнѣнно есть *сужденіе объ отношеніи*. Положимъ, что на вопросъ „каково географическое положеніе Парижа въ отношеніи къ Берлину“ намъ отвѣчаютъ, что „Парижъ лежитъ на юго-западъ отъ Берлина“. Въ этомъ сужденіи субъектомъ служить еще не дифференцированное относительно положеніе Парижа и Берлина, предикатъ дифференцируетъ одну изъ сторонъ этого отношенія, именно показываетъ, что это есть „положеніе въ юго-западномъ направленіи“. Изъ этого примѣра видно что въ сужденіи объ отношеніи субъектомъ служить само обсуждаемое, но еще недифференцированное отношеніе, а предикатъ дифференцируетъ его и, какъ во всякомъ сужденіи, этотъ предикатъ находится въ свою очередь въ нѣкоторомъ отношеніи къ субъекту, но это отношеніе входитъ только, какъ элементъ, въ знаніе, получаемое изъ сужденія, а вовсе не исчерпываетъ и даже не составляетъ существенной стороны его. Изъ этого же примѣра видно, что если субъектомъ сужденія служить вещь, напр., если на вопросъ „какова Вѣна съ эстетической стороны?“ намъ отвѣчаютъ „Вѣна городъ пышный“, то полученное отсюда знаніе есть знаніе о вещи, а вовсе не объ отношеніи.

Когда актъ сужденія совершился, намъ становится лучше знакомымъ, чѣмъ прежде, субъектъ сужденія; онъ теперь лучше извѣстенъ постольку, поскольку мы нашли въ немъ путемъ сравненія новый признакъ, выразившійся въ предикатѣ; предикатъ, будучи одною изъ сторонъ субъекта, находится въ нѣкоторомъ опредѣленномъ и очень важномъ отношеніи къ нему, и вотъ отсюда-то возникаетъ иллюзія, будто знаніе, полученное въ сужденіи, есть только знаніе объ отношеніи. Позже мы рассмотримъ, въ чемъ состоитъ отношеніе между субъектомъ и предикатомъ, и тогда еще яснѣе увидимъ, что оно входитъ въ составъ знанія, полученнаго изъ сужденія, но не исчерпываетъ его.

Впрочемъ, сторонники ученія о томъ, что всякое знаніе есть знаніе объ отношеніи, могутъ утверждать, что они вовсе не имѣютъ въ виду при этомъ отношенія между субъек-

ектомъ и предикатомъ сужденія. Они могутъ утверждать, что самыя вещи, служащія субъектомъ сужденія, оказываются при ближайшемъ разсмотрѣннн не вещами, а отношеніями. Повидимому, таковъ характеръ ученія Риккерта. Согласно этой точкѣ зрѣнія, напр., знаніе о красномъ цвѣтѣ сводится къ знанію объ отношеніяхъ между глазомъ и волнами свѣтового ээира, о длинѣ этихъ волнъ, т. е. ихъ отношеніи къ нѣкоторой величинѣ, принятой за единицу, и т. п. Нужно замѣтить, что въ основѣ этихъ соображеній, быть можетъ, лежитъ смѣшеніе двухъ понятій: обусловленный отношеніями и представляющій собою отношеніе. Въ *конечномъ* мірѣ всякая вещь обусловлена отношеніями ко всѣмъ другимъ вещамъ и въ свою очередь вступаетъ въ отношенія ко всѣмъ другимъ вещамъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто всякая вещь конечнаго міра сама разлагается на отношенія, или будто мы познаемъ только ея отношенія (напр. только отношенія, обусловливающія красный цвѣтъ), а сама она остается для насъ совершеннымъ х. Впрочемъ, мы вовсе не собираемся заниматься изслѣдованіемъ этого вопроса: мы подошли къ нему только для того, чтобы показать, что онъ относится къ области онтологіи, а не гносеологіи. Онъ относился бы къ гносеологіи въ томъ случаѣ, если бы сама структура знанія, какъ сужденія, показывала, что мы можемъ познавать только отношенія, а не вещи. Эту мысль можетъ высказывать лишь тотъ, кто полагаетъ, что знаніе, выражаемое сужденіемъ, сосредоточивается въ отношеніи между предикатомъ и субъектомъ. Какъ только это недоразумѣніе устранено, тотчасъ же становится ясно, что структура знанія, т. е. структура сужденія вовсе не предопредѣляетъ того, что будетъ познаваться въ сужденіи—отношенія или вещи. Въ рамки сужденія могутъ уложиться знанія и о вещахъ, и объ отношеніяхъ, и что именно войдетъ въ эти рамки—это зависитъ уже отъ состава самой дѣйствительности, а не отъ свойствъ познавательной дѣятельности.

Еще болѣе, чѣмъ ученіе о сужденіи, какъ о знаніи отно-

шенія, распространено ученіе о сужденіи, какъ о *сознаніи* объективности переживанія, или же какъ объ *оцѣнкѣ* (признаніи) объективности переживанія. Въ недифференцированной формѣ *оба эти ученія* содержатся во всѣхъ тѣхъ весьма распространенныхъ теоріяхъ, согласно которымъ сужденіе есть актъ утвержденія или отрицанія, актъ высказыванія о бытіи или небытіи и т. п. Отсюда дифференцируются два по существу глубоко различныя ученія о сужденіи: одно изъ нихъ подчеркиваетъ наличность объективности въ сужденіяхъ, *наличность* (или отсутствіе) *бытія*, а другое подчеркиваетъ *практическую* сторону сужденія, элементъ *оцѣнки*, признанія. Къ первому разряду ученій принадлежатъ взгляды Липпса, который опредѣляетъ всѣ и полныя и неполныя сужденія, какъ „сознаніе объективности или сознаніе принужденія, производимаго представляемыми объектами на процессъ представленія“. Такъ же смотритъ на сужденія Ибервегъ, утверждающій, что „сужденіе есть сознаніе объективнаго значенія субъективной связи представленій“ ¹⁾. Зигвартъ въ своей „Логикѣ“ упоминаетъ объ этомъ опредѣленіи и признаетъ, что въ немъ правильно выражена одна изъ сторонъ сужденія ²⁾.

Представителями второго ученія о сужденіи въ наше время можно считать Виндельбанда и Риккерта. Виндельбандъ настаиваетъ на томъ, что сущность сужденія состоитъ не въ соединеніи представленій, а въ оцѣнкѣ этого соединенія ³⁾. Систематически это ученіе развито г. Риккертомъ въ его сочиненіи „Предметъ познанія“. Истина или ложь, говоритъ онъ, существуетъ лишь тамъ, гдѣ есть сужденіе; но сужденіе не есть только сочетаніе представленій, сужденіе впервые возникаетъ тамъ, гдѣ есть практической элементъ утвержденія, признанія, это признаніе есть выраженіе *долженствованія* соединять представленія такъ, а не ина-

¹⁾ Ueberweg, System der Logik, 5 изд., стр. 189.

²⁾ Ch. Sigwart, Logik, 3^т изд., I т. стр., 103.

³⁾ Виндельбандъ, Къ ученію объ отрицательномъ сужденіи, см. перев. Франка въ приложеніи къ „Прелюдіямъ“, стр. 351.

че. Гдѣ есть долженствованіе соединять представленія такъ, а не иначе, тамъ есть предметъ, тамъ есть бытіе. Не бытіе есть основаніе долженствованія въ сужденіи, а, наоборотъ, сужденіе съ его долженствованіемъ есть основаніе бытія.

Оба указанные нами типа ученій заключаютъ въ себѣ долю истины: сужденіе возникаетъ лишь тогда, если переживаніе *сознается*, какъ объектъ, какъ наличное бытіе, и если оно *признается* за объектъ. Мы должны поэтому показать теперь, что въ нашемъ опредѣленіи сужденій элементъ бытія и элементъ признанія бытія были приняты въ расчетъ.

Мы рѣшили, что сужденіе есть актъ дифференцированія объекта путемъ сравненія. Указавъ, что дифференцированію подлежатъ именно объекты, мы этимъ признали ту долю истины, которая кроется въ ученіяхъ о сужденіи, какъ о сознаніи объективности. Но такъ какъ мы полагаемъ, что объектъ знанія самъ находится въ процессѣ сужденія, то остановиться на этомъ элементѣ сужденія мы не можемъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно нашему ученію, „быть объектомъ“ это значить „быть тою наличною дѣйствительностью“, которая еще не опознана, но подлежитъ опознанію въ сужденіи и руководить сужденіемъ въ томъ смыслѣ, что содержаніе сужденія заключаетъ въ себѣ истину постольку, поскольку оно принудительно опредѣляется самимъ объектомъ, а не познающимъ субъектомъ. Такъ какъ всякая наличная дѣйствительность можетъ стать предметомъ сужденія, то отсюда слѣдуетъ, что понятіе объекта и понятіе бытія очень близки другъ къ другу: объектъ есть бытіе въ его отношеніи къ акту сужденія; это—родовое и видовое понятіе. Мало того, на практикѣ всякое *известное* намъ бытіе есть объектъ, слѣдовательно, на практикѣ объемъ видового понятія „объектъ“ совпадаетъ съ объемомъ родового понятія „бытіе“, и если мы все же считаемъ понятіе бытія родовымъ, то это потому лишь, что въ абстракціи мы различаемъ бытіе въ его отношеніи къ акту сужденія и бытіе, не ограниченное этимъ условіемъ.

Итакъ, всякое сужденіе заключаетъ въ себѣ сознаніе на-

личности объекта, однако ни одно суждение не останавливается на этой наличности, а переходит къ распознаванію ея, т. е. къ дифференцированію. Какъ сказано выше, даже и экзистенціальныя сужденія, вродѣ „Богъ существуетъ“, не сводятся и не могутъ сводиться только къ признанію наличности объекта уже потому, что все обсуждаемое безъ всякаго исключенія, но за то и безъ всякаго смысла для цѣлей познанія „есть, существуетъ налицо“: въ экзистенціальныхъ сужденіяхъ не только устанавливается бытіе, но еще и дифференцируется какое-либо свойство этого бытія, напр. транссубъективность.

Практическій элементъ сужденія, признаніе, утвержденіе также упомянуть нами, поскольку мы говоримъ, что *сужденіе есть актъ*. Всякій актъ руководится стремленіемъ къ нѣкоторой цѣли и, поскольку цѣль осуществляется или кажется осуществленною благодаря нашему акту, вся наша дѣятельность и продукты ея сопутствуются чувствованіемъ согласія съ нею, мы санкціонируемъ, признаемъ, утверждаемъ ее. Въ основѣ сужденія лежитъ стремленіе къ истинѣ, т. е., согласно нашему опредѣленію, стремленіе къ такому дифференцированію дѣйствительности, въ результатѣ котораго получились бы чисто объективные образы. Въ этомъ смыслѣ мы вполне согласны съ Риккертомъ, что теорія познанія изучаетъ „знаніе-желаніе“, что „процессъ утвержденія или отрицанія немислимъ безъ воли къ истинѣ“ и что необходимость въ сужденіи выступаетъ, „какъ императивъ, и мы естественно повинемся императиву только тогда, когда хотимъ истины“ ¹⁾. Чтобы рѣзче отмѣтить этотъ практическій элементъ, мы даже готовы ввести въ свое опредѣленіе сужденія нѣкоторое дополненіе, именно упомянуть, что этотъ актъ принадлежитъ познающему субъекту; тогда опредѣленіе приметъ слѣдующій видъ: *сужденіе есть производимый познающимъ субъектомъ актъ дифференцированія объекта путемъ сравненія*“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 153.

Когда Виндельбандъ, Риккертъ и кромѣ того многіе другіе представители логики утверждаютъ, что представленія и сочетанія ихъ еще не заключаютъ въ себѣ истины и лжи и потому вовсе не составляютъ знанія, мы и съ этимъ отчасти согласимся. Всякое представленіе или даже сочетание представленій, если оно есть продуктъ фантазіи, или если оно воспроизводится благодаря дѣятельности памяти безъ участія воли къ знанію, т. е. *воли къ дифференцированію объекта*, не есть высказываемая мною истина или ложь. Но не всегда бываетъ такъ. Каждое представленіе, входящее въ сужденіе, какъ элементъ, есть утверждаемая истина или ложь, есть переработанное или недоразвитое сужденіе (напр. въ сужденіи „этотъ высокій худощавый человѣкъ похожъ на моего брата“, представленіе „этотъ высокій худощавый человѣкъ“ есть недоразвитое сужденіе); точно такой же характеръ имѣетъ всякое воспріятіе, произведенное съ цѣлью воспринять воспоминаніе, произведенное съ цѣлью вспомнить *то, что было*, и т. п. Такія представленія слѣдовало бы называть *объективными* въ отличіе отъ непознавательныхъ представленій.

Однако, наше согласіе съ Риккертомъ дальше указанныхъ пунктовъ не идетъ. Признать первенствующее значеніе за элементомъ утвержденія въ сужденіи мы не можемъ. Правда, пока мое утвержденіе не послѣдовало, я еще не высказалъ ни истины, ни лжи; однако изъ этого не слѣдуетъ, будто мое утвержденіе *создаетъ* истину или ложь: оно только дѣлаетъ меня *отвѣтственнымъ* за то, что я присоединяюсь къ истинѣ или лжи. Иными словами, въ процессъ возникновенія сужденія мы различаемъ слѣдующія стадіи: мы хотимъ опознать безконечную по содержанію наличную дѣйствительность съ какой-либо изъ ея сторонъ (напр. рассматриваемъ потемнѣвшій обугленный стволъ дерева, удивляясь ненормальному цвѣту его) и приступаемъ къ ней, какъ къ объекту, который подлежитъ дифференцированію путемъ сравненія. Если во время акта опознанія намъ кажется, что наша дѣятельность протекала успѣшно, т. е. если намъ

кажется, что мы дифференцировали именно объект, не примѣшивая къ нему ничего посторонняго, то, получивъ продуктъ дифференціаціи (напр. сужденіе „стволь дерева обугленъ“), мы признаемъ его соотвѣтствующимъ своей цѣли и прекращаемъ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи, такъ какъ у насъ есть уже готовый результатъ. Въ большинствѣ случаевъ *согласіе съ результатами акта* опознанія такъ тѣсно сплетено съ *самимъ этимъ актомъ*, что оно не высказывается отдѣльно, и потому оно, какъ и вся волевая сторона нашей жизни, съ трудомъ поддается изученію. Однако путемъ сравненія съ другими волевыми актами, въ которыхъ разныя стадіи процесса дифференцированы, можно выяснитъ также и значеніе различныхъ стадій акта сужденія. Это сравненіе легко можетъ показать, что истина или ложь заключаются уже въ продуктѣ дифференцированія, независимо отъ того, соглашаюсь ли я съ нимъ или нѣтъ, но она становится *моею* истиною или ложью только съ того момента, когда я признаю, что продуктъ моей дѣятельности *удовлетворяетъ меня*. Такъ, въ игрѣ въ шахматы, если мы обдумываемъ планъ, который долженъ неизбѣжно привести противника къ мату и дѣлаемъ примѣрные ходы то ту рою, то конемъ, каждый изъ этихъ ходовъ уже заключаетъ въ себѣ или осуществленіе или неосуществленіе цѣли, но только съ того момента, когда я ставлю одну изъ этихъ фигуръ, говоря „я иду“, я санкціонироваль этотъ актъ и отвѣчаю за него.

Отсюда мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы. Въ сужденіи есть *практической элементъ* въ формѣ признанія, но не онъ дѣлаетъ сужденіе истиннымъ. Онъ не обладаетъ творческимъ характеромъ и не вводитъ въ сужденіе, какъ знаніе, ничего новаго. Для жизни познающаго субъекта, а также для характеристики его индивидуальности эта завершительная стадія акта сужденія имѣетъ огромное значеніе, но для гносеологии она интересна только постольку, поскольку выводитъ за предѣлы самой себя и даже за предѣлы познающаго субъекта. Въ самомъ дѣлѣ, признаніе есть актъ познающаго

субъекта; этот акт может быть или свободнымъ, или вынужденнымъ извнѣ. Но только въ томъ случаѣ, если въ этомъ актѣ чувствуется принужденіе извнѣ, и при томъ не откуда угодно, а со стороны *содержанія* сужденія, этотъ актъ есть актъ утвержденія истины. Слѣдовательно, истина характеризуется не тѣмъ, что *я признаю ее*, а тѣмъ, что она, какъ что-то внѣшнее по отношенію къ моему я, обязываетъ меня, вынуждаетъ меня признать себя. Поэтому гносеология должна интересоваться не актомъ признанія, а тѣми свойствами самого содержанія сужденія, благодаря которымъ сужденіе заставляетъ меня признать себя. Но мы знаемъ, что содержаніемъ сужденій служатъ объекты, а объекты суть не что иное, какъ сама наличная дѣйствительность, само наличное бытіе въ его отношеніи къ сужденію. Слѣдовательно, вопросъ принимаетъ слѣдующую форму: благодаря какимъ свойствамъ наличное бытіе принуждаетъ познающаго субъекта признать себя? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы тотчасъ же замѣтить, что въ немъ данъ уже и отвѣтъ, если принять основныя положенія нашей теоріи знанія. Согласно этой теоріи познаваемая дѣйствительность не копируется, не воспроизводится судящимъ субъектомъ, а сама находится налицо въ актѣ сужденія, входитъ сама въ содержаніе этого акта; эта *наличность бытія* и есть то, что заставляетъ познающаго субъекта признать бытіе; если познающій субъектъ хочетъ истины, т.-е. познанія бытія, то онъ долженъ признавать только то, что ему дано въ интуиціи, что *есть налицо* и потому обязываетъ признать себя. Сама по себѣ эта мысль проста и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій, но такъ какъ она принадлежитъ къ числу центральныхъ пунктовъ гносеологии, то въ связи съ нею возникаетъ рядъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія.

Мысль, что истинность сужденія основывается на наличности бытія, принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ. Она лежитъ въ основѣ всѣхъ ученій, утверждающихъ, что истинное знаніе есть то, которое *сообразуется* съ

дѣйствительностью. Однако въ этихъ теоріяхъ она комбинируется съ компрометирующею и прямо уничтожающею ее предпосылкою разобщенности бытія и знанія, т.-е. трансцендентности знанія. Въ самомъ дѣлѣ, если истинное знаніе состоитъ въ *соответствіи* между представленіемъ и бытіемъ, то это значить, что въ представленіи нѣтъ наличности познаваемого бытія, представленіе есть *только* представленіе, а наличное бытіе находится гдѣ-то внѣ интеллектуальныхъ процессовъ. Какимъ же образомъ при этихъ условіяхъ бытіе можетъ стать критеріемъ истинности и потому необходимости сужденія? Какое бы сужденіе мы ни взяли, то, что *въ немъ есть*, не есть само познаваемое бытіе, слѣдовательно, если ужъ искать критерія, то скорѣе въ обратномъ направленіи: наличная въ сужденіи обязательность признанія есть критерій бытія. Но этого мало, на этомъ пути послѣдовательно приходится придти къ еще большому развѣнчанію бытія. Критическая философія показала, что трансцендентное знаніе невозможно, а потому если даже и допустить, что наличная въ сужденіи обязательность признанія есть критерій бытія, то все же изъ этого не слѣдуетъ, будто она есть критерій бытія трансцендентнаго: то, что есть во мнѣ, никакъ не можетъ быть абсолютнымъ ручательствомъ въ пользу того, что находится внѣ меня и не дано мнѣ. Отсюда слѣдуетъ, что бытіе, о которомъ мы узнаемъ въ сужденіи, есть не что иное, какъ словечко „есть“ въ сужденіи, присоединяемое нами, какъ предикатъ къ тому сочетанію представленій, которое чувствуется, какъ обязательное; это бытіе есть одна изъ *категорій мышленія*: оно не есть содержаніе познаваемого міра, и потому оно не входитъ также въ содержаніе представленій о мірѣ, оно есть только *форма познания* міра. „Я могу, говорить Риккертъ,—представить краски, звуки и т. д., и если я обсуждаю ихъ какъ сущіе, то могу къ нимъ *въ рѣчи* добавить также слово „сущій“, но представляемый *сущій* цвѣтъ и представляемый цвѣтъ абсолютно тождественны. Слово „быть“, слѣдовательно, какъ представленіе не имѣетъ

ровно никакого значенія, или оно какъ представленіе равно ничему, и только какъ составная часть сужденія, т.-е. утверждения или отрицанія, оно вообще пріобрѣтаетъ смыслъ“¹⁾. Риккертъ вкратцѣ формулируетъ эти взгляды слѣдующимъ образомъ: „Развивая эти понятія, мы исходили только изъ того, что мы ничего не можемъ знать о трансцендентномъ бытіи, что намъ ничего больше не дается, какъ содержаніе сознанія и съ нимъ чувство необходимости въ сужденіи, требующее отъ насъ, чтобы мы признали его существующимъ. На двухъ положеніяхъ, что процессъ сужденія не есть процессъ представленія, и что „бытіе“ пріобрѣтаетъ смыслъ только какъ составная часть сужденія, основывается все наше изложеніе. Во всякомъ случаѣ, мы стремимся къ полному перевороту въ общераспространенномъ взглядѣ на познание, по которому процессъ сужденія долженъ сообразоваться съ бытіемъ, но мы стремимся къ перевороту только потому, что обычное мнѣніе догматично и метафизично. Мы ничего не знаемъ о бытіи, которое есть, не подвергая его обсужденію какъ сущее, и никто ничего объ этомъ не знаетъ, если онъ спроситъ себя серьезно, потому что какъ бы онъ могъ знать, не обсуждая, и какъ онъ могъ бы разсуждать, не признавая при этомъ долженствованія? Поэтому мы не можемъ сказать, что такъ должно разсуждать, какъ оно есть въ дѣйствительности, но мы должны обратить это положеніе и утверждать, что дѣйствительно только то, что должно обсуждаться какъ сущее, что, стало быть, логически первоначально долженствованіе, а не бытіе“²⁾.

Основываясь на первой части этого сочиненія, мы утверждаемъ, что взгляды Риккерта находятся по существу въ глубокомъ родствѣ съ ученіями, имъ оспариваемыми. Они возникаютъ изъ одной общей ложной предпосылки о разобщенности между познающимъ субъектомъ и міромъ. Эта

¹⁾ Риккертъ, «Введеніе въ трансцендентальную философію». Предметъ познания. Перев. Г. Шпетта, стр. 131 с.

²⁾ Тамъ же, стр. 169 с.

предпосылка заставляет предшественниковъ Канта искать критерій истины въ *согласіи* между представленіями субъекта и бытіемъ, находящимся внѣ представленій (т.-е. нигдѣ и никому не даннымъ), а такихъ искушенныхъ во всѣхъ трудностяхъ гносеологіи послѣдователей Канта, какъ Виндельбандъ и Риккертъ, она заставляетъ уже прямо утверждать, что бытіе не есть *предметъ* знанія, что представленія суть только представленія и истинное сужденіе есть не что иное, какъ сочетаніе представленій, руководимое сознаниемъ долженствованія сочетать ихъ ¹⁾, такъ что истина есть согласіе сужденія съ долженствованіемъ построить сужденіе, и потому „если мы хотимъ назвать предметомъ то, съ чѣмъ сообразуется познание, то предметомъ познанія можетъ быть только долженствованіе, которое признается въ сужденіи“ ²⁾.

Наоборотъ, наше ученіе о томъ, что истина есть *наличность* бытія въ сужденіи, а вовсе не *соотвѣтствіе* между знаніемъ и чѣмъ-то находящимся внѣ знанія, не заключаетъ въ себѣ возврата къ докантовской гносеологіи и не находится въ родствѣ съ нею. Скорѣе, наоборотъ, оно приводитъ къ полному преодолѣнію докантовской философіи, потому что освобождаетъ гносеологію, а вслѣдъ за нею и онтологію отъ всего трансцендентнаго въ отношеніи къ знанію. Между тѣмъ ученіе Риккерта, какъ и большинство кантіанскихъ ученій, обнаруживаетъ свое родство съ докантовскою философіею тѣмъ, что, несмотря на всѣ свои старанія, не можетъ отдѣлаться отъ трансцендентнаго. Эта черта чрезвычайно характерна для взглядовъ Риккерта и потому мы остановимся на ней подробнѣе.

Ссылаясь на актъ признанія, какъ на основаніе истины, Риккертъ вовсе не считаетъ этотъ актъ зависящимъ отъ произвола индивидуальной воли субъекта. Къ общеобязательному сужденію актъ признанія можетъ привести только

1) Тамъ же, стр. 128.

2) Тамъ же, стр. 134.

въ томъ случаѣ, если онъ опирается на долженствованіе, на необходимость, связывающую волю субъекта, т.-е. трансцендентную въ отношеніи къ субъекту¹⁾. Итакъ, для обоснованія истины Риккертъ ссылается на нѣчто трансцендентное; однако при этомъ онъ настаиваетъ на томъ, что между нимъ и „реалистами“ (кавычки Риккерта) нѣтъ никакого сходства: реалисты основываютъ истину на трансцендентномъ бытіи, а онъ на трансцендентномъ долженствованіи. Къ сожалѣнію, Риккертъ не выяснилъ одного важнаго пункта, есть ли это начало трансцендентное не только въ отношеніи къ познающему субъекту, но и къ знанію, или же оно имманентно знанію и трансцендентно только въ отношеніи къ познающему субъекту. Разсмотримъ теорію Риккерта при обоихъ предположеніяхъ и начнемъ съ послѣдняго изъ нихъ.

Теорія знанія, имманентная въ полномъ смыслѣ этого слова, должна обосновывать истину только на элементахъ, имманентныхъ процессу знанія. Такой теоріи не можетъ построить Риккертъ, потому что въ ней понятіе бытія не могло бы быть лишь категоріею. Если все имманентно процессу знанія, то проблема обоснованія бытія изъ мышленія, волновавшая кантовскую философію, отпадаетъ: потребность выводить бытіе изъ трансцендентнаго въ отношеніи къ субъекту долженствованія или долженствованіе изъ бытія исчезаетъ; все, и долженствованіе и бытіе, оказывается наличнымъ и въ этомъ смыслѣ сущимъ, представленія перестаютъ быть *только* представленіями, они уже содержатъ въ себѣ бытіе, и рѣчь можетъ всюду и всегда идти не о наличности бытія, а о свойствахъ этой наличности. При этихъ условіяхъ выводить бытіе изъ акта признанія или вообще изъ какихъ-либо сторонъ акта мышленія было бы такъ же странно, какъ выводить красноту или зеленость изъ актовъ мышленія, Риккертъ самъ говоритъ: „Если мнѣ даны, напр.,

¹⁾ Предметъ познанія, стр. 144 с. См. также „Границы естествонаучнаго образованія понятій“, стр. 567.

два цвѣтныхъ пятна, то я могу и съ точки зрѣнія трансцендентнаго идеализма единственно признать, что одно голубое, другое красное. Это голубое и красное во всѣхъ отношеніяхъ невыводимо, или, какъ мы могли бы также сказать, абсолютно ирраціонально, такъ какъ мышленіе въ этихъ опредѣленныхъ содержаніяхъ находить вообще свои границы“¹⁾. Если все имманентно процессу знанія, то эти мысли необходимо продолжить слѣдующимъ образомъ: не только всѣ модификаціи бытія, но и само бытіе вообще ирраціонально, оно дано для мышленія какъ наличность, а не принадлежитъ къ числу его интеллектуальныхъ элементовъ или продуктовъ. Слѣдовательно, долженствованіе не только не можетъ обосновывать бытія, но и само оказывается модификаціею бытія. Поэтому когда Риккертъ говоритъ „мы противопоставляемъ разсуждающему субъекту, какъ предметъ, съ которымъ онъ долженъ сообразоваться, ничто иное, какъ долженствованіе, которое не существуетъ, но дѣйствительно внѣ времени“²⁾, то мы отказываемся понимать, какъ можно быть дѣйствительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не существовать. Находя здѣсь противорѣчіе, мы стоимъ на сторонѣ того реализма и того понятія бытія, которые инстинктивно руководятъ всею наукою и практическою дѣятельностью, но не привели еще къ свободной отъ заблужденій гносеологіи подъ вліяніемъ предпосылки о разобщенности между объектомъ знанія и процессомъ знанія. Риккертъ самъ замѣчаетъ, что такое отношеніе между долженствованіемъ и бытіемъ можетъ показаться страннымъ, и отклоняетъ возраженія слѣдующимъ образомъ. „Если бы мы сказали, что это долженствованіе и его признание все же должно существовать, и поэтому составляетъ только часть дѣйствительности, то это возраженіе основывается только на употребленіи слова бытіе для обозначенія всего обсуждаемаго или подлежащаго обсужденію какъ сущее,

1) Тамъ же, стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 179.

при чемъ оно имѣеть, конечно, такое же значеніе какъ дѣйствительность. Но въ положеніи: долженствованіе и его признаніе есть,—быть только предикатъ сужденія, и кто „быть“ понимаетъ всегда только какъ предикатъ сужденія, не только не долженъ болѣе говорить о трансцендентномъ бытіи, но если онъ допускаетъ, что нѣчто слѣдуетъ мыслить только какъ сущее, тамъ, гдѣ обсуждается, стало быть, признается долженствованіе, то онъ не сможетъ остановиться передъ утвержденіемъ, что *трансцендентное долженствованіе и его признаніе въ понятіи существуетъ раньше, чѣмъ имманентное бытіе*“¹⁾. Этотъ пріоритетъ долженствованія хорошо поясняется также слѣдующимъ заявленіемъ Риккерта: „Допущеніе трансцендентнаго бытія не только не можетъ быть обосновано, но даже если бы его и можно было обосновать, оно не давало бы именно той связи познанія, которую справедливо предполагаетъ реалистъ, хотя ея нѣтъ въ данномъ. Всегда только можно указать, что эта связь возникаетъ благодаря совершающимся въ категоріяхъ сужденія, именно трансцендентное долженствованіе нуждается въ объективности, а не трансцендентное бытіе“.

Риккертъ такимъ путемъ освобождается отъ явнаго непосредственно очевиднаго противорѣчія, но достигаетъ этого дорогою цѣной: оказывается, что его гносеологія соотвѣтствуетъ второму изъ нашихъ предположеній, именно, она опирается на принципъ, трансцендентный не только въ отношеніи къ познающему субъекту, но и въ отношеніи къ знанію. Это видно изъ того, что въ противномъ случаѣ, какъ мы показали уже, риккертское понятіе бытія и долженствованія не согласимы другъ съ другомъ. Это видно также изъ прямыхъ заявленій Риккерта о томъ, что онъ приходитъ „къ метафизикѣ, которая опирается на безусловную обязательность цѣнностей“, хотя прибавляетъ онъ: „хорошо будетъ отдѣлять это метафизическое убѣжденіе

1) Тамъ же, стр. 164 с.

2) Тамъ же, стр. 218.

отъ всякой рациональной метафизики, такъ какъ сверхчувственная реальность никогда не можетъ стать предметомъ нашего знанія, и намъ даже приходится употреблять въ данномъ случаѣ слово „реальность“ въ такомъ смыслѣ, котораго оно вовсе не можетъ имѣть въ наукѣ“¹⁾. Если эта теорія заключаетъ въ себѣ ссылки на трансцендентныя въ отношеніи къ знанію начала, то намъ незачѣмъ подробно разбирать ее, чтобы показать таящіяся въ ней противорѣчія. Вся первая часть настоящаго сочиненія посвящена выясненію того положенія, что познавательный процессъ не только не можетъ дать свѣдѣній, но даже не можетъ и намекнуть о чемъ бы то ни было трансцендентномъ въ отношеніи къ нему. Утверждать, что мы не можемъ знать трансцендентнаго бытія, но можемъ знать о трансцендентномъ долженствованіи, это значить выпутываться изъ затрудненій съ помощью чисто словесныхъ различій. Такой же оцѣнкѣ приходится подвергнуть и заявленія, что трансцендентное долженствованіе не можетъ быть предметомъ *знанія*, но зато оно есть предметъ *необходимой вѣры*. Если познавательный процессъ не можетъ заключать въ себѣ даже и намекъ на что бы то ни было трансцендентное въ отношеніи къ нему, то ясно, что трансцендентное не можетъ быть также и предметомъ *вѣры*.

Въ борьбѣ съ гносеологією, опирающеюся на трансцендентное для знанія бытіе, кантіанцы строятъ гносеологію, опирающуюся на трансцендентное для знанія долженствованіе. На первый взглядъ они строятъ совершенно новое міросозерпаніе; на дѣлѣ, какъ мы старались показать уже въ главѣ о философіи Канта, ихъ взгляды опираются на ту же предпосылку, что и докантовская философія, а потому они неизбѣжно, хотя бы отчасти, приходятъ къ тѣмъ же противорѣчіямъ, что и докантовская философія. Совершенно иной характеръ имѣетъ гносеологія, возвращающаяся опять

¹⁾ Риккертъ, «Границы естественно-научнаго образованія понятій», перев. А. Водена, стр. 611.

къ бытію, но усматривающая критерій истины не въ *согласіи* знанія съ бытіемъ, а въ *наличности* самого бытія въ знаніи. Построить такую гносеологию и не впасть въ солипсизмъ, субъективизмъ и т. п. можно только тогда, когда показано, что бытіе, будучи имманентнымъ знанію, вовсе еще не должно быть имманентнымъ познающему субъекту. Выполнивъ эту задачу въ первой части сочиненія и такимъ образомъ расчистивъ почву для новой гносеологии, свободной отъ неразрѣшимыхъ проблемъ, вытекающихъ изъ предпосылки о разобщенности между бытіемъ и знаніемъ, мы получили возможность развить новое ученіе о сужденіи, какъ о процессѣ дифференціаціи непосредственно усматриваемаго наличнаго бытія вслѣдствіе сравниванія. Теперь мы воспользуемся этимъ ученіемъ для рѣшенія одной изъ самыхъ важныхъ проблемъ гносеологии: мы покажемъ, какимъ образомъ наличность бытія въ знаніи можетъ привести къ необходимости, общеобязательности и всеобщности знанія.

Н. Лосскій.

Предпосылки демократіи.

Искусство соціального прогноза не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя пользуются въ настоящее время особымъ довѣріемъ; но исторія XIX вѣка завѣщала западно-европейскимъ народамъ нѣсколько предположеній объ ихъ будущей судьбѣ, которыхъ не поколебали разочарованія и уроки скептицизма. Эти предположенія основаны уже на слишкомъ очевидныхъ показаніяхъ нашего соціального опыта: они уже стали увѣренностями. Самымъ прочнымъ изъ такихъ предположеній является идея, что будущее развитіе западно-европейскихъ народовъ всецѣло совершится подъ знакомъ демократіи: это слово является какъ бы достовѣрнѣйшимъ лозунгомъ. Мысль представляется большинству нашихъ современниковъ настолько несомнѣнной, что на ряду съ ней можно было бы поставить лишь увѣренность въ будущемъ безостановочномъ развитіи положительнаго знанія. Насколько обширенъ и проченъ тотъ матеріаль, на которомъ строятся эти заключенія? Надо сознаться, онъ внушительнъ и по времени, и по пространству, которое онъ охватываетъ: политическая демократія уже завоевана или предполагается завоеваніемъ завтрашняго дня.

Когда Токвилль въ своемъ гениальномъ анализѣ американской демократіи обращалъ вниманіе современниковъ на неизбѣжность этого процесса, Гизо съ парламентской трибуны еще не колебался характеризовать всеобщее право голоса, какъ бессмысленную утопію, созданную съ агитационными цѣлями. „Никогда не наступитъ день для всеоб-

щаго права голоса,—говорилъ онъ.—Никогда не настанетъ день, когда всѣ человѣческія существа, каковы бы они ни были, могутъ быть призваны къ осуществленію политическихъ правъ“. Этотъ день не заставилъ себя долго ждать, онъ наступилъ на другой день послѣ низверженія іюльской монархіи; всеобщее право, на этотъ разъ не оправдавшее надеждъ его сторонниковъ, не исчезло съ политическаго горизонта Европы; оно сдѣлалось неотъемлемой принадлежностью политическаго устройства Франціи и Германіи. Аристократическая Англія открыла свободный доступъ въ парламентъ и въ мѣстное самоуправленіе рабочему классу: гегемонія джентри, столь характерная для Англійскаго начала XIX вѣка, разрушена до основанія. Всякое неравенство начинаетъ разсматриваться, какъ несправедливость; къ бельгійскому „множественному праву“ (vote plural), обезпечивающему добавочные голоса представителямъ достатка и образованія, относятся, какъ къ институту буржуазному, несовмѣстимому съ духомъ демократіи. Еще смѣлѣе въ организациі политическаго демократіи новыя страны, подобныя Австраліи, которымъ нечего разрушать и можно созидать на дѣвственной почвѣ. Даже юная конституція Японіи потерпѣла существенное измѣненіе: тамъ значительно пониженъ первоначальный цензъ и введено всеобщее пассивное право голоса. Съ каждымъ годомъ широкія массы населенія ложатся все большимъ и большимъ вѣсомъ на чашку политическихъ вѣсовъ.

Эти соображенія вполнѣ подтверждаются, если мы отъ организациі политической власти перейдемъ къ ея дѣятельности, къ ея законодательству. Соціальная политика XIX вѣка быстро и неизмѣнно шла въ направленіи все бѣльшей демократизаціи. Рабочій вопросъ и аграрный вопросъ стоятъ на первомъ мѣстѣ въ программахъ всѣхъ партій, всѣхъ отѣнковъ: консерваторы и либералы, клерикалы и свободомыслящіе не отстаютъ другъ отъ друга въ обѣщаніяхъ направить соціальную заботливость государства на интересы трудящихся массъ. Программа либеральныхъ экономи-

ство, требовавшихъ отъ государства лишь полнаго простора для естественной игры интересовъ и силъ, не способна уже никого привлекать. Надо сознаться, что если существующее въ разныхъ странахъ западной Европы социальное законодательство далеко не даетъ всего, что обѣщаютъ обыкновенно передъ выборами депутаты, то даетъ весьма многое: нормальный рабочий день, страхование отъ несчастій, пенсіи престарѣлымъ, охрану рабочаго труда, заботу о поддержаніи мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, защиту арендаторовъ отъ собственниковъ,—все это и стало и признано нормальными обязанностями государственной власти, и если послѣдняя запаздываетъ съ ними, она быстро встрѣчается съ проявленіями опаснаго недовольства. Никакая партія, никакая группа не можетъ обезпечить себѣ жизнеспособности, если она не считается въ достаточной мѣрѣ съ интересами массъ.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы эти социальнo-закономѣрные процессы разсматривались наблюдателями современнаго общества съ тѣмъ холоднымъ академическимъ безпристрастіемъ, съ которымъ натуралистъ созерцаетъ вѣчные процессы природы. Менѣе всего здѣсь возможно было въ чистотѣ соблюсти завѣтъ Спинозы, убѣждавшаго не плакать и не радоваться, а понимать. Выступленіе массъ на авансцену современной исторіи связывалось съ цѣлымъ рядомъ историческихъ ассоціацій и личныхъ переживаній. Классическое воспитаніе сохранило столько образовъ, воплощавшихъ неприглядныя стороны демократіи; вспоминаются Терситъ и Клеонъ и не освобождается даже великій Перикль отъ упрековъ въ вульгарной демагогіи. Не меньше образовъ даетъ римская древность, а переходя къ болѣе новымъ временамъ демократіи, ее привлекаютъ къ отвѣтственности за жакерію и движеніе лигеровъ, за якобинцевъ и коммуны 1870 г. Создается представленіе объ ея громадной разрушительной силѣ, которой нисколько не соответствуетъ способность къ положительному творчеству.

Навстрѣчу этимъ историческимъ воспоминаніямъ идетъ

и соціологическая наука. Она предостерегаетъ видѣть въ этихъ явленіяхъ нѣчто временное и случайное; по многократно повторявшемуся взгляду ея многихъ представителей не послѣдняго калибра, дѣло лежитъ въ роковыхъ свойствахъ человѣческой толпы, попадая въ которую индивидуумъ обреченъ на ослабленіе умственной жизни и одичанье нравственнаго чувства. Толпа безразсудна и жестока; въ ней сохраняются психологическія переживанія первобытнаго человѣка, которыя давно искоренены въ сознаніи культурнаго индивидуума; толпа, наконецъ, по существу легко становится преступной. А что есть демократія, какъ не господство толпы? И вотъ соціальная наука призываетъ къ суровому отвѣту всѣ учрежденія человѣческаго обществія, такъ или иначе отражающія демократическое начало; она склонна отказывать въ смягчающихъ обстоятельствахъ и парламентаризму, и всеобщему праву голоса, и суду присяжныхъ. Съ крайнимъ скептицизмомъ смотритъ она и на народную школу, отъ которой въ ея глазахъ лишь дилеттантскій оптимизмъ или метафизическій предразсудокъ можетъ ожидать просвѣщенія этой массы. Эти чувства и мысли, разсѣянные во многихъ образцахъ современной соціологической литературы, получили наиболѣе яркое выраженіе у Ренана: грядущая демократія есть грядущее царство Калибана. Сказка великаго поэта изображаетъ его въ рабскомъ служеніи у мудраго Просперо: въ дѣйствительности самъ Просперо будетъ всецѣло зависѣть отъ благосклонности Калибана. Демократія угрожаетъ всѣмъ возвышеннымъ историческимъ воспоминаніямъ, всякой умственной тонкости и оригинальности; но ея гегемонія—несомнѣнный фактъ, и человѣческая культура должна сумѣть ужиться съ ней, какъ она—худо ли, хорошо ли—уживалась, на примѣръ, съ католической церковью.

Много боящихся, много сомнѣвающихъ, но несравненно больше надѣющихся. Обвиненіямъ, которыя высказываютъ противъ массъ историки и соціологи, они противопоставляютъ ту простую истину, что лишь массы являются субъектами

исторического процесса. Свобода и благосостояніе милліоновъ, а не отдѣльныхъ привилегированныхъ группъ, это и есть общечеловѣческая свобода и благосостояніе. Раздавленный безпощадными внѣшними силами рабъ долженъ постепенно обратиться въ человѣка—таковъ нравственный смыслъ исторіи, котораго не долженъ затемнять блескъ аристократическихъ цивилизацій. Всякая декларація правъ, устанавливая принципы человѣческой свободы, должна устанавливать ихъ для всѣхъ. Съ этой точки зрѣнія всякая историческая привилегія осуждена на гибель—не только нивелирующимъ социальнымъ процессомъ, но и растущимъ нравственнымъ сознаниемъ людей: демократія есть не только господствующій фактъ современной жизни, но и незыблемая норма. Когда падутъ социальныя преграды между отдѣльными классами и останется лишь неравенство духовныхъ дарованій, тогда только проявятся массы пропадающихъ во мракъ нужды талантовъ и геніальностей. Поэтому, кто искренно дорожитъ человѣческимъ прогрессомъ, тотъ долженъ привѣтствовать побѣды демократій: эти побѣды возвѣщаютъ невиданный расцвѣтъ духовныхъ силъ въ человѣчествѣ. Важенъ каждый шагъ на этомъ пути и первая необходимость для современнаго государства—это раскрыть широко двери всѣмъ своимъ согражданамъ, дать имъ всеобщее право голоса. Власть должна принадлежать избранныкамъ массъ—ибо какъ иначе она можетъ обезпечивать ихъ интересы?

Какъ ни различны идеи и чувства, которыя лежатъ въ основѣ каждаго изъ этихъ воззрѣній, въ одномъ отношеніи послѣднія сходятся—именно въ признаніи безповоротнаго, такъ сказать, характера за современнымъ демократическимъ движеніемъ. И противникамъ, и защитникамъ демократіи представляется одинаково невѣроятнымъ, чтобы изъ существующей демократіи выросла новая олигархія, чтобы всеобщее право голоса уступило мѣсто узкому цензовому порядку. Это едва ли болѣе вѣроятно, чѣмъ возвращеніе крѣпостного права или цеховой системы. Между тѣмъ, нѣтъ ничего болѣе труднаго для воображенія, чѣмъ представить

себѣ потокъ будущаго текущимъ какъ бы въ противоположную сторону сравнительно съ настоящимъ. Обладаемъ ли мы достаточно долгимъ опытомъ дѣйствія и развитія демократическихъ учреждений, чтобы позволить себѣ съ нѣкоторой увѣренностью прогнозъ? Не вліяетъ ли и на насъ трудность мыслить это противоположеніе существующаго и грядущаго?

Нельзя оспаривать законности этихъ вопросовъ и возможности этихъ сомнѣній. Въ своемъ Опытѣ о народоправствѣ Генри Мэнъ прямо указывалъ, что увѣренность въ будущей прочности демократіи есть совершенный предразсудокъ. Демократическій строй весьма недавняго происхожденія, а относительно прочности его достаточно вспомнить исторію южно-американскихъ республикъ, если не брать избитаго примѣра калейдоскопической смѣны конституцій, которую пережила Франція съ 1789 г. Такихъ доказательствъ внутренней непрочности не давала ни абсолютная монархія, ни феодальная аристократія. И далѣе Мэнъ въ своемъ анализѣ указываетъ на рядъ политическихъ потребностей и необходимостей, съ которыми крайне трудно ужиться демократіи. Во всякомъ случаѣ нельзя одной вѣрой преодолѣть эти сомнѣнія. Историческій опытъ съ несомнѣнностью показываетъ угрожающую близость демократіи и деспотической диктатуры. Нивеллировка общественныхъ группъ подготавливаетъ среду, въ которой власть цезарей не находитъ никакихъ преградъ. Въ политической исторіи Европы плебисцитъ связанъ съ утвержденіемъ не народной свободы, а всемогущества Наполеона I и Наполеона III. Выбитое изъ рамокъ историческихъ традицій общество переживаетъ глубокія нервныя потрясенія, и наступаетъ моментъ, когда за покой и порядокъ оно готово передать и такъ трудно пріобрѣтенное право распоряжаться собственной судьбой. Если къ этому присоединяется блескъ военной славы, обаяніе человѣка, побѣждающаго внѣшнихъ враговъ и въ надеждахъ современниковъ могущаго побѣдить внутреннее неустройство, то опасности для демо-

кратіи безконечно увеличиваются: она дѣлается добычей того, кто захочетъ и сумѣетъ ее взять. Инстинктъ само-сохраненія—индивидуальнаго и групповаго—глубже всѣхъ историческихъ традицій и наслоеній, онъ лежитъ на днѣ человѣческой природы и въ извѣстныя минуты исторіи заглушаетъ все. Вотъ почему не одна болѣзненная мнительность способна видѣть надъ установившимися казалось бы формами демократическаго порядка угрожающій призракъ цезаризма. Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ основателенъ подобный страхъ—это вопросъ о предпосылкахъ прочности демократическаго строя.

Нѣтъ отрасли психологіи, болѣе требующей разработки и менѣе разработанной, чѣмъ психологія общественныхъ состояній, связанныхъ съ той или другой организаціей власти. Различныя политическія сочетанія существуютъ не только какъ типы, подлежащіе изученію государственной науки, но и какъ извѣстныя, переживаемыя каждымъ сочленомъ общества событія. Болѣе глубокое проникновеніе въ эту область можетъ быть дано бы путеводную нить и къ разрѣшенію того таинственнаго и основнаго вопроса о происхожденіи и сущности человѣческой власти, безъ котораго невозможно истинно-научное изученіе политической жизни. Мы не будемъ здѣсь пытаться дать исчерпывающую характеристику психологіи демократическаго общества. Намъ представляется важнымъ лишь выяснить, такъ сказать, то преломленіе, которое претерпѣваютъ въ атмосферѣ демократическаго и демократизирующагося общества потребности и интересы, присущіе современному культурному челоуку. Опредѣляя точки возможныхъ столкновеній съ этими потребностями и интересами, мы подготовляемъ и отвѣтъ на вопросъ объ условіяхъ прочности демократіи.

Въ основѣ демократической концепціи государства лежитъ идея народнаго суверенитета. XVIII в. проявилъ ея разрушительный аспектъ; въ XIX в. она стала созидующимъ

началомъ. Каковы бы ни были теоретическія возраженія противъ этой идеи юристовъ и социологовъ, несомнѣнно съ ней связаны такія могущественныя и глубокія настроенія, что безъ нихъ остается совершенно непонятной жизнь современнаго демократическаго государства. Всякій политическій дѣятель долженъ апеллировать къ этимъ настроеніямъ, онъ не долженъ подавать поводъ къ подозрѣнію, будто онъ не признаетъ права народа руководить собственной судьбой. Самый деспотизмъ старается получить санкцію отъ суверенной демократіи, и въ борьбѣ партій рѣшается вопросъ, кому принадлежитъ полное и неискаженное истолкованіе воли народа-суверена. Эти чувства—соотвѣтствуютъ ли они политической реальности или опираются на фикціи—гораздо несомнѣннѣе и сильнѣе, чѣмъ соответствующая теорія народовластія, и безспорно для демократическихъ учрежденій ихъ наличность является незамѣнимой гарантіей—тѣмъ, что заставляетъ разсматривать государственную форму не какъ нѣчто, наложенное сверху, вызванное игрой исторической случайности. Но безспорно и то, что въ интересахъ самосохраненія демократическаго государства это чувство нуждается въ коррективахъ. Абсолютный суверенитетъ есть абсолютный произволь, прихоть момента; прошлое въ немъ бессильно связать будущее—и такъ какъ для каждой данной минуты настроенія обладаютъ несравненно большей способностью объединять человѣческія массы, чѣмъ мысли, то предѣломъ здѣсь является суверенитетъ общественныхъ настроеній. Исторія афинской демократіи, какъ и исторія французской революціи даютъ примѣры этой лихорадочной измѣнчивости общественныхъ настроеній, при которой какъ будто перестаютъ дѣйствовать задерживающіе центры. Демократическое правительство, болѣе чѣмъ какое-либо другое, испытываетъ подобное психическое зараженіе, которое даетъ отдѣльнымъ настроеніямъ такую непреодолимую импульсивность, и притомъ эти настроенія, какъ внушенныя, могутъ вовсе не отражать истиннаго духовнаго облика народа. Демократія, подобно толпѣ

у тѣла Цезаря, можетъ облечь санкціей своего суверенитета и слова Брута, и слова Антонія.

Коррективъ противъ опасности былъ найденъ среди этихъ самыхъ демократическихъ обществъ: именно тамъ развилась мысль противопоставить всемогуществу сувереннаго государства совокупность защищенныхъ личныхъ правъ. Декларация правъ состоитъ въ несомнѣнномъ противорѣчии съ идеей народнаго суверенитета, но политическое самосохраненіе, не останавливаясь передъ этой формальной непослѣдовательностью, должно стремиться къ ихъ соединенію. Не случайно декларация получила свое первое выраженіе въ американскихъ государствахъ, которыя на дѣлѣ осуществили теорію демократическаго договора. Въ эпоху обсуждения національнымъ собраніемъ правъ „человѣка и гражданина“ высказана была мысль, что не менѣе важна декларация обязанностей, чѣмъ декларация правъ. Сознаніе обязанностей есть безспорно одинъ изъ необходимѣйшихъ устоевъ демократіи— но надо сказать, что права, перечисляемыя въ декларацияхъ, и суть обязанности демократическаго государства—обязанности не переходить извѣстныхъ граней и обезпечить вообще неприкосновенность этихъ граней. Въ постоянной тяжбѣ между государствомъ и индивидуумомъ силы слишкомъ неравны: власть всегда сумѣетъ вынудить у подвластнаго ей сочлена исполненіе своихъ требованій, и напоминаніе объ обязанностяхъ болѣе необходимо для нея, чѣмъ для отдѣльнаго беззащитнаго гражданина.

Исслѣдователи конституціоннаго права неоднократно указывали на тотъ фактъ, что въ новѣйшихъ конституціяхъ декларация правъ часто опускается: она стала слишкомъ общимъ мѣстомъ. Если бы такому теоретическому признанію вполне соотвѣтствовало искреннее проникновеніе общественными началами, провозглашенными въ декларацияхъ, то мы могли бы безъ всякаго опасенія смотрѣть на возрастающее могущество государственнаго механизма въ демократіи. Къ сожалѣнію не всегда такъ бываетъ на дѣлѣ: исторія борьбы съ конгрегациями во Франціи за послѣдніе годы

слишкомъ настойчиво напоминаетъ, какъ трудно для демократіи въ пылу политической борьбы не переступить сферы, защищенной деклараціей правъ „человѣка и гражданина“. И тѣмъ не менѣе im Grossen und Ganzen направление процесса несомнѣнно: деклараціи эпохи Французской революціи еще не знаютъ такого насущнаго права, какъ права собраній и союзовъ: esprit de corps считается слишкомъ опаснымъ для безпрепятственной дѣятельности государственной власти, а не считалось опаснымъ оставить членовъ государственнаго союза беззащитными, не сплоченными передъ лицомъ власти. Измѣнились формы и измѣнились идеи: возрождающееся ученіе объ естественномъ правѣ даетъ философское обоснованіе деклараціямъ, и принципиальное отрицаніе свободы совѣсти и слова, союзовъ и собраній представляется какимъ-то нарушеніемъ политическаго приличія.

Декларація правъ важна для каждого индивидуума; но особенно она важна для „меньшинства“. Именно послѣднему существенна защита свободы его совѣсти отъ возможныхъ посягательствъ господствующаго исповѣданія, свободы его слова — отъ подозрительной недовѣрчивости большинства, свобода собраній и союзовъ, которая одна даетъ возможность сплотиться и не быть раздавленнымъ въ политической борьбѣ. Либерализмъ всегда былъ болѣе свойственъ политическому меньшинству, чѣмъ большинству: сколько исповѣданій, пока за ними стояло меньшинство, выставляло лозунгъ общей для всѣхъ свободы, чтобы, достигнувъ господствующаго положенія, замѣнить его лозунгомъ подавленія всѣхъ иначе мыслящихъ! Между тѣмъ демократія вся построена на идеѣ господства большинства: согласно извѣстному положенію Руссо, остающіеся въ меньшинствѣ не только должны подчиниться волѣ большинства, но должны признать свое заблужденіе: истинная ихъ собственная воля не можетъ противорѣчить общей волѣ! И вотъ одно изъ главныхъ условій прочности демократіи заключается въ томъ, чтобы эта власть большинства не примѣнялась со

всей тираннической полнотой, чтобы у нея были предѣлы. Декларация правъ есть спасительный коррективъ къ сознанию собственнаго суверенитета, присущему всякой демократіи.

Но очевидно права меньшинства не обезпечиваются однимъ хотя бы и самымъ торжественнымъ провозглашеніемъ свободы и правъ гражданина. Та атмосфера, правовая и моральная, которая создаетъ въ данномъ обществѣ автоматическое, такъ сказать, признаніе началъ деклараціи, и является въ концѣ-концовъ высшей гарантіей дѣйствительнаго ея соблюденія, но въ созданіи этой атмосферы играютъ видную роль извѣстныя учрежденія: внѣ-юридическія и юридическія гарантіи подкрѣпляютъ другъ друга.

Новѣйшія демократическія партіи обычно выставляютъ желательнѣйшей формой государственнаго устройства господство единой палаты, избранной всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ и прямымъ голосованіемъ на возможно короткій срокъ. Не говоря о несомнѣнныхъ государственныхъ опасностяхъ однопалатной системы, доказанныхъ всего лучше историческимъ опытомъ Франціи, мы не можемъ не коснуться воззрѣнія, лежащаго, повидимому, въ основѣ этой программы — воззрѣнія, что прочность демократіи связана съ наибольшимъ напряженіемъ, такъ сказать, демократическаго принципа, какъ онъ осуществляется въ системѣ данныхъ учреждений. Между тѣмъ представительство, хотя бы единой палаты, не есть еще самая демократическая форма: далѣе въ этомъ направленіи идутъ плебисцитъ, референдумъ и т. п. Несомнѣнно, демократичнѣе въ республикѣ избирать президента всенароднымъ голосованіемъ, чѣмъ парламентомъ; и однако французская демократія видитъ въ установленіи перваго порядка серьезнѣйшую опасность для собственнаго существованія. Идея однопалатной системы предполагаетъ, что всеобщее право голоса даетъ идеально-чистое отраженіе интересовъ и потребностей наиболѣе крупныхъ общественныхъ группъ, т.-е. именно тѣхъ интересовъ и потребностей, которые болѣе заслуживаютъ удовлетво-

ренія. И здѣсь практика далеко не оправдываетъ теоріи. Представительное собраніе, созданное на основѣ всеобщаго права голоса, вотируетъ мѣры узко-классоваго характера. Германскій рейхстагъ вотируетъ преміи въ пользу кучки крупныхъ аграріевъ, за которыя, въ видѣ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, созданныхъ повышеніемъ пошлинъ, будетъ платить вся народная масса. Да и самое признаніе всеобщаго права голоса, какъ нравственной необходимости, нисколько не требуетъ фанатическаго признанія его непогрѣшимости. Демократическій принципъ требуетъ, чтобы вторая палата не образовывала привилегированной корпорации, чтобы она такъ или иначе восходила къ народному избранію; но самое существованіе ея нисколько не противорѣчитъ сущности демократической идеи. Можно сказать обратно: отсутствіе якобинскихъ посягательствъ на свободу и самостоятельность общественныхъ группъ и союзовъ, отсутствіе крайней централизаціи, почти неизбѣжной при однопалатной системѣ, привлеченіе къ политической жизни разнообразныхъ социальныхъ силъ—все это составляетъ условіе жизненности и прочности демократіи. Къ нимъ же принадлежатъ извѣстныя формы, обезпечивающія данное государственное устройство отъ слишкомъ частыхъ пересмотровъ—тѣмъ болѣе необходимыя, чѣмъ неограниченнѣе власть законодательнаго органа; существованіе судебныхъ гарантій, останавливающихъ исполненіе законовъ, которые нарушаютъ основы государственнаго устройства и т. п. Въ этомъ смыслѣ нельзя достаточно высоко цѣнить дѣятельность американскаго Верховнаго Суда. Вообще вліяніе и авторитетъ судебныхъ учреждений представляется однимъ изъ необходимѣйшихъ устоевъ демократическаго строя. Должно укорениться убѣжденіе, что есть начала, передъ которыми останавливается даже измѣнчивая воля законодателя, что существуютъ основныя формы свободы и неприкосновенности человѣческой личности, на которыя не простирается народный суверенитетъ—и эта мысль должна быть воплощена въ судебной защитѣ этихъ неотчуждаемыхъ

правъ. Наконецъ все вообще, что обезпечиваетъ права меньшинства—пропорціональное представительство, мѣстная децентрализація и т. п. — все это является цѣннымъ для жизненности демократіи, для того, чтобы она не выродилась въ тираннію и этимъ путемъ не дошла до самоуничтоженія.

Не однѣ формы государственнаго устройства должны здѣсь приниматься во вниманіе; содержаніемъ для этихъ формъ является социальная политика, преслѣдуемая даннымъ государственнымъ союзомъ. Совершенно ясно, какія задачи должна преслѣдовать въ демократическомъ государствѣ эта политика. Въ нее должно входить все, что подымаетъ благосостояніе трудящихся массъ и охраняетъ трудъ; идеальной цѣлью является паденіе тѣхъ стѣнъ, которыя отдѣляютъ въ современномъ обществѣ буржуазный и пролетарскій элементъ. Демократическая политика исходитъ изъ предпосылки, требующей обезпечить за каждымъ весь плодъ его труда; она борется поэтому противъ всякихъ эксплуатирующихъ общественныхъ элементовъ; но выше этого права для нея должно стоять другое начало—обезпеченіе за каждымъ условій человѣческаго существованія. Безспорно, послѣднее можетъ явиться для современной демократіи лишь идеальной, регулятивной нормой—но первый шагъ по этому пути сдѣланъ: достаточно указать на законодательство о престарѣлыхъ и нетрудоспособныхъ въ австралійскихъ колоніяхъ.

Итакъ, для социальной политики основнымъ мотивомъ является обезпеченіе интересовъ большинства; но и здѣсь, какъ и въ области организациі политической власти, демократіи угрожаетъ опасность совсѣмъ игнорировать интересы меньшинства. Конечно, въ области матеріальной ихъ никакъ нельзя признать столь же незабываемыми и неотчуждаемыми, какъ въ области духовной, и едва ли кто-нибудь рѣшится въ настоящее время утверждать, что право собственности столь же священное и неотчуждаемое право индивидуума, какъ свобода мысли, совѣсти и т. п. Никакая социальная реформа

въ пользу массъ не можетъ совершиться безъ болѣе или менѣе чувствительныхъ пожертвованій со стороны различныхъ соціальныхъ группъ, всегда составляющихъ меньшинство; тѣмъ не менѣе важно, чтобы, ограничивая исконныя права этого меньшинства, власть всегда сознавала, что она ограничиваетъ ихъ во имя извѣстныхъ высшихъ цѣлей и принимала мѣры къ тому, чтобы общественная группа, затронутая мѣропріятіями, въ возможно меньшей мѣрѣ чувствовала свое право нарушеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, напримеръ, что демократическое государство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ распредѣленію земельной собственности, не можетъ смотрѣть на землю, какъ на простой предметъ купли-продажи. Оно должно содѣйствовать увеличенію площади крестьянской собственности, регулировать арендныя отношенія въ духѣ, благопріятномъ для экономически слабой стороны; оно не можетъ остановиться передъ неприкосновенностью частновладѣльческихъ латифундій, разъ ощущается острая нужда въ землѣ. Но правовой характеръ подобной экспропріаціи требуетъ всегда денежнаго ея эквивалента-выкупа: необходимо принять во вниманіе право землевладѣльца, вложенный имъ трудъ и капиталъ; иначе получается конфискація, а ничто не развиваетъ такого количества ненависти и ожесточенія противъ власти, какъ сознаніе себя жертвой ея произвола. Конечно, размѣры выкупа не могутъ быть предоставлены усмотрѣнію землевладѣльца: онъ долженъ опредѣляться учреждениями, представляющими интересы всего населенія. Выкупъ и есть признаніе стараго права, которое должно уступить хотя и болѣе новому, но высшему, обеспечивающему главные интересы главной массы населенія.

Съ другой стороны соціальная политика демократіи должна носить, такъ сказать, общій характеръ, распредѣляя жертвы по возможности равномерно. Стоя на принципѣ покровительства народному труду, она не можетъ создавать прогрессивнаго рабочаго законодательства и въ то же время ничего не дѣлать для обезпеченія земледѣльческаго клас-

са и обратно: капиталистъ и землевладѣлецъ оба должны нести необходимо матеріальныя жертвы, связанныя съ социальными реформами. Вотъ почему теорія Генри Джоржа, предлагающая государственной власти распорядиться имуществомъ землевладѣльца и оставить нетронутымъ фабриканта, вводитъ въ социальную политику крайне опасное начало. Фактически, конечно, мы постоянно видимъ въ конституціонныхъ государствахъ стоящимъ у руля государственнаго корабля то классъ землевладѣльцевъ, то классъ крупныхъ промышленниковъ, и ихъ интересы являются могущественными опредѣляющими моментами законодательства; но такое классовое направленіе должно быть чуждо демократическому государству, которое не можетъ отступать отъ принципа всеобщаго блага. Лишь такимъ образомъ его социальная политика будетъ опираться на достаточный нравственный авторитетъ, лишь въ томъ случаѣ государственная власть можетъ развить широту почина въ социальномъ творчествѣ и смѣлость эксперимента въ направленіи постепеннаго обобществленія хозяйственной жизни страны. Въ сознаніи имущихъ классовъ укореняется убѣжденіе, что дѣятельность государства лишь слѣдуетъ естественному и неизбѣжному ходу вещей, вводя въ спокойныя и правильныя формы рѣшеніе спора, который иначе могъ бы окончиться лишь столкновеніемъ наличныхъ силъ и насильственной борьбой, внося въ этотъ споръ вѣчныя начала справедливости и достоинства человѣческой личности.

Мы старались показать, какая система правовыхъ понятій и идей должна соответствовать демократическому государству. Ими однако не исчерпываются психологическія предпосылки его прочности.

Неоднократно указывалось на роковое противорѣчіе между демократическимъ строеніемъ общества и его способностью усваивать высшій научный духъ и научное развитіе. „Переберите въ своей памяти,— говоритъ Мэнъ,— великія

эпохи научныхъ открытій и социальныхъ переворотовъ въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ и посмотрите, что случилось бы, если бы всеобщее право голоса существовало въ эти критическія минуты. Всеобщее право голоса, которое теперь изгнало свободную торговлю изъ Америки, конечно, запретило бы механической ткацкій станокъ, механическую молотилку, грегорианскій календарь; оно вернуло бы въ Англию Стюартовъ. Оно изгнало бы католиковъ голосами толпы, которая сожгла домъ и библіотеку лорда Мансфелда въ 1780 г.; оно изгнало бы диссидентовъ голосами толпы, которая сожгла домъ и библіотеку Пристлея въ 1791 г.“ Въ основѣ этого списка лежитъ мысль о недоступности для массъ народа высшихъ умственныхъ операцій и научныхъ методовъ; высокая умственная культура представляется всегда аристократической. Отсюда казалось бы выводъ долженъ вести вовсе не къ отрицанію демократіи, а къ установленію власти „духовной аристократіи“. Гегемонія науки въ человѣческомъ обществѣ не есть гегемонія числа, но она не есть также гегемонія рожденія и состоянія. Если измѣрять цѣнность каждаго общественнаго строя количествомъ шансовъ, которые при немъ выпадаютъ на долю наиболѣе одаренныхъ натуръ, то едва ли можно оспаривать, что демократія въ этомъ смыслѣ есть наилучше приспособленная форма.

Нельзя однако отрицать, что психологіи демократическаго общества присущи извѣстные предрасудки противъ утонченной умственной культуры, какъ и противъ экзотическихъ теченій въ искусствѣ. Есть очевидно мысли и настроенія, которыя не по плечу среднему человѣку, являющіяся для демократическаго общества своего рода „мѣрой всѣхъ вещей“. Непонятное же всегда легко представляется излишнимъ, а излишнее — вреднымъ. Подобный грубоватый утилитаризмъ можетъ являться несомнѣнной опасностью для демократіи въ томъ смыслѣ, что онъ отчуждаетъ отъ нея тонкія умственные организаціи и понижаетъ ея духовный уровень, создавая противорѣчіе между служеніемъ об-

шеству и служеніемъ истинѣ, создавая среди наиболѣе богато одаренныхъ членовъ общества своего рода интеллектуальный аскетизмъ. Поэтому нигдѣ не имѣетъ такой общественной важности уваженіе къ наукѣ и къ духовнымъ благамъ, какъ именно въ демократіи. Для этого прежде всего необходимо гарантировать полную свободу научнаго изслѣдованія и творчества, искореня вредный предрасудокъ, будто существуютъ какія-то ортодоксальныя истины, обладающія монополіей научности. Созданіе такой ортодоксіи составляетъ тяжкій грѣхъ современной социаль-демократіи, который всегда будетъ глубоко ослаблять качественно ея духовныя силы, если она отъ него не избавится.

Свобода изслѣдованія предполагаетъ свободу преподаванія. Извѣстно, какія возраженія, бурныя по формѣ и серьезныя по содержанію, вызываетъ этотъ принципъ въ католическихъ странахъ. Клерикальная опасность толкаетъ демократическое государство къ тому, чтобы наложить свою тяжелую руку на школу и создать государственную монополію. Какія бы неудобства ни вытекали изъ принципа свободы преподаванія, какъ бы онъ ни усиливалъ враждебныя демократіи организациі, самъ по себѣ принципъ этотъ такъ драгоцененъ, что всякое его ограниченіе несомнѣнно хуже этихъ неудобствъ. Менѣе всего приличествуетъ демократіи принимать на себя роль какой-то свѣтской теократіи и опредѣлять, какія научныя истины подлежатъ поощренію и какія—осужденію. Она должна усвоить идею научной относительности, сообразно которой истина вчерашняго дня можетъ сегодня оказываться заблужденіемъ, а истина сегодняшняя можетъ быть разрушена завтра. Вотъ почему она должна предоставить самыя широкія возможности распространенію разныхъ духовныхъ теченій, не давая повода заподозривать собственный нейтралитетъ; это даже важнѣе, чѣмъ матеріальная помощь научному образованію. Можетъ быть, поэтому демократическое государство должно стремиться не столько къ развитію государственной школы съ

неизбѣжно присущимъ ей бюрократизмомъ, сколько всячески поощрять частную инициативу—однако не упуская изъ виду другой великой своей задачи, чтобы ни одинъ членъ общества не вступилъ въ жизнь безъ образовательной подготовки. Требуется великій государственный тактъ, чтобы примирить свободу преподаванія и обязательность обученія: для прочности демократическаго строя, задача эта имѣетъ первостепенную важность. Невѣжественная демократія есть лучшая почва для тиранніи и диктатуры.

Если всякая форма общественной организаціи, кромѣ оцѣнки ея цѣлесообразности, подлежитъ еще суду нравственному, то нельзя не сказать, что для современнаго нравственнаго сознанія демократія имѣетъ великія преимущества передъ другими формами общежитія, построенными на привилегіяхъ извѣстныхъ группъ населенія. Наше чувство шокируется правовымъ неравенствомъ; имущественный цензъ, открывающій доступъ къ политическимъ правамъ, ощущается какъ несправедливость, и недалеко то время, когда политическое неравенство будетъ признаваться за такую же аномалію, какъ неравенство передъ гражданскимъ и уголовнымъ закономъ. Идея демократіи имѣетъ за себя великую нравственную санкцію, въ рядахъ ея защитниковъ находятся тонко-организованныя и чуткія натуры, которыми менѣе всего руководятъ личныя выгоды и оппортунистическія соображенія, и этотъ моментъ имѣетъ громадную важность для прочности демократіи. Еще болѣе чѣмъ нарушеніе права и пренебреженіе образованіемъ угрожаетъ ей потеря нравственныхъ устоевъ, ибо она въ нихъ нуждается больше, чѣмъ какая-либо другая форма человѣческаго общежитія. Въ самомъ дѣлѣ для демократіи недостаточно одно механическое повиновеніе гражданъ государственному закону; отъ нихъ требуется большее, чѣмъ соблюденіе закона, большее, чѣмъ согласованіе съ нормами права, требуется такая степень солидарности и подчиненія своихъ интересовъ общему бла-

гу, которая не может охватываться никакой правовой нормой. Пусть будет признано за каждымъ право на весь цѣликомъ плодъ труда—демократія должна обезпечить нѣчто большее, обезпечить за каждымъ членомъ общественнаго союза условія, достойныя человѣческаго существованія. Нужно, чтобы каждый отказывался въ пользу другихъ отъ части своего дѣла, чтобы строгій учетъ сдѣланнаго и полученнаго смягчался чувствомъ коллективной связи, заставляющимъ переживать чужое лишеніе и страданіе, какъ свое собственное. Лишь при этомъ условіи возможенъ переходъ отъ демократіи политической къ демократіи общественной. Формула Сенъ-Симона „каждому по его способностямъ, каждой способности по ея заслугамъ“, если бы она сдѣлалась закономъ распредѣленія матеріальныхъ благъ въ обществѣ, построенномъ на началѣ социальной справедливости, весьма скоро привела бы къ захвату этихъ благъ болѣе сильными и болѣе одаренными и вновь создала бы общественные классы съ ихъ неравенствомъ, и съ ихъ взаимной борьбой. Природа не знаетъ равенства и установить его можетъ лишь напряженная моральная дѣятельность. Если же вмѣстѣ съ теоретиками социаль-демократіи видѣть въ классовомъ интересѣ послѣдній опредѣляющій стимулъ историческаго хода, то всякое будущее общественное устройство, организованное во имя классоваго интереса, хотя бы и самаго широкаго, явится исходнымъ моментомъ для образованія новыхъ классовъ съ ихъ неравными силами, съ противоположными интересами, и социальная Фемида снова повернетъ колесо общественной жизни изъ „царства свободы“ въ „царство непобѣдимости“. Въ концѣ всей социальной борьбы съ муками и страданіями — *restitutio in integrum*.

Какъ всемогущество народнаго суверенитета требуетъ противовѣса въ созданіи неотчуждаемой области личныхъ правъ, такъ эти послѣднія должны свободно ограничиваться чувствомъ солидарности: область этого чувства всегда шире, чѣмъ область права, и при самомъ широкомъ пониманіи

соціально-правовыхъ задачъ государства нельзя ожидать и даже желать исчезновенія этой разности; только незащищенные внѣшней властью моральныя нормы могутъ служить коррективомъ къ защищаемымъ этой властью нормамъ права, а безъ такового корректива само право рано или поздно подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ конъюнктуръ осуждено на разрушеніе. Индивидуализмъ, отвергнувшій всякое обязывающее начало къ совмѣстной жизни членовъ общества, расчищаетъ путь къ полному отрицанію правъ индивидуума со стороны общества. Демократія невозможна безъ выработки сочленами общественного союза привычки защищать свое право, но она непрочна безъ другой привычки—не использовать этого права до конца. Какъ нравственная основа демократическаго строя глубже справедливости лежатъ чувства симпатіи и состраданія. Мы не можемъ мыслить общество въ стадіи „царства свободы“ иначе, какъ при великомъ, несоизмѣримомъ съ тѣмъ, что есть теперь, развитіи этихъ чувствъ. Иначе даже обобщественное производство не избавитъ отъ появленія новыхъ формъ соціального угнетенія. Утверждать это не значить утверждать вопреки печальному историческому опыту чудодѣйственную силу за увѣщаніемъ и нравственными проповѣдями; это значить лишь признавать, что величайшее экономическое противорѣчіе современной культуры не можетъ быть разрѣшено безъ кореннаго нравственнаго измѣненія человѣческой личности. Объ этомъ менѣ всего слѣдуетъ забывать тѣмъ, кто въ „трезвомъ реализмѣ“ Бернштейна видитъ лишь продуктъ мѣщанской психологіи, угрожающій понизить тонъ и отнять подъемъ у великаго соціальнаго движенія нашихъ дней.

Являются ли моральныя предпосылки конечными, не опираются ли онѣ сами на нѣчто иное? Здѣсь уже мы вступаемъ въ область вопроса о санкціяхъ нравственности. Несомнѣнно одно: стимулы ограниченія личнаго эгоизма—а это послѣднее и является главнымъ жизненнымъ условіемъ для развивающейся демократіи—могутъ быть даны

не въ одной нравственности. Болѣе чѣмъ своимъ ближнимъ человѣкъ на протяженіи исторіи принесъ жертву своимъ богамъ или своему Богу. Безконечно разнообразна психологія этихъ жертвъ—начиная отъ чисто коммерческаго расчета на принципѣ *do ut des*, проявляющагося въ разныхъ жертвенныхъ и молитвенныхъ тарифахъ, которые намъ оставило и семитическое многобожіе, и средневѣковое единобожіе — и кончая тѣми тонкими, неуловимыми чувствами зависимости отъ высшей силы, высшаго разума, высшей любви, которая влекла человѣка къ культу „дальняго“ и къ пожертвованію настоящимъ ради вѣчнаго. Здѣсь мы не должны обманываться внѣшнимъ единствомъ организаціи, формы; какъ сложенъ на примѣръ въ современной католической церкви, которая извнѣ представляется столь цѣльной и единой, кругъ тѣхъ мыслей и чувствъ, на которыхъ она держится. Въ ней мы встрѣчаемся со всѣми оттѣнками религіознаго пониманія — начиная отъ почти первобытнаго фетишизма до самаго одухотвореннаго индивидуализма — но изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ источниковъ вырабатывается одно чувство глубокой солидарности — взглядъ, что личныя силы не принадлежать человѣку, а нѣкоторой высшей и пребывающей организаціи — церкви; дарованія и темпераменты, какъ и матеріальныя богатства — не принадлежать всецѣло ихъ обладателю; они имѣютъ одно назначеніе — расходоваться *ad majorem gloriam Dei* — сколько разнообразное содержаніе ни вкладывается членомъ католической церкви въ слова *gloria Deus*. И надо сознаться, католическая церковь дала высокіе примѣры того, какъ интенсивно можетъ развиваться и чего можетъ достигнуть человѣческая солидарность. Съ этой стороны съ католицизмомъ, какъ организаціей, въ современной Западной Европѣ можно сопоставить лишь социализмъ, въ которомъ Моммсенъ, подводя итоги своего жизненнаго опыта, призналъ, несмотря на все свое съ нимъ расхожденіе, крупнѣйшую моральную силу современной Германіи. Соціально-демократическое движеніе при всемъ своемъ теоретическомъ матеріализмѣ

сильно своимъ религіознымъ подъемомъ, своей вѣрой въ осуществленіе идеала, несомнѣнно выходящаго за предѣлы, доступные утвержденію исторической эмпириі. Инстинктъ духовнаго самосохраненія партіи сказался въ той ожесточенной борьбѣ, которую вызвалъ Бернштейнъ, несмотря на логическую силу своей аргументаціи. Его взглядъ угрожалъ отнять у социаль-демократіи тѣ ея конечныя надежды, безъ которыхъ завоеванія постепенныхъ улучшеній въ жизни мало, слишкомъ мало даютъ жаждущему освобожденія.

Способна ли демократія жить однимъ будничнымъ интересомъ, однимъ развитіемъ дѣйствующихъ другъ на друга силъ? Безспорно, демократическія учрежденія могутъ дѣйствовать и въ той психологической атмосферѣ, которая окружаетъ современное государство, но въ такомъ случаѣ эта формальная демократія едва ли будетъ соотвѣтствовать представленію о демократіи подлинной, гдѣ изъ ея посылокъ выведены всѣ слѣдствія. Не разъ указывалось, что всеобщее право голоса далеко не даетъ тѣхъ результатовъ въ смыслѣ демократическаго представительства, которыхъ отъ него ожидали, что и при немъ торжествуетъ классовая гегемонія и интересы немногихъ въ ущербъ массамъ. На самомъ дѣлѣ нетрудно видѣть, насколько идея равенства, какъ постулатъ политической жизни, мало соотвѣтствуетъ эмпирической дѣйствительности; и едва ли можно дать другое философское обоснованіе этой идеѣ, кромѣ чувства зависимости всѣхъ людей отъ Высшей Силы. Божественное начало возвышается надъ человѣческой жизнью на недостижимую высоту, и въ отраженіи его стираются различія цѣнности бытія каждаго человѣка. Точно также и идея солидарности, другой великій принципъ демократіи, основывается на коллективной связи всѣхъ живущихъ, жившихъ и имѣющихъ жить, возвышающейся надъ смѣной человѣческихъ поколѣній, выводитъ насъ за предѣлы области эмпирической. Для послѣдней не существуетъ ни единства человѣческаго рода, ни единства историческаго процесса—

идея, совершенно справедливо изгнанная из современной исторической науки; но эти идеи существуют в ихъ религиозномъ аспектъ, и въ этомъ смыслѣ имъ предстоитъ великое будущее.

И наконецъ для демократіи необходимо имѣть въ себѣ вѣчный источникъ социальнаго вдохновенія, радости общественнаго творчества. Она необходимо должна ослабить внѣшній стимулъ принужденія и соотвѣтственно усилить внутренніе стимулы свободной работы на счастье и благо общее. Что можетъ дать обоснованіе этимъ стимуламъ, кромѣ напряженнаго и яркаго религиознаго чувства?

Современная Америка представляетъ примѣръ того, что можетъ дать демократіи свободное развитіе религиозной жизни. Много жестокаго и непригляднаго представляетъ американская жизнь, но все-таки нигдѣ не сказывается мощь социальныхъ потенцій религіи, какъ именно здѣсь. И характерно, здѣсь мы совсѣмъ не видимъ той религиозной демагогіи, которая требуетъ, какъ своихъ устоевъ, фанатизма, нетерпимости и суевѣрія. Религиозная исторія Америки представляетъ картину постоянно расширяющейся терпимости; признаны разнообразныя формы и символы, подъ которыми предчувствуется единство содержанія. Здѣсь глубокий контрастъ съ религиознымъ фанатизмомъ, для котораго догма и форма все; послѣдній часто вступалъ въ союзъ съ демократіей, часто принималъ даже идею народнаго суверенитета. Въ самой психологіи этого фанатизма есть несомнѣнно много общихъ чертъ съ представителями политическаго якобинства. Клерикальная демократія въ смыслѣ подавленія личной свободы идетъ впереди даже демократіи якобинской.

Если будущее представляетъ развитіе и углубленіе демократическаго принципа, то и религія будущей демократіи едва ли можетъ быть религіей опредѣленной формы или установленной догмы. Ея связующая сила — въ тѣхъ чувствахъ піетета и благоговѣнія, которыя присущи человѣку передъ Непознаваемымъ, Божественнымъ. И эти чувства

достаточно ярки, достаточно богаты творческими силами, чтобы создать и безконечное разнообразіе символовъ, и формъ. Одухотвореніе человѣческой жизни—вотъ истинная предпосылка начала „царства свободы“; нельзя его себѣ представить безъ религіи, создающей союзъ земного и небеснаго, о которомъ говоритъ апостолъ: „мы ждемъ по Его обѣту новыхъ небесъ и новой земли, въ которыхъ живетъ правда“.

С. Котляревскій.

Критика чистаго опыта.

Такъ называется главное произведеніе Авенаріуса, основателя эмпириокритицизма ¹⁾. Двѣ стороны цѣнятся въ эмпириокритицизмѣ: эмпириокритическій методъ съ построенной этимъ методомъ теоріей познанія и эмпириокритическое міропониманіе. Для полной характеристики эмпириокритицизма необходимо было бы разсмотрѣть совмѣстно обѣ эти стороны, но допустимо и разобшеніе ихъ. И такого разобшенія требоваль самъ Авенаріусъ. Онъ проводилъ различіе между „критикой и системой чистаго опыта“ и „въ цѣляхъ изслѣдованія совершенно разъединилъ ихъ“. Возможность этого разобшенія подтврждается и разнородностью оцѣнки, какую находятъ себѣ указанныя двѣ стороны у послѣдователей Авенаріуса. Нѣкоторые изъ его послѣдователей, придавая большое значеніе его методу, его новому способу постановки философскихъ вопросовъ, сосредоточиваются въ изученіи, дальнѣйшемъ развитіи и популяризаціи его взглядовъ на теоріи познанія; другіе—не признають эмпириокритическаго метода и, относясь къ нему отрицательно, усматривають непреходящее значеніе эмпириокритицизма въ новомъ міропониманіи, которое имъ выработано. Не будетъ противорѣчить ни требованіямъ основателя эмпириокритицизма, ни приемамъ, усвоеннымъ его послѣдователями, если изъ общей системы эмпириокритицизма выдѣлится новую теорію познанія Авенаріуса, ограничиваясь,

¹⁾ *Richard Avenarius.*—Kritik der reinen Erfahrung. I B. Lpzg. 1888. II B. 1890.

по мѣрѣ возможности, воспроизведеніемъ руководящихъ идей „Критики чистаго опыта“.

1. *Боязнь философіи.*—„Критика чистаго опыта“ пользуется славой труднаго произведенія. Жалобы на ея трудность высказывались съ разныхъ сторонъ, въ разной формѣ, вѣжливой и невѣжливой. Одинъ изъ учениковъ Авенариуса называетъ ея „твореніемъ, подобнымъ девятой симфоніи Бетховена, для пониманія котораго нужны поколѣнія“, а по признанію одного критика, ея „не только нельзя читать съ удовольствіемъ, но и совсѣмъ нельзя читать“. Какъ причина многихъ трудностей указывается внѣшняя форма ея, отличающаяся своеобразными, въ общемъ невыгодными, свойствами. Эти свойства въ своей совокупности создаютъ строго выдержанный стиль „Критики“, и такъ какъ онъ имѣетъ нѣкоторыя основанія въ настроеніи автора, то заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Авенариусъ очень боялся философіи. Онъ постоянно боялся подпасть вліянію какой-нибудь философской традиціи, писалъ подъ постояннымъ страхомъ, какъ бы не вышло похоже на какую-нибудь философскую систему. И вотъ, чтобы избѣжать этого, онъ рѣшилъ не пренебрегать никакими средствами, не останавливаться даже передъ мѣрами внѣшняго характера. Этимъ объясняетъ и оправдываетъ Авенариусъ особенности внѣшней формы „Критики“.

Въ цѣляхъ этого онъ рѣшилъ прежде всего оградить себя частоколомъ „особыхъ техническихъ терминовъ“. „Нельзя сказать, чтобы это была пріятная работа,—жалуется Авенариусъ. Но что же, конечно, подѣлаешь: „я предпочиталъ быть совсѣмъ непонятымъ, чѣмъ ложно понятымъ“. Изобрѣтенные имъ термины многочисленны: таутота, гетерота, иденціаль, экзистенціаль, секураль, ноталь, фиденціаль, преваленціаль, коаффеціональ, виртуаль и т. д. Ихъ многочисленность, вычурность вызвали насмѣшки критики. Называли эмпириокритицизмъ шифрованной философией, предлагали составить особый толковый словарь эмпириокритицизма; нашелся критикъ, признавшій обиліе иностранныхъ

терминовъ предосудительнымъ съ патриотической точки зрѣнія, vom vaterländischen Standpunkte aus... Изобрѣсти собственный языкъ казалось Авенариусу недостаточнымъ, и онъ воспользовался другимъ, еще болѣе радикальнымъ средствомъ противъ преждевременнаго воздѣйствія теорій: сталь замѣнять слова съ подозрительнымъ содержаніемъ символами безъ всякаго опредѣленнаго содержанія. Тщательно обходя такія слова, какъ „сознаніе“, „психическій“, онъ ввелъ для обозначенія чего то соответствующаго имъ символъ E, среду обозначилъ символомъ R, питаніе—S, центральный органъ нервной системы—C и т. д. Введеніе символовъ дало возможность составлять формулы, наподобіе алгебраическихъ: $[f(R) + \Gamma] + [f(S) + \Pi] > 0$, $y = f(a, \alpha)$ и т. д. Съ символомъ не всегда связывается во-время наглядное или должное представленіе—обстоятельство, которое не можетъ не раздражать читателя при столкновеніяхъ съ такой символикой. Опасаясь воздѣйствія философскихъ мнѣній, желая стоять во что бы то ни стало особнякомъ, внѣ школь, Авенариусъ не допускаетъ параллелей, принципиально изгоняетъ всякія сопоставленія своихъ приемовъ и точекъ зрѣнія съ другими приемами и точками зрѣнія. Предоставляется самому читателю подыскать удобный подходъ къ новому ученію. Съ помощью особаго метода изложенія, приближающагося къ геометрическому, скрыты неумышленно, но искусно пути, которыми шель авторъ прежде чѣмъ прійти къ принятымъ имъ точкамъ отправленія. Начинается изложеніе съ аксіомъ и подвигается рядомъ теоремъ. Аксіома и теорема мало говорятъ о своемъ происхожденіи. Подлинныя намѣренія автора скрадываются. Въ научномъ разсужденіи узость одѣянія, плотно облегающаго мысли, бываетъ иногда умѣстнѣе пышныхъ фижмъ краснорѣчія; однако, формы геометрическаго метода могутъ оказаться слишкомъ узкими: онѣ связываютъ свободу движеній мысли и вытѣсняють живыя подробности. Необычайно разрастается отдѣлъ примѣчаній, а „тщательнымъ расчлененіемъ“ матеріала вырабатывается схематизмъ, сосре-

доточивающий на себя внимание, отвлекающий его от содержания.

Изъ боязни философіи Авенариусъ пряталъ свои мысли въ такія мало привлекательныя и схоластическія формы. Спрашивается, искупаютъ-ли онѣ своею содержательностью и значительностью свои формы?

2. *Человѣковѣдѣніе*.—Говоря словами сторонниковъ Авенариуса, ему принадлежитъ честь открытія новаго психофизическаго закона необычайной широты, простоты, выраженного въ формулѣ необычайной портативности. Сравненіе съ психофизическимъ закономъ Фехнера здѣсь само собой напрашивается. Законъ Фехнера приближалъ, казалось, къ раскрытію загадочнаго механизма взаимодействія души и тѣла, а законъ Авенариуса, законъ уравненія работы и питанія, даетъ ключъ къ механизму всей дѣятельности человѣка и человѣчества. Въ формулѣ закона Фехнера нельзя обойтись безъ логарифмовъ, а въ формулѣ закона Авенариуса нѣтъ другихъ дѣйствій, кромѣ сложения и вычитанія, сглаживанія лишковъ работы и питанія. Пользуясь простотой своего закона, Авенариусъ построилъ общую механику человѣческой дѣятельности, а благодаря широтѣ его закона, благодаря тому, что область его дѣйствія совпадаетъ съ областью дѣятельности человѣчества, открывается возможность универсальныхъ практическихъ примѣненій законовъ этой механики. Не больше и не меньше, какъ создать универсальное человѣковѣдѣніе входило въ планы Авенариуса.

Теоретическою частью своего человѣковѣдѣнія эмпириокритицизмъ, въ разсматриваемыхъ нами предѣлахъ, соприкасается съ естественными науками о человѣкѣ. Принципы, продиктованные его книгой, были признаны цѣнными для физиолога. Въ своей общей механикѣ человѣческой дѣятельности Авенариусъ далъ, какъ думаетъ одинъ физиологъ, „окончательное и ясное“ представленіе о формальной сторонѣ соответствующихъ процессовъ въ организмѣ. Физиологія человѣка можетъ примкнуть къ его механикѣ, приводя

въ связь съ выводами его формальнаго анализа извѣстныхъ ей фактическія отношенія въ организмѣ¹⁾. Его книга содержитъ основы будущей теоріи живыхъ существъ и „привзвана просвѣтить біологію на счетъ ея методовъ и проблемъ“²⁾. Въ ней привѣтствуется „основная книга современной научной психологіи“. Непреходящее значеніе „Критики“ усматривается въ томъ, что въ ней дѣлается первая широкая и глубоко идущая попытка однозначнаго, т.-е. законѣрнаго опредѣленія душевныхъ процессовъ человѣка. Двумя капитальными открытіями опредѣляется значеніе Авенаріуса для фізіологической психологіи: онъ разработалъ теорію мозговой жизни и ввелъ новую группировку психическихъ фактовъ³⁾.

Съ попыткой набросать первыя очертанія общей теоріи человѣческой дѣятельности связывалось у Авенаріуса стремленіе подготовить почву, „общія основы“ для наукословія, для психологіи и научной педагогики, а также для логики, этики, эстетики, далѣе для философіи права, политической экономіи, языкознанія и т. д. „Всѣ эти науки имѣлись въ виду“ при выполненіи „Критики“ (I, XIV)⁴⁾. Начитанность ея автора значительна, и даже Вундтъ отдаетъ ей должное. Самъ Авенаріусъ отмежевалъ для себя изъ всѣхъ этихъ областей практическаго человѣковѣдѣнія область познанія, ограничившись примѣненіемъ законовъ выработанной имъ механики къ теоретической дѣятельности человѣка. Къ области теоріи познанія относятся, по мнѣнію нѣкоторыхъ его послѣдователей, главныя заслуги его. „Критика“ представляетъ прежде всего—и въ этомъ и заключается ея новость—формальную и общую теорію человѣческаго позна-

1) *Justus Gaule*.—R. Ar. Kritik d. reinen Erfahrung. Ztschrft. für Psychologie u. Physiologie der Sinnesorgane. 1891. B. II.

2) *Carl Hauptmann*.—Beiträge zu einer dynamischen Theorie der Lebewesen. Dresden, 1893. S. 313.

3) *Joseph Petzoldt*.—Einführung in d. Philosophie d. reinen Erfahrung. Lpzg, 1900. I B. II Abthn.

4) Въ скобкахъ указываются томъ и страница „Критики“.

нія“¹⁾. Новая теорія познанія раскрыла сущность философскаго творчества, объяснила развитие философскихъ проблемъ и ихъ рѣшеній, въ духѣ позитивизма и заполнила такимъ образомъ важный пробѣлъ позитивизма. Нѣкоторая доля ожиданій, возлагаемыхъ на эмпириокритицизмъ, связывается съ практическимъ человѣковѣдѣніемъ Авенариуса. Дѣлаются первые шаги въ примѣненіи его идей къ эстетикѣ, этикѣ и т. д. Этими попытками намѣчается одно изъ направленій, въ которомъ можетъ происходить дальнѣйшее развитие эмпириокритицизма. На эмпириокритическомъ основаніи пытались разработать: формальную этику и эстетику, общія черты будущаго этического и эстетическаго уклада человѣчества, психологію соціальныхъ чувствъ, исторію ранняго нидерландскаго ренессанса, общую теорію понятій съ привлеченіемъ лексикографическаго и этимологическаго матеріала²⁾...

Мысль обосновать универсальное человѣковѣдѣніе на психофизическомъ законѣ уравненія питанія и работы должна казаться фанатически односторонней. Но въ односторонности Авенариуса его сила. Намъ пришлось слышать остроумный отзывъ о Лотце: философъ, который не оставитъ глубокихъ слѣдовъ въ исторіи мысли, такъ какъ ему не хватало односторонности величія или величія односторонности. Отблески этого величія падаютъ не мимо Авенариуса.

3. *О значеніи психологіи.*—Авенариусъ глубоко вѣрилъ въ экспериментальную и физиологическую психологію, а также вообще въ психологію, возлагалъ большія надежды на нее. Онъ былъ какъ будто влюбленъ въ нее. Какъ будто лавры Фехнера не давали ему покою.

¹⁾ Карстанъенъ.—Введение въ „Кр. ч. оп.“. Перев. Лесевича. Спб., 1899. Стр. 1.

²⁾ J. Petzoldt.—Einführung in d. Philosophie d. reinen Erfahrung; Rudol Holzapfel.—Panideal. Psychologie der sozialen Gefühle; Carstanjen.—Ueber die Entwicklungsfaktoren der niederländischen Frührenaissance; E. Erdmann.—Drei Beiträge zu einer allgemeinen Theorie der „Begriffe“; Э. Эрдманъ.—Проложены къ общей теоріи понятій на эмпириокритическомъ основаніи.

Темой своей первой лекции, вступительной въ лейпцигскомъ университетѣ, Авенариусъ выбралъ вопросъ „о положеніи психологіи по отношенію къ философіи“. И самый этотъ выборъ темы, и то положеніе, которое отводится здѣсь психологіи, показываютъ, какъ высоко цѣнили ее будущій основатель эмпириокритицизма. Психологіи приписывается здѣсь значеніе руководящей философской науки; направляющимъ воздѣйствіемъ психологіи объясняется смѣна философскихъ системъ; послѣдовательные моменты въ ходѣ развитія философской мысли приурочиваются къ соответствующимъ моментамъ въ развитіи психологіи. „Историческія системы—эмпирическіе объекты психологіи“, заключаетъ лекторъ ¹⁾. Не степень обоснованности, а стремленіе обосновать этотъ выводъ важно для насъ. Въ этой лаконической формулѣ сквозитъ замысль новой теоріи познанія, представленной въ „Критикѣ“. Для нея всякій философскій вопросъ есть вопросъ фізіологической психологіи, и только въ качествѣ „эмпирическихъ объектовъ психологіи“ занимаютъ ее философскія системы.

Отдѣльное философское міровоззрѣніе послужило сначала объектомъ психологіи. Въ историческомъ изслѣдованіи о пантеизмѣ Спинозы Авенариусъ поставилъ себѣ задачей разсмотрѣть развитіе отдѣльнаго философскаго міровоззрѣнія, какъ закономѣрный процессъ, „съ точки зрѣнія чисто психологической“ (I, V). Сдѣланныя при этомъ наблюденія онъ могъ бы непосредственно использовать въ цѣляхъ своей будущей теоріи познанія, и онъ охотно возвращается къ нимъ впослѣдствіи. Открытіе такъ называемаго „Краткаго Трактата“ показало, что міровоззрѣніе, изложенное Спинозой въ „Этикѣ“, есть „только послѣдній фазисъ длиннаго процесса развитія“, а изученіе трехъ фазисовъ этого процесса развитія познакомило Авенариуса съ „замѣчательнымъ фактомъ“, что Спиноза далъ не только три различ-

¹⁾ Ueber die Stellung der Psychologie zur Philosophie. Vierteljahrsschrift f. wissenschaftliche Philosophie. B. I. S. 487

ныхъ изложенія своего философскаго міровоззрѣнія, но испробоваль вообще и три существенно различныхъ рѣшенія своей основной философской проблемы“¹⁾. Этотъ „замѣчательный фактъ“ войдетъ въ число другихъ необозримо многихъ, подобныхъ же фактовъ, которые коллекціонируются Авенаріусомъ съ особенною любовью. Опираясь на такіе факты, можно сдѣлать нѣкоторыя важныя открытія въ новой теоріи познанія.

Вторымъ объектомъ психологіи служитъ уже не отдѣльная философская система, а философія въ ея цѣломъ. Авенаріусъ опредѣляетъ философію, какъ „мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ“, т.-е. обосновываетъ философское мышленіе на началахъ не столько психологическихъ, сколько физиологическихъ, органическихъ. „Сила употребляется здѣсь прежде всего въ смыслѣ физиологіи; ощущенія силы и слабости... разсматриваются только, какъ сопутствующія явленія сознанія“. Чтобы нащупать корень философіи, установить ея задачи, методы, предугадать окончательные итоги философской мысли, обращается Авенаріусъ къ тому психофизическому принципу. Свой пріемъ онъ сознательно противопоставляетъ пріемамъ логической оцѣнки познанія. Послѣдняя, думаетъ онъ, пользуется масштабомъ, „лежащимъ внѣ предѣловъ психологическихъ (соотн. физиологическихъ) условій, при которыхъ совершаетъ душа свои отправленія“²⁾. Логическіе законы не управляютъ душевными отправленіями; философскія категории плавятся въ тигель психологическаго анализа; слѣдовательно, философское творчество есть психофизическая реакція? Историческіе законы, открываемые историкомъ, не управляютъ процессомъ самаго открытія; логическіе законы, открываемые той или другой логикой, а другіе и неизвѣстны намъ, не управляютъ процессомъ самаго открытія (не всѣ логики логичны—см. отзывъ Дживонса о Мил-

1) Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus. Lpzg. 1868. S. 11.

2) Philosophie als Denken der Welt u. s. w. Brln. 1903. S. 13. 15.

Вопросы философіи, кн. 77.

лѣ); какіе же законы управляютъ тѣми психофизическими реакціями, которыя называются философскимъ творчествомъ?

Область примѣненія „психофизическаго метода“ постепенно расширяется. Съ отдѣльнаго философскаго міровоззрѣнія онъ былъ перенесенъ, какъ мы видѣли, на философію въ цѣломъ, а затѣмъ и на всѣ области какъ теоретической, такъ и практической дѣятельности человѣка и человѣчества. „Критика чистаго опыта“ есть грандіозная, хотя бы по своей односторонности, попытка разсмотрѣть теоретическую дѣятельность человѣка „съ точки зрѣнія психофизиолога экспериментатора или психіатра“, подойти къ такимъ фактамъ сознанія, какъ „познаніе“ и „опытъ“ съ приѣмами психіатра, для котораго было бы всегда важно, если бы это было всегда возможно, опредѣлить характеръ перерожденій нервной системы, какъ это бываетъ возможно при *dementia paralytica*. ¹⁾

„Критика чистаго опыта“ выросла на почвѣ современной Авенаріусу психологіи. Повсюду оставила она слѣды своего вліянія, вліянія двусторонняго. Съ одной стороны, ея вліяніе сказалось въ томъ, что нѣкоторыя теоріи Авенаріуса представляютъ результатъ переработки современныхъ психологическихъ ученій. Его ученіе о „характерахъ“, съ которымъ придется познакомиться ниже и которое имѣетъ важное значеніе въ его теоріи познанія, примыкаетъ къ взглядамъ, высказаннымъ въ одной психологической статьѣ Эренфельза и обобщаетъ нѣкоторыя теченія въ психологіи чувства, сужденія; его теорія „сужденія“, какъ онъ самъ на то указываетъ (II, 448), приближается къ взглядамъ Brentano; въ теоріи чувствъ замѣтно воздѣйствіе психологіи Вундта, въ тотъ періодъ его развитія и т. д. Сильное вліяніе оказала на Авенаріуса та вѣтвь психологическихъ изслѣдованій, которая называется у нѣмцевъ *Völkerpsychologie*, т.-е. психологія рѣчи, мѣта съ Лазарусомъ и

¹⁾ Der menschliche Weltbegriff. Lpzg., 1891. S. XI.

Штейнталемъ во главѣ; онъ былъ знакомъ съ этнографическимъ матеріаломъ, собраннымъ Спенсеромъ, сочувствовалъ и подражалъ Тэйлору. Психіатрическія работы Мейнерта, монографіи Рибо, Тэна, Мюнстерберга, Прейера и многихъ другихъ психологовъ поставляютъ неоднократно матеріаль, нужный для его теории познанія. Очевидная связь эмпириокритицизма съ естествознаніемъ, о которой будетъ сейчасъ рѣчь, должна была устанавливаться отчасти косвенно, черезъ посредство психологіи, поскольку послѣдняя искала опоры въ біологіи и фізіологіи. Впрочемъ, не столько это частное воздѣйствіе частныхъ теорій и отдѣльныхъ школъ имѣется нами въ виду, сколько другая сторона вліянія психологіи, сказавшаяся въ навыкахъ мысли Авенаріуса. Мысль его, его нервная система была воспитана на приемахъ психологическаго изслѣдованія, онъ усвоилъ методы психофізіологическаго эксперимента, питалъ пристрастіе къ схемѣ такого эксперимента. Этимъ пристрастіемъ объясняется многое въ теоріи познанія эмпириокритицизма, какъ въ критической гносеологіи Канта многое объясняется пристрастіемъ его къ математическому естествознанію Ньютона. Если кто-нибудь займется со временемъ составленіемъ комментарія къ „Критикѣ ч. оп.“, онъ долженъ будетъ руководиться слѣдующимъ правиломъ: пусть то, что покажется ему въ ней на первый взглядъ страннымъ, заставляющимъ подозрѣвать присутствіе односторонней теоріи, произвольнымъ, онъ попытается представить себѣ происходящимъ въ психологической лабораторіи. Плодотворность такого приема не разъ обнаружится ниже. Авенаріусъ имитируетъ сплошь да рядомъ психологическіе опыты, старается перенести вопросы теоріи познанія въ обстановку психологическихъ институтовъ, прибѣгаетъ къ способамъ постановки коллективныхъ опытовъ, къ системѣ вопросниковъ. Такая система практикуется имъ особенно часто, и къ ней прибѣгаетъ онъ для того, чтобы отыскать понятіе „опыта“ (II, 341—349).

Психологія была не только вѣрной спутницей, сопрово-

ждавшей развитіе интересовъ Авенариуса; она была вмѣстѣ съ тѣмъ и регуляторомъ ихъ направленія. Въ исторіи своего развитія Авенариусъ самъ намѣчаетъ два періода: идеалистическій и такъ называемый реалистическій. Первоначально онъ пытался обосновать критику опыта на принципахъ идеализма, какъ могло казаться, или, по крайней мѣрѣ, въ духѣ идеализма, и въ этомъ духѣ были написаны пролегомены къ ней; затѣмъ онъ сошелъ съ этого пути и пошелъ по новому, „реалистическому“. О причинахъ, вызвавшихъ описанную перемену, сохранилось свидѣтельство Авенариуса: „усумниться въ правильности моего стараго пути побудила меня ясно сознанная мною бесплодность теоретическаго идеализма... именно бесплодность теоретическаго идеализма въ области психологіи“¹⁾. Психологія, какъ отрицательная инстанція, противъ идеализма въ теоріи познанія. Что доказывалъ Авенариусъ во вступительной лекціи о положеніи психологіи въ исторіи философіи, оказалось справедливымъ въ примѣненіи къ его собственной философіи: смѣна послѣдовательныхъ моментовъ въ исторіи ея развитія причинялась дѣйствительно психологіей.

4. *Два совпаденія.*—„Очень большимъ ободреніемъ и поощреніемъ были для меня сочиненія Эрнста Маха“,—обратить на это вниманіе читателя считаетъ нужнымъ Авенариусъ (I, XIII). Тѣмъ самымъ обращается вниманіе на связь эмпириокритицизма съ естествознаніемъ, связь очевидную и по своей очевидности не требующую особыхъ доказательствъ. Махъ и Авенариусъ во многомъ сходятся другъ съ другомъ, какъ извѣстно: въ методѣ изслѣдованія (описаніе), во взглядахъ на природу познанія²⁾. Афористическія замѣчанія Маха о біологическомъ характерѣ познанія разработаны Авенариусомъ въ законченную систему. Подобно Маху, Авенариусъ и его послѣдователи замѣняютъ при-

¹⁾ Weltbegriff. S. X.

²⁾ См. объ этомъ въ „Анализѣ ощущеній“ гл. „Mein Verhältniss zu Avenarius“. Нѣкоторыя точки соприкосновенія между ними указаны въ статьѣ о философскихъ взглядахъ Маха. Вопросы философи. кн. 73.

чинность функциональнымъ отношеніемъ, и по мнѣнію одного критика „эмпириокритицизмъ пропитанъ идеями теоріи функций, стоящей въ кульминаціонной точкѣ современнаго математическаго мышленія“¹⁾. Выше было указано, какія ожиданія возлагаются на эмпириокритицизмъ со стороны физиологии, біологіи, психологіи. Кромѣ психологіи, другимъ проводникомъ естественнонаучныхъ идей служили Авенариусу работы представителей научной философіи; онъ могъ быть всегда въ курсѣ ихъ, какъ основатель и многолѣтній редакторъ перваго органа этой философіи, журнала „Научной Философіи“. Объ отношеніяхъ эмпириокритицизма къ естествознанію можно составить себѣ общее представленіе и не будучи натуралистомъ по специальности на основаніи многочисленныхъ показаній какъ изслѣдователей эмпириокритицизма, такъ и самаго основателя эмпириокритицизма. Для характеристики этихъ отношеній остановимся на двухъ совпаденіяхъ естественнонаучныхъ идей съ выводами эмпириокритицизма.

Въ началѣ 1889 г. была опубликована знаменитымъ физиологомъ Герингомъ рѣчь о „процессахъ, происходящихъ въ живой субстанціи“. Эта рѣчь, произнесенная до опубликованія въ ученомъ обществѣ, посвящается доказательству химической теоріи нервныхъ процессовъ, шедшей въ разрѣзъ съ почти исключительно физическимъ представленіемъ о нихъ Дюбуа-Реймона; именно, жизненный процессъ разсматривается, какъ автономное стремленіе къ равновѣсію двухъ сторонъ обмѣна веществъ—ассимиляціи и диссимиляціи. Въ 1888 г. вышелъ первый томъ „Критики“, содержащій общую механику жизненныхъ процессовъ, построенную на психо-физическомъ законѣ уравненія работы и питанія. Общая теорія процессовъ, происходящихъ въ живой субстанціи, Геринга и психо-физическій законъ Авенариуса съ построенной на немъ общей механикой жизнен-

¹⁾ *W. Wundt.*—Ueber naiven u. Kritischen Realismus. Philosophische Studien. B. XIII. 98. S. 336.

ныхъ процессовъ оказались очень похожими другъ на друга. Совпаденія между ними многочисленны; взгляды Геринга и Авенариуса почти тождественны; общность принциповъ и деталей, хода мыслей и отдѣльныхъ выраженій, посылокъ и выводовъ, формулъ и ихъ примѣненій. Такъ какъ возможность взаимнаго вліянія совершенно исключается въ данномъ случаѣ, то совпаденіе ихъ теорій приходится объяснять другими причинами. По словамъ Геринга, выставленныя имъ теоретическія положенія коренятся и въ экспериментахъ надъ нервами, мускулами и въ „очень различныхъ областяхъ біологіи, а въ особенности фізіологіи органовъ чувствъ и общей фізіологіи обмѣна веществъ“¹⁾. Матеріаль, бывшій въ распоряженіи Авенариуса, менѣе обширенъ, какъ можно думать по нѣкоторымъ соображеніямъ; однако и Авенариусъ воспринялъ вмѣстѣ съ предпосылками своего закона то, что стало „общимъ научнымъ достояніемъ“ (I, 201), пользовался тѣми же экспериментами (Пфлюгера, Гольца, Ауэрбаха, заимствовалъ ихъ у Шиффа, Вундта)²⁾. Въ терминахъ теоріи познанія Авенариуса это значитъ, что внѣшнія условія (дополнительныя, т.-е. матеріаль изслѣдованія), объемъ и характеръ научной подготовки обоихъ изслѣдователей были приблизительно одинаковы; другими словами, въ своемъ психофизическомъ законѣ Авенариусъ, по мнѣнію его послѣдователей, предвосхитилъ назрѣвшіе выводы соответствующихъ дисциплинъ естествознанія. Такимъ образомъ, при самомъ построеніи эмпириокритицизма естествознаніе сыграло нѣкоторую роль.

Второе совпаденіе, на которомъ мы остановимся, не мѣнѣе важно по своему принципиальному значенію. Заканчивая исторію развитія познанія, въ послѣднихъ главахъ „Критики“ Авенариусъ пытается подвести общіе итоги познанія, опредѣлить формы приближенія познанія къ максимуму устойчивости. Въ слѣдующія формы отливается, по его

1) *Ewald Hering*.— Vorgänge in der lebendigen Substanz. Ztschrft. Lotos. Prag. 1889. B. IX s. 59.

2) См. обширное „примѣчаніе о лягушкѣ“: „Kritik“. I, 202—217.

миѣнію, это приближеніе. Во-первыхъ, какъ приближеніе къ „аналитическому равенству“—равенству между вещью и ее понятіемъ. Такое равенство достигается путемъ превращенія понятія въ прямое описаніе вещи—понятіе должно вбирать въ себя только свойства, присущія самой вещи. Отсюда требованіе: „только описанія, но полныя, точныя и простыя“. „Типичнымъ примѣромъ можетъ конечно служить понятіе энергіи“, въ современномъ его смыслѣ, а „самымъ рѣзкимъ выраженіемъ этого развитія“ представляется Авенариусу извѣстное опредѣленіе задачъ механики, даваемое Кирхгофомъ и Махомъ (II, 492). Во-вторыхъ, какъ приближеніе къ „качественному приравненію“—стремленіе сводить качественныя различія на количественныя, замѣнять разнородныя по качеству свойства однородными по качеству количествами. „Для иллюстраціи качественного приравненія“ предлагается припомнить понятія атома, монады, центра силъ; „всѣ они выражаютъ указанное развитіе“, но только при соблюденіи перваго условія оно можетъ отливаться въ устойчивыя формы. Въ-третьихъ, какъ приближеніе къ „количественному уравненію“—приближеніе къ минимуму количественнаго различія между условіемъ и обусловленнымъ. Отсюда требованіе — „только эквиваленты“. Для поясненія „количественнаго уравненія“ нѣтъ надобности напоминать развитіе „современной механики, физики и химіи“; достаточно дать подробный анализъ „открытія Майеромъ механическаго эквивалента теплоты“, какъ „особенно иллюстративнаго выраженія указаннаго приближенія“ (II, 331 — 338). Формы максимальной доступной современному познанію устойчивости, найденныя и оправданныя теоріей познанія Авенариуса, совпадаютъ, какъ оказывается, съ формами, выработанными современнымъ естествознаніемъ. Такъ думаетъ Авенариусъ, и для нашихъ ближайшихъ цѣлей безразлично, есть-ли это дѣйствительно непредумышленное совпаденіе или преднамѣренное согласованіе.

Эмпіріокритицизмъ, по убѣжденію его сторонниковъ, удо-

влетворяетъ всѣмъ требованіямъ, нужнымъ для того, чтобы „стать господствующей философіей въ кругахъ естествоиспытателей“, и прежде всего главному требованію: „оцѣнить по достоинству и использовать богатые выводы естественнонаучнаго изслѣдованія нашего времени, въ особенности исторіи развитія, біологіи и фізіологіи“¹⁾. И по мѣрѣ того, какъ философія чистаго опыта будетъ проникать въ круги естествоиспытателей, она будетъ покорять ихъ, судя по тѣмъ отношеніямъ, которыя установились уже при самомъ построеніи эмпириокритицизма между нимъ и естествознаніемъ. Другую оцѣнку могутъ найти себѣ эти отношенія въ нѣкоторыхъ философскихъ кругахъ. Предположенія, на которыхъ покоится теорія познанія Авенаріуса, говоритъ одинъ изъ представителей этихъ круговъ, представляютъ „только итогъ современнаго фізіологическаго знанія“, и вмѣстѣ съ ними молчаливо допущены и тѣ многообразныя предположенія, отъ которыхъ „въ свою очередь зависитъ эта вѣтвь научнаго познанія“. Едва-ли можно надѣяться, слѣдуя этому пути, прійти къ чему-нибудь дѣйствительно фундаментальному и обосновать „всеобщую обязательность“ своихъ собственныхъ утвержденій²⁾. Не для того, чтобы защищать Авенаріуса, но въ интересахъ пониманія его взглядовъ, только въ этихъ интересахъ (объ отношеніи эмпириокритицизма къ критической философіи см. ниже), слѣдуетъ попытаться показать, какъ отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Авенаріусъ: „скажите мнѣ, что считаетъ данный мыслитель „неяснымъ“ и „абсурднымъ“, или наоборотъ „очевиднымъ“ и вытекающимъ „изъ природы нашего разума“, и я скажу вамъ, какую школу прошел онъ; напр., приведенное возраженіе—изъ Марбурга; было бы противно принципамъ моей теоріи познанія, если бы представитель марбургской школы могъ сейчасъ же во всемъ согласиться

¹⁾ *Maximilian Klein.* — Die Philosophie d. reinen Erfahrung. Naturwissenschaftliche Wochenschrift v. Potonie 1894. 6. B. IX, X, XI.

²⁾ *Natorp.* — Deutsche Schriften zur Erkenntnisstheorie. Archiv f. Systematische Phl. 3. B. 1897.

съ ней. Впрочемъ, напомнилъ бы еще Авенариусъ, подобное же возраженіе приводится обыкновенно противъ теоріи познанія Канта, приравнявшей будто бы нѣкоторыя черты нѣкоторыхъ отдѣловъ современнаго ему естествознанія къ основоположеніямъ разсудка. Подобно этикѣ, и логика бываетъ необходимою только тамъ, гдѣ она бываетъ удобна“.

5. *Точка отправленія.*—Описанная выше, вызванная психологіей перемѣна пути выразилась въ теоріи познанія Авенариуса въ томъ, что она „вновь отыскала и вновь заняла естественную точку отправленія“¹⁾. Подъ „естественной точкой отправленія“ разумѣть Авенариусъ воззрѣніе простого человѣка, окрещенное именемъ наивнаго реализма. Въ первой эмпириокритической аксіомѣ передается ядро этого воззрѣнія слѣдующимъ образомъ: „всякій человѣческій индивидуумъ принимаетъ первоначально противостоящимъ себѣ среду съ разнообразными составными частями и другихъ человѣческихъ индивидуумовъ съ разнообразными высказываніями, а высказываемое въ нѣкоторой зависимости отъ среды“ (I, VII).

Философія чистаго опыта беретъ подъ свою защиту этотъ первоначальный реализмъ въ принципѣ, какъ воззрѣніе, свойственное человѣку отъ природы, какъ его природное предрасположеніе, какъ идіосинкразію человѣка. „Наивный реализмъ“—неизмѣнный фактъ, вновь и вновь оживающій постоянно переживаемый, неотвязчивая душевная потребность, неизгладимое воспоминаніе, преслѣдующее идеалиста, завѣтная мечта многихъ „представителей философскаго идеализма съ естественно-научнымъ образованіемъ, которые почувствовали бы при возстановленіи своего прежняго „реализма“ большое облегченіе и радость, если бы только знали, какъ имъ отдѣлаться отъ идеализма“. Настроеніе, проникающее представителей философіи чистаго опыта, выливается въ своеобразную проповѣдь опрощенія: „послѣ всяческихъ попытокъ идеализма превратить міръ въ призракъ и послѣ

¹⁾ Weltbegriff s. XI—XII.

всяческихъ стараній матеріализма поставить на мѣсто яркой красками и брызжущей жизнью дѣйствительности сѣрый, мертвенный *настоящій* міръ, мы стремимся назадъ, къ лучезарному, свѣжему, какъ утро, міру нашего дѣтства и юношескихъ народовъ. Вернуть наукѣ *воззрѣніе простого человека*, показать здравость и разумность донаучнаго *наивнаго реализма*, устранивъ конечно и всѣ его анимистическіе придатки (примѣчаніе: такое устраненіе не вноситъ принципиальныхъ измѣненій въ наивный реализмъ), и замкнуть такимъ образомъ пропасть, все еще отдѣляющую человека отъ природы, такова наша цѣль“¹⁾. Однако, въ теоріи познанія наивный реализмъ допускается не въ смыслѣ оправданнаго міровоззрѣнія. Только въ качествѣ точки отправленія при изслѣдованіи природы познанія, въ качествѣ предпосылки такого изслѣдованія рѣшается Авенаріусъ возстановить наивный реализмъ. Только эту свою рѣшимость считаетъ онъ своимъ гносеологическимъ подвигомъ, и нельзя не отдать должное его рѣшимости. Чѣмъ оправдывается эта рѣшимость? какъ можно защищать точку зрѣнія простого человека въ теоріи познанія, всегда опровергавшей ее? и прежде всего, что должно это значить?

Естественная точка отправленія воспроизводитъ то, что было „въ началѣ развитія“. Около этой мысли вращаются многіе существенные доводы Авенаріуса въ пользу своей точки отправленія. Это значить, что его теорія познанія намѣрена слѣдовать хронологическому порядку эволюціи. Въ алфавитномъ порядкѣ развитія стоитъ первымъ первое „по времени“. И въ теоріи познанія становится первымъ первое „по времени“. Проблемамъ, занимающимъ ее, отводится „переднее мѣсто“ не по „достоинству“ и „цѣнности“, а по ихъ родственнымъ связямъ съ предками, „по времени ихъ обсуждения“ (I, VI). Авенаріусъ такъ и рассуждаетъ: въ виду того, что въ началѣ моего духовнаго развитія стояло

¹⁾ I. Petzoldt.—Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung. Lpzg. II. B. S. 330.

указанное міропониманіе, и при изслѣдованіи моего предмета, именно познанія, естественно отправляться отъ этого міропониманія. Почему это естественно?

Будучи началомъ развитія, природный первоначальный реализмъ долженъ вмѣщать въ себѣ весь матеріаль, необходимый для построенія позднѣйшихъ системъ и теорій: „къ какимъ бы выводамъ ни приходилъ какой-нибудь Платонъ, Спиноза, Кантъ—философы добывали свои результаты путемъ расширеній или сокращеній того допущенія, которое и они дѣлали въ началѣ своего развитія“ (I, VII). Въ дальнѣйшемъ изложеніи своей теоріи познанія Авенаріусъ старается показать, въ чемъ состояли дѣйствія сложения и вычитанія, превращавшія первоначальный реализмъ въ платоновскій идеализмъ или въ пантеизмъ Спинозы. При выборѣ точки отправленія отдается предпочтеніе наивному реализму, потому что онъ—та самая протоплазма, „изъ“ которой развиваются системы и теоріи. Эти послѣднія—разнообразныя варіаціи на одну и ту же тему первоначальнаго реализма, а первоначальный реализмъ—универсальное историческое понятіе, скрытое присутствіе котораго можно обнаружить въ любой исторической системѣ, что всего чаще повторяется въ нихъ, въ чемъ всѣ онѣ согласны. Безъ него немислимы ни всеобщее одушевленіе анимизма, ни платоновское удвоеніе, ни матеріалистическій монизмъ, ни абсолютное сомнѣніе скептика: „философъ можетъ объяснять сколько ему угодно, что „міръ передъ нимъ“, „міръ тамъ снаружи“ есть простое „явленіе“ или простой „призракъ“, или „среднее между бытіемъ и небытіемъ“ или даже „небытіе“, но для того, чтобы имѣть возможность мыслить такимъ образомъ отношеніе среды къ такъ называемому „я“, онъ долженъ былъ все-таки сначала обрѣсти ее“ ¹⁾.

Естественная точка отправленія приносить съ собой всю полноту реальности. Первоначальный реализмъ—естественный резервуаръ, питомникъ дѣйствительности. Таково

1) Weltbegriff. S 115.

теоретическое значеніе его: „иначе, какъ можно было бы ставить вообще вопросъ объ отношеніи „вещи въ себѣ“ и „явленія - представленію“ или „бытія“ и „кажимости“, о „реальномъ значеніи“ составныхъ частей „идеализма“ вообще или „о реальномъ значеніи“ „воспріятій“, „явленій“ и т. п. въ частности! Изъ какого мистическаго „откровенія“ могла бы раждаться неустраняемая мысль о „независимой отъ насъ дѣйствительности“, если бы она не исходила изъ того *припоминаемаго* міровоззрѣнія? Какъ можно было бы *искать* „реальнаго значенія“ „воспріятія“ („ощущенія“) или „явленія“ или тому подобнаго, если бы мы не обладали имъ раньше, а затѣмъ *утратили*?“¹⁾ Основная проблема „школьной“ гносеологіи, проблема реальности внѣшняго міра, гораздо интереснѣе въ обратной постановкѣ. Вмѣсто того чтобы спрашивать: „почему мы вѣримъ въ *реальность* внѣшняго міра?“ интереснѣе было бы задаться вопросомъ: „почему мы вѣрили, что внѣшній міръ не *реаленъ*?“ Такъ какъ теорія познанія Авенаріуса возвращается къ естественной точкѣ отправленія, то это значитъ, что она намѣрена отказаться отъ постановки проблемъ, подобныхъ указанной, что она намѣрена отказаться отъ мысли найти способъ искусственнаго добыванія дѣйствительности, бережно беря ее тамъ, гдѣ она дается. „Въ этой „Критикѣ ч. оп.“, писалъ одинъ рецензентъ, совершенно обходятся молчаніемъ нѣкоторые фундаментальные вопросы критики познанія, какъ, напр., вопросъ о реальности внѣшняго міра.“²⁾ Вопросы бытія, при естественной точкѣ отправленія, должны дѣйствительно устраняться изъ теоріи познанія. Не ея дѣло межевать реальность, не ея дѣло устанавливать критеріи сущаго,—и спрашиваетъ она не о томъ, что существуетъ, а о томъ, что считается существующимъ: ея „бытіе“ стоитъ всегда въ кавычкахъ. Задача теоріи познанія Авенаріуса состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить условія, заложенные въ первона-

1) Тамъ же S. 107.

2) *P. Barth.*—Kritik d. reinen Erfahrung. Philosophische Monatshefte. 1892. 28.

чальномъ реализмѣ, при которыхъ складываются наши представленія о бытіи, истинѣ, тожествѣ, всеобщности и т. д. Какъ бы ни были эти представленія относительны и субъективны, ихъ относительность и субъективность не разрушаютъ, въ предѣлахъ теоріи познанія, первоначальнаго реализма. Онъ остается почвой, питавшей и питающей ихъ.

Доступъ къ естественной точкѣ отправленія преграждается „идеалистическимъ открытіемъ непосредственной данности сознанія“. Надъ всей теоріей познанія тяготѣетъ, по словамъ Авенариуса, убѣжденіе, что все, нами познаваемое, познается сквозь призму нашихъ душевныхъ состояній, и только эта призма составляетъ непосредственный, безусловно достовѣрный объектъ познанія. Это „идеалистическое открытіе“ опредѣляетъ отправной пунктъ всякой теоріи познанія, предписываетъ всякой гносеологіи своеобразную постановку и порядокъ вопросовъ, порождаетъ рядъ своеобразныхъ затрудненій. Благодаря этому открытію, теорія познанія стала служанкой спиритуалистической метафизики, излюбленнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ матеріализмомъ. „Мнимый фактъ“ непосредственной данности и достовѣрности сознанія сѣялъ, по мнѣнію Авенариуса, разнь между теоріей познанія и психологіей. Пока рѣчь идетъ „только“ о психологіи, ни одинъ идеалистъ не будетъ настолько щепетилень, чтобы не привлекать состояній мозга къ „объясненію“ явленій сознанія; другое дѣло теорія познанія: состоянія мозга не даны намъ непосредственно, познаются сквозь призму непосредственно данныхъ душевныхъ переживаній, а потому теорія познанія стоитъ выше психологіи и предваряетъ ее. Однако, думаетъ Авенариусъ, отправной пунктъ теоріи познанія, пропитанной идеализмомъ, не фактъ и не аксіома, а порожденіе теорій разнаго порядка и разной цѣнности. Непосредственно даннымъ и достовѣрнымъ представляется ему первоначальный природный реализмъ, одной изъ многочисленныхъ варіацій котораго является теорія непосредственной данности достовѣрности сознанія. Начинать съ этой теоріи значитъ начи-

нать съ конца, а не съ начала (I, VIII). Возстановить естественную точку отправленія значить разобщить идеализмъ и теорію познанія, предварить дуализмъ теоріи познанія и психологіи.

Говоря объ идеализмѣ, Авенариусъ касается его здѣсь мимоходомъ и не даетъ достаточнаго представленія о томъ, что разумѣется имъ подъ идеализмомъ. Вѣроятно, имѣется въ виду прежде всего субъективный идеализмъ. Говоря о психологіи, Авенариусъ имѣетъ въ виду экспериментальную и физиологическую психологію. Возстановленіемъ естественной точки отправленія возстановляется связь теоріи познанія съ этой психологіей, такъ какъ, по мнѣнію Авенариуса, первый шагъ отъ избранной имъ точки отправленія ведетъ къ физиологической психологіи. Въ порядкѣ отношеній среды къ человѣческому индивидууму изслѣдователь наталкивается сначала на взаимодѣйствіе раздраженія и центрального органа нервной системы; за этимъ взаимодѣйствіемъ слѣдуютъ, въ естественномъ порядкѣ, представленія, мысли, сознаніе. Этотъ естественный порядокъ отношеній воспроизводится теоріей познанія. вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизводится схема психофизическаго эксперимента, точкой приложенія котораго всегда бываетъ воздѣйствіе раздраженія на нервную систему. Теорія познанія имитируетъ эту схему. Въ хронологическомъ порядкѣ мыслей физиологія предваряетъ теорію познанія: если отправляться отъ среды и индивидуума въ ихъ взаимномъ отношеніи, то было бы не практично, „едва отмѣтивъ воздѣйствіе раздраженій“ на нервный центральный органъ, тотчасъ перескакивать отъ измѣненій этого органа къ „сознанію, мышленію, представленіямъ“ индивидуума, вмѣсто того чтобы прослѣдить прежде всего дальше тѣ измѣненія, которыя вызваны „раздраженіемъ“ въ „раздраженномъ“ центральному органѣ, въ ихъ различныхъ отношеніяхъ и тогда уже подыскивать зависямыя къ измѣненіямъ этого органа“ (I, VIII—IX). Такъ оправдывается путь, избранный „Критикой“.

Начиная раньше идеализма, не начинается-ли однако есте-

ственная точка отправления позднѣ психологіи? По ученію психологіи представленіе о другихъ индивидуумахъ и вообще о средѣ, принимаемое первой эмпириокритической аксіомой, какъ первично данное, складывается постепенно, есть продуктъ психическаго развитія. Согласно такому ученію, первоначальный реализмъ не можетъ воспроизводить того, что было „въ началѣ развитія“, будучи продуктомъ постепеннаго развитія. Не „всякій человѣческой индивидуумъ“, говоритъ одинъ критикъ, а только взрослый человѣкъ допускаетъ существованіе среды и другихъ индивидуумовъ, потому что ребенокъ приходитъ къ принятію среды только на болѣе поздней ступени развитія своей центральной нервной системы ¹⁾. Съ принятіемъ естественной точки отправления проникаетъ въ теорію познанія догматическій элементъ, по мнѣнію другого критика: „понятіе самостоятельно существующаго матеріальнаго міра заимствуется изъ естественной картины міра развитога индивидуума, но происхожденіе этого понятія не подвергается теоретико-познавательному анализу“ ²⁾. Разборъ этихъ возраженій, столь распространенныхъ, долженъ показать, что они служатъ скорѣе подтвержденіемъ, чѣмъ опроверженіемъ естественной точки отправления. Указанная психологическая теорія также предполагаетъ допущеніе другихъ человѣческихъ индивидуумовъ и среды: для построенія своей теоріи психологъ долженъ допустить предварительно существованіе ребенка. Тотъ самый догматическій элементъ, который привносится въ теорію познанія естественной точкой отправления, присутствуетъ и въ разсматриваемой теоріи: и она отправляется отъ той же точки. Какъ всякая теорія, такъ и эта есть одна изъ вариаций на тему первоначальнаго реализма. Кажущаяся убѣдительность подобныхъ возраженій объясняется ошибочнымъ

¹⁾ *Wilhelm Jerusalem*.—Die Urtheilsfunktion. Eine psychologische u. erkenntniskritische Untersuchung. Wien u. Lpzg. 1895. S. 236.

²⁾ *Гансъ Корнелиусъ*.—Введение въ философію. Перев. Г. А. Котляра подъ ред. пр. Н. Н. Ланге. Москва 1905. стр. 142.

распределеніемъ ролей между отдѣльными индивидуумами. Современная психологія не всегда умѣетъ, по мнѣнію Авенариуса, правильно различать точку зрѣнія субъекта изслѣдующаго и изслѣдуемаго, смѣшивая ихъ роли. Не „ребенокъ приходитъ къ принятію среды только на болѣе поздней ступени развитія своей нервной системы“, а психологъ приходитъ къ этому предположенію относительно ребенка. Предположеніе это относится къ психологу, а не къ ребенку, и не выходитъ изъ рамокъ естественной точки отправления.

Возстановленіе естественной точки отправления возвращаетъ теорію познанія „къ точкѣ отправления всякаго научнаго изслѣдованія“. Теорія познанія, верховный руководитель науки, становится ея старшимъ товарищемъ. Нѣтъ необходимости „обосновывать“ точку отправления научнаго изслѣдованія, потому что оно не вноситъ никакихъ принципиальныхъ измѣненій въ первоначальный реализмъ. Принципиальныя измѣненія вносятся въ него не столько научнымъ описаніемъ, сколько умозрѣніемъ и истолкованіемъ: „часто цитируемое измѣненіе взгляда, что солнце вращается вокругъ земли, въ представленіе, что земля вращается вокругъ солнца, стоитъ съ *принципіальной* точки зрѣнія на одной ступени съ измѣненіемъ взгляда, что мой поѣздъ на желѣзнодорожной станціи движется, а находящійся противъ него стоитъ, въ представленіе, что противустоящій поѣздъ движется, а мой стоитъ; нельзя однако сказать того же объ измѣненіи взгляда, что солнце, земля, желѣзнодорожная станція и поѣздъ обладаютъ своими общими пространственными и временными опредѣленіями сами по себѣ, отъ природы, въ представленіе, что указанные „объекты“ получаютъ эти опредѣленія отъ „познающаго субъекта“¹⁾.

Первоначальный реализмъ, вмѣшая весь матеріаль, изъ котораго развиваются философскія системы и теоріи, не долженъ содержать въ себѣ ничего такого, во что его пре-

1) Weltbegriff S. 6.

вращаютъ системы и теоріи. Принимая его въ качествѣ точки отправленія, Авенариусъ хотѣлъ бы начинать безъ всякихъ философскихъ предпосылокъ (I, 21—2). Удалось ему это или нѣтъ, но его теорія познанія совсѣмъ не похожа, какъ ему кажется, на гносеологію: она имѣетъ „ужасающе мало дѣла съ тѣми важными и серьезными вопросами, которые охотно изслѣдуются въ работахъ родственнаго содержанія“.

б. *Общность и формальность.*—Свою новую теорію познанія Авенариусъ надѣляетъ двумя эпитетами: „общая“ и „формальная“, отдавая предпочтеніе первому изъ нихъ (II, 426, 442, 459, 464, 478, 491 и т. д.). Признакамъ общности и формальности противопоставляется спеціальность и матеріальность другихъ теорій познанія. Содержаніе, обычно вкладываемое въ понятіе теоріи познанія, вытѣсняется этими признаками и замѣняется противоположнымъ. Въ виду этого имъ придается большое значеніе. Соотвѣтствующія напоминанія разсѣяны у Авенариуса повсюду—на первыхъ страницахъ „Критики“ (I, IX) и въ заключительныхъ строкахъ (II, 506), въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. Идеей общей и формальной теоріи познанія опредѣляются границы изслѣдованія. „Это не входитъ въ задачи нашей общей и формальной теоріи познанія“—оговорка, повторяющаяся у Авенариуса до преднамѣренности часто. Вундтъ не обратилъ вниманія на эту оговорку, что и послужило источникомъ неудачъ, постигшихъ принадлежавшую ему критику философіи чистаго опыта, по мнѣнію одного изъ сторонниковъ этой философіи ¹⁾...

Измѣненія, вносимыя въ понятіе теоріи познанія свойствомъ общности, ясны и не вызываютъ сомнѣній. Свойство общности превращаетъ теорію познанія въ естественную исторію его развитія, роды и виды познанія—въ ступени познанія. Одна пятилѣтняя дѣвочка не могла никакъ по-

¹⁾ *Fr. Carstanjen.* — *Der Empirio-kriticismus.* Vierteljahrsschrift f. wissenschaftl. Phil. 22.

нять, почему ея котенокъ не говорить, а многіе спиритуалисты считаютъ абсолютно непостижимымъ, какъ можетъ бытіе внѣшнее, протяженное становиться бытіемъ внутреннимъ, непротяженнымъ. Требуется найти признаки, *общіе* этимъ ступенямъ „непониманія“. Какіе-то дикари „объясняютъ“ движеніе корабля мачтой и божественностью ея происхожденія, а въ кинетическомъ богословіи Аристотеля фактъ движенія въ мірѣ „объясняется“ первымъ божественнымъ двигателемъ. Требуется найти признаки, *общіе* этимъ столь удаленнымъ другъ отъ друга ступенямъ „объясненія“. Одинъ мальчикъ (15-ти мѣсяцевъ) предлагалъ знакомымъ нюхать цвѣтокъ, причемъ всѣ должны были чихать, и былъ очень разсерженъ, что и котенокъ не чихаетъ; такъ и критическій философъ предлагаетъ вопросъ, поставленный Юмомъ относительно причинной связи, другимъ видамъ познанія. Вотъ два случая „обобщенія“, относящихся къ предметамъ столь различной цѣнности. Нѣтъ-ли признаковъ, *общихъ* имъ?

Свойство общности обязываетъ далѣе новую теорію познанія искать почву для примиренія противорѣчій, найти средство къ возможному соглашенію, хотя и не рѣшенію, всякихъ антиномій, брать на себя роль посредницы. Такая роль, видимо, нравится Авенаріусу, и сознаніе ея пріятности сказывается въ той виртуозности, съ какою онъ разыскиваетъ противорѣчивыя мнѣнія. Авенаріусъ охотится на антиноміи, откапываетъ атавизмы мысли, ловитъ разныхъ „мыслителей“ на поспѣшныхъ опроверженіяхъ. Вообще, антиноміи сыграли при возникновеніи „Критики чистаго опыта“ не меньшую роль, чѣмъ при возникновеніи „Критики чистаго разума“. Обильный матеріалъ даетъ Авенаріусу въ этомъ отношеніи область научныхъ и философскихъ распрей. „Что касается мнѣнія, будто бы гніеніе животныхъ субстанцій производится микроскопическими животными, писалъ знаменитый Либихъ по поводу открытія Пастѣра, то его можно сравнить съ мнѣніемъ ребенка, объясняющаго себѣ быстрое и бурное теченіе Рейна многочисленными

рейскими мельницами подъ Майнцемъ, колеса которыхъ приводятъ въ сильное движеніе воду въ направленіи къ Бингену“. *Que d'idées obscures, que d'idées fausses!*—кокрушался Флурансъ при появленіи сочиненій Дарвина. Найти признаки, *общіе* показанія философа Канта, богослова Ричля, естествоиспытателя Дарвина. Штраусъ считалъ необъяснимымъ возникновеніе жизни изъ механическихъ условій, но не видѣлъ затрудненій въ механическомъ объясненіи психики; а Дюбуа-Реймонъ считалъ послѣднюю проблему неразрѣшимой, но не затруднялся механическимъ объясненіемъ возникновенія жизни. Найти почву, на которой можно было бы примирить Штрауса и Дюбуа-Реймона. Сравнительно самостоятельно развилось съ одной стороны ученіе о божественномъ всевѣдѣніи, съ другой стороны—о свободѣ человѣческой воли, пока наконецъ оба ученія не столкнулись въ іудейско-философскомъ мышленіи; возникло „противорѣчіе“, и вотъ: Герзонидъ *жертвуетъ* частію божественнаго всевѣдѣнія, чтобы *спасти* свободу воли, а Крескасъ, напротивъ, жертвуетъ частію свободы воли, чтобы *спасти* божественное предвидѣніе. Требуется найти нейтральную территорию.

Свойство общности превращаетъ, далѣе, теорію познанія въ главу антропологии. Авенариусъ убѣжденъ „во внутреннемъ единствѣ всей человѣческой дѣятельности“. „Познаніе“ и „опытъ“ разсматриваются имъ какъ „частный случай“, требующій для своего опредѣленія предварительнаго опредѣленія соотносительнаго „общаго“ (I, V). То общее, отъ котораго уединяются „познаніе“ и „опытъ“, — „простыя и общечеловѣческія функціи“. Вторая эмпириокритическая аксіома говоритъ: „къ какимъ бы методамъ ни приводила наприм. математика и механика—въ конечномъ итогѣ они не могутъ не сводиться къ простымъ и общечеловѣческимъ функціямъ“ (I, VII). Теорія познанія Авенариуса намѣрена „не упускать изъ виду и повседневной жизни, предоставленнаго самому себѣ наивнаго познанія, изъ котораго развилось научное, и тѣмъ самымъ сохранить родственныя связи на-

учныхъ формъ и средствъ познанія съ донаучными“ (I, IX). Мысль, новая для нѣмецкой гносеологии, не нова сама по себѣ; но новизна предпріятія Авенариуса и состоитъ не въ ея отвлеченной формулировкѣ, а въ томъ, какъ она проводится и осуществляется. Требуется найти признаки, *общіе* теоретической и практической дѣятельности человѣка, общіе простѣйшимъ потребностямъ питанія, размноженія и потребностямъ религіознымъ, метафизическимъ (II, 227). Требуется найти признаки, *общіе* такимъ сужденіямъ: повседневному сужденію практической жизни— „мнѣ все равно“, и сужденію ариѳметическому, освященному употребленіемъ Канта,— „ $5 + 7$ равно 12“. „Частный случай познанія“ опредѣляется такимъ образомъ, что подъ его опредѣленіе подходятъ: и переходъ отъ неотчетливаго зрѣнія къ отчетливому, благодаря приспособленію зрачка и линзы, при чемъ я „узнаю“ своего друга, и прославленная clara et distincta perceptio, какъ критерій „истиннаго познанія“ (II, 235).

Для общей теоріи познанія все одинаково цѣнно, все заслуживаетъ равнаго вниманія. И въ полѣ всякая былинка, и въ небѣ каждая звѣзда.

Свойство формальности, какъ другая сторона общности также ясно. Процессы познанія „дѣтей и другихъ „наивныхъ“ индивидуумовъ отличаются отъ процессовъ познанія „исслѣдователей“ и „мыслителей“ *κατ'ἔξοχήν* только по *содержанію*, не по *формѣ*, т.-е. не по общимъ признакамъ“ (II, 243). Признаки, общіе разнороднымъ содержаніямъ, формальны, и формальная теорія познанія, въ силу присущаго ей свойства общности, должна отвлекаться отъ содержанія. Отвлекаясь отъ содержанія, общая теорія познанія относится къ матеріалу, попадающему въ ея распоряженіе, формально, не входитъ въ разсмотрѣніе тѣхъ мнѣній, которыя она утилизируетъ въ своихъ цѣляхъ, по существу. Нѣкоторая трудность возникаетъ однако при постановкѣ вопроса, какого рода признаки могутъ быть общи столь разнороднымъ содержаніямъ, какія формы могутъ вмѣстить ихъ, сблизить всѣ отдаленныя ступени развитія, свести на

нейтральную территорию всѣмъ противорѣчія, включить частный случай познанія въ кругъ общечеловѣческихъ функцій. На этотъ коренной вопросъ общей теоріи познанія наводитъ вторая эмпириокритическая аксіома: „научное познаніе не имѣетъ другихъ по существу отличныхъ формъ и средствъ, чѣмъ ненаучное, и всѣ спеціальныя научныя формы и средства познанія представляютъ собою усовершенствованное развитіе донаучныхъ“ (I, VII). Естественно, если общая и формальная теорія познанія ставитъ себѣ задачей нахожденіе общихъ формъ всякаго познанія. Но что считать формой познанія? Возможны различныя предположенія.

Отдаленныя ступени познанія могутъ сближаться общностью психическаго выраженія. Четырехлѣтній мальчикъ, получивъ въ подарокъ глинянаго воробья и осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, былъ очень „удивленъ“, не найдя у него вымени, какъ у коровъ; Галилей долженъ былъ быть очень „пораженъ“, услыхавъ, что насосъ, у котораго случайно оказалась слишкомъ длинная труба, не могъ поднять воды выше 18-ти итальянскихъ локтей. Въ данномъ случаѣ двѣ ступени познанія сближаются сходствомъ эмоціональной окраски и потому связываются общностью психическаго выраженія. Авенаріусъ думаетъ, что сходство выражений выдаетъ болѣе глубокое сходство натуръ, что эти ступени познанія стоятъ во взаимномъ родствѣ.

Тезисъ и антитезисъ антиноміи могутъ оказаться равноправными въ смыслѣ одинаковой психофизической осуществимости ихъ. Если разложить понятіе движенія на его составныя части, время и пространство, а эти послѣднія въ свою очередь на ихъ элементы, то движеніе замретъ на точкахъ покоя—случай со стрѣлой Зенона; если въ кинематографѣ пустить снимки отдѣльныхъ моментовъ скачущей лошади въ замедленномъ темпѣ, то связанное движеніе лошади разорвется на рядъ отдѣльныхъ моментовъ покоя. Измѣненія въ нервной системѣ, соотвѣтствующія этимъ явленіямъ, могли бы оказаться однородными, и въ такомъ слу-

чаѣ оказались бы однородными съ точки зрѣнія психофизической осуществимости: рѣшеніе задачи—мыслить измѣнчивое отношеніе разложеннымъ на элементы, въ которыхъ измѣненіе снято, и указанныя явленія въ кинематографѣ. Общность психофизической осуществимости соглашала бы антиноміи. Идя дальше въ этомъ направленіи и говоря пока грубо и неточно, пришлось бы перекинуть мостъ нервной системы отъ „царства природы“ къ „царству свободы“, связать проводящими путями мозга „умозрѣніе“ съ „нравственными идеями“.

Общность принципа цѣлесообразныхъ психофизическихъ реакцій могла бы включить познаніе въ кругъ общечеловѣческихъ функцій. Посаженная на цѣпь лиса дѣлаетъ предварительно рядъ попытокъ достать передними лапами кусокъ пищи, лежащій слишкомъ далеко для этого, и только послѣ неудачи переворачивается и подтягиваетъ его задними лапами; спекулятивный мыслитель послѣ предварительныхъ, но неудачныхъ попытокъ доказать положеніе: „Богъ есть безусловное, которое должно лежать въ основѣ всего условнаго“, переворачиваетъ наконецъ его въ положеніе: „безусловное, лежащее въ основѣ всего условнаго, я называю Богомъ“. Практическую дѣятельность лисы, потребность питанія, и теоретическую дѣятельность спекулятивнаго мыслителя, потребность метафизическую, могла бы связывать общность принципа: онѣ слѣдуютъ одной схемѣ, схемѣ перехода отъ реакцій болѣе привычныхъ къ реакціямъ менѣе привычнымъ. Безъ привычки не обойдется и новая теорія познанія Авенаріуса.

Возможенъ другой рядъ предположеній. Къ формамъ познанія относятся и діалектической методъ Гегеля, и дифференціальное счисленіе, различныя логическія операціи надъ понятіями, ученія чистой логики о законахъ мышленія, о систематическихъ, эвристическихъ, методическихъ формахъ познанія.

Какъ связывается второй рядъ предположеній съ первымъ формальной теоріи познанія Авенаріуса?

7. *Индивидуумъ*.—Преимственность ступеней познания поддерживается человѣческимъ индивидуумомъ; онъ же служитъ нейтральной территоріей, на которой сходятся антиноміи; его единствомъ осуществляется единство отправления. Формальный признакъ, искомый общей теоріей познания, опредѣляется предварительно двумя словами: „для индивидуума“. Человѣческой индивидуумъ или „конгрегальная система“ такихъ индивидуумовъ, человѣчество, играетъ главную роль въ теоріи познания Авенаріуса, являясь средоточіемъ, около котораго вращаются ея проблемы. Ея высшій законъ: для индивидуума черезъ индивидуума. Въ ней все приурочивается къ человѣческому организму: „вещи“, „мысли“, „познаніе“, „истина“, „описание“, „объясненіе“, „бытіе“, „тождество“, „идеи Платона“, „математическія аксіомы“, „механической эквивалентъ теплоты“, „семья“, „общество“, „культура“. Изолированное по-себѣ-бытіе „вещей“ и „мыслей“ устраняется, уступая мѣсто относительному „бытію“ для индивидуума. Эмпиріокритическій методъ требуетъ разсматривать „всю жизнь міра“ въ зависимости отъ человѣческаго организма; таковъ методъ всякаго антропологизма, всякой антропологической философіи.

Я не могу, сознается Авенаріусъ, допустить вѣры, хотя бы христіанской, не присоединя къ этому допущенію вѣрующаго человѣка, и пока рѣчь идетъ только о вѣрѣ, къ нему присоединяются, обыкновенно, многіе представители научной философіи. Но я не могу также, продолжаетъ Авенаріусъ, допустить и научнаго факта, хотя бы Галилея или Ньютона, не присоединя къ этому допущенію самого Галилея и самого Ньютона ¹⁾. Въ его теоріи познания нѣтъ Канта вообще, а есть Кантъ Рила или Кэрда, Паульсена или Когена, нѣтъ геометріи самой по-себѣ, а есть геометрія Эвклида или Лобачевского. Та теорема, на которую ссылаются нѣкоторые защитники отдѣльнаго бытія идеальныхъ цѣнностей, должна выступать въ его теоріи

¹⁾ D. menschliche Weltbegriff. S. 17.

познанія также подъ своей довольно извѣстной фамиліей — Пиеагоровой.

И даже говоря отъ перваго лица, отъ лица самого себя, Авенариусъ предлагаетъ своимъ критикамъ примѣнить эмпириокритическій методъ къ разсмотрѣнію его собственной теоріи познанія. Всякую теорію, а слѣдовательно и теорію познанія Авенариуса можно разсматривать въ зависимости отъ организма ея автора, и послѣднее могло бы имѣть научное значеніе, если бы оказалось, что выводы, къ которымъ я пришелъ, „стоятъ въ противорѣчій съ измѣненіями моего собственнаго нервнаго центрального органа въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись бы моему критику“ (II, 425). Организмъ покойнаго профессора Цюрихскаго университета Рихарда Авенариуса былъ необходимымъ условіемъ не только его теоріи познанія, но и всей системы эмпириокритицизма въ ея основныхъ положеніяхъ ¹⁾.

Рѣшеніе какой-нибудь проблемы означаетъ разрѣшеніе индивидуума отъ бремени, такъ что послѣдствіемъ облегченія индивидуума является рѣшеніе проблемы. Языкъ „школьной“ гносеологіи страдаетъ въ данномъ случаѣ отъ неточностей, присущихъ нашей рѣчи: рѣшеніе проблемы разсматривается обыкновенно не какъ послѣдствіе, а какъ условіе облегченія. Принято говорить о рѣшеніи проблемы тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить о разрѣшеніи индивидуума отъ бремени. Снимается съ человѣка давящее его бремя и тѣмъ самымъ рѣшается для него проблема. Рѣшается проблема не сама по себѣ, а „для индивидуума“.

Авенариусу хорошо извѣстно, что съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи объ общеобязательныхъ истинахъ. Вопросъ объ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія истинности въ смыслѣ постоянной и неизмѣнной полагаемости можетъ и совсѣмъ не возникать до поры до времени въ его теоріи познанія. Болѣе поучительной представляется для нея неустойчивая

¹⁾ *Richard Avenarius.*—Bemerkungen zum Begriff des Gegenstandes der Psychologie. V. f. w. Phil. B. 18—19. n. 167.

измѣнчивость человѣческихъ сужденій. „Можно себѣ представить, что изъ двухъ круговъ общества, государствъ, народовъ, связанныхъ общими потребностями и обменомъ цѣнностей въ одну конгрегальную систему высшаго порядка, или изъ двухъ людей, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу общества, одинъ кругъ, одно государство и т. д. считаетъ одно, другой — другое „рѣшеніе“ за „единственно истинное“, за „вѣчную истину“, и чѣмъ болѣе онъ убѣжденъ въ своемъ „рѣшеніи міровой загадки“ и захваченъ имъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ склоненъ содѣйствовать со всею настойчивостью его насажденію, подавленію того, что ему противорѣчитъ. Но можно представить себѣ еще другое: для самого индивидуума, разрѣшившаго проблему, „блескъ, облегченіе и удовлетвореніе“, сопровождавшіе „рѣшеніе“ въ то время, когда оно было найдено и открыто, блекнутъ, тускнѣютъ, совсѣмъ утрачиваются—уже часъ спустя, на слѣдующее утро, а быть можетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, въ лучшемъ случаѣ для одного изъ познѣйшихъ поколѣній“... Съ какой бы рѣшительностью ни заявлялъ Локкъ, что все наше познаніе вытекаетъ изъ опыта, съ какой бы настойчивостью ни ссылался „наивный самонаблюдатель“ на достовѣрныя показанія внутренняго опыта, отсюда „ничего, рѣшительно ничего не слѣдуетъ“.

Трудность теоріи познанія какъ искусства состоитъ въ томъ, чтобы сумѣть разыскать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ настоящаго владѣльца, сумѣть составить личное уравненіе. Неумѣлое смѣшеніе индивидуумовъ порождало серьезныя недоразумѣнія въ теоріи познанія. На подобномъ смѣшеніи покоится, напр., протагореизмъ, стоящій казалось бы такъ близко къ антропологизму. Убѣжденіе софиста, что для всякаго изъ насъ вещь *есть* то, чѣмъ она намъ *кажется*, поддерживается смѣшеніемъ индивидуумовъ: кажимость, видимость относится къ индивидууму обсуждающему, субъекту обсужденія, а существованіе вещи — къ другому индивидууму, обсуждаемому, объекту обсужденія, и для этого послѣдняго она и *есть* то, что она *есть*. Утвер-

женіе критицизма, что мы познаемъ сущее только какъ явленіе, покоится, по мнѣнію Авенаріуса, на такомъ же смѣшеніи индивидуумовъ ¹⁾). По способу личныхъ уравненій рѣшаются многія такъ-называемыя наивныя противорѣчія, открываемыя въ наивномъ реализмѣ. Смѣшеніе индивидуумовъ замѣшано также въ слѣдующемъ важномъ для теоріи познанія случаѣ. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно предполагать, что выраженія — „я знаю, мнѣ извѣстно, очевидно“, —означали первоначально— „я видѣлъ своими глазами“ (ср. греческое „*oída*“, санскритское „*veda*“), и переходъ первоначальнаго состоянія въ позднѣйшее можно объяснить недостаточнымъ различіемъ индивидуумовъ. Увѣренность, сопровождавшая примитивное знаніе, была присуща только мнѣ, очевидцу, и если она сообщается другому индивидууму, то благодаря его смѣшенію себя самого со мной. Другой индивидуумъ „знаетъ“ такъ, какъ если бы самъ видѣлъ, и ему начинаетъ казаться, что онъ самъ видѣлъ.

Экспериментальная и фізіологическая психологія научила Авенаріуса этому искусству. Экспериментъ и психопатологія раскрыли въ душевномъ строѣ людей гораздо больше индивидуальныхъ различій, чѣмъ общеобязательныхъ закономерностей. Способности памяти, воображенія, отвлеченія, сужденія, уже раньше потерявшія устойчивыя очертанія, окончательно рассыпались на множественныя состоянія и разнородные типы. Безъ нихъ невозможно познаніе, невозможны разсудокъ и разумъ. Изъ психологіи индивидуализація проникла въ теорію познанія, при чемъ первая должна теперь учиться у послѣдней. По мнѣнію Авенаріуса, сама психологія недостаточно умѣло владѣетъ методомъ личныхъ уравненій. Когда психологія освоилась съ мыслию степеней и пороговъ сознанія, могла привиться мысль о „безсознательныхъ душевныхъ состояніяхъ“. Безсознательное въ смыслѣ предѣльной точки, „отрицательной модификаціи“ до-

¹⁾ Weltbegriff. S. 92.

пустимо; не слѣдуетъ только упускать изъ виду одного существеннаго обстоятельства: отрицательная модификація, какъ таковая, относится не къ тому, кому будетъ подставлять ее экспериментаторъ при своихъ психометрическихъ вычисленіяхъ, а къ нему самому. „Безсознательныя душевныя состоянія“—не что иное, „какъ сознательныя душевныя состоянія того“, кто допускаетъ ихъ, и которыя онъ приписываетъ, „благодаря смѣшенію самого себя съ другимъ индивидуумомъ“, этому послѣднему.

Приступая къ отысканію основныхъ законовъ, которымъ подчиняется познаніе, Авенариусъ обсуждаетъ, подробно и обстоятельно, вопросъ о выборѣ подходящаго индивидуума (I, 89—93). Это долженъ быть высоко-развитой организмъ, зачатый и рожденный обычнымъ, естественнымъ путемъ. Кость тлѣнная отъ тлѣнныхъ костей отца и матери, сынъ, внукъ и правнукъ, выросшій въ условіяхъ словеснаго общенія, со всѣми процессами питанія, роста, движенія, выдѣленій, размноженія, стоящій на той ступени культуры, когда добываніе и принятіе пищи перестаютъ быть главенствующимъ условіемъ сохраненія, не такъ чтобы слишкомъ старый и не такъ чтобы слишкомъ молодой, способный еще къ дальнѣйшему развитію, вставшій ото сна съ привычнымъ запасомъ питанія, съ возможностью расходовать его на привычную мѣру работы... Тщательность, съ какою перечисляются эти требованія, даетъ поводъ подозрѣвать, что Авенариусъ чего-то боится. Онъ боится, что нужнаго ему индивидуума могутъ смѣшать съ гносеологическимъ субъектомъ или съ единствомъ сознанія. Когда Авенариусу приходится пользоваться показаніями не этого идеальнаго, но все-таки схематическаго индивидуума, а случайныхъ Versuchsperson, онъ даетъ всегда хотя бы и краткій анамнезъ. Въ его теоріи познанія важно всегда установить, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Отмѣчаются: возрастъ—15 мѣсяцевъ, 4 года, 5, 11 лѣтъ; полъ; ступень культуры, на которой стоитъ индивидуумъ; родъ занятій, профессія—химикъ

или философъ, біологъ или богословъ. Не забывается иногда и національность: Робертъ Майеръ, „нѣмецкій врачъ того времени“ (II, 334). Свѣдѣніе, не безразличное для пониманія того процесса, который привелъ Майера къ открытію механическаго эквивалента теплоты.

Новые опыты о человѣческомъ разумѣніи. Психофизиологическіе.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Давидъ Викторовъ.

Психологія фанатизма ¹⁾).

(Фотій Спасскій).

III.

Чтеніе автобіографіи Фотія крайне поучительно для психолога; трудно не замѣтить, что она отличается отъ всѣхъ автобіографій вообще, отъ всѣхъ воспоминаній, написанныхъ нормальными дѣятелями. Безспорно, что автобіографія Фотія не лишена интереса, но читатель прежде всего пораженъ крайне приподнятымъ тономъ. Если даже этотъ приподнятый тонъ и можно объяснить особенностями рѣчи — странной смѣсью церковной съ плохой литературной, то все-таки читателю остается изумляться хвалебному тону всей автобіографіи. Я никогда не читалъ такой послѣдовательной похвалы себѣ, какую расточаетъ себѣ Фотій. Вчитываясь и вдумываясь, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что Фотій глубоко и искренно былъ увѣренъ, что все, что онъ дѣлалъ, все, что онъ говорилъ и думалъ — безусловно хорошо. Онъ искренно убѣжденъ, что ничего дурного въ своей жизни не дѣлалъ, что онъ образецъ всѣхъ добродѣтелей, что жизнь его — дѣяніе святого. Въ этомъ отношеніи его автобіографія — единственный въ своемъ родѣ *человѣческій документъ*, такъ какъ во всей автобіографіи нельзя найти ни одного сомнѣнія въ своемъ совершенствѣ, ни одной попытки оправдаться въ поступкѣ, по общепринятому мнѣнію, предосудительномъ. Фотій съ самой искренней похвалой себѣ описываетъ, какъ онъ пользовался богатствомъ гр. Орловой, какъ отсовѣтовалъ ей принять «чинъ ангельскій», столь имъ высоко цѣнимый, при чемъ всякому вполне ясно, что онъ былъ не только

1) № 76 „Вопр. Фил. и Психол.“.

Вопросы философіи, кн. 77.

непослѣдователенъ, но и прямо фальшивъ, для того, чтобы одному пользоваться богатствомъ гр. Орловой. Фотій даже и не пытается оправдаться въ этомъ своемъ некрасивомъ поведеніи по отношенію гр. Орловой, такъ для него ясно и несомнѣнно, что все, что онъ дѣлалъ, исполнѣ хорошо. Онъ краснорѣчиво описываетъ, какъ пользовался богатствами гр. Орловой, и въ письмѣ ей пишетъ: «я теперь зѣло богатъ, въ богатыя ризы облеченъ, живу въ великолѣпномъ дому и гуляю на добрыхъ коняхъ». Такое пользованіе земными благами, да еще на чужой счетъ, онъ считалъ такимъ же прекраснымъ, какъ и подвиги воздержанія, какими гордился въ своей автобіографіи.

Вся автобіографія составляетъ самую искреннюю и непрерывную похвалу Фотія, и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ безъ слѣда скромности описываетъ свои добродѣтели и свои подвиги; глубокое убѣжденіе въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ рѣшительно надъ всѣми чувствуется во всей автобіографіи, и потому кто хочетъ понять до чего можетъ достигать самообожаніе, долженъ читать эту единственную въ своемъ родѣ автобіографію.

Фотій настойчиво заявляетъ, что съ самаго дѣтства учился прекрасно, всегда былъ прилеженъ и всегда выдѣлялся среди товарищей успѣхами въ наукахъ. Неизвѣстно, насколько былъ правъ въ этомъ отношеніи Фотій, но даже, если дѣйствительно онъ учился хорошо, то многократное о томъ упоминаніе все же не свидѣтельствуетъ о монашеской скромности Фотія. Однако мы можемъ усомниться, чтобы Фотій былъ лучше всѣхъ подготовленъ при поступленіи въ С.-Петербургскую духовную академію; про вступительный экзаменъ онъ рассказываетъ такъ: «Отличался болѣе всѣхъ Петръ предъ лицомъ его (Филарета), ибо когда никто не могъ отвѣчать на вопросы Филарета, вставая, поднималъ руку, дая знакъ, что можетъ отвѣчать на его премудрые вопросы и отвѣты давалъ долгіе, подробные». Весьма сомнительно, чтобы такого выдающагося ученика допустили не окончить академію только потому, что онъ прохворалъ весну и лѣто.

Хотя Фотій пробылъ въ академіи только годъ, онъ считалъ себя авторитетомъ по всѣмъ богословскимъ вопросамъ и никогда не жаловался на недостаточность своей подготовки для разрѣшенія тѣхъ сложныхъ вопросовъ, которые были неясны высшимъ авторитетамъ своего времени.

Такого же высокаго мнѣнія Фотій о своей педагогической дѣятельности; едва ли даже выдающіеся педагоги могутъ думать о своей дѣятельности то, что говорить Фотій о своей службѣ въ качествѣ учителя «при Санктъ-Петербургской семинаріи»: «ученики всѣ любили его какъ отца, слушали какъ учителя». Такъ же прекрасна была его дѣятельность во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; если вѣрить Фотію, то онъ былъ небывалый законоучитель и настоятель. Когда онъ вернулся въ корпусъ изъ лавры, послѣ испытанія его умственныхъ способностей Инокентіемъ и митрополитомъ, то, по словамъ Фотія: «Всѣ вставъ, кадеты такъ любили премного, то заплакали видѣвшіе его отъ жалости». Фотій однако прибавляетъ, что тѣ же кадеты ему сказали: «Слухъ пронесся, что будто, отче, ты внѣ ума въ темницѣ». Очевидно и кадеты сомнѣвались относительно здоровья своего законоучителя, такъ же какъ и митрополитъ, и потому несомнѣнно не были высокаго мнѣнія о Фотіи.

Можно думать, что его проповѣди въ церкви 2-го корпуса обращали на себя вниманіе, но едва ли можно вѣрить Фотію, когда онъ утверждаетъ: «Къ нему всѣ стекались добровольно и усердно на послушаніе слова Божія». Онъ считаетъ свою дѣятельность за этотъ періодъ столь выдающейся, что безъ всякой скромности пишетъ: «Невозможно все подробно описать, что было сдѣлано, говорено и писано во дни ревности и подвиговъ, когда Фотій жилъ въ корпусѣ съ 1817 года февраля до 1820 года сентября 1». Фотій настолько преувеличиваетъ свои, во всякомъ случаѣ, самые обыденные труды по службѣ въ корпусѣ, что категорически утверждаетъ: «Фотій, четыре года въ трудахъ законоучителя все здравіе и животъ положившій».

Легко видѣть, насколько превратно Фотій понималъ дѣятельность; начальство корпуса и духовныя власти нашли невозможнымъ оставить его на службѣ въ корпусѣ; даже его слѣпые поклонники не восторгались этой стороной его дѣятельности; самъ же Фотій считаетъ себя неподобнымъ законоучителемъ и настоятелемъ, даже увѣряетъ, что онъ «здравіе и животъ положилъ» на службѣ въ корпусѣ. Если мы допустимъ, что начальство корпуса не оцѣнило Фотія и ввело въ заблужденіе митрополита, то все-таки для насъ, на основаніи всѣхъ свѣдѣній, остается несомнѣннымъ, что Фотій не могъ быть хорошимъ

законоучителемъ вслѣдствіе своей слабой подготовки и неопытности.

Фотій такъ послѣдовательно и настойчиво хвалить себѣ, описываетъ свои добродѣтели, что не позабылъ даже описать, какой онъ былъ идеальный сынъ и братъ.

Онъ подробно описываетъ, какъ старательно, напрягая всѣ силы, во время каникулъ помогаль своей семьѣ въ сельскихъ работахъ; едва ли была надобность въ этихъ подробныхъ описаніяхъ, такъ какъ всякому извѣстно, что въ бѣдныхъ семьяхъ работаютъ и подростки. Фотій увѣряеть, что «безъ ропота, съ любовью, радостью, по волѣ отца всякое послушаніе, всякій трудъ сносилъ», «несмотря на болѣзнь, не видя облегченія, со слезами воставать старался и продолжалъ жатву». Фотій подробно описываетъ, какъ помогаль отцу, послѣ пожара дома впавшему въ бѣдность; онъ отдалъ ему все свое жалованіе, «самъ же остался безъ всего съ однимъ хлѣбомъ: и того тайно приносили ему изъ общей ученической трапезы». Далѣе Фотій говорить, что онъ взялъ трехъ учениковъ, «коихъ у себя содержаль и училъ; за нихъ получилъ яко около двухъ тысячъ». Едва ли тогда платили такъ дорого и потому это заявленіе Фотія сомнительно.

Самъ Фотій считаетъ себя не только примѣрнымъ сыномъ, но и хорошимъ братомъ, хотя, какъ извѣстно, онъ не обнаруживаль большого участія къ своему младшему брату, который не походилъ на Фотія. Въ автобіографіи подробно излагается, какъ Фотій уговариваль брата, «ропчущаго на отца»; тутъ приводится весьма трогательная рѣчь Фотія къ брату. Такъ какъ автобіографія писалась почти тридцать лѣтъ спустя послѣ этого эпизода, то очевидно, что даже по поводу такого ничтожнаго обстоятельства, Фотій нашель нужнымъ указать, какъ прекрасно онъ тогда поступаль. Однако Фотій не ограничился краснорѣчивыми поученіями; «нѣкогда же увидѣвъ непослушаніе брата своего къ отцу и огорченіе, разгнѣвался Петръ весьма на него, билъ его жестоко такъ, что думаль ему смертную болѣзнь тѣмъ сотворить и бія приговариваль: слушай родителя; будь покоренъ до крови и смерти ему; біеніе родительское есть врачеваніе и спасеніе дѣтямъ. Преобывкнувъ отъ юности къ трудамъ, Петръ какъ въ семинаріи, такъ и въ домѣ отца рѣдко достаточно сномъ наслаждался въ нощи; поздно возлегаль на одръ и рано вста-

валъ; а въ теченіе дня вовсе удалялся отдыха и сна». Весьма характерно, что Фотій не ограничился изложеніемъ своихъ добродѣтелей, но не упустилъ указать, насколько онъ былъ лучше своего брата; Фотій не только самъ не ропталъ, но не позволялъ и брату роптать; не только самъ работалъ, но и заставлялъ работать своего лѣниваго брата. Свою раздражительность онъ искренно ставитъ себѣ въ заслугу.

Фотій, съ нѣкоторымъ правомъ, превозноситъ свою административную дѣятельность по управленію монастырями; мы знаемъ, что такой взглядъ раздѣлялся нѣкоторыми почтенными лицами. Юрьевскій монастырь пріобрѣлъ славу богатой обители, куда стекалось много богомольцевъ; самъ Фотій догадывался, что нѣкоторыхъ богомольцевъ привлекали въ Юрьевскій монастырь даровое помѣщеніе, хорошій столъ и подаванія. Если мы даже согласимся, что Фотій дѣйствительно хорошо устроилъ монастырь, то все-таки мы не имѣемъ основаній утверждать, что онъ дѣйствительно обладалъ административными талантами, такъ какъ распоряжался средствами гр. Орловой безконтрольно. Весьма вѣроятно, что на средства, выданныя гр. Орловой, можно было сдѣлать гораздо больше добра, чѣмъ удалось ему, понимая конечно добро такъ, какъ понимаютъ его люди образа мыслей гр. Орловой и Фотія. Что Фотій распоряжался крайне нерасчетливо средствами гр. Орловой—несомнѣнно; келліархъ Фотія пишетъ, что тотъ колотилъ его, разсердившись изъ-за пустяковъ, затѣмъ просилъ «ну пожалуйста не подавай на меня просьбы, что я прибилъ тебя»; при этомъ Фотій въ камилавку побитаго незамѣтно для него клалъ 50, 100 и даже 200 руб.; понятно, побитый радовался находкѣ и просьбы не подавалъ. Несомнѣнно, что такъ тратить деньги хорошій администраторъ не будетъ.

Аскетическіе подвиги, описанные весьма подробно Фотіемъ въ его автобіографіи, вызываютъ искреннее удивленіе; онъ постился и голодалъ, носилъ власяницу и вериги, большую часть дня проводилъ въ молитвѣ. Можетъ быть многократное повтореніе этихъ подвиговъ и полезно, такъ какъ жизнь Фотія можетъ послужить примѣромъ для другихъ подвижниковъ. Однако, по словамъ того же келліарха, въ 1832 г., т.-е. когда Фотій безконтрольно распоряжался богатствомъ гр. Орловой, онъ побросалъ въ рѣку «всѣ имѣвшіяся у него вина, чай и кофе», значитъ эти лакомства у него были, впрочемъ, можетъ быть для гостей. Мы

знаемъ, что онъ одѣвался роскошно, носилъ дорогія шубы, ѣздилъ въ прекрасныхъ экипажахъ, на хорошихъ лошадяхъ; впрочемъ, онъ могъ это дѣлать для того, чтобы импонировать толпѣ.

Нужно однако замѣтить, что далеко не всѣ вѣрили въ «подвиги» Фотія, и нѣкоторые сомнѣвались въ дѣйствительности его заявленій. Такъ въ 1821 г. Фотій писалъ гр. Орловой: «отъ ношенія на мнѣ всегдашней тяжести, удручающей тѣло мое, изгноилъ плоть мою до костей моихъ на всей груди, на сихъ дняхъ изрѣзана ради изувѣченія грудь моя посредѣ и всѣ кости почти на ней обнажены: вся грудь моя есть едина рана. Правый сосецъ внутрь отъ огня изгнилъ». Между тѣмъ Ф. Горбуновъ ¹⁾ сообщаетъ, что у Фотія былъ только нарывъ на груди. Докторъ Соколовскій предлагалъ Фотію разрѣзать нарывъ, но больной не согласился; нарывъ прорвался самъ, и Фотій выздоровѣлъ.

Мы знаемъ, какъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности описаніе Фотія его дѣятельности во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, какъ онъ преувеличилъ свои весьма скромные труды по должности законоучителя въ этомъ заведеніи; невольно закрадывается сомнѣніе, не преувеличилъ ли онъ и свои «подвиги»; вѣдь этихъ подвиговъ никто не контролировалъ и возможно, что если бы ихъ можно было контролировать такъ же, какъ дѣятельность законоучителя, то мнѣніе Фотія о самомъ себѣ рѣзко разошлось бы съ мнѣніемъ о немъ компетентныхъ властей. Власяницу и вериги онъ безспорно надѣвалъ, но носилъ ли всегда—никто не знаетъ. О своемъ высокомъ призваніи, о своемъ духовномъ совершенствѣ Фотій упоминаетъ многократно; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что достигъ высшаго совершенства. Чтобы ясно очертить, что думалъ о себѣ Фотій, приведу его собственныя слова, возмущающія религиозныя чувствованія всякаго вѣрующаго. Предавая анаемѣ кн. Голицина, Фотій говорилъ: «Уста моя глаголятъ тебѣ: но сія уста, яко Господни, ты вмѣняй: когда азъ тебѣ глаголай есмь есть тебѣ Господь во мнѣ глаголай». Чтобы оцѣнить все самообожаніе Фотія, нужно принять во вниманіе, что онъ писалъ свою автобіографію на досугѣ, много лѣтъ спустя послѣ этого происшествія, и все же нашелъ нужнымъ написать эти безумныя фразы.

¹⁾ Русскій Архивъ 1870; стр. 901.

Когда Фотій получилъ три тысячи при назначеніи игуменомъ Деревеницкаго монастыря, то высказалъ: «Не остави мя Боже Исусе Христе, и азъ Тебя не оставлю». Очевидно, дальше идти нельзя. Можно привести много подобныхъ доказательствъ того, что Фотій считалъ себя надѣленнымъ высшей силой, но, по понятнымъ причинамъ, можно ограничиться сказаннымъ.

Повторяю, что Фотій искренно считалъ себя всегда правымъ, былъ увѣренъ въ своей непогрѣшимости и даже святости; все, что онъ дѣлалъ, по его убѣжденію, было прекрасно; онъ обладалъ всѣми добродѣтелями, совершалъ великія дѣянія, соблюдалъ всѣ требованія церкви; лучше, добродѣтельнѣе, благочестивѣе его никого въ то время не было.

Чтобы закончить объ этой сторонѣ характера Фотія, укажу, что и языкъ и форма его автобіографіи напоминаютъ «житія»; онъ говоритъ, почти всегда, о себѣ въ третьемъ лицѣ, высокимъ слогомъ; вся автобіографія—это высокопарное описаніе подвиговъ и добродѣтелей Фотія. Никто еще не писалъ своего «житія», потому что, конечно, нормальный человѣкъ не можетъ причислять себя къ числу тѣхъ избранниковъ, «житія» которыхъ составляются лицами, пораженными высокими добродѣтелями и подвигами этихъ избранниковъ. Повышенный тонъ въ житіяхъ вполнѣ объясняется восторженнымъ поклоненіемъ авторовъ, описывающихъ жизнь почитаемыхъ ими подвижниковъ, но никому не приходило въ голову писать исполненное похвалъ и поклоненія собственное жизнеописаніе въ стилѣ и тонѣ «житія». Только Фотій, вслѣдствіе своей патологической организаціи, могъ восторгаться собственными добродѣтелями, могъ хвалить себя съ начала до конца своей автобіографіи, забывая, что скромность обязательна не только для монаховъ, но и для мірянъ.

Понятно, что Фотій, такъ переоцѣнивавшій свои достоинства, былъ самага дурного мнѣнія о всѣхъ своихъ современникахъ, за исключеніемъ конечно лицъ, вполнѣ ему преданныхъ; а такъ какъ только гр. Орлова была ему предана до конца, то въ концѣ-концовъ, если вѣрить Фотію, въ его время была только одна достойная уваженія личность—это гр. Орлова. Лица, не соглашавшіяся съ Фотіемъ, по его убѣжденію, были или глупы или подлы, при чемъ онъ не церемонился въ своихъ отзывахъ даже о столь авторитетныхъ іерархахъ, какъ Филаретъ, митрополитъ московскій. Вообще всѣ, съ кѣмъ приходилось встрѣ-

чаться въ жизни Фотію, оказались жалкими ничтожествами или зловредными преступниками; только тѣ, кто былъ ему преданъ, удостоивались добраго отзыва Фотія; но когда они оказывали противодѣйствіе, онъ не церемонился указывать на ихъ ничтожество или грѣховность.

Даже только для того, чтобы отгнѣнить свое превосходство, онъ не постѣснился выставить въ дурномъ освѣщеніи и своего отца, и своего брата. Казалось бы, не было никакой надобности сообщать, что отецъ его пьянствовалъ, но Фотій нашель нужнымъ рассказать объ этомъ, чтобы повѣдать о томъ, что еще мальчикомъ былъ настолько добродѣтеленъ, что уговариваль отца не пить, хотя за эти добрые совѣты и получаль колотушки. Также не интересно, что братъ Фотія плохо учился и полѣнивался; но Фотій не могъ удержаться, чтобы не рассказать, какъ онъ помогаль брату учиться, наставляль его и билъ.

Начальство 2-го кадетскаго корпуса, не оцѣнившее выдающихся заслугъ Фотія, если вѣрить его автобіографіи, ничего кромѣ презрѣнія не заслуживаетъ. Фотій былъ такъ золъ на директора корпуса, что даже въ автобіографіи упоминаетъ: «принять былъ отъ гордаго генерала у порога прихожей кельи». Если это и вѣрно, то едва ли Фотій, колотившій своихъ подчиненныхъ, имѣль право негодовать на «гордаго генерала». Можно лишь удивляться такой злопамятности со стороны монаха.

Когда Фотій гостилъ въ 1823 г. въ Москвѣ у гр. Орловой, онъ не нашель въ первопрестольной хорошихъ монаховъ и священниковъ; всѣ, по его отзыву, оказались плохи; только священникъ церкви «Положеніе ризы Спаса Христа» Михаилъ и чиновникъ Смирновъ удостоились добраго отзыва Фотія. Онъ «желаль провѣдать, нѣтъ ли гдѣ въ какой обители настоятеля подвижника, или инока, дабы онъ могъ пришедъ принять благословеніе и слово на пользу, то отнюдь не можно было слышать, чтобы кто-либо былъ гдѣ подвижникъ въ такомъ числѣ обителей». Такое отрицательное отношеніе къ московскому духовенству объясняется тѣмъ, что въ благочестивой Москвѣ не оказали должнаго уваженія Фотію, проживавшему на особомъ положеніи у «богомудрой дѣвицы», тѣмъ болѣе, что въ то время митрополитомъ былъ Филаретъ (Дроздовъ), понимавшій и потому не любившій Фотія. Понятно, что Фотій не скупится въ обвиненіяхъ Филарету. Нельзя упрекнуть Фотія за то, что

онъ ставилъ въ вину Филарету его участіе въ переводѣ библіи на русскій языкъ; лица, превосходившія Фотія и умомъ, и развитіемъ, не сочувствовали этому дѣйствительно великому дѣлу. Фотій взводилъ на Филарета обвиненія столь же дерзкія, какъ и лживыя; онъ увѣряетъ, что въ Москвѣ «и духовные и мірскіе: во всѣхъ было мнѣніе, что онъ не имѣетъ православія, не приверженъ ко святой церкви». Фотій утверждаетъ, что будто бы Филаретъ «сказывалъ слова въ поученіе весьма рѣдко неудачно, или вовсе не говорилъ», хотя и признаетъ, что Филаретъ былъ «многоученъ».

Если о такомъ выдающемся митрополитѣ Фотій отзывался такъ дерзко и несправедливо, то понятно, что менѣе авторитетные іерархи въ глазахъ Фотія были жалкія ничтожества. Вся вина Филарета по отношенію къ Фотію могла состоять въ томъ, что онъ его понималъ и потому не раздѣлялъ мнѣнія почитателей этого фанатика. Сколько извѣстно, ничего дурного Филаретъ Фотію не сдѣлалъ, но едва ли онъ одобрялъ скандализировавшія общество взаимныя отношенія между молодымъ монахомъ и нестарой «богомудрой дѣвицей».

Когда митрополитъ с.-петербургскій Серафимъ въ борьбѣ съ княземъ Голицынымъ нуждался въ помощи Фотія и выслушивалъ его совѣты и даже имъ слѣдовалъ, Фотій хвалилъ этого начальника, въ его автобіографіи ясно сквозитъ, что Фотій смотрѣлъ на него сверху внизъ, считалъ его ниже себя, хотя и одобрялъ его усердіе къ «дѣлу». Когда митрополитъ, что дѣлаетъ ему большую честь, отказался отъ помощи и совѣтовъ Фотія и даже принужденъ былъ потребовать, чтобы тотъ не нарушалъ церковныхъ правилъ, Фотій съ крайней злобой отнесся и къ митрополиту, и къ его викарію въ Новгородѣ. Фотій устроилъ крестный ходъ, и митрополитъ предписалъ своему викарію взять отъ Фотія подписку, что онъ впредь этого дѣлать не будетъ. Понятно и митрополитъ, и викарный епископъ оказались врагами Фотія. Въ письмѣ къ гр. Орловой ¹⁾ Фотій писалъ въ 1837 г. о викарномъ епископѣ: «онъ пріиметъ всуе имя Господа Бога, не соблюдаетъ заповѣди, не видитъ, что грѣшитъ, претыкается...» «какъ безумный безумно переиначилъ...» Фотій, конечно, не считалъ для себя обяза-

¹⁾ Русская Старина 1896; сент.

тельными какія-либо правила и потому позволялъ себѣ приобщать гр. Орлову у жертвенника въ алтарѣ. Вѣроятно, помня старыя услуги Фотія и желая замѣть такое скандальное дѣло, митрополитъ ограничился тѣмъ, что запретилъ Фотію исповѣдовать и приобщать лицъ «женскаго пола». Фотій былъ взбѣшенъ такимъ удивительно мягкимъ распоряженіемъ своего начальника и въ томъ же письмѣ къ гр. Орловой обвиняетъ митрополита: «я всегда слышалъ однѣ насмѣшки отъ Серафима надъ Богородицею»... остальныхъ обвиненій противъ митрополита можно и не передавать... Въ самомъ дѣлѣ, какое болѣе жестокое обвиненіе можно взвести на митрополита? Къ счастью въ это время Фотію никто, кромѣ «богомудрой дѣвицы», не вѣрилъ. Въ этомъ длинномъ письмѣ Фотій выставляетъ себя и гр. Орлову жертвами «козней вражьиыхъ» и заканчиваетъ письмо: «Радуйтесь и веселитесь Фотіе и Анно, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Радуйся Анно, Господь съ тобою!»

Такъ какъ императоръ Александръ I не вполне исполнилъ совѣтъ Фотія, то отзывы о государѣ этого монаха, пугавшаго правительство революціей, таковы, что даже свободомыслящіе міряне воздерживаются отъ такихъ дерзостей; такъ онъ утверждаетъ, что кн. Голицынъ былъ соучастникомъ «въ однихъ тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не лѣтъ есть и глаголати». Чтобы понять всю дерзость этого обвиненія, нужно припомнить, что Фотій утѣшалъ Аракчеева послѣ убійства извѣстной Настасьи и отпѣвалъ эту злодѣйку, хотя, какъ говоритъ А. М. Тургеневъ, она была лютеранка ¹⁾. Очевидно, что незаконное сожительство онъ не считалъ такимъ дѣломъ, о которомъ «не лѣтъ есть и глаголати».

Къ высшимъ сановникамъ церкви, не раздѣлявшимъ взглядовъ Фотія, онъ относился враждебно: «Стыдъ же всѣмъ прочимъ архіереямъ»... «о словѣ и дѣлѣ Божіемъ вовсе пренебрегли, якобы то не ихъ было званія потреба».

Однимъ словомъ, если вѣрить Фотію, то въ Россіи въ то время не было ни одного вполне достойнаго, духовнаго лица; только Фотій спасъ погибающую, по его мнѣнію, церковь; онъ признаетъ, что митрополитъ Серафимъ «подвигся ревностью», но «не самъ по себѣ», притомъ же онъ былъ «менѣе славенъ

¹⁾ Русская Старина 1895; июль.

въ ученїи»; если бы не совѣты и энергія Фотія, онъ ничего не сдѣлалъ бы, и Фотій себѣ приписываетъ всю заслугу.

Фотій отзывается хорошо лишь о тѣхъ лицахъ, которыя были ему преданы или, по крайней мѣрѣ, помогали въ борьбѣ съ врагами; такъ онъ хвалитъ своихъ поклонницъ—знатныхъ дамъ. Насколько не скупится «убогій Фотій» въ похвалахъ лицамъ, помогавшимъ ему въ борьбѣ, можно судить по тому, что, по его отзывамъ, лучшимъ человѣкомъ того времени былъ Аракчеевъ. «Кратко скажу—онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковыя люди вѣками рождаются». Объ этомъ ужасѣ всей Россіи Фотій пишетъ «Въ немъ кромѣ добра я ничего не видѣлъ». Нужно добавить, что такъ писалъ Фотій въ 1824 г.; несомнѣнно, что если бы Аракчеевъ оставался во власти, между двумя изувѣрами произошло бы столкновение, и Фотій перемѣнилъ бы свой взглядъ на этого изверга.

Въ такомъ же духѣ Фотій отзывается и объ остальныхъ своихъ друзьяхъ; онъ превозноситъ генерала Уварова, знаменитаго своимъ невѣжествомъ, Магницкаго, князя П. Шихматова, Шишкова, Гладкаго. Конечно, единственное ихъ право на похвалу Фотія было въ томъ, что они или помогали ему бороться съ врагами, или раздѣляли его взгляды. Такъ заслуга Магницкаго состояла въ томъ, что «онъ, бывая у графа Аракчеева, нерѣдко ему дѣлалъ внушенія свои добрыя и разумныя къ содѣйствію въ дѣлахъ противу враговъ вѣры и блага общаго».

Духовенство того времени можетъ гордиться, что Фотій, найдя прекрасныхъ людей среди высшихъ чиновниковъ, не нашелъ имъ равныхъ среди духовныхъ лицъ. «О духовныхъ же молчать здѣсь надобно! Какой позоръ будущимъ родамъ».

Гр. Орловой Фотій приписываетъ всѣ добродѣтели; нѣтъ надобности повторять здѣсь всѣ его похвалы; онъ нашелъ ее достойной пріобщаться у жертвенника въ алтарѣ; я думаю, что Фотій даже искренно боготворилъ гр. Орлову; она платила ему тою же монетою; если бы она освободилась отъ вліянія Фотія, тогда, конечно, оказалась бы въ глазахъ его такою же злою грѣшницею, какъ и всѣ, не раздѣлявшіе его взглядовъ.

Враждебныя отношенія Фотія ко всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, возникли или изъ несогласія ихъ съ нимъ или изъ нежеланія Фотія подчиняться кому-либо. Поэтому всѣ, кромѣ гр. Орловой, дѣлались его врагами, если ихъ

отношенія не прерывались случайно. Даже лицъ, которыхъ онъ не зналъ, Фотій считалъ своими врагами, какъ напримѣръ, Татаринову, съ которой боролся со всей своей страстностью, обвиняя ее въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Понятно, что онъ долженъ былъ относиться враждебно къ кн. Голицыну, міровоззрѣніе котораго было чуждо и непонятно Фотію. Въ борьбѣ съ врагомъ Фотій считалъ дозволенными всѣ средства. Особенно ненавистенъ былъ ему кн. Голицынъ, какъ свѣтскій начальникъ надъ духовенствомъ. Фотій былъ самаго высокаго мнѣнія «о чинѣ ангельскомъ»; это благоговѣніе появилось у него очень рано; онъ самъ былъ монахомъ и не хотѣлъ признавать надъ собой никакой власти.

Съ враждебностью, непонятной для здравомыслящаго, онъ относится къ авторамъ непонятныхъ ему книгъ; онъ считаетъ Штиллинга, Госснера и т. п. величайшими грѣшниками и злодѣями, и ему не приходитъ въ голову, что вслѣдствіе своей недостаточной подготовки онъ не вполне понимаетъ ихъ произведенія.

IV.

Само собою разумѣется, что общественная дѣятельность Фотія представляетъ громаднѣйшій интересъ для психолога, хотя психологъ, конечно, относится къ этой дѣятельности иначе, чѣмъ историкъ; ихъ точки зрѣнія весьма различны. Психологу нужно выяснитъ, какими мотивами руководился Фотій, какъ онъ дѣйствовалъ, объяснить причину успѣха этого необразованнаго монаха. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удивительно, что вождемъ или, по крайней мѣрѣ, вдохновителемъ цѣлой группы образованныхъ и вліятельныхъ лицъ явился необразованный молодой монахъ. Историки уже уяснили то положеніе общества, ту среду, въ которой дѣйствовалъ Фотій, и психологъ можетъ пользоваться уже готовыми въ этомъ отношеніи данными.

Въ 1817-мъ году, когда Фотій выступилъ на арену общественной дѣятельности, религіозные вопросы живо интересовали общество; особенно сильно движеніе было въ Петербургѣ. Значительная часть общества, во главѣ съ кн. Голицынымъ, искала «внутренней церкви», увлекалась мистицизмомъ. Лабзинъ, Татаринова, Крюденеръ и даже скопецъ Селивановъ имѣли много приверженцевъ. Библейское Общество процвѣтало, масонскія

ложи не утратили своего значенія. По понятнымъ причинамъ, намъ неизвѣстно точно, какъ духовныя власти въ душѣ смотрѣли на эти увлеченія: власть князя Голицына была очень велика. Конечно, нѣкоторые духовныя особы относились миролюбиво къ исканіямъ «внутренней церкви», справедливо рассуждая, что пробужденіе религіозныхъ интересовъ, хотя бы и при неправильномъ отношеніи къ истинной вѣрѣ, лучше полнаго безвѣрія. Другія духовныя особы—число и значеніе ихъ намъ не извѣстно—вполнѣ отрицательно относились къ движенію, поощряемому княземъ Голицынымъ, но не умѣли или не рѣшались бороться съ этимъ движеніемъ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ не выяснено, почему всѣ духовныя особы не относились такъ пассивно къ движенію, которому конечно сочувствовали далеко не всѣ; также не выяснено, какая часть духовенства относилась къ движенію отрицательно; вѣроятно, какія-либо, хотя и слабыя попытки остановить движеніе были.

Фотій выступаетъ на арену общественной дѣятельности въ періодъ увлеченія религіозными вопросами, когда всѣ, интересующіеся религіей, распались на два лагеря, — когда среди самого духовенства было двѣ партіи. Фотій, всѣ душевныя силы котораго были сосредоточены на мысли о собственномъ спасеніи монашескими подвигами, ничего и никого не любившій, ничѣмъ кромѣ своей личности не интересовавшійся, не могъ оставаться индифферентнымъ въ происходящей вокругъ него борьбѣ. Взгляды его уже сложились; къ дальнѣйшему развитію онъ былъ неспособенъ; жизнь его столкнула съ лицами, не раздѣляющими его взглядовъ: во второмъ кадетскомъ корпусѣ были масоны и друзья Лабзина. Фотій тотчасъ же вступилъ съ ними въ борьбу; онъ искренно считалъ Лабзина зловреднымъ еретикомъ; его возмущало, какъ смѣетъ Лабзинъ — человѣкъ свѣтскій — поучать религіи; вѣдь это — посягательство на исключительное право духовныхъ лицъ. Фотій считаетъ себя оскорбленнымъ Лабзинымъ, тѣмъ болѣе, что Лабзинъ дѣйствуетъ успѣшнѣе его, Фотія, имѣющаго право поучать; Лабзинъ становится врагомъ Фотія. Фотій всецѣло отдается этой борьбѣ; все, что говоритъ и пишетъ Лабзинъ, для Фотія становится самой зловредной ересью; все, что думаетъ Фотій, пріобрѣтаетъ авторитетъ, становится несомнѣнной истиной.

Борьба оказалась совершенно не по силамъ невѣжественному

монаху; единственнымъ результатомъ этой борьбы было то, что Фотія сочли душевнобольнымъ и подвергли изслѣдованію; образованные люди и не могли иначе отнестись къ самоувѣренному и невѣжественному монаху, тѣмъ болѣе, что дѣла, ему порученнаго, онъ исполнять удовлетворительно не могъ. Никому и въ голову не приходило, что этотъ неискусный противникъ Лабзина нанесетъ роковой ударъ кн. Голицыну и движенію, имъ поощряемому.

✓ Съ 1817 по 1821 г. окончательно сложились у Фотія идеи величія и идеи преслѣдованія; обманы чувства окончательно убѣдили его, что онъ призванъ совершить великія дѣла и разрушить козни дьявола, что онъ великій подвижникъ, окруженный врагами. Онъ борется съ послѣдователями Татариновой, нападаетъ на Библейское Общество, Крюденеръ, однимъ словомъ—число его мнимыхъ враговъ все растетъ и растетъ; онъ уже считаетъ себя единственнымъ борцомъ за церковь; все духовенство, по его мнѣнію, погрязло въ невѣріи и грѣхѣ. Понятно, что онъ сталъ нетерпимъ въ Петербургѣ и его переводятъ въ бѣдный, запущенный монастырь, при чемъ отказываютъ даже въ прогонахъ.

Но искреннее и горячее убѣжденіе въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, запальчивость въ борьбѣ съ врагами уже начали вліять на небольшой кружокъ лицъ; всегда и всюду есть лица, вѣрящія убѣжденному проповѣднику, какъ бы ни были нелѣпы идеи, имъ высказываемыя. Самъ Фотій называетъ нѣсколько знатныхъ пожилыхъ дамъ, относившихся къ нему благожелательно—княгиню С. Мещерскую, графиню Е. Чернышеву, Державину, Баранову, бояринь-вдовицъ Дарью и Параскеву и т. д. Понятно, что у Фотія оказались вначалѣ только поклонницы; да и потомъ, судя по его автобіографіи, онъ не имѣлъ ни одного вполне преданнаго ученика. Всегда и всюду фанатики прежде всего увлекали женщинъ; увлечь мужчинъ гораздо труднѣе. Едва ли это объясняется большею внушаемостью женщины, да если бы это было и такъ, то такимъ объясненіемъ нельзя было бы удовлетвориться, такъ какъ оставалось бы необъяснимымъ, почему женщины поддаются легче внушенію. Я думаю, что дѣло объясняется гораздо проще: тѣ, кто былъ въ состояніи понимать нелѣпость ученія Фотія, отворачивались отъ него; тѣ же, кто этого или по недостаточному своему развитію, или вслѣдствіе ограниченности умственныхъ силъ понять не могли, вѣрили ему, какъ аскету.

Поклонницы Фотія ухаживали за нимъ въ болѣзни, снабжали его деньгами, но не могли удержать въ Петербургѣ, и если бы не было гр. Орловой, по всей вѣроятности, исторія не сохранила бы имени Фотія: такихъ фанатиковъ и психопатовъ не мало, и вся ихъ дѣятельность исчерпывается неинтересною никому борьбою съ ихъ врагами или же нарушеніями общественнаго порядка.

Передъ отъѣздомъ въ Деревяницы Фотій познакомился съ гр. Орловой; ей рекомендовалъ Фотія Иннокентій, что, впрочемъ, не доказано; можетъ быть ея вниманіе на Фотія обратили поклонницы Фотія. Взаимныя отношенія Фотія и Орловой крайне интересны для психолога; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ заслуживающихъ довѣрія свѣдѣній объ этой удивительной особѣ, а потому намъ не могутъ быть вполне понятны эти отношенія. Мы не знаемъ была ли психически здорова гр. Орлова, не знаемъ была ли она умна. Намъ извѣстно, что она не вышла замужъ, хотя была самой богатой невѣстой въ Россіи. Она познакомилась съ Фотіемъ, когда молодость ея уже прошла, и характеръ вполне сложился. Весьма возможно, что гр. Орлова не была лишена живого нравственнаго чувства, ее мучили семейныя воспоминанія, и она искренно желала добрыми дѣлами искупить грѣхи своего отца, пожертвовать личнымъ счастіемъ для искупленія этихъ грѣховъ, быть добродѣтельной настолько, чтобы и самой спастись и искупить грѣхи семьи. Понятно, что очень трудно выполнить такую задачу: здравый смыслъ всегда подсказываетъ, что такая задача не по силамъ простому смертному; весьма возможно, что гр. Орлову мучили сомнѣнія, какъ лучше достигнуть поставленной цѣли, стоитъ ли она на вѣрномъ пути, тѣмъ болѣе, что она была честолюбива и не рѣшалась идти въ монастырь, слѣдовательно, не могла выполнить того, что должна была, по ея мнѣнію, сдѣлать. Она хотѣла выйти замужъ, но считала, что такой шагъ помѣшаетъ исполнить взятую на себя задачу. Однимъ словомъ, ей нуженъ былъ руководитель, который научилъ бы ее, что она должна дѣлать, чтобы спасти себя, искупить грѣхи отца, избавилъ бы ее отъ мучившихъ сомнѣній. Если вѣрить Фотію, то гр. Орлова въ началѣ ихъ знакомства далеко не была увѣрена, что достигла совершенства, колебалась и сомнѣвалась; на основаніи автобіографіи Фотія и имѣющихся писемъ Фотія и гр. Орловой, она много симпатич-

нѣе своего наставника. Мнѣ кажется, что гр. Орлова обладала благородною душой и не ея вина, что задача, ею на себя взятая, оказалась не по силамъ; она была настолько честна, что все же сознавала свое безсиліе и искала учителя, который научилъ бы ее достигнуть страстно желаемой цѣли.

Сомнѣвающаяся въ своихъ силахъ, колеблющаяся въ своихъ рѣшеніяхъ, гр. Орлова наконецъ нашла руководителя. Твердое убѣжденіе Фотія въ своей непогрѣшимости должно было ей импонировать; она наконецъ нашла монаха, который ни въ чемъ не сомнѣвался, которому все было ясно, который считалъ себя въ правѣ поучать и проклинать.

Карновичъ въ своей біографіи Фотія замѣчаетъ, что сколько можно судить по извѣстнымъ намъ письмамъ, трудно понять, «почему этими письмами—а въ духѣ ихъ, конечно, велись и словесныя поученія—могъ онъ такъ сильно подѣйствовать на Орлову, считавшую ихъ апостольскими посланіями». Дѣйствительно письма эти таковы, что не могли убѣдить Орлову, даже если она была и не умна. Но вѣдь путемъ убѣжденія и нельзя имѣть такой власти, какую имѣлъ Фотій надъ Орловой, такъ что не въ убѣдительности писемъ мы должны искать объясненія полной власти Фотія надъ Орловой.

Она не поняла, что Фотій психически боленъ, почему — это дѣло другое; Фотій дѣйствительно, не походилъ на остальныхъ монаховъ, слѣдовательно, Орлова могла заподозрить въ немъ необыкновеннаго, почти святого человѣка. Этотъ необыкновенный монахъ искренно и непоколебимо былъ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, въ своемъ высшемъ призваніи, считалъ себя въ правѣ отпускать грѣхи, поучать и проклинать. Вѣра Фотія передалась Орловой, — вѣдь всегда глубокое убѣжденіе властно дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, на сомнѣвающихся. Самъ Фотій описываетъ, что Орлова спрашивала его мнѣнія относительно мучившихъ ее сомнѣній, напр., «о дѣвствѣ», и Фотій давалъ ей совѣты въ самой категорической формѣ, не допускалъ ни малѣйшихъ возраженій; вѣдь для Фотія было все ясно и несомнѣнно. Онъ сталъ наставлять Орлову какъ одѣваться, какъ убирать комнаты и т. п.; Орлова была очень довольна, что нашла «премудраго» праведника, и исполняла наставленія, отдаваемыя необыкновеннымъ монахомъ, все знающимъ, увѣреннымъ въ своей непогрѣшимости.

Какъ религіозные, такъ и политическіе фанатики убѣждаютъ, подчиняютъ себѣ не доводами, не превосходствомъ ума, а именно искренней вѣрой въ свою непогрѣшимость; такимъ же путемъ подчинилъ себѣ Фотій и Орлову.

Однако, однимъ этимъ нельзя объяснить полную власть Фотія надъ Орловой; конечно, для нея весьма важно было найти руководителя, но до полного подчиненія она могла бы и не дойти, встрѣтивъ другихъ проповѣдниковъ; а едва ли былъ недостатокъ въ лицахъ, желавшихъ подчинить себѣ самую богатую дѣвушку въ Россіи.

Фотій сразу сумѣлъ поставить себя въ исключительныя отношенія къ Орловой; какъ только она стала исполнять его совѣты, онъ началъ ее увѣрять, что она стала на вѣрный путь къ спасенію, началъ ей льстить безъ всякой мѣры. Гр. Орлова имѣла все въ жизни; ей недоставало только увѣренности, что она спасетъ себя и искупитъ грѣхи отца; духовныя особы, къ совѣтамъ которыхъ она обращалась, конечно, поучали ее какъ труденъ ея путь. Фотій же настойчиво убѣждалъ, что она — «богомудрая дѣвица», «ангелъ земный», «сосудъ благодати» и т. п. Фотій льстил Орловой постоянно и послѣдовательно и льстил именно такъ, что она должна была привязаться къ непогрѣшному монаху, открывшему въ ней такія чудныя добродѣтели. Понятно, что Орлова была весьма признательна Фотію, увѣрившему ее, что она — «сосудъ благодати»; вѣдь она именно и хотѣла достигнуть даже и меньшей степени совершенства, Фотій же награждалъ ее святостью. Лесть непобѣдимо дѣйствуетъ едва ли не на всѣхъ, и Орлова не могла противостоятъ настойчивой лести Фотія. Она привязалась къ необыкновенному монаху, постоянно ей льстившему, постоянно ее убѣждавшему, что она получитъ «мзду на небесѣхъ» и приказывавшему ей «радоваться». Такимъ образомъ Фотій далъ ей то, къ чему она всегда стремилась и притомъ не требовалъ никакихъ жертвъ, ничего для нея труднаго; деньги и драгоценности у ней были въ изобиліи; жить около Юрьева монастыря не непріятно, а подчиняться Фотію, вѣроятно, ей было даже пріятно, вслѣдствіе пассивности ея характера.

Я совершенно согласенъ съ Карновичемъ на счетъ того, что рѣшительно недопустимо предположеніе о связи Фотія и Орловой; на этомъ пути Фотій встрѣтилъ бы болѣе искусныхъ со-

перниковъ; только импонируя убѣжденіемъ въ своей непогрѣшимости и лестью, Фотій могъ повелѣвать Орловой.

Можно, конечно, сомнѣваться относительно искренности похвалъ Фотія Орловой; она была для него все; и деньги, и власть Фотій имѣлъ, благодаря ей и потому поневолѣ закрадывается сомнѣніе въ томъ, что онъ искренно ее считалъ «сосудомъ благодати». Если даже гр. Орлова была очень ограничена, все же она жила въ высшемъ обществѣ и встрѣчала въ своей жизни самыхъ ловкихъ льстецовъ и не подпадала подъ ихъ вліяніе; при томъ же трудно допустить, чтобы Фотій сумѣлъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ разыгрывать роль искуснаго льстеца. Гораздо правдоподобнѣе допускать, что Фотій вполнѣ искренно надѣлялъ святостью гр. Орлову: вѣдь она была вполнѣ преданная и послушная его ученица; онъ одинъ обладалъ истинною и святостью, а слѣдовательно и Орлова была «сосудъ благодати», и во всемъ нечестивомъ мірѣ оказались два праведника, Анна и Фотій, которыхъ онъ вполнѣ искренно и славословилъ.

Вполнѣ согласно съ своими взглядами, Фотій распоряжался средствами Орловой; онъ дѣлалъ, по его убѣжденію, добрыя дѣла; чтобы показать врагамъ свое величіе, онъ долженъ былъ великолѣпно жить, и это было доброе дѣло: враги видѣли торжество и величіе «убогаго Фотія». Фотій дѣйствительно безцеремонно пользовался средствами Орловой, но не такъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенные любители пожить на чужой счетъ. Вѣдь, и политическіе фанатики ищутъ жертвователей на «общее дѣло». Фотій отсовѣтовалъ Орловой поступать въ монастырь, но и въ этомъ случаѣ былъ вполнѣ послѣдователемъ: онъ былъ убѣжденъ, что только онъ одинъ истинный праведникъ, всѣхъ же духовныхъ своего времени считалъ жалкими грѣшниками; понятно, что онъ могъ совѣтовать Орловой спастись подъ его руководствомъ. Такъ какъ такой совѣтъ нравился Орловой, то она охотно его исполнила; Фотій ее увѣрилъ, что она наилучшимъ образомъ будетъ служить дѣлу, поддерживая свои связи въ высшемъ кругу; Орлова охотно исполнила и этотъ совѣтъ; повидимому она дорожила своимъ высокимъ положеніемъ, а для Фотія была необходима высокопоставленная защитница противъ «козней вражійхъ».

Я не думаю, чтобы вліяніе Фотія на Орлову, хотя бы частью, можно было объяснить «внушеніемъ»; именно Фотій не обла-

далъ умѣніемъ внушать и гипнотизировать, и его попытка лѣчить «бѣсныхъ» въ юрьевскомъ монастырѣ окончилась печально. Вообще, Фотій ни на кого, кромѣ Орловой, значительнаго и продолжительнаго вліянія не имѣлъ, и всѣ, кого онъ снабжалъ своими совѣтами и наставленіями, весьма скоро устранялись отъ какого-либо общенія съ высокоумѣрнымъ фанатикомъ.

Дружба съ Орловой выдвинула Фотія на путь общественной дѣятельности; благодаря ея щедрымъ пожертвованіямъ, Фотій обстроилъ юрьевскій монастырь, чѣмъ и приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Пока былъ живъ знавшій Фотія митрополитъ Михаилъ, даже вліяніе Орловой не могло его выдвинуть. Въ 1821 г. митрополитомъ былъ сдѣланъ Серафимъ, и наконецъ, въ 1824 г. Орловой удалось уговорить митрополита вызвать Фотія въ Петербургъ, какъ энергическаго помощника въ предстоящей борьбѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Серафимъ, повидимому, неохотно и послѣ большихъ колебаній, приблизилъ къ себѣ Фотія, и только въ 1824 г. рѣшился дѣйствовать. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла подготовительная работа Орловой, Серафима и Фотія, но несомнѣнно, что Серафимъ прибѣгъ къ помощи Фотія и Орловой, какъ къ послѣднему средству. Сколько можно судить по всѣмъ дѣйствіямъ Серафима, онъ тяготился властью Голицына и желалъ его сверженія. Орлова подъ вліяніемъ Фотія и «недовольства тѣмъ, что личности эти (Крюденеръ, Татаринова) выдвинулись впередъ и оттѣснили ее, любимицу государыни и двора—на второй планъ»¹⁾, боролась противъ всего движенія. Для Фотія не было сомнѣній и колебаній; онъ съ ненавистью напалъ на еретиковъ и враговъ вѣры, а такъ какъ имъ покровительствовалъ Голицынъ, то и на этого сановника.

Фотій увѣряетъ, что употреблялъ всѣ усилія направить Голицына на путь истинный, и только, когда окончательно убѣдился въ его неискренности, рѣшился его погубить. Это весьма вѣроятно; но рассказы Фотія объ его бесѣдахъ съ Голицынымъ очень сомнительны; такъ Голицынъ не могъ сказать приписываемыхъ ему Фотіемъ фразъ: «Всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революціи», «поздно уже остановить, все уже въ большей силѣ» и т. п. Впрочемъ, для насъ и не имѣютъ большаго значенія отношенія Фотія и Голицына.

1) Митропольскій, Фотій Спасскій. „Вѣстникъ Европы“, XII, стр. 593.

Въ борьбѣ Фотій обнаружилъ самоувѣренность и неустрашимость, что конечно объясняется «видѣніями» и «откровеніями»; онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, боролся всѣми доступными ему средствами. Онъ убѣждалъ и убѣдилъ робкаго Серафима жаловаться государю и настаивать на удаленіи Голицына, писалъ обличенія ересей и черезъ Уварова достигъ того, что эти обличенія попали въ руки государя, добился аудіенціи у государя, которому словесно объяснилъ вредъ ересей, предалъ анаемѣ Голицына. Можно лишь удивляться энергіи, настойчивости и изворотливости малообразованнаго монаха.

Фотій очень правдоподобно описывалъ, какъ онъ убѣждалъ Серафима ѣхать къ государю съ жалобами на Голицына, какъ убѣждалъ Серафима не мириться съ Голицынымъ, когда о томъ просилъ, по порученію государя, пріѣхавшій къ митрополиту Аракчеевъ. Конечно, Фотій приписываетъ своимъ совѣтамъ рѣшимость Серафима, но можетъ быть Аракчеевъ и далъ понять митрополиту, что увольненіе Голицына весьма пріятно Аракчееву.

Привязанность государя къ Голицыну была такъ велика, что онъ не рѣшался оскорбить Голицына; движеніе, во главѣ котораго стоялъ Голицынъ, трудно было подавить; застрачиванія и совѣты Фотія не производили желаемого дѣйствія. Очевидно, что борьба была не по силамъ Серафиму и Орловой; нужны были новые приемы борьбы, болѣе дѣйствительные и рѣзкіе; наконецъ, необходима была крайняя настойчивость и неразборчивость въ средствахъ.

Фотій въ письмѣ къ государю отъ 12 апрѣля 1824 г. писалъ: «Богъ мнѣ сіе открылъ», «было видѣніе отъ Бога послано»; онъ видѣлъ ангела держащаго передъ нимъ книгу и слышалъ «гласъ свыше»; «зри и разумѣй». Такіе аргументы едва ли могли произвести желательное дѣйствіе, такъ какъ и противники Фотія также претендовали на обладаніе истиной, имѣли видѣнія и откровенія. Едва ли Фотій убѣдилъ бы въ своей правотѣ, несмотря на самоувѣренный тонъ своихъ посланій—вѣдь и его противники говорили такимъ же тономъ, но Фотій избрѣлъ самый убѣдительный аргументъ: онъ утверждалъ, что его противники опасны въ политическомъ отношеніи. Мы не знаемъ самъ ли Фотій открылъ этотъ непобѣдимый аргументъ или кто-либо указалъ ему, что Голицынъ, Кошелевъ, Татарина, Госсеръ, библейское Общество, гернгутеры и т. д. под-

готовляють революцію въ Россіи, но онъ воспользовался этимъ обвиненіемъ своихъ противниковъ и побѣдилъ.

Въ раскрытой книгѣ, которую передъ Фотіемъ держалъ ангель, онъ увидѣлъ сіи слова: «сія книга составлена для революціи и теперь намѣреніе ея революція»; Фотій узналъ въ видѣніи, что она есть книга «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христа». Въ томъ же письмѣ Фотій увѣрялъ государя, что Госснеръ «для приуготовленія къ революціи умы вызванъ учить».

Обвиненіе Госснера въ политической неблагонамѣренности оказалось не безплоднымъ, и Госснеръ былъ высланъ изъ Петербурга; найденъ былъ вѣрный способъ уничтожать враговъ. Какъ ни нелѣпо было обвиненіе, но оно оказалось страшнымъ орудіемъ, которымъ Фотій и воспользовался въ дальнѣйшей борьбѣ. Онъ послѣдовательно и настойчиво обвинялъ въ политической неблагонадежности всѣхъ своихъ противниковъ.

При первомъ свиданіи съ государемъ Фотій, по его словамъ, убѣждалъ императора, что «тайна беззаконія» «дѣется» во вредъ всякому порядку, закону и правительству», что «въ собраніи тайныхъ обществъ» «говорена рѣчь, что вскорѣ какъ пожаръ въ Россіи возгорится революція, теперь же уже дрова наложены». Въ письмѣ на имя государя отъ 29 апрѣля 1824 г., Фотій увѣряетъ, что общество гернгутеровъ, методистовъ «особенно слывущаго подъ именемъ иллюминатовъ» совратили Кошелева, который какъ «врагъ престола и алтаря» «поймалъ въ руки кн. Голицына», «дабы совокупно дѣйствуя, родить *реформу конституцію*, и такъ сказать, раскопать основы *церкви*, подрыть тайно и непремѣнно престоль *самодержавія*».

Нѣтъ надобности передавать содержаніе всѣхъ докладныхъ записокъ Фотія; всюду настойчиво повторяется, что враги угрожаютъ не только алтарю, но и престолу, что настоящая, извѣстная только Фотію цѣль библейскаго общества, методистовъ, иллюминатовъ, гернгутеровъ и т. д. произвести революцію въ Россіи, что только Фотій можетъ предотвратить опасность.

Можетъ казаться невѣроятнымъ, что такіа нелѣпныя увѣренія могли обратить на себя вниманіе; вѣдь очевидно, что Фотій, не зная жизни, не понимая политическихъ отношеній, рѣшительно не могъ правильно судить о движеніи, которому симпатизировали высокопоставленные сановники, въ благонамѣренности и

государственной мудрости которыхъ не было сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ законоучитель кадетскаго корпуса и архимандритъ захолустнаго монастыря могъ правильно предвидѣть опасность, могъ проникнуть въ цѣли руководителей релігіозныхъ обществъ. Казалось бы не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что малообразованный монахъ просто бредитъ и кромѣ сожалѣнія ничѣмъ нельзя отвѣтить на жалкія измышленія его больной фантазіи.

Увѣренія Фотія, однако, дѣйствовали; реакція, самая мрачная, торжествовала; идеи Фотія стали проникать въ жизнь; нашлись лица, которыя повѣрили ему; послѣдствія этой ужасной ошибки общеизвѣстны.

Какимъ же образомъ Фотію удалось убѣдить, что только подавляя всякое искреннее релігіозное стремленіе, подавляя свободу совѣсти и мысли, можно спасти Россію отъ революціи. Тезисъ, защищаемый Фотіемъ такъ нелѣпъ, что обосновать его не могъ бы даже самый тонкій діалектикъ. Фотій и не пытался доказывать справедливость своихъ идей; онъ лишь настойчиво повторялъ, что ему сообщена истина свыше за его подвиги, что дѣйствія его враговъ—козни діавола. Фотій увѣряетъ, что онъ много постился и молился и за то сподобился познавать будущее и настойчиво обвиняетъ всѣхъ своихъ противниковъ, присовокупляя, что онъ всею душею преданъ церкви и престолу.

Конечно, и по формѣ изложенія, письма Фотія не могли возбуждать къ себѣ особаго вниманія; это наборъ высокопарныхъ фразъ, повтореніе одной и той же мысли. Напримѣръ, письмо отъ 24 апр. 1824 г. начинается такъ:

Помазанникъ Божій
Слуга Господень

Царь милостію, кротостію, мудростію и силою, и славою свыше осѣненный!

Господь съ тобою
Радуйся о Дусѣ Святѣ и
Царствуй вѣвѣки!

Рабъ твой, служитель же св. церкви Божіей служитъ Богу и тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангелической

и по присягѣ. А потому на вопросъ твой: какъ пособить, дабы остановить революцію? молися Господу Богу, и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно». Затѣмъ слѣдуютъ совѣты удалить Голицына, Кошелева, Госснера, Феслера «и методистовъ выслать хотя главныхъ».

Провидѣніе Божіе теперь болѣе ничего дѣлать не открыло. Посылаю при семъ планъ. Повелѣніе Божіе я извѣстилъ; исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою Духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 ровно 12 лѣтъ: Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, какъ можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдитъ въ три минуты чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ состоитъ.

Радуйся, спасися!

Господь съ тобою,

Царствуй вовѣки съ Богомъ! Аминь.

Рабъ Бога и Господа Иисуса Христа о Дусѣ Святѣ ревнитель св. церкви, вѣрноподанный царю, послѣднѣйшій, но правовѣрный

Архимандритъ Фотій.

Психіатрамъ нерѣдко приходится читать письма съ такими вычурными обращеніями, съ такими громкими, но стереотипными фразами. Письма и статьи Фотія бѣдны содержаніемъ и чулковаты по изложенію.

Однако письма и бесѣды Фотія имѣли громадное вліяніе; самыя краснорѣчивыя, исполненныя глубокихъ мыслей сочиненія не производятъ дѣйствія такъ быстро, какъ это удалось Фотію. Фотій пропагандировалъ свои мысли въ домѣ Орловой, у него были поклонницы среди знатныхъ дамъ; эти благочестивыя дамы, конечно, распространяли идеи Фотія; появились добровольцы, желающіе спасти Россію отъ революціи.

Мы не знаемъ, какъ убѣдилъ Фотій своихъ почитательницъ, что Библейское Общество, Татаринова и т. д. готовятъ «революцію», но онъ намъ объяснилъ, хотя отчасти, какъ онъ въ томъ убѣждалъ государя 20 апрѣля. «Три часа почти продолжавшееся свое бесѣдованіе съ такою силою духа ко всякому благу, что онъ отъ главы до ногъ былъ, какъ водою, его по-

томъ смоченъ, и не простъ потъ, а яко кровавъ все одѣяніе его нижнее облилъ, что все сваявъ съ себя, а иное надѣвши и укрѣпився мало пищею (ибо онъ готовяся къ таковымъ дѣламъ, говѣлъ, приобщался, не пійи и не ядый ничтоже передъ лице царя предсталъ)». Послѣ того, какъ Фотій предалъ анаѳемѣ Голицына, онъ былъ вызванъ къ государю; тогда Фотій исповѣдовался у схимонаха Алексѣя, и по словамъ Фотія «Святый подвижникъ исполненъ былъ благодати Святого Духа, рекъ ему на путь въ благословеніе: «Не бойся чадо! гряди во имя Господне... подвизайся, чадо, Богъ дастъ тебѣ уста и премудрость, и дастъ тебѣ силу и крѣпость». Фотій зналъ, что государь былъ крайне недоволенъ его дерзостью по отношенію Голицына, подготовился къ защитѣ и энергически защищался. Когда аргументы Фотія пришли къ концу, онъ началъ искать за пазухой «надобную хартію»; государь «узрѣлъ, что Фотій во власяницѣ, желѣзныхъ веригахъ, и зря нагу грудь его, увидѣлъ язву глубоку до костей на ней посредѣ». Государь «весь былъ пораженъ, тронуть, и яко отъ огня веліяго, возгорѣлся отъ стыдѣнія». «Возвратился Фотій отъ царя въ домъ ко дщери дѣвицѣ Аннѣ весь въ великомъ потѣ, яко бы весь былъ съ кровью смѣшанъ».

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ патогенеза кроваваго пота; конечно, появленіе кроваваго пота указываетъ на нейропатическую конституцію Фотія, на крайнюю возбудимость сосудодвигательной системы; несомнѣнно, что крайняя зябкость стояла въ связи съ аномаліями сосудодвигательной системы, хотя главнымъ образомъ была обусловлена малокровіемъ, какъ результатомъ хроническаго голоданія.

По моему мнѣнію, крайне важно установить, что кровавый потъ появлялся у Фотія вслѣдствіе психическаго возбужденія, во время бесѣды съ государемъ; несомнѣнно, что въ эти часы Фотій находился въ психическомъ возбужденіи, нервная энергія достигала крайняго напряженія, онъ всѣмъ своимъ существомъ былъ поглощенъ тѣми мыслями, которыя высказывалъ государю. Такое крайне интенсивное возбужденіе мозговой дѣятельности сопровождалось чисто тѣлесными явленіями, но это не былъ аффектъ: Фотій такъ владѣлъ собою, что сумѣлъ въ критическій моментъ поразить государя власяницей и веригами. Этотъ подъемъ душевной дѣятельности одухотворялъ Фотія, поднималъ

его на недосыгаемую высоту, придавалъ ему особую силу, и слѣдовательно большую убѣдительность его проповѣди, несмотря на ея очевидную нелѣпность. Психическая сила, какъ и всякая сила, влѣяетъ сама по себѣ, хотя мы и не понимаемъ, какимъ именно путемъ. Несомнѣнно, что Фотій въ кабинетѣ государя проявилъ большую душевную силу, развилъ громадное количество мозговой энергіи. Хотя онъ былъ покрытъ кровавымъ потомъ, онъ всецѣло владѣлъ собою; это громадное самообладаніе, эта власть надъ собою дѣйствуетъ невольнo на слушателя. Все, что намъ извѣстно о религіозно-мистическомъ движеніи того времени, свидѣтельствуетъ, что мысли Фотія должны были казаться нелѣпыми и возмутительными; вѣдь онъ отрицалъ всякое право на самостоятельную религіозную жизнь; заковывалъ и вѣру, и мысль въ рабскія цѣпи; но эта дикая проповѣдь убѣдила, потому что была высказана съ глубокою вѣрою, съ большимъ воодушевленіемъ. Невольно казалось, что монахъ, столь смѣлый, столь убѣжденный, столь воодушевленный, столь властный, не заблуждается; онъ подчинялъ своей громадной душевной силѣ.

Фотій отмѣчаетъ случаи, кода у него появлялся кровавый потъ, поэтому можно думать, что это явленіе у него было рѣдко, въ моменты крайняго душевнаго напряженія. Слѣдовательно, такого напряженія у него не бывало, когда онъ убѣждалъ лицъ, не имѣвшихъ большого значенія, почему число лицъ, убѣжденныхъ имъ, было невелико. Нужно думать, что власяницы и властной рѣчи было достаточно, чтобы импонированъ боярынѣ Параскевѣ, дочери Аннѣ и т. п.; для лицъ обладавшихъ нѣкоторою самостоятельностью мысли этого было мало; на разумъ Фотій дѣйствовать не могъ, а вызывать у себя крайнее психическое возбужденіе онъ могъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Поученія Фотія были такъ нелѣпы, что даже высокій подъемъ духа, крайнія напряженія энергіи не произвели большого дѣйствія; ему довѣрились не вполне; его зловредные совѣты были выслушаны и даже отчасти исполнены; но Фотію все же не довѣрили высшаго поста; его оставили въ Юрьевскомъ монастырѣ. Къ чести нашего духовенства, онъ не нашель единомышленниковъ среди духовныхъ, даже митрополитъ Серафимъ тяготился своею близостью къ Фотію, и когда Голицынъ былъ смѣщенъ, удалилъ отъ себя Фотія и впредь уже не прибѣгалъ къ его помощи.

Сильное воодушевленіе Фотія оказалось дѣятельной силою, достаточною, чтобы произвести много зла, но крайняя нелѣпость его желаній была настолько очевидна, что полного успѣха Фотій добиться не могъ. Едва ли нужно прибавлять, что вліяніе Фотія не могло быть продолжительно; можно лишь удивляться, что онъ добился значительнаго успѣха; его извѣты на политическую неблагонадежность все же причинили много зла. Къ счастью Фотій не обладалъ ни умомъ, ни образованіемъ; тогда онъ надѣлалъ бы гораздо больше зла.

Наконецъ, мы не можемъ отказать Фотію въ большой смѣлости, а смѣлость, конечно, весьма импонируетъ людямъ; всѣ, не имѣющіе собственнаго сужденія — а таковыхъ вѣдь не мало — подчиняются смѣлому, смутно допуская, что человѣкъ, рѣшающійся на поступокъ, для остальныхъ невозможный, обладаетъ особою силою или властью.

Фотій обнаружилъ смѣлость, предавая анаѣемѣ кн. Голицына. Несмотря на жалобы митрополита, письменные и словесные совѣты Фотія, государь не рѣшался уволить Голицына; понявъ колебанія государя, Фотій рѣшился на крайнее средство: 25 апрѣля 1824 въ домѣ Орловой, онъ предалъ Голицына анаѣемѣ. «Но поразить васъ Господь Богъ всѣхъ и истребить скорѣ. Анаѣема». Когда Голицынъ уходилъ, Фотій вслѣдъ ему возгласилъ: «ежели ты не покаешься и вси съ тобою не обратятся, *анаѣема* всѣмъ; ты же, яко вождь нечестія, не узришь Бога, не увидишь въ царствіе (небесное) Христово, а снидешь въ адъ, и вси съ тобою погибнуть вовѣки. Аминь!» По словамъ Шишкова и Свербеева, Фотій, провожая Голицына по ряду комнатъ, вслѣдъ ему кричалъ громко: «анаѣема, да будешь ты проклятъ» ¹⁾.

Фотій рассказываетъ, что Орлова очень испугалась, а самъ онъ скача и радуясь, воспѣвалъ пѣснь сію: «Съ нами Богъ!»

Едва ли можно отрицать, что Фотій проявилъ большую смѣлость: хотя Государь и удостоилъ его вниманія, все же Фотій не могъ знать, какъ отнесутся къ его выходкѣ и заточеніе въ монастырь, даже въ Соловецкій, представлялось ему вполне возможнымъ. Уже не говоря объ особомъ расположеніи государя къ Голицыну, всякій здравомыслящій человѣкъ понималъ, что пра-

¹⁾ Русская Старина 1895; IV; стр. 191.

вительство не должно прощать такой возмутительной дерзости, должно болѣе или менѣе строго наказать дерзкаго архимандрита, присвоившаго себѣ право проклясть одного изъ высшихъ сановниковъ. Можно повѣрить Фотію, что онъ не боялся послѣдствій своей выходки: «видѣнія и откровенія» давали ему полную увѣренность, что онъ разрушитъ козни діавола. Только эти патологическимъ путемъ полученныя свѣдѣнія дали Фотію смѣлость проклясть Голицына; здоровыя духовныя лица не присвоивали въ XIX вѣкѣ себѣ права проклинать грѣшниковъ, и потому выходка Фотія не нашла себѣ подражаній. Только убѣжденный «видѣніями и откровеніями» психопатъ могъ присвоить себѣ такое несогласное ни съ духомъ нашей церкви, ни со всѣмъ нашимъ государственнымъ строемъ, ни съ нашими возрѣніями право. Здоровый монахъ въ XIX вѣкѣ не могъ позволить себѣ такой дерзости, даже если бы онъ не боялся наказаній; конечно, между духовными лицами были истинно неустрашимые люди, не боявшіеся заточенія въ монастырь и даже ссылки на каторжныя работы, однако никто не рѣшился проклинать вѣроотступника или вольнодумца. Вотъ именно въ этомъ, а не въ отсутствіи страха наказанія, я вижу удивительную смѣлость Фотія. Если бы онъ даже зналъ, что его дерзость окажется безнаказанной, его выходка противъ Голицына свидѣтельствовала бы о его смѣлости; онъ очевидно приписывалъ себѣ власть, ему не принадлежащую, осмѣлился на поступокъ, для всѣхъ положительно невозможный.

Несомнѣнно, что удивительная смѣлость Фотія произвела большой эффектъ; робкіе люди—а такихъ всегда не мало—подумали, что монахъ, осмѣлившійся проклясть своего начальника, друга государя, дѣйствительно имѣетъ необычайную власть. Къ сожалѣнію самъ Голицынъ придалъ серьезное значеніе дерзкой выходкѣ Фотія; наказанъ Фотія строго побоялись, Голицынъ потерялъ портфель. Лица, замѣнившія Голицына и его друзей, невольно дѣйствовали въ духѣ Фотія; если даже нѣкоторые изъ нихъ и не вполне раздѣляли его взгляды, то боялись возбудить его гнѣвъ, боялись, чтобы ихъ не постигла участь Голицына. Противники Голицына, а во главѣ ихъ стоялъ Аракчеевъ, охотно дѣлали то, что могло нравиться Фотію, и такимъ образомъ этотъ фанатикъ оказался историческимъ лицомъ, застрѣльщикомъ и знаменосцемъ всѣхъ палачей свободы, совѣсти и мысли. Если бы даже нашли возможнымъ ограничиться отставкой Го-

лица, все-таки было бы невозможно замѣнить его не ярымъ реакціонеромъ, потому что было очевидно, что Фотій проклянетъ всякаго, кто не будетъ душить свободу. Нужно было или наказать Фотія, или признать его правымъ, слѣдовательно, пойти по пути крайней реакціи; наказать Фотія не рѣшились, оставалось слѣдовать указаніямъ этого изувѣра.

Мы не знаемъ, почему именно не хотѣли наказывать Фотія; онъ самъ рассказываетъ, что государь былъ очень огорченъ его дерзкой выходкой, но смѣлость Фотія, его энтузіазмъ и глубокое убѣжденіе вмѣстѣ съ тайными происками враговъ Голицына, спасли смѣлаго фанатика. Фотій рассказываетъ, что когда государь обѣщалъ навѣстить гр. Орлову, то Фотій «велѣлъ» Орловой подложить книгу о «революціи». «Императоръ многое бесѣдовалъ весьма милостиво и съ любовью о Фотіи вспоминалъ. Въ то же время дѣвица будто кстати отъ себя раскрыла книгу сію, гдѣ страницу едину прочиталъ императоръ и удивился дерзости; на него таковое политическое дѣйствіе и умышленіе болѣе имѣло вліяніе, нежели самое благо церкви всея». Нужно думать, что и другіе противники Голицына дѣйствовали въ томъ же духѣ, хотя и понимали, что обвиненіе Голицына въ политической неблагонадежности нелѣпо, но воспользовались этимъ средствомъ, какъ вѣрнымъ орудіемъ въ борьбѣ за власть.

Конечно, почва для дѣятельности Фотія была достаточно подготовлена; если бы Фотій началъ свою дѣятельность лѣтъ на двадцать ранѣе, то его сочли бы или сумасшедшимъ или глупымъ и дерзкимъ сумасбродомъ, но къ 1824 г. реакція зашла такъ далеко, что нуженъ былъ лишь толчокъ, чтобы довести ее до послѣдней крайности — разгрома университетовъ, и этотъ толчокъ оказался по силамъ больному фанатику. Аракчеевъ, Орлова, Уваровъ, Гладкій, знатныя дамы и митрополитъ Серафимъ помогали Фотію, но по разнымъ причинамъ; Серафимъ и Аракчеевъ хотѣли удаленія Голицына по личнымъ соображеніямъ; другіе находили, что Голицынъ не достаточно энергично давить свободу. Всѣ эти высокопоставленныя лица однако едва ли довели бы реакцію до конца безъ содѣйствія смѣлаго фанатика, не разбиравашаго средствъ, отдавагоса всецѣло борьбѣ, не понимавашаго даже хорошо, къ чему ведутъ его дѣйствія. Роль Фотія въ эту печальную эпоху весьма значительна; фанатикъ можетъ сдѣлать много, много зла, даже если онъ не обладаетъ

ни умомъ, ни образованіемъ. Дѣятельность Фотія крайне поучительна въ томъ отношеніи, что еще разъ выясняетъ намъ, какъ легко самый сумасбродный фанатикъ можетъ вліять на ходъ исторіи.

Едва ли нужно подробно останавливаться на крайне вредныхъ послѣдствіяхъ дѣятельности Фотія; какъ бы мы ни умаляли его роль въ борьбѣ дикаго обскурантизма съ мистицизмомъ, навѣяннымъ съ Запада, какъ бы ни относились къ тому движенію, съ которымъ боролся Фотій, все же мы должны придти къ выводу, что Фотій надѣлалъ не мало зла. Какъ и всѣ фанатики, Фотій лишь примкнулъ къ движенію; онъ не могъ самъ создать чего-либо; онъ лишь защищалъ съ большой энергіей крайніе, самые рѣзкіе выводы движенія. Фанатики всегда примыкаютъ къ уже существующему движенію, исповѣдуютъ самые радикальные принципы ученія, доводятъ до крайности дѣло своей партіи, составляютъ крайніе ея элементы. Движеніе, къ которому примкнулъ Фотій, безъ его участія не дошло бы до крайностей, не приняло бы такого рѣзкаго характера; едва ли можно сомнѣваться, что не будь Фотія, мистицизмъ былъ бы побѣжденъ, но не тѣми способами, на которые подтолкнулъ правительство Фотій.

Дѣятельность Фотія не могла принести ничего кромѣ вреда даже съ точки зрѣнія лицъ, вообще стоявшихъ за дѣло, защищаемое Фотіемъ. Сторонники его очень скоро разошлись съ нимъ и когда болѣе не нуждались въ его услугахъ, тяготились его сообществомъ. Насколько Фотій былъ нуженъ для партіи, когда, вслѣдствіе борьбы, дурныя страсти ослѣпляли разумъ, мѣшали отличать добро отъ зла, разумное отъ неразумнаго, настолько же онъ сталъ неудобенъ послѣ побѣды, когда страсти успокоились и стало возможно объективное отношеніе къ дѣлу.

Значительное участіе въ общественной дѣятельности такихъ лицъ, какъ Фотій, всегда и всюду возможно лишь, когда борьба партій становится острой, когда разгораются страсти, когда нравственныя чувствованія притупляются; понятно, что участіе такихъ лицъ, приноситъ вредъ не только противникамъ, но и единомышленникамъ, а слѣдовательно и всему обществу.

Поэтому, я думаю, имѣетъ извѣстное значеніе напоминаніе о дѣятельности этого фанатика; припоминая вредъ, имъ причиненный, можно устранять фанатиковъ отъ значительнаго участія въ общественной дѣятельности.

V.

Для того, чтобы вполне выяснить всю несостоятельность поучений Фотія, необходимо привести хотя нѣсколько выдержекъ изъ поданныхъ имъ государю записокъ; конечно, это наиболѣе обдуманная, наиболѣе обработанная имъ произведенія. Полное ничтожество этихъ записокъ очевидно для каждаго непредубѣжденнаго читателя; однако эти записки обратили на себя вниманіе, сыграли роль въ нашей исторіи. Необходимо хотя бы вкратцѣ познакомиться съ ними, такъ какъ и устно Фотій излагалъ тѣ же идеи, которыя легли въ основу его записокъ.

Апология

священно-архимандрита Фотія подъ названіемъ

пароль

тайныхъ обществъ или тайные замыслы въ книгѣ: *Воззваніе къ
человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова*

пароль.

Книга «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова» издана для Франціи въ Парижѣ 1790 г. за два года революціи; а въ Россіи переведена въ 1820 году и подъ тѣмъ же годомъ второе изданіе ея. Она есть въ сущности своей ужасно злая, неслыханная новизна. Она есть пароль тайныхъ обществъ противу всѣхъ царствъ и особенно христіанскихъ! Пароль — въ разныхъ видахъ скрытно, или явно, прямо или косвенно, буквально и таинственно, токмо книга сія всякимъ образомъ есть пароль всегубительства, и цѣль ея — раскопать алтари и разрушить престолы. Вотъ ключъ уразумѣть пароль книги: Воззваніе къ человѣкамъ.

Пароль на все наложенъ.

Критическій отзывъ объ этой книгѣ заканчивается такъ:

Кратко сказать: книга Воззваніе есть вѣсть къ отступленію отъ вѣры Христовой и къ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ.

Но все, что въ ней заключается, то скрытно и обоудно, то загадочно и превратно, почему она и говоритъ къ своимъ, взывая такъ:

Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая! Сіе значитъ: скрываете все, до времени молчите; знайте про себя, и дѣлайте дѣла свои; а посему заставляя понимать умыслъ сей вѣщаетъ «кто позналъ сію истину, позналъ существенность ея, единое на потребу» (т.-е. религію, основанную на инстинктѣ) и о прочемъ не заботится.

Вотъ пароль

въ книгѣ *Воззваніе* о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова: раскопать алтари и разрушить престолы. На Тя, Господи, мы, христіане, уповаемъ! Аще ты, Боже нашъ, за насъ, кто противу насъ?

Съ Нами Богъ
Господь Силь съ нами!

О! Господи! спаси же! о! Господи! поспѣши же! Не намъ Господи, славу даждь, а имени твоему Святому вѣки.

Рабъ Бога и Господа Иисуса Христа о Духѣ Святѣ, ревнитель православія, вѣрно—вѣрно поданный царю,

служитель церкви
послѣднѣйшій, но правотѣрный
архимандритъ Фотій.

Записка эта вызвала запрещеніе книги и высылку изъ Россіи ея автора.

29 апрѣля 1824 Фотій вручилъ государю записку, которая начинается такъ:

Планъ
разоренія Россіи

и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо. ^v

1) Есть въ Европѣ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ другихъ народахъ секта иллюминатовъ,—злѣйшій расколъ, индѣ даже подъ именемъ *истинныхъ христіанъ* называющаяся, иначе сказать, есть *антихристово*, скопище изъ всѣхъ сектъ: оно согласно съ жидами, содержитъ годъ отъ созданія міра вмѣсто 7333 церковнаго христіанства 5824-й. И противно священному писанію, символу вѣры и ученію св. церкви вѣруетъ, что якобы скоро будетъ пришествіе Христово, и будетъ царствіе Его на земли, чего послѣдній *терминъ*, если не ранѣе, то не позже, какъ

1836 годъ; а потому полагается 1000 лѣтъ, аки бы царствію Христа на земли, а послѣ онаго царствія, выдуманнаго аки бы 164 года, дается для разрѣшенія сатаны: а весь счетъ годовъ въ тайныхъ обществахъ: 5836 (отъ созданія міра, который будетъ въ 1836-мъ году) 1000

164

а всего 7000 годовъ

полагается, аки бы міръ долженъ отъ созданія до кончины существовать.

И какъ нынѣ вольнодумнаго общества отъ созданія міра годъ 5824, а нашъ христіанскій отъ Рождества Христова 1824 и до 5836, а по христіански до 1836 (а по церковному отъ созданія міра до 7344-го) остается только ждать 12 годовъ, то вышеозначенное общество, вѣрующее во антихриста, общество карбонаріевъ, всячески старается къ 1836 году сдѣлать приуготовленіе, аки бы къ учрежденію единаго царства Христова. Ибо въ 1836 году замысль есть, что уже всѣ царства, церкви, религіи, законы гражданскіе и всякое устройство должны быть уничтожены, и должна аки бы начаться какая-то единая въ семь мірѣ новая религія — едино стадо, едино царство, и долженъ быть аки бы единъ какой-то царь, коего столица предназначается быть въ *Іерусалимѣ*. По мечтанію общества сказуется, что аки бы тотъ царь будетъ *Христосъ*. Это всегубительный *пароль*. Но скопище разбойническое, подъ именемъ истинныхъ христіанъ, считая *прелесть* и *обманъ за истину*, всѣми средствами силится разрушать всѣ религіи, разстраивать устройство государствъ, испровергать власти властями, вооружать христіанъ другъ противъ друга, вводить всякія новости, учреждать конституціи и черезъ все то разливать всюду *духъ* революціонный *до того*, чтобы всѣмъ все христіанское и государственное омерзить и черезъ то заставить всѣхъ принять единое царство, единаго какого-то *царя самозванца*. Для сего все къ тому направляется подъ видомъ добра и религіи во всѣхъ царствахъ. Такъ-то и сатана и дьяволъ многихъ воодушевилъ и прельстилъ на зло.

Въ этой запискѣ Фотій повторяетъ обвиненіе на Библейское Общество, кн. Голицына [и Кошелева; онъ такъ заканчиваетъ свое донесеніе.

14) *Другія многія черты изъ плана реформы и уготовляемой*

революціи (если не возьмемъ мѣры осторожности) я здѣсь молчаніемъ прохожу; довольно уже и сего знать.

Пособія необходимыя и полезныя
всѣхъ на всегда къ уничтоженію
злоупотребленій, вкравшихся, сїи суть:

1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы.

2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библии, и онѣ теперь не нужны; или сперва духовенству особенно въ руки отдать, такъ какъ сословію для того избранному отъ Бога, а послѣ уничтожить по времени оное.

3) Синоду быть по прежнему и духовенству за просвѣщеніемъ назирать.

4) Кошелева отдалить, Госснера выгнать, Феслера съ наказаніемъ изгнать и методистовъ выслать.

И если сїи четыре дѣла Божіи не будутъ сдѣланы, то зло неизбѣжно будетъ, и настоящее происшествіе болѣе вредно на будущее время, нежели полезно (и Россія падеть вскорѣ).

Господи! Спаси благочестивыя и услыши ны! Исправи дѣла рукъ нашихъ и прославися въ насъ вовѣки. Аминь.

Какъ ни чудовищно - нелѣпа мысль, что Россія и даже вся Европа можетъ быть спасена отъ гибели мѣрами, предложенными Фотіемъ, совѣты Фотія были исполнены.

«Посланія» Фотія, поданныя государю, не только поражаютъ своею нелѣпостью, но и слабы по формѣ; лучше всѣхъ написано «Посланіе четвертое», поданное государю 7-го мая 1824.

Помазанникъ Божій

Царствуй съ Богомъ и радуйся

Господь съ тобою!

Богъ отцовъ нашихъ,—Богъ, имъ же царіе царствуютъ и сильніи имутъ правду, послалъ меня возвѣстити Тебѣ, царю, правду въ сїи смутныя времена. И я возвѣстилъ и возвѣщаю: Спаси отечество, царство, церковь Христову, о великій слуга Бога Вышняго! Тайна беззаконія великая, страшная дѣется, которую и я открываю тебѣ, о, сильный крѣпостью и духомъ Божіимъ! Сотвори волю Божію и дѣла Божіи исправи вскорѣ. Я же дѣло мое сотворилъ, на кое призванъ отъ Господа, и правъ буду

передъ Богомъ въ день страшнаго суда и на земли передъ чело-
вѣками. Господу содѣйствующу все возможно сотворить, Го-
сподь съ тобою! Съ нами Богъ! Аще Богъ за насъ, кто противу
насъ? Господь силъ съ нами. Подвизайся, о царю, миръ тебѣ.
Царствуй съ Богомъ и радуйся о Дусѣ Святѣ вовѣки. Аминь.

Въ запискѣ, поданной государю 7-го августа, Фотій подаетъ
совѣты, уже совершенно неприличные служителю алтаря.

Непремѣнно и немедленно нужно нынѣ выслать нѣкоторыхъ
изъ столицы навсегда. По прежнему плану поданному все вы-
полнить нужно, т.-е. лица, въ ономъ выставленные, отъ своихъ
мѣстъ должно удалить, ибо изъ опыта видно, что съ намѣренія
партизаны все затѣвали на вредъ цѣркви и отечеству. Со вре-
мени открытія тайнъ нечестія по слѣпотѣ, ожесточенности и
прелести, не токмо главные партизаны не раскаялись, но и вся-
кія крамолы, замыслы, смятенія и кощунства черезъ другихъ со-
дѣлають.... при всякихъ случаяхъ партизаны, грозя смертью и
льстя тѣмъ, кои разрушаютъ ихъ замыслы, будутъ всѣ сатанин-
скіе способы свои и козни изобрѣтать, дабы какъ-нибудь или
истребить преданныхъ престолу и цѣркви.... Нѣсколько лѣтъ не-
престанно Фотій съ великою горестью взирая на ходъ зла, стре-
мящагося къ разрушенію св. Божіи цѣркви и вѣры, а съ тѣмъ
къ уничтоженію и потерѣ благодѣйствія въ Россіи, по необхо-
димости не могъ не видѣть и ходъ политическій, соображаясь
съ исторіею протекшихъ вѣковъ. Ибо, какъ два глаза, двѣ руки
и двѣ ноги близки между собою и весьма соединены въ чело-
вѣкѣ, такъ и въ государствѣ близки и соединены цѣрковь и
гражданство. А по сему по всѣмъ обстоятельствамъ нужно те-
перь нѣчто рѣшительное начатое додѣлать, но тихо, кротко,
скрытно, впрочемъ не безъ строгости и правосудія....

VI.

Въ 1824 году заканчивается общественная дѣятельность Фотія;
этимъ же годомъ заканчивается и его автобіографія. Свѣдѣнія
объ его послѣдующей дѣятельности крайне недостаточны, и мы
не знаемъ, почему съ этого времени Фотій удовлетворился тѣмъ,
что неограниченно властвовалъ въ монастырѣ, созданномъ на
средства Орловой. Конечно, измѣнились обстоятельства: дружбой
Фотія стали тяготиться даже лица, которымъ онъ оказалъ услуги,

отъ него отвернулись всѣ, за исключеніемъ Орловой, и его угрозамъ грядущей революціи перестали придавать значеніе. Но однако едва ли можно только измѣненіемъ обстановки объяснить переломъ въ дѣятельности Фотія; вѣдь «козни діаволы» не были разрушены, лишь немногіе совѣты Фотія были исполнены, слѣдовательно, ему оставалось много дѣла, а онъ былъ неразборчивъ въ средствахъ.

Съ 1824 года Фотій обнаруживаетъ упадокъ энергіи, уступчивость; онъ прекращаетъ борьбу съ врагами, ограничиваясь докладными записками и рѣзкими проповѣдями. Его повидимому не угнетаетъ, что его записки не обращаютъ на себя вниманія; когда ему приказали быть сдержаннѣе въ проповѣдяхъ, онъ сталъ произносить печатныя проповѣди «приличныя случаю».

Съ большимъ правомъ можно допустить, что въ состояніи Фотія послѣдовало нѣкоторое улучшеніе или даже успокоеніе; вѣроятно, обманы чувствъ прекратились или повторялись все рѣже и рѣже, новыхъ идей бреда болѣе не было, Фотій больше не объяснялъ, какъ прежде, различныхъ обстоятельствъ своей жизни, не придавалъ имъ особаго значенія, не толковалъ ихъ своеобразно по отношенію къ собственной личности. Такое измѣненіе въ состояніи Фотія могло послѣдовать и самостоятельно, и вслѣдствіе крайняго, хроническаго истощенія, вызваннаго немѣреннымъ постничествомъ, и наконецъ вслѣдствіе крайне благопріятной обстановки, созданной преданной ему Орловой. Благодаря средствамъ и протекціи Орловой, а также въ память оказанныхъ заслугъ, Фотію дана была безграничная власть въ возрожденномъ имъ монастырѣ. Монахи были въ полной власти Фотія, такъ же какъ и многочисленныя богомольцы, стекавшіеся въ монастырь, гдѣ ихъ кормили и одаряли милостыней. Фотій дѣлалъ все, что угодно, колотилъ монаховъ, лѣчилъ «бѣсныхъ», давалъ пособія другимъ монастырямъ, когда ему это хотѣлось, причащалъ Орлову въ алтарѣ, собиралъ около себя богомолковъ, «гулялъ на добрыхъ коняхъ», облачался въ великолѣпныя рясы и ризы и т. п. Орлова спѣшила исполнить всякій его капризъ; конечно, окружающіе также не рѣшались ему прекословить и исполняли всѣ его прихоти, за что онъ и награждалъ ихъ крупными подачками. Такая обстановка, при упадкѣ энергіи, могла благотворно вліять на Фотія, и онъ, сколько намъ извѣстно, мирился съ своею судьбою и уже не боролся съ кознями діавола; кругомъ себя онъ видѣлъ только людей,

признающихъ его превосходство; ничто не напоминало ему о врагахъ, и онъ понемногу сталъ забывать о нихъ, и все меньше и меньше возмущаться тѣмъ, что даже духовныя лица его избѣгаютъ. «Дщерь—дѣвица» устроила ему жизнь наилучшимъ образомъ: онъ работалъ въ саду, повелѣвалъ въ монастырѣ, поучалъ послушныхъ монаховъ и богомольцевъ, молился и постился. Орлова употребляла всѣ усилія, чтобы ничто не разстраивало Фотія, а также, чтобы его нетерпимыя выходки не имѣли тяжкихъ послѣдствій.

Если бы въ состояніи Фотія не послѣдовало въ 1825 улучшенія, онъ едва ли бы оборвалъ свою автобіографію на 1824 году, тѣмъ болѣе, что въ то время были въ силѣ его друзья, которыхъ онъ могъ бы подталкивать на еще болѣе грубую борьбу съ «революціей». Въ 1825 г. государь поручилъ ему утѣшать Аракчеева, предававшагося отчаянію послѣ убійства Настасьи Минкиной; Фотій даже отпѣвалъ эту достойную подругу Аракчеева. Едва ли бы Фотій не воспользовался такимъ подходящимъ случаемъ, чтобы указать на успѣхи революціи. Извѣстно, что онъ получилъ право писать непосредственно императору Николаю Павловичу; по поводу 14 декабря онъ могъ бы многое сказать въ извѣстномъ духѣ, однако ничего не упоминаетъ о всемъ этомъ въ своей автобіографіи, изъ чего мы въ правѣ заключать, что вслѣдствіе улучшенія своего состоянія, онъ сталъ иначе относиться къ дѣйствительности: успокоился и идеи величія и преслѣдованія болѣе не развивались. Право трудно допустить, чтобы Фотій не сообщилъ о видѣніяхъ, откровеніяхъ и подвигахъ, если бы таковыя были послѣ 1824 года. Вѣдь здоровый агитаторъ не можетъ сразу и безпричинно прекратить агитацію, а Фотій не добился осуществленія своей программы. Несомнѣнно, что онъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ, не отказался отъ нихъ, а потому и не могъ прекратить агитаціи, если бы не послѣдовало измѣненія въ состояніи его здоровья. Мы видѣли, что Фотій обладалъ большой настойчивостью, и неудачи его не обезкураживали; ослабленное здоровье могло быть причиной ранней старости. Онъ такъ былъ малокровенъ, такъ зябокъ, что даже лѣтомъ, по словамъ Елагина, ходилъ въ пяти теплыхъ одеждахъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что всѣ эти причины, а не измѣнившаяся обстановка, обусловили прекращеніе общественной дѣятельности Фотія.

Такъ какъ наши свѣдѣнія о жизни Фотія съ 1825-го по годъ его смерти крайне скудны, и при томъ въ этотъ періодъ онъ

уже не игралъ большой роли, то нѣтъ надобности останавливаться на дѣятельности Фотія, какъ архимандрита Юрьевскаго монастыря.

Какъ извѣстно, Фотій при посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ Юрьевскаго монастыря, благословляя августѣйшаго посѣтителя, дерзко протянулъ руку для поцѣлуя. Государь повелѣлъ: немедленно вытребовать въ Петербургъ Фотія и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пообучить его приличію ¹⁾. Вѣроятно, благодаря Орловой, выходка Фотія не имѣла для него тяжелыхъ послѣдствій. Конечно, покорность Фотія въ данномъ случаѣ ничуть не доказываетъ, что онъ былъ психически здоровъ; вѣдь и тяжело больные психически подчиняются приказаніямъ и избѣгаютъ совершать поступки, влекушіе за собою непріятныя для нихъ послѣдствія.

Единственное цѣнное замѣчаніе о Фотіи дѣлаетъ его келліархъ: «При частомъ моемъ съ арх. Фотіемъ обращеніи никогда не могъ я узнать настоящее его характера, ибо всегда оный прикрывалъ онъ разными образы и виды». Это замѣчаніе весьма содержательно и едва ли требуетъ комментаріевъ; Фотій чудилъ, дѣлалъ, что ему нравилось. Тотъ же келліархъ рассказываетъ, что когда пѣли въ церкви хорошо, Фотій иногда бранилъ и даже билъ келліарха. Когда приходили Фотія благодарить имъ побитые и за то награжденные деньгами (Фотій клалъ деньги въ камилавку, сбитую съ головы), онъ ругалъ и обзывалъ клеветниками благодарившихъ: «я де ничего не знаю».

По словамъ того же келліарха, считавшаго Фотія необыкновеннымъ человѣкомъ, поведеніе послѣдняго было такъ странно, что іеродіаконъ, съ которымъ онъ въ 1829 году пришелъ въ Юрьевскій монастырь, не согласился остаться въ монастырѣ: «что мнѣ дѣлать у такого сумасшедшаго». Очевидно, что поведеніе Фотія было ужъ очень странно, если скромный іеродіаконъ рѣшился высказать такое опредѣленное заключеніе о важномъ настоятелѣ богатаго монастыря, другѣ гр. Орловой.

Не всѣ были такъ самостоятельны и честны, какъ этотъ неизвѣстный іеродіаконъ; были и охотники эксплуатировать чудокватаго и богатаго настоятеля; такихъ лицъ, конечно, было не мало; но по понятнымъ причинамъ, о такихъ подвигахъ умал-

¹⁾ По словамъ гр. Бенкендорфа это произошло въ 1835 г.; Бенкендорфъ впрочемъ не говоритъ, что Фотій протянулъ руку для поцѣлуя. «Фотій такъ растерялся, что позабылъ о всѣхъ почестяхъ, воздаваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ главѣ государства и церкви». (Шильдеръ. Императоръ Николай первый. Т. II, стр. 700).

чивается. Такъ эсаулъ Котельниковъ, присланный Аракчеевымъ въ Юрьевскій монастырь, какъ впавшій въ ересь, притворился раскаявшимся и выпросилъ у Фотія 1000 руб. Получивъ свободу и деньги, онъ вернулся домой и началъ снова проповѣдовать ересь. Фигурантка Петербургскаго театра Фотина Павловна объявила Фотію, что она одержима нечистымъ духомъ; Фотій принялся отчитывать ее и поручилъ ближайшему надзору своего келейника, который сошелся съ Фотиной Павловной и увѣрялъ Фотія, что она проводитъ все время въ молитвѣ. Эта предприимчивая особа стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились въ монастырь на молитву, одѣтыя въ хитоны. Губернаторъ при содѣйствіи архіерея положилъ конецъ такимъ собраніямъ, при чемъ Фотій щедро надѣлилъ авантюристку, отправившуюся въ Переяславскій женскій монастырь. Однако, Фотій и послѣ щедро надѣлялъ ее деньгами Орловой, которая была сильно раздражена пребываніемъ авантюристки въ Юрьевскомъ монастырѣ.

Въ 1832 г. Фотій усилилъ свои аскетическіе подвиги, наложилъ на себя «правило», которое выполнялъ до смерти; причину этого поворота въ жизни аскета келліархъ не сообщаетъ. Последнюю седмицу великаго поста Фотій не говорилъ ни слова, приказанія отдавалъ письменно. Можно лишь удивляться крѣпости натуры Фотія, такъ долго отказывавшаго себѣ въ необходимой пищѣ; келліархъ рассказываетъ, что онъ ѣлъ супъ, сваренный на водѣ безъ всякихъ приправъ; «въ кушаньѣ вливалъ онъ по малу елей изъ горячей лампы», по праздникамъ разрѣшалъ себѣ съѣдать три куска селедки.

Фотій скончался 26 февраля 1838 г., слѣдовательно, на сорокъ шестомъ году жизни. Намъ неизвѣстно, какая болѣзнь свела его въ могилу; было ли острое, случайное заболѣваніе или обостреніе хроническаго недуга. Для врача крайне поучительно, что Фотій долго и почти безнаказанно морилъ себя постомъ, часто хворалъ, и несмотря на все это, прожилъ почти сорокъ шесть лѣтъ. Несомнѣнно, что Фотій какъ нейропатъ обладалъ значительной неранимостью. Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, что Фотій во время своей послѣдней болѣзни, прибѣгъ къ врачебной помощи, хотя и по совѣту гр. Орловой и келліарха.

Едва ли нужно говорить, что его похороны были весьма торжественны.

Геній и здоровье Н. В. Гоголя ¹⁾).

III.

«Мои сочиненія... связались чуднымъ образомъ съ моею душою и моимъ внутреннимъ воспоминаніемъ,—говорить о себѣ Гоголь («Выбр. Мѣста», п. XXIII). Это совершенно справедливо и не могло быть иначе; личность геніальнаго сатирика въ *творческаго самознанія* — искусственная мишень, на которую можно надѣть какой угодно ярлыкъ, смотря по точкѣ зрѣнія; прежде въ эту мишень стрѣляли славянофилы и западники, въ настоящее время поле битвы занято психіатрами. И тѣ, и другіе, и третьи считаютъ, что «самое лучшее, что можно сказать— назвать Гоголя сумасшедшимъ».

Со стороны московскихъ «друзей» Гоголя это еще понятно. По мнѣнію Шенрока, совершенно справедливому, эти «друзья» далеко не такъ были близки къ Гоголю, какъ представляется. Безъ всякаго сомнѣнія, они очень крѣпко держались за него, ухаживали за нимъ; большую роль играло тутъ безкорыстное преклоненіе передъ геніальнымъ творчествомъ, иначе и не могло быть; достаточно знать личность одного С. Т. Аксакова. Но была тутъ и другая черта, не оставшаяся незамѣченной даже современниками (Бѣлинскій, Плетневъ); какъ бы то ни было, для славянофиловъ Гоголь былъ необходимъ; никто лучше его не могъ воочию доказать все «богатство» русской природы, для развитія которой ничто западное не нужно; на Гоголя, больше чѣмъ на кого-либо другого, славянофильство могло возлагать розовыя надежды: онъ могъ доказать въ русской «природѣ» то,

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», № 76.

чего оно искало; недаромъ самъ Гоголь писалъ: «есть въ нашей природѣ то, что намъ пророчить... Мы—еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней» («Выбр. Мѣста», п. XXIII).—«Письмомъ къ помѣщику» своенравный ученикъ славянофильства заявилъ себя такъ, что полная солидарность съ нимъ давала орудіе въ руки противниковъ, грозила партійнымъ поражениемъ. Не того ждали московскіе друзья отъ Гоголя; теоретической помощи имъ было не нужно, здѣсь они—сильнѣе Гоголя. Понятно, «Выбранныя Мѣста» были для нихъ ударомъ, который слѣдовало отвести отъ себя въ сторону.

Западники были спокойнѣе; въ ихъ ряды Гоголь себя не причислялъ; поэтому они и менѣе рѣшительны, сравнительно съ славянофилами, въ своихъ подозрѣніяхъ на душевное здоровье Гоголя; «неистовый», но чуткій Виссаріонъ говоритъ: «или вы больны и вамъ надо лѣчиться, или... не смѣю досказать своей мысли»; И. С. Тургеневъ еще болѣе сдержанъ и ссылается на «Москву»: «вся Москва была о немъ такого мнѣнія». Понятно, почему И. С. ссылается на Москву; впоследствии онъ говорилъ, что славянофилы «испортили» Гоголя. Но и для западниковъ «Выбранныя Мѣста» были ударомъ; ужъ очень рѣзкая разница между «Ревизоромъ» и калужской губернаторшей, чтобы чѣмъ-либо не утѣшить себя.

Если славянофиловъ и западниковъ мы еще можемъ понять, то мнѣнія dr. Баженова и Чижа въ настоящее время—не болѣе какъ ошибка метода, когда вмѣсто Гоголя изучаютъ часть его.

Нигдѣ такъ полно не обрисовалась вся личность гениальнаго сатирика, какъ въ развитіи его творческаго самосознанія; это фокусъ, въ которомъ отразилось его интеллектуальное развитіе, вліяніе Пушкина и славянофиловъ, его коренныя убѣжденія—индивидуализмъ въ соціальной сферѣ, эмпиризмъ—въ моральной и мистицизмъ въ религіозной; даже внѣшняя жизнь—поведеніе и общество Гоголя—шли въ униссонъ съ его творческими задачами.

Наиболѣе полный источникъ для изученія данной стороны въ психологіи Гоголя—его письма; слѣдя за ними изъ года въ годъ, можно составить полное понятіе о томъ, какъ измѣнялись за-

просы Гоголя къ своему творчеству и какъ эти измѣненія отражались на психикѣ автора.

Еще болѣе выясняется вся естественность въ развитіи творческаго самосознанія, если письма Н. В. Гоголя сопоставлять съ его печатными произведеніями; при такомъ сопоставленіи можно строго хронологически прослѣдить Гоголя-писателя и просто Гоголя: какъ они уживались рядомъ другъ съ другомъ, вліяли другъ на друга; мы увидимъ, что Гоголь-писатель былъ сильнѣе Гоголя-человѣка; Гоголь—просто скорбитъ и радуется, падаетъ духомъ и воодушевляется, смотря по тому, въ какомъ періодѣ находится творчество; здѣсь мы замѣтимъ громадныя колебанія; есть періоды, когда Гоголь близокъ къ тому, чтобы бросить писательство; чаще наоборотъ: задачи творчества расширяются, строятся обширные планы; Гоголь то сомнѣвается, то безусловно увѣренъ въ своей правотѣ...

Словомъ, получается пестрая картина. Если разбирать каждый періодъ, каждое колебаніе въ отдѣльности, можно найти все: идеи величія, идею грѣховности, систему бредовыхъ идей, меланхолическія и экзальтаціонныя состоянія, упадокъ творчества, отсутствіе критическаго отношенія къ себѣ и своимъ произведеніямъ, неправильное толкованіе дѣйствительности и т. д. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго, а налицо—психологія великаго человѣка, разрѣшающаго громадную задачу, съ своеобразными чертами, не свойственными обыкновенному человѣку.

Развитіе творческаго самосознанія у Гоголя идетъ замѣчательно постепенно; послѣдовательно одна задача смѣняется другой, безъ рѣзкихъ скачковъ. Характерной чертою являются *періоды*, когда работа творческаго самоопредѣленія замѣтно усиливается; эти подъемы совпадаютъ съ моментами зарожденія большихъ произведеній и чрезвычайно похожи другъ на друга; по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ они настолько характерны для психологіи высшаго типа, что специальная біографія должна ими воспользоваться, чтобы представить личность Гоголя въ истиннымъ свѣтѣ.

При первомъ пробужденіи гениальнаго творчества Гоголь не ставитъ себѣ особыхъ задачъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ одну изъ интереснѣйшихъ особенностей, какими вообще богата исторія появленія гениальныхъ произведеній. Со свойственной ему про-

ницательностью Гоголь самъ пишетъ объ этомъ моментѣ. «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала». («Авт. Испов.»).

Приведенное мѣсто не разъ останавливало вниманіе; здѣсь хотѣли найти доказательство, что Гоголь страдалъ припадками меланхоли и даже самъ замѣтилъ и описалъ свою болѣзнь (Баженовъ и Чижъ). Къ сожалѣнію, никто изъ специалистовъ, писавшихъ о Гоголѣ, не затронулъ этого мѣста съ самой естественной стороны—съ точки зрѣнія пробужденія геніальнаго творчества; поэтому, для нѣкоторыхъ, напримѣръ, для г. Чижа, талантъ Гоголя появляется внезапно, вдругъ и даже «случайно».

А между тѣмъ ни патологическаго, ни случайнаго въ данномъ фактѣ нѣтъ. Это—одинъ изъ многихъ примѣровъ, когда индивидуальность великаго человѣка проявляется, повидимому, неожиданно; это—одинъ изъ признаковъ геніальной природы, которая творитъ не потому, что хочетъ, а потому, что должна. Конечно, въ данномъ отношеніи очень много градаций; это зависитъ, во-первыхъ, отъ степени дарованія; по отношенію къ таланту, можно допустить самопроизвольное избраніе пути; тутъ больше играютъ роль обстоятельства, чѣмъ у генія; во-вторыхъ, отъ особенностей дарованія: насколько значительную роль играетъ въ немъ бессознательный факторъ.

Хотя трудно вообще разграничить талантъ отъ генія, но въ Гоголѣ дарованіе носило скорѣе геніальный характеръ, чѣмъ талантливый; что касается бессознательнаго фактора, то онъ въ творествѣ Гоголя игралъ очень большую роль; мы уже встрѣчались и еще не разъ встрѣтимся съ этой особенностью Гоголя; въ пробужденіи же творчества она проявилась очень ярко. Нѣтъ нужды, что Гоголь понималъ свое состояніе по-своему; въ его словахъ истинная причина свѣтится помимо желанія: молодость «подталкивала», «припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой»... а въ результатѣ—геніальное творчество. Какъ это походитъ на

многочисленные признанія и свидѣтельства, изъ которыхъ составила ошибочная теорія о такъ называемомъ «творческомъ инстинктѣ»!

Но такъ было только при самомъ началѣ; немного спустя появляется интенсивная, характерная по своимъ проявленіямъ работа творческаго самосознанія.

Трудно было ожидать, чтобы гениальный творецъ, находившійся въ такой средѣ, какъ кружокъ Пушкина, могъ остановиться на «Вечерахъ» съ тѣми примитивными творческими запросами, какіе мы встрѣчаемъ при первомъ пробужденіи творчества. И, дѣйствительно, уже въ 1833 году, въ слѣдующемъ послѣ изданія «Вечеровъ», мы видимъ широкой подъемъ творческаго самосознанія: Гоголь переходитъ отъ «Вечеровъ» къ комедіямъ. Этотъ подъемъ настолько характеренъ для всѣхъ послѣдующихъ, что мы должны возможно подробнѣе на немъ остановиться, тѣмъ болѣе, что именно 1833-й годъ является въ глазахъ нѣкоторыхъ психіатровъ несчастнымъ годомъ для Гоголя, годомъ, когда его болѣзнь будто бы шагнула далеко впередъ.

Трудно сказать, на чемъ основано послѣднее мнѣніе. Если на мнѣніи Шенрока, считающаго 33-й годъ «мертвымъ» для творчества Гоголя, то это не совсѣмъ точно; прежде всего, къ этому году относятся нѣкоторые черновики «Миргорода» и «Арабесокъ»; затѣмъ, въ этотъ годъ, судя по письмамъ Погодину и Максимовичу, Гоголь много готовился къ профессурѣ, занимаясь исторіей; наконецъ, за этотъ годъ, какъ и вообще, онъ подробно слѣдитъ за текущей литературой и даетъ ей прямо блестящія характеристики à la Пушкинъ (см. письмо Данилевскому 8/II 1833 г.). Мнѣніе Кулиша о чемъ-то «необыкновенномъ», будто бы случившемся съ Гоголемъ между іюлемъ и ноябремъ, опять-таки недостаточно; при всемъ желаніи, въ шести письмахъ этого періода нельзя найти ни малѣйшаго намека на что-нибудь необыкновенное; попрежнему — теплыя письма къ матери, къ Тарновскому, Максимовичу. Остается одно основаніе — «страшные (или странные) перевороты» — слово, которое употребилъ Гоголь въ ноябрьскомъ письмѣ Максимовичу.

«Если бъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь,

что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движушійся!» такъ писалъ Гоголь своему земляку (9/xi 1833 г.).

Вотъ это мѣсто и считается доказательствомъ меланхолическаго припадка у Гоголя въ 33-мъ году. Д-ръ Баженовъ думаетъ, что въ биографіи Гоголя за это время нѣтъ другого, кромѣ меланхолии, объясненія для «переворотовъ»; г. Чижъ присоединяется къ мнѣнію д-ра Баженова. Такъ ли это? Правда ли, что за 1833-й годъ для «переворотовъ» нѣтъ другою объясненія, болѣе естественнаго, чѣмъ меланхолическій припадокъ?

Мнѣ кажется, есть объясненіе и притомъ такое, которое разрѣшаетъ сомнѣнія: въ 33-мъ году пробуждается творческое самосознаніе; Гоголь недоволенъ «Вечерами» и задумываетъ болѣе высокія произведенія. Какъ мы увидимъ ниже, подобные переходы у Гоголя постоянно сопровождались рѣзкимъ измѣненіемъ настроенія; великій писатель, подобно другимъ геніальнымъ творцамъ, не могъ хладнокровно относиться къ своей работѣ; мучительное напряженіе, связанное съ каждымъ новымъ шагомъ въ его творествѣ, рѣзко выражается въ его письмахъ; оно не даетъ ему работать; «умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое» ¹⁾. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока длится подготовительная работа, пока не обрисуется результатъ. Съ этого момента—рѣзкая перемѣна въ письмахъ: Н. В. веселъ, пишетъ повышеннымъ тономъ, не только не сомнѣвается, но даетъ много обѣщаній, и т. д. При слѣдующемъ творческомъ запросѣ повторяется та же картина.

Одинъ изъ такихъ подъёмовъ и падаетъ на 1833-й годъ. Онъ начинается еще въ предыдущемъ году. Весь февраль 1833 года занятъ письмами, свидѣтельствующими о переломѣ творчества.

1-го февраля Гоголь пишетъ Погодину: «Вы спрашиваете о «Вечерахъ» диканскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хоть денежныя приобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ» и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтора ста экзем

¹⁾ См. Письма I, 240.

пляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрѣкуются они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Однимъ словомъ, умственный запоръ. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ» ¹⁾).

8-го февраля пока тоже: «Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое» ²⁾).

20-го февраля нѣсколько яснѣе: «Какъ-то не такъ теперь работаетъ! Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу... Я не знаю, отчего я теперь жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на-дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написано на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣха и соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается о такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, что пьеса не будетъ играть: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости! И такъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—предо мной движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ кресель и оскаливаютъ зубы, и исторія—къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей» ³⁾).

Приведенныя выдержки достаточно ясны, чтобы судить, какой большой переломъ переживало творчество Гоголя въ 1833 году. Какъ и всегда, это мучительно-неопредѣленное состояніе про-

¹⁾ Письма I, 237.

²⁾ Ib., стр. 240.

³⁾ Письма I, 244—245.

должается у Гоголя очень долго; даже въ іюлѣ онъ жалуется: «Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ не принуждаю себя, нѣтъ, да и только»¹⁾.

Только къ концу 1833 года стихаютъ мучительныя ноты въ письмахъ Гоголя; творческое напряженіе нашло выходъ; комедія, «полная злости, смѣха и соли», восторжествовала; а въ слѣдующемъ 1834 году начать «Ревизоръ». Вышеприведенное (ноябрьское) письмо къ Максимовичу было послѣдней тучей. Оно начинается досадой на массу потеряннаго времени, когда — «старазныхъ началъ, и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха». «Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если-бъ вы знали, какіе со мною происходили страшныя перевороты» и т. д.

Нельзя не согласиться съ Гоголемъ: переворотъ былъ большой. Перейти отъ «Вечеровъ» къ «Ревизору» при николаевскомъ режимѣ значило очень много, особенно для Гоголя; нужно помнить среду, изъ которой вышелъ Гоголь, его возрастъ, тогдашнюю степень его нравственнаго развитія, чтобы вполне оцѣнить всю силу творческаго самосознанія; въ это время Гоголю было только 23 года; благотворныя стремленія Пушкинскаго кружка, конечно, не остались безъ вліянія, но и старая закваска была еще очень сильна; въ это самое время она дала себя знать въ несчастной профессурѣ Гоголя; и, несмотря на все это, переворотъ въ творчествѣ совершился. Можно удивляться душевной энергіи великаго писателя, съ честью вышедшаго изъ борьбы безъ посторонней помощи; авторитетное слово Пушкина, давшаго сюжетъ «Ревизора», было только толчкомъ, все остальное Гоголь долженъ былъ рѣшить собственными силами. Безъ сомнѣнія, этотъ періодъ оставилъ глубокій слѣдъ въ психикѣ великаго писателя; недаромъ впослѣдствіи онъ писалъ: «Со всѣми замѣчательными, стоящими впереди другихъ людей случались какіе-нибудь душевные внутренніе перевороты, съ иными даже въ такіе годы, въ какіе никогда невозможны были доселѣ перемѣны въ человѣкѣ и улучшенія» (Авт. Исп.).

¹⁾ Ы., 254.

Письма 1833 года имѣютъ своеобразный оттѣнокъ. Гоголь «жаждетъ современной славы», «вся глубина души такъ и рвется наружу», онъ хочетъ создать «увѣсистое, великое, художническое»; и рядомъ съ повышеннымъ тономъ: «я стою въ бездѣйствіи, неподвижности», «умъ въ странномъ бездѣйствіи», «какъ все сильно истерзано внутри меня», «страшные перевороты» и т. д. Большая неточность—находить въ этихъ фразахъ признаки маниакальнаго и меланхолическаго состоянія; причина своеобразнаго слога—въ другомъ; ниже мы увидимъ, что у Гоголя вообще подъемы творчества сопровождались такого рода письмами.

Что касается прямыхъ указаній на здоровье великаго писателя въ разбираемомъ 1833 году, то они говорятъ противъ меланхоліи; въ іюлѣ, (т.-е. какъ разъ въ то время, когда Кулишъ находитъ у Гоголя «нѣчто необыкновенное») въ письмѣ Максимовичу мы находимъ такую фразу: «Изъ моихъ тщательныхъ распросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ часто одолѣваемъ недугами и очень дряхлѣеть»¹⁾. Декабрьское письмо Пушкину содержитъ еще болѣе выразительное мѣсто: «къ моимъ геморроидальнымъ добродѣтелямъ вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шеѣ цѣлый хомутъ платковъ»²⁾. Шутливый тонъ писемъ не вяжется съ меланхолическимъ припадкомъ; меланхоликъ не оцѣниваетъ такъ своихъ ощущеній.

IV.

Второй подъемъ творческаго самосознанія связанъ съ появленіемъ «Мертвыхъ душъ»; онъ падаетъ главнымъ образомъ на 1836 годъ. Этотъ періодъ, какъ и періодъ предъ зарожденіемъ «Ревизора», навлекъ на себя массу одностороннихъ толкованій; утверждаютъ, что въ это время идеи величія совершенно завладѣли Гоголемъ, и онъ уже самъ сознавалъ свою неспособность жить въ обществѣ, а потому и уѣхалъ за границу³⁾. Мы уже имѣли случай касаться отчасти этого періода (отѣздъ за границу) и видѣли, насколько односторонне упрощается психо-

¹⁾ Письма I, 254.

²⁾ Ib., 270.

³⁾ В. Чижъ, «В. Ф. и П.», кн. 68, стр. 445.

логія Гоголя, когда его желаютъ изучать только съ психіатрической стороны; здѣсь мы еще разъ можемъ видѣть, насколько сильно условія творчества проявляются въ жизни великихъ творцовъ; отъѣздъ за границу, оказывается, совпалъ (конечно не случайно) съ новымъ подъемомъ творческаго самосознанія, съ тѣмъ мучительнымъ подготовительнымъ періодомъ, когда новое великое произведеніе только что зарождается, а авторъ ихъ переживаетъ громадныя психологическія и фізіологическія колебанія.

Періодъ первоначальнаго созиданія «Мертвыхъ душъ» интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще разъ показываетъ, насколько чутко Гоголь реагировалъ на запросы творчества. Повидимому, съ появленіемъ «Ревизора» поворотъ въ творчествѣ, или «страшный переворотъ», по выраженію самого творца, былъ сдѣланъ; «Мертвыя души» — только продолженіе этого переворота, а, между тѣмъ, гениальный сатирикъ переживаетъ въ общихъ чертахъ то же самое. Правда, второй подъемъ идетъ ровнѣе, Гоголь спокойнѣе, о «страшныхъ переворотахъ» уже не пишетъ; очевидно, прежній опытъ оставилъ слѣды. Но творческое самосознаніе растетъ, появляются новые запросы, выдвигаются социальныя задачи, — и повторяется прежняя картина.

1835 годъ проходитъ сравнительно спокойно. Гоголь сознается: «Очень трудно это искусство! Знаете ли, что въ Петербургѣ, во всемъ Петербургѣ, можетъ быть, только человекъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаютъ искусство... Я самъ, преданный и погрязнувшій въ этомъ ремеслѣ, я самъ иногда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведеніе. Нѣтъ, можетъ быть, я только десятую долю понимаю» ¹⁾). Настроеніе пока спокойное, даже шутовское: «Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что если бы не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вами (Жуковскому 15/VI 1835 г.) ²⁾». «Мертвыя души» пока не возбуждаютъ сомнѣній: «Началъ писать «Мертвыхъ душъ», пишетъ Гоголь Пушкину

¹⁾ Письма I, 344.

²⁾ Ib., 347.

въ октябрѣ. «Сюжетъ растянулся въ предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперъ остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь» ¹⁾).

Гоголь занятъ пока другими интересами: «рука дрожить написать тѣмъ временемъ комедію», пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Пушкину; кромѣ того, много времени отнимаютъ хлопоты съ университетомъ и, особенно, приближающаяся постановка «Ревизора».

Только въ самомъ концѣ 1836 года пробуждается интересъ къ «Мертвымъ душамъ» и начинается новый подъемъ.

Очень характерно его начало. Знакомыя нотки, всегда сопровождающія пробужденіе творческихъ задачъ Гоголя, появляются въ письмѣ Погодину 6/xii 1835 года въ связи съ отставкой отъ университета. Гоголь пишетъ: «Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ отсюда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты, въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія; когда вы исторгнитесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи... и проч. и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего». Чтобы вполне оцѣнить это типичное письмо, нужно принять во вниманіе, что къ концу 1835 года одновременно явилось два событія: отставка отъ профессуры и зарожденіе новой творческой задачи. Несмотря на все несходство между этими фактами, они связаны между собой. Психологическимъ мотивомъ, слѣдуя которому, авторъ «Ревизора» рѣшился добиваться и добился профессуры, была «попытка» опредѣлить свое назначеніе. Правда, «попытка» была въ высокой степени неудачная, но что же можно

¹⁾ Ib. 353—354.

Вопросы философіи, кн. 77.

было ожидать отъ 23-лѣтняго юноши, воспитавшагося въ буржуазно-покладистой морали обитателей Яновщины, съ наивно-юношескими мечтами о «службѣ государственной» по части юстиціи? Безъ сомнѣнія, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, социальныя убѣжденія могутъ сложиться и раньше 23-го года; но у Гоголя не было такихъ обстоятельствъ. Вотъ почему сравнительно поздно появляется связь между его литературной дѣятельностью и социальными убѣжденіями; только въ концѣ 1835-го и въ 1836 году, послѣ неудачи съ университетомъ, въ психологіи творческаго самосознанія властно стали раздаваться новыя запросы.

Самъ Гоголь очень подробно описываетъ этотъ моментъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ его жизни; его описанія вполнѣ совпадаютъ съ перепиской 1835 — 1836 гг. и отлично объясняютъ особый тонъ переписки за этотъ періодъ подъема. «Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создать сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ смѣшать съ трогательными», говоритъ Гоголь въ «Авторской Исповѣди». Слова вполнѣ искреннія и совершенно совпадаютъ съ письмами 1836 года: 7-го октября 1836 г. въ письмѣ Пушкину такъ именно и сказано: «сюжетъ растянулся въ предлинный романъ и, кажется, будетъ очень смѣшонъ»¹⁾. «Но, — продолжаетъ Гоголь, — на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросомъ: зачѣмъ? къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается, что нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли предо мною. Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу избразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально» (Авт. Исп.). Въ это же время появился и тотъ «неотразимый» вопросъ, который въ твор-

¹⁾ Письма I, 353.

ческомъ самоопредѣленіи Гоголя игралъ громадную роль и принесъ гениальному творцу много мученій. «Когда я началъ читать Пушкину *первыя главы* ¹⁾ изъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ видѣ, какъ оно было прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это—карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*». (Выбр. Мѣста.). «Я увидѣлъ, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ,—тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стоитъ только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороною дѣла, какъ уже, вслѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла» (Авт. Исп.).

Итакъ, задача, которую поставилъ себѣ Гоголь при зарожденіи «Мертвыхъ душъ», была громадна; она ничуть не уступала «перевороту», сопровождавшему появленіе «Ревизора»; она даже грандіознѣе, такъ какъ касалась сущности творческаго самоопредѣленія. Неудивительно поэтому, что въ 1836 году мы наблюдаемъ тѣ же перипетіи душевной работы, какую видѣли въ 1833 году; такъ же, какъ тогда, подъемъ творческой мысли тянется очень долго, захватывая часть 1835 и 1837 гг.; тотъ же слогъ писемъ, тѣ же колебанія; конечно, есть небольшія исключенія; Гоголь увѣреннѣе, чѣмъ прежде; три года постоянной работы не прошли даромъ; вотъ почему неудачу съ профессурою онъ можетъ загладить другимъ: «высокими мыслями», заступившими мѣсто «прежняго ограниченнаго круга свѣдѣній» (Пушкину 6/xii 1835 г.)

Впрочемъ, этотъ повышенный тонъ замѣтенъ только въ самомъ началѣ, когда работа творческаго самосознанія лишь намѣчала далекіе горизонты. Немного спустя мучительность работы даетъ себя чувствовать; «неотвязные» вопросы рѣзко мѣняютъ повы-

¹⁾ Курсивъ мой; ср. письмо Пушкину 7/x 1836 года.

шенныя обѣщанія. Начинаются типичныя колебанія въ настроеніи, сначала въ сторону пониженія.

«Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разстроены,—пишетъ Гоголь,—что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непременно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставить мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ёду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ ежедневно мнѣ мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подалше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними! Я не отъ того ёду за границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ; разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннаго пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора ужъ мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ» (Погодину 10/х 1836 г.).

Я съ намѣреніемъ сдѣлалъ большую выдержку; письмо очень точно передаетъ психологію Гоголя; тутъ перечислены «неотвязные» вопросы—положеніе соціальнаго писателя, значеніе смѣха, необходимость разрѣшить будущую работу; повторяются знакомыя жалобы на «разсѣянность мыслей»; обширныхъ плановъ пока нѣтъ. Такой же характеръ имѣетъ слѣдующее письмо Погодину, написанное въ отвѣтъ на соображенія, которыми московскій пріятель пытался подбодрить недовольнаго автора «Ревизора». Въ своемъ отвѣтѣ Гоголь не соглашается съ утѣшеніями, онъ смотритъ глубже и намекаетъ на страну, гдѣ пишетъ: «И то, что приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество все-

общее... Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго межъ тѣмъ сильно свое отечество, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшить ли это его?» Гоголя теперь волновало не то, онъ думалъ о своихъ «авторскихъ обязанностяхъ» и, конечно, понималъ, что во всякомъ случаѣ не Погодинъ поможетъ ему. «Бѣду разгулять свою тоску,—продолжаетъ онъ въ концѣ письма,—глубоко обдумать свои *обязанности авторскія*, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня» ¹⁾.

Нельзя не согласиться съ Гоголемъ. Ни Погодинъ, ни «расположенная» Москва, ни даже самъ Гоголь не понимали настоящей причины недовольства «Ревизоромъ», отъѣзда за границу, тоски. Ближе всѣхъ къ истинѣ стоялъ самъ гениальный авторъ; онъ если не понималъ, то чувствовалъ, что творчество сильнѣе его. Это былъ тотъ плюсъ въ психологіи великаго человѣка, который для греческаго міра былъ божественнымъ происхожденіемъ генія, для Канта—творчествомъ безъ правилъ и подражанія, для Шопенгауэра — *monstruum par excessum* и т. д. Даже зная о существованіи этого состоянія, мы можемъ уловить только нѣкоторыя его стороны. Гоголь, какъ мистикъ, даже въ мелкихъ обстоятельствахъ видѣвшій символическое значеніе, склоненъ былъ ссылаться на Провидѣніе; для насъ несомнѣнно одно, что въ это время онъ переживалъ большія колебанія въ настроеніи, мучительное состояніе творческой работы, когда интеллектуальное напряженіе остается пока безрезультатнымъ.

Какъ и всегда, съ теченіемъ времени жалобы прекращаются; наступаетъ повышенное настроеніе, свидѣтельствующее о томъ, что главное сдѣлано, точка опоры найдена или по крайней мѣрѣ намѣчена.

Это падаетъ, судя по письмамъ изъ-за границы, на вторую половину 1836 года. Въ срединѣ іюля Гоголь пишетъ Жуковскому: «Мнѣ ли не благодарить пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, не-

¹⁾ Курсивъ мой; Погодину 15/v 1836 г. Письма I, 377—378.

замѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что такое все написанное мною до сихъ поръ? (далѣе критика прежнихъ произведеній). Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ! О, какой непостижимо изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи были на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни».

Здѣсь ясно замѣтны старыя ноты, знакомыя намъ по подъему 1833 года, когда Гоголь хотѣлъ создать «великое, художественное» и переживалъ «страшные перевороты». Новымъ элементомъ являются только ссылки на Провидѣніе и на внутреннее «воспитаніе».

Въ іюньскомъ письмѣ Жуковскому мы замѣтили повышенное настроеніе; причину его Гоголь объясняетъ; съ нимъ совершился великій переломъ, онъ оставилъ прежнія произведенія, «давнюю тетрадь ученика». Въ чемъ собственно заключался переломъ, онъ пока не пишетъ. Слѣдующія письма 1836 года, съ тѣмъ же повышеннымъ тономъ, показываютъ, что великій писатель не отступилъ отъ пушкинскихъ завѣтовъ: Русь на первомъ планѣ. «Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ *Русь*,—одна только прекрасная Русь» ¹⁾,—пишетъ онъ Погодину въ сентябрѣ. «Я даже сдѣлался болѣе *русскимъ*,—разъясняетъ онъ въ октябрѣ,—чѣмъ французомъ въ Веве, и это произошло оттого, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ «Мертвыхъ душъ» (sic), которыхъ было оставилъ. Но...

¹⁾ Погодину 10/ix 1836 г.

остальное расскажу, увидѣвшись» (Данилевскому 23/ix 1836 г.). Съ нѣкоторыми задержками творчество быстро подвигается впередъ, не вызывая болѣе напряженно-мучительнаго состоянія; повышенное настроеніе достигаетъ высшей точки: «Снова веселье. «Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Вене и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ *Россіи*: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы—словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ душъ» въ Парижѣ. Еще одинъ Левиаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него? Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя души». Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ на меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто-то незримый пишетъ предо мною могущественнымъ жезломъ» ¹⁾.

Творческій подъемъ кончился. Завѣтъ, данный Пушкинымъ — представить Русь въ «Мертвыхъ Душахъ» — разрѣшенъ; создается планъ «громадно-великаго» произведенія; вмѣстѣ съ этимъ разрѣшается вопросъ о социальныхъ задачахъ творчества; падаетъ жгучій «неотвязный» вопросъ о значеніи смѣха и сатиры («но что жъ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками...») Впослѣдствіи, когда колоссальная задача—представить русскаго человѣка съ дурными и хорошими сторонами, давила Гоголя своею величиною и трудностью, онъ снова страдалъ, дѣлалъ разные «крюки» вродѣ «Переписки съ друзьями» и т. д., но теперь онъ «веселье», разрѣшилъ себѣ сомнѣнія и опредѣлилъ свое отношеніе къ настоящему и будущему. Въ январѣ 1837 г. онъ пишетъ почти полную программу своей жизни: «Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ нравиться такимъ счастливымъ празднымъ, какъ мы съ тобою»; «современная слава не стоитъ копейки»; «если бы появилась такая моль, которая бы съѣла всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески» и «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова, я бы бла-

¹⁾ Жуковскому 12/xi 1836 г. Письма, I, 415.

годарилъ судьбу,—пишетъ онъ Прокоповичу, которому при этомъ даетъ совѣтъ: «моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя страхнуть лѣнь» ¹⁾).

Вполнѣ понятна радость Гоголя, повышенное настроеніе. Онъ не могъ «писать безъ плана, вполнѣ опредѣленнаго и яснаго; слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость, вслѣдствіе чего самъ авторъ возгорѣлся бы любовью истинной и сильной къ труду своему, которая животворить все и безъ которой нейдетъ работа» (Авт. Исповѣдь). Теперь онъ составилъ этотъ планъ: «громадно велико мое твореніе и не скоро конецъ его». Вполнѣ естественно, что чрезъ четыре года, когда I т. «Мертвыхъ душъ»—это «крыльцо къ великолѣпному дворцу, который только что строится», подходит къ окончанію, Гоголь переживаетъ тоже повышенное состояніе. «Другъ мой,—пишетъ онъ С. Т. Аксакову 5/ш 1841 года,—я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; *никогда не выдумать ему такого сюжета!* О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: онѣ однѣ, какъ я уже говорилъ, возстановляютъ меня. У меня всѣ средства истощились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ...» «Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они (Погодинъ и др.) сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно эта ваза вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище; стало быть ее нужно беречь». «Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня,—пишетъ онъ черезъ недѣлю!—Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ

¹⁾ Прокоповичу 25/1 1837 г. Письма, I, 420—429.

спасителенъ! Я умеръ теперь для всего мелочнаго» ¹⁾). Это повышенное настроеніе при окончаніи I т. «М. Д.» настолько точно повторяетъ подобное же состояніе при началѣ, что появляются тѣ же самыя фразы, отдѣльныя мысли; теперь онъ пишетъ другому школьному товарищу Данилевскому (7/vii 1841 г.), приче́мъ употребляетъ старыя выраженія: «вдвойнѣ властно надъ тобой мое слово», «властью вышею облечено отнынѣ мое слово» ²⁾).

Обрисовавъ данную эпоху творческаго самосознанія, нельзя не остановиться на двухъ обстоятельствахъ, во-1-хъ, насколько неточны указанія на душевную болѣзнь Гоголя, будто бы исполнѣ сложившуюся въ это время, и, во-2-хъ, на связь этого періода съ послѣдующими взглядами Гоголя.

Я исполнѣ допускаю, что въ біографіи Гоголя найдется много страннаго, если ее изучать съ ненадлежащей точки зрѣнія. Такія выраженія, какъ «высокія, исполненныя истины и ужащающаго величія мысли», «я что-то сдѣлаю, чего не сдѣлаетъ обыкновенный человѣкъ», «еще одинъ Левіаѳанъ», «громадно велико мое произведеніе» и т. д., конечно, останавливаютъ вниманіе. Неудивительно поэтому, если г. Чижъ, рассматривая личность великаго писателя помимо условій творчества, во всѣхъ этихъ фразахъ видитъ идеи величія ³⁾). Мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ неточномъ толкованіи; предыдущее изложеніе избавляетъ насъ отъ этого; всѣ эти письма и фразы относятся къ особо важному періоду творческаго самосознанія Гоголя и соотвѣтствуютъ каждое въ отдѣльности отдѣльнымъ стадіямъ этого періода. Но одного обстоятельства мы не можемъ опустить. Въ психологіи великаго человѣка есть лишняя октава сравнительно съ нашей клавиатурой; проявленія этой октавы мы знаемъ; правда, не всѣ, но достаточно для того, чтобы не отдѣлять геніальности отъ личности генія; конечно, такое отдѣленіе очень облегчаетъ дѣло изслѣдованія, но за то оно приводитъ къ положеніямъ, въ родѣ того, что геніальный сатирикъ былъ лишенъ чувства любви къ истинѣ и негодованія при ея попираніи, иными словами, къ признанію сатирика безъ сатирическаго отношенія къ изображаемому. Подобное же положеніе

¹⁾ Письма, II, стр. 97—99.

²⁾ Ъ., стр. 110, 111. Ср. также стр. 118.

³⁾ См. «В. Ф. и Пс.», кн. 68, стр. 437, 442, 448.

формулируетъ г. Чижъ, касаясь только что разобраннаго періода изъ жизни Гоголя. Разбирая отъѣздъ за границу съ сопровождавшими его обстоятельствами, между прочимъ, нападки на «Ревизора», г. Чижъ заключаетъ: «онъ (т.-е. Гоголь) и не подумалъ отстаивать «Ревизора», онъ, какъ человѣкъ больной, не могъ бороться за идею» ¹⁾. По нашему мнѣнію, истинный выводъ прямо противоположенъ приведенному: весь періодъ, начиная съ конца 1835 и кончая началомъ 1837 года, представляетъ борьбу за идею; въ это время нашъ великій писатель разрѣшаетъ основной вопросъ творческаго самосознанія: связь между литературною дѣятельностью и социальными убѣжденіями; можно не соглашаться съ выводомъ, къ которому пришелъ Гоголь, но отрицать въ немъ борьбу за идею, это—свести на смарку всю многострадальную жизнь великаго поэта. Г. Чижъ сравниваетъ Гоголя съ Викторомъ Гюго: «Если бы Гоголь зналъ о борьбѣ, выдержанной Гюго (съ противниками романтизма послѣ перваго представленія «Эрнани») и если бы онъ интересовался литературой, онъ нашелъ бы себѣ въ поведеніи Гюго примѣръ, достойный подражанія». Сравненіе было бы доказательно, если бы не было опущено одно: характеры борцовъ за идею и способы борьбы бываютъ очень различны.

Въ одномъ отношеніи нужно отдать справедливость г. Чижу: въ исторіи отъѣзда за границу онъ не находитъ идей преслѣдованія, хотя раньше еще у молодого Гоголя онъ ихъ констатируетъ, какъ доказательство параноическаго характера ²⁾. Для параноика, каковымъ, по мнѣнію г. Чижа, Гоголь былъ въ 1836 г., идеи преслѣдованія естественны; тѣмъ болѣе Гоголь «неправильно понималъ» отношеніе публики къ «Ревизору», даже писалъ: «Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные... полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня...» ³⁾ Г. Чижъ однако не говоритъ объ идеяхъ преслѣдованія и вполне справедливо; достаточно прочесть одно лишь письмо Гоголя Погодину (15/IV 1836 г.), чтобы понять жалобы сатирика не въ смыслѣ идей преслѣдованія; по письму видно, Гоголь отлично зналъ, въ какой странѣ и въ какое время онъ пи-

1) «В. Ф. и Пс.», кн. 68, стр. 445.

2) «В. Ф. и Пс.», кн. 67, стр. 293 и слѣд.

3) Щепкину 29/IV 1836 г.

шесть «Ревизора»; онъ зналъ «людей государственныхъ», «которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными»; онъ зналъ, «что есть небольшой кругъ, понимающій его», но зналъ также, что «невѣжество всеобщее». Не затрогивая идей преслѣдованія, объ идеяхъ величія г. Чижъ говоритъ подробно и приписываетъ ихъ Гоголю *larga manu*; а на самомъ дѣлѣ многія фразы Гоголя, будто бы свидѣтельствующія объ идеяхъ величія, объясняются тѣмъ же самымъ, т.-е. знаніемъ Россіи, тѣхъ условій русской жизни, во время которыхъ писалъ великій сатирикъ. Вотъ что говоритъ самъ Гоголь о приписываемыхъ ему идеяхъ величія:

«Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда писатель... обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у нея самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, то-есть: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что ни есть въ ней отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него... Кому при взглядѣ на эти пустынные, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся упреки ему самому, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, или же онъ не русскій въ душѣ... Не знаю, много ли изъ васъ такихъ, которые сдѣлали все, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ не можетъ попрекнуть ни въ чемъ Россія, что не глядитъ на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ея пустынныхъ пространствъ, что все ими довольно и ничего отъ нихъ не ждетъ. Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь... Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ» (Выбран. мѣста, письмо XVIII, 2).

1836 и начало 1837 года нужно считать періодомъ, когда мировоззрѣніе Гоголя, въ частности творческое самосознаніе, сложилось; въ это время онъ выработалъ себѣ главную часть—отношеніе творчества къ социальнымъ убѣжденіямъ. Затѣмъ онъ только развиваетъ выработанное. Въ этомъ мы убѣдимся, разсматривая слѣдующій подъемъ.

V.

Послѣдній подъемъ творческаго самосознанія—періодъ созданія и появленія «Выбранныхъ мѣстъ» въ сложной психологіи Гоголя—наисложнѣйшій. Для психіатра онъ имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ здѣсь яснѣе всего могли проявиться патологическія черты въ личности великаго писателя.

На этомъ основаніи періодъ съ 1843 по 1847 (включая отчасти и 1848) годъ заслуживаетъ самаго детальнаго изученія. Мы не имѣемъ основаній упрощать сложную психологію великаго писателя. Сдѣлать такое упрощеніе очень легко. Достаточно отдѣлать гениальное творчество отъ личнаго склада писателя, во-первыхъ, отрицать въ гениальномъ творествѣ слѣды какого-либо развитія, во-вторыхъ, чтобы до крайности просто представить исторію творчества у Гоголя. Работая съ такимъ методомъ, г. Чижъ считаетъ первыя появленія творчества — случайнымъ и внезапнымъ; переходъ же къ сатирамъ, по его мнѣнію, «появился именно въ то время, когда прошла первая молодость, когда неспособность любить выяснилась окончательно»; ¹⁾. Если появленіе «Ревизора» г. Чижъ объясняетъ отсутствіемъ половой жизни у Гоголя (кстати, еще далеко недоказаннымъ), то «Выбранныя Мѣста» объясняются еще проще. «Геній Гоголя окончательно (?) погасъ въ 1841 году» ²⁾; въ 1843 году «въ лучшія свои минуты Гоголь сознаетъ, что онъ утратилъ воспріимчивость, сталъ равнодушенъ къ прекрасному»; но онъ «настолько болѣнъ, что не понимаетъ упадка своего творчества; напротивъ, онъ увѣренъ, что теперь можетъ творить лучше»; въ это время, «проведенное въ обществѣ знатныхъ дамъ... на первый планъ выступили идеи величія»; онъ «вполнѣ убѣжденъ, что онъ одаренъ необычайной способностью, онъ узнаетъ истину самымъ простымъ, даннымъ ему за неизвѣстные намъ «подвиги» способомъ»; идеи аскетизма и религіозности въ истинномъ смыслѣ у Гоголя будто бы нѣтъ и не было; «онъ составилъ себѣ превратное сужденіе о дѣйствительности» и «рѣшаетъ бороться съ духомъ времени»; онъ издаетъ «Переписку съ друзьями», не понимаетъ причины ея неуспѣха; его «не могло смущать отрицательное отношеніе друзей

¹⁾ В. Чижъ «В. Ф. и Пс.», кн. 69, стр. 663—665.

²⁾ Ib., кн. 70, стр. 762.

къ его книгѣ»; критика «Переписки», въ частности «письмо Бѣлинскаго, Гоголемъ не была понята и, вообще, не оказала серьезнаго вліянія»; «онъ считаетъ себя вполне правымъ»¹⁾. Словомъ, въ исторіи появленія «Переписки» г. Чижевъ находитъ одну причину—душевную болѣзнь.

На самомъ дѣлѣ психологія «Выбранныхъ мѣстъ» во много разъ сложнѣе. Нигдѣ съ такой яркостью не проявилась личность Гоголя, какъ въ періодъ появленія этой несчастной книги. Достаточно прочитать письма Гоголя за 1843—1847 годъ, чтобы видѣть, какая сложная сѣть мотивовъ руководила авторомъ. Прежде всего постоянныя недомоганія, страхъ за разрушающееся здоровье болѣзненно обостряли творческую работу, и безъ того требующую громадной нервной энергіи; сюда присоединились просьбы друзей, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ II ч. «Мертвыхъ душъ»; это былъ самый ранній мотивъ — боязнь не закончить задуманнаго «по плану» «громадно-великаго творенія». Второй мотивъ былъ глубже; онъ связанъ съ работой творческаго самосознанія; въ главныхъ чертахъ она закончилась въ началѣ 1837 года, когда Гоголь составилъ планъ изобразить всю личность русскаго человѣка съ его дурными и хорошими сторонами; теперь онъ не отказывается отъ этого плана; мысль объ отказѣ кажется ему прямо «нелѣпой»; онъ хочетъ только достичь этого другимъ путемъ, «на другомъ поприщѣ»; является попытка сызнова опредѣлять направленіе своего таланта; какъ всѣ подобныя попытки у Гоголя, и эта послѣдняя сопровождается обычными измѣненіями въ настроеніи, въ слогѣ писемъ, въ повышенномъ тонѣ; на первый планъ выступаютъ достоинства «Переписки», какъ новаго дѣтища. «На новомъ поприщѣ» Гоголь ни на іоту не отступилъ отъ своего міровоззрѣнія; здѣсь по-прежнему узкій индивидуализмъ въ социальныхъ убѣжденіяхъ, мистицизмъ, благонамѣренность, даже въ болѣе ясной формѣ; «гимнъ властямъ предрѣжающимъ»¹⁾ получаетъ даже практическое примѣненіе; судя по письмамъ Гоголя, Бѣлинскій былъ правъ: этотъ гимнъ былъ третьимъ мотивомъ въ появленія «Переписки». Четвертый мотивъ знакомъ намъ по другимъ подъямамъ творческаго самосознанія—невозможность писать по старому; творческія задачи быстро переросли «Вечера»; затѣмъ та же

¹⁾ Иб., стр. 771—789.

участь постигла «Ревизора»; теперь очередь дошла до I т. «Мертвыхъ душъ»; слѣдующимъ произведеніямъ — II тому и «Перепискѣ», ставится новая задача. Особенно интересенъ пятый мотивъ, который выясняется Гоголемъ съ самыхъ различныхъ сторонъ и по самымъ различнымъ поводамъ; по выраженію Гоголя, это—«крюкъ» въ его «Мертвыхъ душахъ»: II томъ онъ не можетъ писать, какъ I-й; во II т. должна по плану писателя выступить другая сторона русскаго человѣка, которой въ I т. не было; но, чтобы «Мертвыя души» явились тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, Гоголю недостаточно знаній; онъ не можетъ писать, не узнавъ предмета въ совершенствѣ; ему нужно *„увидѣть“* *„личность“* русскаго общества; «Переписка» должна была сыграть и сыграла для Гоголя роль пробнаго камня; черезъ нее онъ узналъ то, чего ему не достаетъ. Но и этотъ мотивъ не исчерпываетъ всего; онъ оказался не вполне вѣренъ, и въ сознаніи великаго писателя мало-по-малу выясняются двѣ послѣднія причины для появленія «Переписки»; одна изъ этихъ причинъ—ошибка, связанная съ состояніемъ, которое Гоголь называетъ то «переходнымъ», то «болѣзненнымъ», другая — особенность гениальной натуры, или, по выраженію Гоголя, «способность, въ немъ заключенная» (письмо Анненкову 7/ix 1847 г.).

Я пока только перечислилъ эти шесть мотивовъ. Всѣ они принадлежатъ самому Гоголю; онъ касается ихъ въ своей «Авторской Исповѣди», а еще яснѣе они выступаютъ въ частныхъ письмахъ разнымъ лицамъ и по разнымъ поводамъ, въ разное время. Если мы хотимъ понять личность Гоголя, мы не въ правѣ обходить ихъ и упрощать такимъ образомъ психологію великаго писателя по собственному желанію. Напротивъ, слѣдя за тѣмъ, какъ появляются эти мотивы, перемѣшиваются между собой, исчезаютъ, смѣняются другъ друга, развиваются, вытекаютъ одинъ изъ другого, мы можемъ понять, какую громадную работу совершилъ Гоголь за 1843—1847 года и насколько эта работа по своимъ проявленіямъ далека отъ бреда душевно-больного.

Первые подлинники «Выборныхъ Мѣстъ изъ переписки съ друзьями» появляются въ корреспонденціи Гоголя въ 1843 году; 2-го апрѣля 1845 года Гоголь пишетъ Смирновой, что ему стыдно возвращаться въ Россію съ пустыми руками, и онъ готовитъ «небольшое произведеніе и не шумное по названію» (т.-е. «Переписку съ друзьями»). Такимъ образомъ, 1843, 1844 и начало

1845 г. можно считать временемъ, когда «Выбранныя Мѣста» только что складывались; вполне возможно, что они начались раньше, въ 1842 году. Интересно, какіе мотивы руководили Гоголемъ въ началѣ новаго поприща.

Прежде всего, нельзя не согласиться съ первымъ мотивомъ, съ котораго начинается Гоголь какъ «Выбранныя Мѣста», такъ и «Авторскую Исповѣдь» — болѣзнь и боязнь не кончить задуманнаго. Уже въ 1841 году, одновременно съ повышеннымъ настроеніемъ, въ силу окончанія I тома «Мертвыхъ душъ» слышатся опасенія за здоровье, которое не даетъ закончить задуманное. Въ слѣдующемъ году жалобы увеличиваются, приобретаютъ даже грозный характеръ; съ болѣзью совпали неприятности по цензурѣ I тома; Гоголь страшно устаетъ, даже послѣ простого письма; болѣзнь — въ видѣ странныхъ припадковъ, наблюдаются явленія психической гиперэстезіи; жалобы на московскій климатъ продолжаются ¹⁾). Въ 1843 году жалобы тише, но въ слѣдующемъ — въ 1844 Гоголь жалуется на приливъ крови къ головѣ и особенное ухудшеніе за лѣто ²⁾). Въ 1845 году здоровье настолько разстроилось, что все лѣто Гоголь проводилъ въ разѣздахъ по медицинскимъ знаменитостямъ Германіи. Очевидно, что съ началомъ «Переписки» недомоганія дѣйствительно усилились, а вмѣстѣ съ ними усилились и опасенія больного автора.

На первомъ планѣ попрежнему стоитъ II т. «Мертвыхъ душъ» съ его громадной задачей. Особые требованія, поставленныя самому себѣ, не позволяютъ Гоголю писать «по прежнему, какъ писалось въ молодости, то-есть какъ попало, куда не поведетъ перо мое». «Вслѣдствіе устройства головы моей, — пишетъ Гоголь Шевыреву 28 февраля 1843 года, — я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ вдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдамъ безразсуднаго, необдуманнаго творенія. Не осуждай меня» ³⁾). На упреки друзей, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ II тома, Гоголь ссылается на тѣ же сообра-

¹⁾ Письма, II, 148—9, 124, 150, 157.

²⁾ Письма, II, 454, 508.

³⁾ Письма, II, 266.

женія. «Я увѣренъ, что ни одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: «ну, что бы могъ сдѣлать этотъ чловѣкъ, если бъ захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ «Мертвыя души»,—онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячъ годового дохода». А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоить почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполне выработаннымъ кровью и потомъ. Я знаю, что послѣ я буду творить полнѣй и даже быстрѣе, но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе духовное, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій. Признайтесь, не показался ли я вамъ страннымъ, въ наше послѣднее свиданіе неоткровеннымъ и необщительнымъ, словомъ—страннымъ. Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслию объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись, занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого (Плетневу 6/x 1843 года) ¹⁾. Здѣсь о «Перепискѣ» нѣтъ ни слова, но уже съ большой силой выступаетъ одинъ мотивъ ея происхожденія, который потомъ Гоголь рисовалъ очень подробно, объясняя связь между II т. «Мертвыхъ душъ» и «Выбранными мѣстами».

Связь эта была намѣчена гораздо раньше, еще въ 1836—37 гг., при составленіи плана «громодно великаго творенія». Мы уже видѣли, подъ какими условіями составлялся этотъ планъ; творческое самоопредѣленіе было тѣснѣйшимъ образомъ связано со всей личностью автора, съ его мировоззрѣніемъ. И теперь въ той работѣ, которая должна была дать II тому «Мертвыхъ душъ» идеологическую подкладку и, между прочимъ, вошла въ «Переписку съ друзьями», Гоголь идетъ по старому пути, разъ намѣченному подъемомъ 1836—1837 гг.: тотъ же индивидуализмъ, мистицизмъ, символизмъ и та же высокая роль творчества, которую великій сатирикъ создалъ себѣ подъ влі-

¹⁾ Ив., II, 345.

яніемъ Пушкина; та же славянофильская окраска. Творческое самосознаніе измѣняется только количественно: прежнія положенія приобрѣтають болѣе точную и опредѣленную формулировку.

Въ письмахъ 1843 и 1844 года ясно замѣтна эта работа; философія «Переписки» мало-по-малу развивается изъ плана, созданнаго къ началу 1837 г. Тогда—25/1 1837 г.—Гоголь сторонился отъ «жизни политической», когда «о дѣлахъ Испаніи больше всякій хлопочетъ, нежели о своихъ собственныхъ». Теперь этотъ методъ возводится въ цѣлую систему. Современныя теченія не дають отвѣта. «Оглянешься: уже на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какіе-либо *исты*. Что же дѣлать? уже таково стремленіе общества быть какими-либо *истами*. Человѣчество бѣжить опростетью, никто не стоитъ на мѣстѣ,—пусть его бѣжить, такъ нужно», пишетъ Гоголь Шевыреву 20/ix 1843 года ¹⁾; по его мнѣнію, ключъ къ разрѣшенію вопроса — въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. «Всякихъ мнѣній о нашемъ вѣкѣ и нашемъ времени я терпѣть не могу» (Анненкову 10/v 1844 г.) ²⁾. Въ этихъ словахъ ясно вырисовывается Гоголь индивидуалистъ, защитникъ современнаго строя, непріязненный къ Бакунину, авторъ «Переписки»; ровно черезъ годъ, когда мысль объ изданіи «Переписки» окончательно сложилась, когда Гоголь формулировалъ значеніе творческой дѣятельности, которая должна давать «бодрящую мысль» людямъ ³⁾, его требованіе индивидуальнаго совершенства получаетъ краткую, опредѣленную формулу. «Да и точно ли такъ сильно виноваты *плохо видящіе* въ томъ, что они плохо видятъ?» задаетъ онъ вопросъ въ письмѣ ⁴⁾ Языкову (5/v 1845 г.).

Въ своемъ индивидуализмѣ Гоголь совершенно послѣдователенъ. Если все дѣло въ душѣ человѣка, въ томъ, «что въ насъ самихъ заключено и есть», въ такомъ случаѣ, конечно, нѣтъ нужды въ разнаго рода измахъ; достаточно «тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще» («Авторская Исповѣдь»). Какъ мы видѣли выше, съ этого же

¹⁾ Письма II, 337.

²⁾ Ib. II, 432.

³⁾ Ib. III, 12.

⁴⁾ Ib. III, 42.

пункта начался предыдущій подъемъ творческаго самосознанія; предъ созданиемъ плана громадно-великаго творенія, Гоголь вступилъ на привычный, привитый воспитаніемъ и первоначальной средой путь, который привелъ его «ко Христу»; и теперь мистицизмъ и неизбѣжный его спутникъ символизмъ руководятъ работой и направляютъ его. Уже въ самомъ началѣ 1843 года попадаются знакомыя ноты. «Вездѣ, во всякомъ мѣстѣ и углу міра, въ Парижѣ ли, Миргородѣ ли, въ Италиі ли, въ Москвѣ ли, вездѣ можетъ постигнуть тебя тяжелая, можетъ быть даже жестокая тоска, и никакихъ нѣтъ спасеній отъ нея. И это есть глубокое доказательство того, что въ душу твою вложены тайныя стремленія къ чему-нибудь, что безпокойно мечутся силы не слышашія и не узнающія назначенія своего, безъ сомнѣнія, не пустого и не ничтожнаго» ¹⁾ (Данилевскому 14/II 1843). Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе проясняется методъ, «ведущій ко Христу». Въ концѣ 1843 г. въ письмѣ Языкову (4/XI 1843 г.) Гоголь пишетъ цѣлую программу душевнаго воспитанія; онъ говоритъ о молитвѣ, о той помощи, которую она приноситъ въ процессъ творчества, о чудесахъ, въ силу молитвъ, о борьбѣ съ болѣзнью посредствомъ молитвы; здѣсь уже не отдѣльныя фразы мистическаго характера, какія мы встрѣчаемъ въ письмахъ Гоголя съ 1830 по 1836 годъ; здѣсь цѣлая система; Гоголь дважды противопоставляетъ ее объясненіямъ естествоиспытателей, которые говорятъ: «одна нерва толкнула другую» ²⁾. Въ январѣ слѣдующаго года (1844), онъ разсылаетъ друзьямъ «Подражаніе Христу» Фомы Кемпійскаго съ просьбой читать его каждый день, а въ мартѣ сознается: «я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самыя щекотливыя мѣста, какія только во мнѣ есть» ³⁾ (Шевыреву 12/III 1844 г.).

Эта «внутренняя ломка» связана, конечно, съ творческой работой, какъ и прежде; уже въ началѣ разбираемаго періода «безпокойно мечутся силы, не слышашія и не узнающія назначенія своего». Къ концу года силы находятъ выходъ. «Скажу тебѣ еще объ одномъ душевномъ открытіи, которое подтверждается болѣе и болѣе, чѣмъ болѣе живешь на свѣтѣ, хотя

¹⁾ Письма II, 255.

²⁾ Ib. 359—365.

³⁾ Ib. 398—399.

вначалѣ оно было просто предположеніе, или справедливѣе—предслышаніе. Это то, что въ душѣ у поэта силъ бездна. Ежели простой человѣкъ борется съ неслыханными несчастіями и побѣждаетъ ихъ, то поэтъ непремѣнно долженъ побѣждать большія и сильнѣшія... цѣлый арсеналъ вложилъ Богъ въ душу поэта. Но ихъ большею частью и не знаетъ поэтъ, и не прибѣгаетъ въ узнанію» ¹⁾. Къ началу 1845 года, когда Гоголь уже рѣшился выступить на «новомъ поприщѣ», «внутренняя ломка, повидимому, закончилась: Гоголь подходилъ къ новому мотиву «Переписки»: «Сатира теперъ не подѣйствуетъ», пишетъ онъ 26/xii 1844 г.

Языкову по поводу «Землетрясенія», «и не будетъ мѣтка, но высокій упрекъ лирическаго поэта, уже опирающагося на вѣчный законъ, попираемый отъ слѣпоты людьми, будетъ много значить»; далѣе онъ указываетъ три категоріи людей, для которыхъ важно «освѣжительное слово», когда «въ ободреніи былъ слышенъ упрекъ и въ упрекѣ ободреніе»: во-первыхъ; люди, предающіеся страху, особенно тѣ, кто не умѣли перенести пустяка какого-нибудь (намекъ на пріемъ «Ревизора»), во-вторыхъ, «нынѣшніе развратники», въ-третьихъ, незаконники, которые пользуются «смутностью времени» ²⁾.

Такимъ образомъ, внутренняя логика дала Гоголю новый мотивъ; въ началѣ слѣдующаго 1845 г., предъ составленіемъ «небольшаго произведенія и не шумнаго по названію», этотъ мотивъ онъ называетъ «бодрящей мыслью». «Въ самомъ стихѣ твоемъ (письмо Языкову 2/1 1845 г.) есть уже что-то бодрое и бодрящее, и если такимъ стихомъ одѣнешь ты и мысль вполне *бодрящую*, и если размотришь къ тому и природу русскаго человѣка, чтобы узнать, по которому мѣсту бить и хлестать его, то много, много можешь надѣлать добра» ³⁾. «Да точно ли такъ сильно виноваты плохо видящіе въ томъ, что они плохо видятъ?» ⁴⁾ спрашиваетъ Гоголь того же Языкова по поводу другаго произведенія («Молодому человѣку»), нѣсколько полемическаго характера.

Итакъ, за 1843 — 1844 гг. мы видимъ три мотива въ возни-

¹⁾ Ib. 362.

²⁾ Письма II, 581—582.

³⁾ Ib. III, 12.

⁴⁾ Ib. III, 42.

кающей «Переписка съ друзьями»: боязнъ не кончить задуманнаго, невозможность писать по старому и попытка вступить на новое поприще. Точнѣе послѣднюю можно назвать не мотивомъ, а новой стадіей творческаго самоопредѣленія; въ этой попыткѣ мы видимъ продолженіе прежней работы, она совершается по тому же методу, по какому Гоголь пришелъ къ I тому «М. д.»; сначала это—только подготовка къ II тому, выработка для него идіологической подкладки. Затѣмъ запросы творчества, по мѣрѣ роста, выдѣляются въ особый трудъ. Въ указанныхъ первоначальныхъ мотивахъ нѣтъ ничего патологическаго; они тѣсно связаны съ личностью Гоголя, съ главной задачей его жизни, его міровоззрѣніемъ, поэтому, наблюдались и раньше. Появляясь вновь, они въ процессѣ своего обнаруженія не имѣютъ ничего похожаго съ происхожденіемъ бреда душевнобольнаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, если изучать этотъ періодъ односторонне, безъ связи съ предыдущей исторіей творчества, въ письмахъ Гоголя можно найти много страннаго. Такой участи и подверглись два письма къ Языкову—4/xi 1843 г. и 26/ii 1844 года; въ первомъ изъ нихъ г. Чижъ нашелъ идеи величія почти дементнаго характера, во второмъ—бредовое толкованіе дѣйствительности. Слѣдующія фразы остановили вниманіе г. Чижа: 4/xi 1843 г. Гоголь пишетъ Языкову о молитвѣ: нужно молиться и «окажутся въ душѣ вопросы». «И за этими вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ» и т. д. По мнѣнію г. Чижа, это мѣсто нужно понимать въ томъ смыслѣ, что «Гоголь уже окончательно убѣдился, что для того, чтобы чему-нибудь учить, не нужно учиться самому, не нужны впечатлѣнія, не надо перерабатывать воспринятое такъ, какъ всѣ люди. Для него нѣтъ необходимости наблюдать, замѣчать, обдумывать, сомнѣваться; притомъ же знанія, пріобрѣтенныя обычнымъ путемъ, такъ не совершенны. Гоголь теперь уже вполне убѣжденъ, что онъ одаренъ необычайною способностью, онъ узнаетъ истину самымъ простымъ, даннымъ ему за неизвѣстные намъ «подвиги», способомъ» ¹⁾.

Мы уже имѣли случай говорить, насколько односторонне

¹⁾ В. Чижъ. В. Ф. и П., кн. 70, стр. 773.

мнѣніе г. Чижа съ чисто психологической стороны; г. Чижъ не замѣчаетъ, что въ данномъ мѣстѣ Гоголь очень точно описываетъ процессъ безсознательной работы, встрѣчающійся даже у обыкновенныхъ людей. Здѣсь, когда мы разбираемъ извѣстную эпоху въ жизни писателя, мы не можемъ не указать, насколько не вѣрна оцѣнка г. Чижа съ фактической стороны.

Въ 1843—1844 гг. великій писатель совершаетъ интенсивную работу; онъ согласенъ скорѣе «умереть съ голода», чѣмъ дать «безразсудное, необдуманное произведеніе» (28/II 1843); онъ самъ, «захлопотанный, занятый мыслию о внутреннемъ хозяйствѣ», сознается, что можетъ казаться «неоткровеннымъ, необщительнымъ, словомъ—страннымъ» (6/X 1843), переживаетъ «внутреннюю ломку» (22/III 1844)... И въ то же самое время — 4/XI 1843 г. — по мнѣнію г. Чижа, оказывается, что «для него нѣтъ необходимости наблюдать, замѣчать, обдумывать, сомнѣваться». Очевидно, г. Чижа смущаютъ выраженія Гоголя вродѣ того, что онъ «внутреннимъ чутьемъ» «прозрѣваетъ» изъ Дюссельдорфа въ Москву, что «отъ тебя (Языкова) не такъ далеко время писанья и работы»¹⁾. Но это выраженіе совершенно понятно: Гоголь писалъ такъ по поводу «Землетрясенія», которое ему чрезвычайно понравилось и въ которомъ онъ видѣлъ настоящую дорогу для таланта Языкова; такимъ образомъ въ письмѣ Языкову (4/XI 43) никакого обладанія истиной Гоголь себѣ не приписываетъ, тутъ нѣтъ идей величія, какъ нѣтъ ихъ и въ письмѣ Вѣльгорской (26/III 1844), гдѣ встрѣчается такая фраза: «Не пренебрегайте этими правилами: они всѣ истекли изъ душевнаго опыта, подтверждены святыми примѣрами и потому примите ихъ, какъ повелѣніе самого Бога».

Достаточно вспомнить, какой характеръ носила «внутренняя ломка» въ это время, въ чемъ состояла теорія душевнаго воспитанія, противопоставляемая въ письмѣ Языкову «объясненіямъ естествоиспытателей», чтобы понять подобный *façon de parler*.

Еще болѣе неточно объясняется г. Чижемъ второе (26/XII 1844 г.) письмо Языкову, гдѣ Гоголь пишетъ: «громоздныи ударъ упадетъ на нынѣшнихъ развратниковъ, осмѣливающихся пиршествовать и безчинствовать въ то время, когда раздаются уже дѣйствія гнѣва Божья, и невидимая рука, какъ на пиру

¹⁾ Ibidem; см. также стр. 774.

Вальтасаровомъ, чертить огнемъ грозящія буквы. Въ-третьихъ упрекъ, и еще сильнѣйшій, можетъ быть, упадетъ на тѣхъ, которые осмѣливаются даже въ такія святія минуты Божьяго посѣщенія пользоваться смутностью времени». Приведа это мѣсто и сдѣлавъ другія выдержки изъ писемъ 1843—1845 гг., г. Чижъ заключаетъ, что Гоголь «составилъ себѣ самое превратное сужденіе о дѣйствительности, потому что вниманіе его почти всецѣло было поглощено тѣлесными страданіями, идеями величія и идеями собственной грѣховности» ¹⁾. Г. Чижъ не замѣтилъ, что въ это самое время вниманіе Гоголя было отвлечено совершенно другимъ; въ письмѣ Языкову онъ выясняетъ свой взглядъ на значеніе лиризма, «бодрящая мысль» котораго даетъ упрекъ и одобреніе русскому обществу, такимъ-то и такимъ-то изъ его элементовъ, по рубрикамъ, въ одну изъ коихъ и входятъ «развратники» и т. д.; а въ другихъ письмахъ этого періода (Смирновой и Толстому) Гоголь выясняетъ уже собственное «новое поприще», свою «бодрящую мысль», которую онъ надѣялся осуществить «Перепиской»; нужно помнить, что попытка Гоголя вступить на новое поприще была продолженіемъ прежняго; въ «Перепискѣ», какъ и раньше, онъ имѣлъ въ виду социальныя задачи своего творчества, и оцѣнку дѣйствительности онъ давалъ только съ одной этой точки зрѣнія: «теперь *сатира* ²⁾ не подѣйствуетъ и не будетъ мѣтка», писалъ онъ Языкову.

Весной 1845 года (апрѣль и май) рѣшеніе написать «Переписку» принято. Лѣтомъ наступаетъ большой перерывъ,—Гоголь усиленно лѣчится, ѣздитъ по медицинскимъ знаменитостямъ. Осенью и зимой 1845 года въ письмахъ встрѣчаются подлинники «Выбранныхъ мѣстъ», но рѣдко; письма за этотъ періодъ большею частью краткія, дѣловыя. Повидимому, рѣшивъ выступить на «новомъ поприщѣ», Гоголь успокоился, далъ себѣ отдыхъ. Къ концу зимы снова начинаются жалобы на здоровье и на зябкость ³⁾. «Но,—пишетъ Гоголь,—несмотря на невыносимо-болѣзненное чувство, которое слышитъ все мое тѣло, находящееся вѣчно въ лихорадочномъ состояніи, ни хандра, ни скорбь еще не находили на меня». Съ этого времени, т. е. съ конца 1845 г., мало-по-малу начинается типичный для Гоголя подъемъ.

¹⁾ В. Ф. и Пс. кн. 70, стр. 782.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Плетневу 28/xi 1845 и Толстому 2/i 1846 (новый стиль).

Въ январѣ 1846 г. жалобы на здоровье принимаютъ другой характеръ; Гоголь уже не терзается. «Я зябну, зябну, и зябкость увеличивается, чѣмъ далѣе, болѣе, а что хуже, вмѣстѣ съ нею необыкновенная вялость всякихъ желудочныхъ и вообще тѣлесныхъ отправленій... Но при всемъ томъ Богъ милостивъ: я не унываю. Думаю о многомъ томъ, о чемъ мнѣ слѣдуетъ думать, и мысли мои, несмотря на тѣлесный недугъ, нечувствительно зрѣютъ» (Смирновой 27/1 1846 г.). Надежды на II т. «Мертвыхъ душъ» повышаются: «только по прочтеніи 2 тома «М. д.» могу я заговорить съ многими людьми серьезно... Тогда только уяснятся глаза у многихъ, которымъ другимъ путемъ нельзя сказать иныхъ истинъ» (ib.).

Встрѣча въ Римѣ съ государемъ даетъ новое направленіе надеждамъ, поднимаются прежнія мечты о «службѣ государственной». «Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ» (ibid.). Здѣсь, повидимому, первый намекъ на одинъ изъ мотивовъ «Переписки» ¹⁾.

Въ февралѣ самочувствіе продолжаетъ улучшаться; самыя страданія («въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго») описываются рѣзкими чертами, въ повышенномъ тонѣ— «повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе» (Плетневу 8/II 1846 г.); но... «душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться» (ibid.). Черезъ 12 дней о томъ же Гоголь пишетъ Смирновой (20/II 1846 г.), и здѣсь уже есть намекъ на причину хорошаго самочувствія: «Голова и мысль вызрѣли, минуты выбираются такія, какихъ я далеко недостоинъ» ²⁾. То же самое въ мартѣ въ письмѣ Жуковскому (16/III 1846 г.): Богъ «наградилъ меня такими небесными минутами, предъ которыми ничто всякое горе. Мнѣ даже удалось кое-что написать изъ «М. душъ», которое все будетъ вамъ въ скорости прочитано» ³⁾.

Нельзя оставить безъ вниманія замѣчательный фактъ въ исто-

¹⁾ Письма III, стр. 138, 139, 141—142.

²⁾ П. III, стр. 147, 152.

³⁾ Ib. 155.

риі появленія «Переписки». И прежде у Гоголя долго тянулась работа творческаго самосознанія, но на этотъ разъ обычный подъемъ наступаетъ очень медленно.

Еще въ 1843 г. Гоголь началъ писать подлинники «Выбранныхъ мѣстъ», долженъ былъ объяснять Данилевскому (20/VI 1843) и матери (1/X 1843) особый слогъ своихъ писемъ; въ 1844 году 6-го апрѣля онъ уже намекаетъ, что «значеніе писемъ узнается послѣ»¹⁾; въ 1845 г. 2-го апрѣля опредѣленно говорить о «небольшомъ произведеніи и не шумномъ по названію»; въ 1846 г. 20 февраля «голова и мысли вызрѣли...» но Гоголь продолжаетъ сомнѣваться, борется съ собой, и вполнѣ понятно: послѣдній подъемъ творческаго самоопредѣленія касается очень важнаго вопроса — «новаго поприща»; какъ ни тѣсно связано это «поприще» со всѣмъ міросозерцаніемъ великаго писателя, со всей предыдущей его работой, онъ далеко не сразу вступаетъ на новую дорогу. Даже послѣ промелькнувшей мысли о томъ, что на новомъ поприщѣ онъ не можетъ сослужить «государственную службу» (см. письмо Смирновой отъ 27/I 1846), Гоголь однако пишетъ въ апрѣлѣ (22-го 1846 г.) Языкову: «Кстати объ этихъ письмахъ. Ты ихъ береги. Я какъ разсмотрѣлъ все то, что писалъ разнымъ лицамъ въ послѣднее время, особенно нѣждающимъ и требовавшимъ отъ меня душевной помощи, вижу, что изъ этого можетъ составиться книга, полезная людямъ страдающимъ на разныхъ поприщахъ. Страданья, которыми страдалъ я самъ, пришлось мнѣ въ пользу, и съ помощью ихъ мнѣ удалось помочь другимъ. Богъ вѣсть, можетъ, это будетъ полезно и тѣмъ, которые находились и не въ такихъ обстоятельствахъ, и даже мало заботятся о страданіяхъ другихъ. Я попробую издать, прибавивъ кое-что вообще о литературѣ. Но покамѣстъ это между нами. Мнѣ нужно обсмотрѣть и все разглядѣть и взвѣснить. Двигаетъ мною теперь единственно польза, а не доставленіе какого-либо наслажденія»²⁾.

Мы видимъ, какъ остороженъ Гоголь послѣ болѣе чѣмъ трехгодовой работы, когда «голова и мысли вызрѣли». Онъ рѣшается выступить на «новое поприще», появляется новый мотивъ «Переписки» — польза самой книги, но пока очень слабо: «Богъ

1) Письма II, 414.

2) Письма III, 167.

вѣсть, можетъ...» «я попробую...» «нужно обсмотрѣть и все разглядѣть, и взвѣсить...»

Я вполнѣ понимаю радость Гоголя, когда онъ прочиталъ похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодинымъ. Это случилось вскорѣ послѣ апрѣльскаго письма Языкову. «На-дняхъ я прочелъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ похвальное слово Карамзину», пишетъ Гоголь Языкову 5/v 1846 года. «Карамзинъ представляетъ явленіе, точно, необыкновенное. Онъ показалъ первый, что званіе писателя стоить того, что для него стоить пожертвовать всѣмъ, что въ Россіи писатель можетъ быть вполнѣ независимъ, и если онъ уже весь полонъ любви къ благу, первенствующей во всемъ его организмѣ и во всѣхъ его поступкахъ, то ему можно все сказать. Цензуры для него не существуетъ, и нѣтъ вещи, о которой бы онъ не могъ сказать, какой (въ ней) урокъ и поученіе намъ всѣмъ! И какъ смѣшонъ послѣ этого иной нашъ братъ литераторъ, который кричитъ, что въ Россіи нельзя сказать правды, что «правда глаза колетъ». Самъ же не сумѣетъ сказать правды, выразится какъ-нибудь аляповато, дерзко, такъ что уколетъ не столько правдой, сколько тѣми словами, которыми выразить правду, словами, знаменующими внутреннюю неопрятность невоспитавшейся своей души, и самъ же потомъ дивится, что отъ него не принимаютъ правды. Нѣтъ, имѣй такую стройную и прекрасную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, такое чистое стремленіе и такую любовь къ людямъ — и тогда смѣло произноси правду. Всѣ въ государствѣ, отъ царя до послѣдняго подданнаго, выслушаютъ отъ тебя правду. Но, до-вольно» ¹⁾.

Это мѣсто чрезвычайно типично для момента, переживаемаго Гоголемъ; тутъ резюмѣ всего, надъ чѣмъ трудился великій писатель, пытаюсь вступить на «новое поприще». Московскіе друзья еще разъ удружили Гоголю: погодинская характеристика Карамзина разрѣшила ему сомнѣнія и придала рѣшимости.

И, дѣйствительно, непосредственно за этимъ Гоголь принимается за «Выбранныя мѣста», и 30 іюля уже посылаетъ Плетневу первую тетрадь. Долго сдерживаемое напряженіе прорывается. Начинается типичный для Гоголя подъемъ, знакомый намъ изъ прежняго по своимъ проявленіямъ.

¹⁾ Письма III, 179—180.

6-го іюля Гоголь общается Россети спѣтъ «мою старую пѣсню, но только съ той разницей, что голосомъ несравненно болѣе твердымъ и сильнымъ, чѣмъ когда-либо прежде, несмотря на безсиліе своего тѣла и на множество прибавившихся немощей» ¹⁾).

Черезъ 2 недѣли Гоголь считаетъ себя человѣкомъ, «который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ *существенномъ*» (Плетневу 20/vii 1846 г.) ²⁾. Къ концу мѣсяца, когда первая тетрадь закончена, повышенное настроеніе увеличивается. Поручая Плетневу (30/vii 1846) печатанье новой книги, Гоголь говоритъ: «Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснить тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанія все станетъ ясно, и недоразумѣнія, тебя доселѣ тревожившія, исчезнутъ сами собой»... «Печатай два завода и готовь бумагу для второго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга» ³⁾.

Въ августѣ, посылая слѣдующія семь статей, Гоголь проситъ Плетнева, чтобы о новой книгѣ никто кромѣ цензора не зналъ (13/viii 1846) ⁴⁾. Въ сентябрѣ Гоголь трудится «отъ всѣхъ силъ» (Плетневу 1/ix 1846); повышенное настроеніе остается. Въ письмѣ Шевыреву (5/x) снова называетъ «Выбранныя мѣста» первой дѣльной книгой, «хотя и на другомъ поприщѣ»; она «должна разойтись въ мѣсяцъ» ⁵⁾; въ тотъ же день, въ письмѣ Языкову Гоголь выражаетъ свое превосходство надъ славянофилами: «надѣлъ кафтанъ, да запустилъ бороду, да и воображаютъ, что распространяютъ этотъ русскій духъ по русской землѣ! Они просто охаиваютъ этимъ всякую вещь, о которой дѣйствительно слѣдуетъ поговорить»... ихъ не слѣдуетъ обезкураживать. Я ихъ выбраню, но потомъ, и притомъ такимъ образомъ, что они послѣ брани подымутъ носъ, а не опустятъ. Нельзя говорить чело-вѣку: «дѣлаешь не такъ», не показавши въ то же время, какъ должно дѣлать» ⁶⁾.

¹⁾ Письма III, 191.

²⁾ Ib. 192.

³⁾ Ib. 198—199.

⁴⁾ Ib. 205.

⁵⁾ Ib. 213.

⁶⁾ Ib. 214—215.

На октябрь вообще падаетъ самый высокій подъемъ самочувствія; Гоголь кончаетъ свою работу и 16-го числа отсылаетъ заключительную тетрадь; на первый планъ выступаетъ пока одинъ мотивъ—достоинства новаго произведенія; повышенное настроеніе такъ велико, что авторъ бросаетъ прежнія жалобы на здоровье: «И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это до тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строчка» (Плетневу 20/x 1846) ¹⁾. Въ это именно время всплываетъ новый мотивъ «Переписки». 16-го окт. онъ совѣтуетъ, въ случаѣ затрудненій съ цензурой, «печатать книгу и въ корректурныхъ листахъ поднести все на прочтеніе государю. Дѣло мое—правда и польза, и я вѣрю, что моя книга будетъ имъ вся пропущена» ²⁾. 20-го числа онъ убѣждаетъ Плетнева: «Вы можете сами смекнуть, что самъ государь же и дворъ и стануть въ защиту ея», и поручаетъ: «по выходѣ книги приготожь экземпляры и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолѣтнихъ» ³⁾.

Повышенное настроеніе остается, хотя и слабо, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; 24-го ноября въ письмѣ Жуковскому Гоголь безпокоится промедленіемъ въ печатаніи книги, но «глядитъ свѣтло впередъ» ⁴⁾.

Я вполне понимаю, что письма 1846 года, если взять ихъ отдѣльно и разсматривать безъ связи съ моментомъ, когда они написаны, могутъ говорить объ идеяхъ величія. Иное дѣло, когда ихъ брать во всей неприкосновенности; тутъ играетъ роль даже мѣсяць; достаточно сравнить октябрьскія письма 1846-го года съ письмами первыхъ мѣсяцевъ, чтобы видѣть, насколько богаты они нюансами, насколько тонко передаютъ колебанія творческаго напряженія. Весь періодъ съ зарожденія «Переписки» до появленія ея на свѣтъ, т.-е. съ 1843 по 1846 годъ включительно, съ его «душевному воспитаніемъ», «внутренней ломкой», «значеніемъ лиризма» естественно привелъ къ подъему 46-го; повышенныя фразы имѣютъ вполне достаточную для себя причину.

1) Письма, III, 222—223.

2) Ib. 221.

3) Ib. 223—224.

4) Ib. 261.

Я вполнѣ понимаю, что *обыкновенно* реагируютъ на идейный процессъ не такъ сильно, какъ реагировалъ Гоголь; но именно «обыкновенно»; при всемъ желаніи психологію великаго человѣка нельзя втиснуть въ рамки «обыкновеннаго»; эмоциональная сфера великихъ творцовъ неодного масштаба съ нашей; изъ разсказа Анненкова мы, знаемъ, какую бурную, шумную радость проявилъ Гоголь, когда была кончена глава о Плюшкинѣ. Наблюденія Анненкова настолько совпадаютъ съ нашими представленіями о психологіи высшаго типа, что нельзя въ нихъ сомнѣваться; не удивительно, что въ 1846 году Гоголь реагируетъ такъ же сильно, какъ и прежде. Нужно помнить при этомъ, что «Переписку» онъ написалъ въ короткій срокъ—съ іюля по октябрь, слѣдовательно, пережилъ громадное напряженіе.

VI.

Наиболѣе важный пунктъ для правильнаго пониманія «идей величія», будто бы связанныхъ съ появленіемъ «Выбранныхъ мѣстъ», представляетъ послѣдующая исторія этой несчастной книги. Г. Чиждъ, полагая, что «Переписка» явилась вслѣдствіе душевной болѣзни автора, находитъ возможнымъ утверждать, что и затѣмъ, послѣ появленія книги въ свѣтъ, «явное враждебное отношеніе къ «Выбраннымъ мѣстамъ» почти всей публики и критики ничуть не смущаетъ Гоголя; онъ считаетъ себя вполнѣ правымъ, а книгу—полезной для Россіи, а, главное, для «самого себя»; его «не могло смущать отрицательное отношеніе друзей къ его книгѣ, потому что онъ не могъ понимать истинной причины такого отношенія»; «письмо Бѣлинскаго Гоголемъ не было понято и вообще не оказало серьезнаго вліянія» ¹⁾). Такая оцѣнка послѣдующаго поведенія Гоголя для г. Чижа необходима; въ противномъ случаѣ Гоголь не былъ бы душевнобольнымъ; какой же больной съ систематизированнымъ бредомъ величія, выработаннымъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, можетъ отказаться отъ своихъ идей, признать себя не правымъ? Такіе больные принципиально непоколебимы.

Посмотримъ, такъ ли вель себя авторъ «Выбранныхъ мѣстъ». По необходимости мы должны шагъ за шагомъ слѣдить за

1) В. Чиждъ. „В. Ф. и П.“, кн. 70, стр. 787—788.

Гоголемъ, иначе мы не выяснимъ его отношенія къ «Перепискѣ». Въ этомъ отношеніи интересенъ уже декабрь 1846-го года. Наибольшее напряженіе переживается Гоголемъ въ октябрѣ, когда онъ кончаетъ новую книгу; во второй половинѣ октября повышенный тонъ остается, въ ноябрѣ—уже очень слабо. Что касается декабря, то здѣсь картина замѣтно мѣняется. Возвращаются прежніе интересы; 8/xii Гоголь проситъ Шевырева посылать ему отзывы о «Мертвыхъ душахъ» ¹⁾. О «Выбранныхъ мѣстахъ» онъ пишетъ въ совершенно дѣловомъ тонѣ: «Въ этомъ году мнѣ будетъ особенно нужно читать почти все, что ни будетъ выходить у насъ, особенно журналы и всякіе журнальные толки и мнѣнія. То, что почти не имѣетъ никакой цѣны для литератора, какъ свидѣтельство бездарности, безвкусія или пристрастія и неблагородства человѣческаго, для меня имѣетъ цѣну, какъ свидѣтельство о состояніи умственномъ и душевномъ чловѣка... Мнѣ нужно видѣть личность публики, а безъ того у меня все выходитъ глупо и непонятно» (Плетневу, 12/xii 46) ²⁾. Нельзя не подчеркнуть этого дѣлового соображенія; оно появляется уже 12-го декабря, слѣдовательно, независимо отъ нападокъ на «Переписку» (письмо Аксакова, писанное 9-го числа изъ Россіи, конечно, не могло пока дойти до Гоголя). Очевидно, онъ самъ начинаетъ критически относиться къ новому произведенію и, замѣчательно, прежде всего выдвигаетъ то соображеніе, которое потомъ, въ защиту отъ критики, онъ развивалъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ. Самопроизвольное пониженіе тона вполне естественно; громадное напряженіе въ октябрѣ, когда на первый планъ выступило достоинство самого произведенія, кончилось, мотивъ смѣняется другимъ, уже дѣлового характера; въ письмахъ появляются уже нотки сомнѣнія; достаточно дружескаго письма Плетнева съ кое-какими замѣчаніями, чтобы прежнія фразы, октябрьскія, смѣнились другими, тономъ ниже: «если я до сихъ поръ нахожусь въ твердомъ убѣжденіи, что книга моя полезна, то будетъ малодушно съ моей стороны остановиться при началѣ»—пишетъ Гоголь Плетневу 5/i 1847 г. (по новому стилю) ³⁾.

1) Письма III, 285.

2) Письма III, 290.

3) Ib. 297.

Въ 1847 г. на «Переписку» широкимъ потокомъ хлынула критика. Гоголь очень чутко прислушивается къ ней и уступаетъ далеко не сразу; шагъ за шагомъ онъ отстаиваетъ свое произведеніе. Замѣчательно постепенно идутъ уступки: сначала онъ сваливаетъ вину на обстоятельства; затѣмъ сознается въ неудачѣ своего проповѣдничества, жертвуя, такимъ образомъ, «бодрящей мыслью», цѣлымъ мотивомъ, столь изящно выраженнымъ въ письмѣ Языкову: «Нельзя говорить челоуѣку: «дѣлаешь не такъ», не показавши въ то же время, какъ должно дѣлать» ¹⁾; еще далѣе старанія Гоголя направлены только къ тому, чтобы отстоять содержаніе «Переписки», иными словами, свое міровоззрѣніе; и, наконецъ, послѣдняя уступка—Гоголь объективно старался выяснитъ инцидентъ.

Январь и февраль 1847-го года Гоголь держится крѣпко за свое произведеніе, попрежнему считаетъ книгу нужной для многихъ (Аксакову, 20/1) ²⁾; «хотѣлось только поселить посредствомъ ея въ головѣ идеаль возможности дѣлать добро, потому что есть много истинно доброжелательныхъ людей, которые устали отъ борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сдѣлать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить въ головѣ, потому что съ ней, какъ со свѣтильникомъ, все-таки отыщешь что-нибудь дѣлать, а безъ нея вовсе останешься въ потьмахъ» (Смирновой, 22/II) ³⁾. Дѣловое отношеніе къ книгѣ—попрежнему; Аксакову (20/1), Смирновой (22/II), Плетневу (22/II), Вяземскому (28/II) онъ пишетъ объ одномъ и томъ же: «нападки мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ въ то же время *васъ*, то-есть *моихъ читателей*» ⁴⁾. «Мнѣ нужно много набрать знаній; мнѣ нужно хорошо знать Россію. Другъ мой, не забывайте, что у меня есть постоянный трудъ—эти самыя «Мертвыя души», которыхъ начало явилось въ такомъ неприглядномъ видѣ. Другъ мой, искусство есть дѣло великое... Способность сознанія есть способность великая... а употребить ее какъ слѣдуетъ въ дѣло я въ силахъ только тогда, когда разумъ мой озарится полнымъ знаніемъ дѣла. Вотъ почему я съ такою жадностью прошу, ищу

1) 5/х 1846 г.

2) Ib. 320.

3) Ib. 367—368.

4) Письма III, 320—321.

свѣдѣній» ¹⁾. «Этими статьями (т.-е. «Перепиской») я хотѣлъ не столько учить другихъ, но самому многому учиться, потому что—говорю тебѣ не ложь—мнѣ нужно слишкомъ многого набраться отъ умныхъ людей, чтобы написать какъ слѣдуетъ мои «Мертвыя души» ²⁾. «Мнѣ нужно много поумнѣть для того, чтобы «Мертвыя души» вышли тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ быть имъ. И вотъ почему я вдвое болѣе хлопочу о моей книгѣ» ³⁾. На критику друзей Гоголь пока отвѣчаетъ только ссылкой на обстоятельства; вполне понятно, почему. Г. Чижъ утверждаетъ, что Гоголь *не могъ понять* причины негодованія друзей и общества; изъ писемъ Гоголя мы можемъ заключить какъ разъ обратное; онъ не хотѣлъ обнаружить своихъ воззрѣній раньше, потому что *зналъ*, какъ это будетъ принято среди «людей такъ называемаго европейскаго взгляда, одолевимаго духомъ всякаго рода преобразованій». «Я былъ только скрытенъ, потому что былъ не глупъ—вотъ и все... Мнѣ бы слѣдовало еще поработать въ тишинѣ... и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ насчетъ сочиненій моихъ (Аксакову, 20/1) ⁴⁾. «Скрытенъ я изъ боязни напустить цѣлыя облака недоразумѣній моими словами, какихъ случилось мнѣ не мало ихъ наплодить доселѣ» (Швыреву, 11/1) ⁵⁾. Главное слѣдствіе этихъ недоразумѣній—цензурныя урѣзки. «Какія-то таинственныя партіи европейцевъ и азіатцевъ вмѣстѣ совокупились, чтобы смутить и сбить съ толку цензуру. Вмѣсто толстой книги вышла небольшая брошюра» (Толстому 6/1) ⁶⁾. «Знаю только то, что цензоръ былъ, кажется, въ рукахъ людей такъ называемаго европейскаго взгляда...» «тяжело бываетъ это цензурное убійство» (Смирновой, 22/1) ⁷⁾.

Старанія Гоголя направлены пока (въ январѣ и февралѣ) противъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ настаиваетъ, въ случаѣ недоразумѣній съ цензурой, представить дѣло государю и дать второе изданіе (Плетневу, 3/1), мотивируя это попрежнему:

1) Ib. 367—368.

2) Ib. 373.

3) Ib. 382.

4) Ib. 320.

5) Ib. 357.

6) Ib. 343.

7) Ib. 365.

«исполняю свой долгъ и служу свою службу» ¹⁾. Впрочемъ это только въ началѣ января; въ концѣ февраля предпринимается болѣе простой планъ — протекція у кн. Вяземскаго. «О представленіи поспѣшномъ моей книги государю я вовсе не думаю» — пишетъ Гоголь 28-го февраля ²⁾. Протекція у кн. Вяземскаго была послѣдней попыткой отстоять правоту своего дѣла безъ всякихъ уступокъ.

Съ марта 1847 года начинаются уступки. Интересно, что мирный (совершенно не параноическій) тонъ начинается съ письма Аксакову (6/III): «Человѣкъ, который съ такою жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловить всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ и совершенномъ* самоослѣпленіи ³⁾», — пишетъ ему Гоголь, подчеркивая слова. Въ тотъ же день въ письмѣ Жуковскому Гоголь подтверждаетъ это: «Появленіе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому... какъ провинившійся школьникъ... я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Но какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно предъ тобою, добрая душа» ⁴⁾! Такихъ фразъ раньше не было, теперь онѣ продолжаютъ рядъ мѣсяцевъ. 15-го апрѣля: «Донынѣ горю отъ стыда, вспоминая, какъ заносчиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти à la Хлестаковъ» ⁵⁾; 9-го мая: «Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо руками при одной мысли о томъ, какъ неприлично, но и какъ дерзко выразился о многомъ» ⁶⁾; 20-го іюня: «Не легко также было и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и осмѣяніе» ⁷⁾.

Но это далеко еще не полный отказъ отъ «Переписки»; Гоголь

¹⁾ Ib. 314.

²⁾ Ib. 380.

³⁾ Письма, III, 396.

⁴⁾ Ib. 398—399.

⁵⁾ Письмо Россети, *ibid.* 429.

⁶⁾ О. Матвѣю, *ib.* 460.

⁷⁾ Первое письмо Бѣлинскому, *ibid.* 492.

считаетъ ее неудачной книгой, позоромъ, оплеухой только потому, что она не достигла намѣченной цѣли. Гоголь понялъ, что «новое поприще» для него неудачно и спѣшить опровергнуть «нелѣпную» мысль, будто бы онъ отказался отъ искусства. «Скажу тебѣ вотъ что, мой добрый Александръ,—пишетъ онъ Данилевскому (18/III 47): ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній¹⁾!» «Я не могу понять,—разъясняетъ Гоголь Шевыреву (28/IV 47),—отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, увидѣть хотя бы нѣкоторыя... какія страданія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, какъ я не въ силахъ былъ,—когда изъ самаго предисловія моего ко второму изданію «Мертвыхъ душъ» видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслию и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужны для моего труда»²⁾. Другой разъ вступать на «новое поприще» Гоголь не хочетъ; его «до сихъ поръ единственная дѣльная книга» уступаетъ мѣсто другимъ: «Издавать ради не пропущенныхъ писемъ новый томъ, какъ совѣтуетъ Плетневъ, мнѣ невозможно; у меня есть занятія, о которыхъ не нужно забывать, а время у меня все расчислено; къ тому же появленіе вторично сочиненія въ томъ же родѣ не произведетъ даже шума» (Россети 15/IV, 47)³⁾.

Признаніе «оплеухи», опроверженіе «нелѣпой мысли» объ отказѣ отъ искусства, отклоненіе предложенія Плетнева—все это ясно показываетъ, что Гоголь созналъ неудачу своего проповѣдничества и отказался отъ него; это—приблизительно чрезъ полгода послѣ выхода въ свѣтъ «Переписки». Такимъ образомъ, первымъ выпалъ тотъ мотивъ, который съ такою силой всплылъ въ октябрѣ 46 года, въ моментъ наибольшаго подъема. Стоитъ только сравнить тѣ надежды, какія возлагались на «Выбр. мѣста» въ октябрѣ, съ тѣми достоинствами книги, какія находитъ Гоголь въ мартѣ—іюнѣ 47 года, чтобы видѣть всю важность уступки. Теперь, за всѣ четыре мѣсяца, Гоголь ни разу не упо-

¹⁾ Ib. 914.

²⁾ Ib. 445.

³⁾ Письма III, 330.

Вопросы философіи, кн. 77.

зѣвать, а подбирать все, потому что другой такой благоприятной минуты, заставившей даже многихъ скрытныхъ людей разстегнуться нараспашку, не скоро дождешься. Вотъ почему мнѣ такъ дороги всѣ толки» ¹⁾. «Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вижу, что безъ этихъ толковъ мнѣ бы не узнать какъ слѣдуетъ людей и нашего общества» ²⁾.

Вполнѣ ли искренни были увѣренія Гоголя? Дѣйствительно ли «Переписка» только «крюкъ» въ созданіи «Мертвыхъ душъ»? Гоголь самъ чувствовалъ нѣкоторый пробѣлъ въ своихъ объясненіяхъ и поэтому далъ публичное оправданіе въ видѣ «Авторской исповѣди», гдѣ главнымъ образомъ упираетъ на особенности своего творчества и на свой общій планъ литературной дѣятельности. Если бы въ своемъ распоряженіи мы имѣли только «Исповѣдь», мы могли бы сомнѣваться; но она настолько подтверждается частной перепиской Гоголя, начиная съ 1828 и кончая 1847 годомъ, что искренность мотива не подлежитъ сомнѣнію. Смущаетъ то, что этотъ мотивъ имѣетъ характеръ соображенія *post hoc*; но въ этомъ отношеніи частная переписка имѣетъ незамѣнимую заслугу: она показываетъ, что необходимость «видѣть личность» русской публики появилась раньше критики. Еще въ началѣ 1843 года, слѣдовательно, въ то время, когда «Переписка» только что зарождалась, Гоголь сравниваетъ себя съ архитекторомъ, у котораго «все загромоздено и заставлено... лѣсомъ; чего стоитъ ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу»; въ это же время, «вслѣдствіе устройства головы», Гоголь можетъ «работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній»; «я гляжу на характеръ и положеніе лица, которое принимаюсь внести въ мое твореніе; тогда только предметъ можетъ предо мною стать всѣми своими сторонами и слово мое можетъ быть проникнуто свѣтомъ разума, безъ этого слово мое будетъ глупѣе слова всякаго обыкновеннѣйшаго человѣка» ³⁾; то же доказываетъ и письмо Плетневу, 12 декабря 1846 г., появившееся раньше критики «Выбор. мѣсть». Въ 1847 г. Гоголь говоритъ то же самое, что и въ 1843 году,

¹⁾ Ib. 437.

²⁾ Ib. 469.

³⁾ Письма Шевыреву, 28/II 1843 и 2/III 1843, Аксакову, 18/III 1843. См. Письма II, стр. 271, 266, 278.

даже сравненія (съ поваромъ въ письмѣ, Аксакову 6/III 47)—тѣ же. Что Гоголь искренъ—это несомнѣнно, но, чтобы мотивъ «пощупать русскую публику» былъ единственнымъ въ появленіи «Переписки»,—этого сказать нельзя; тутъ много частныхъ мотивовъ, а самый главный и общій—характеръ мировоззрѣнія Гоголя.

Мартъ—іюнь 1847 года почти исключительно посвящены объясненіямъ съ критикой «Выбранныхъ мѣстъ»; Гоголь сдѣлалъ большую уступку, но этимъ дѣло не кончилось. Дальше мы замѣтимъ другія уступки, а теперь пока полезно бросить общій взглядъ на поведеніе Гоголя за данный періодъ. По мнѣнію г. Чижа, къ 1847 г. Гоголь былъ тяжело боленъ: онъ потерялъ воспримчивость, равнодушенъ къ прекрасному, идеи величія у него сформировались, дѣйствительность онъ объяснялъ неправильно, пониженія творчества у себя не замѣчалъ, причины критики и негодованія своихъ друзей не могъ понять и т. д. ¹⁾ Къ счастью, отношеніе Гоголя къ критикѣ въ 47 году не подтверждаетъ такого диагноза. Перечисленные г. Чижомъ симптомы говорятъ уже о значительномъ распадѣ психики. На поведеніи Гоголя онъ долженъ былъ отразиться; можно было ожидать, что въ оживленной борьбѣ за свое дѣтище—«Переписку» Гоголь обнаружитъ пониженіе критическаго отношенія къ окружающему; вѣдь нападки касались сущности бреда величія; къ чему другому, но къ этому больной менѣ всего критически относится. А между тѣмъ возраженія Гоголя отличаются совершенно мирнымъ тономъ. Даже въ началѣ, когда Гоголь не склоненъ былъ къ уступкамъ, онъ не высказываетъ ни тѣни раздраженія. «Да что же я? лютый звѣрь какой, къ которому даже и приступиться страшно? Съѣлъ бы я тебя, что ли? Стыдно тебѣ!» пишетъ онъ 11/II 47 г. Шевыреву ²⁾). Въ самый разгаръ полемики (мартъ—іюнь)—таже корректность. Правда, онъ съ большею радостью откликается на благопріятные отзывы (Вигеля, Малиновскаго), но и неблагопріятныя статьи не выводятъ его изъ спокойно-мирнаго тона. «Вы же никакъ не огорчайтесь всякими печатными статьями вродѣ Павлова, въ которыхъ, какъ вы пишете, слышна лакейская натура», пишетъ онъ Смирновой

¹⁾ В. Чижъ. «В. Ф. и Пс.», кн. 70, стр. 771—778.

²⁾ Письма III, 357.

(20/vi 47). «Какова бы ни была натура того, который пишетъ (это его дѣло, и за это онъ дастъ отвѣтъ, а не я), но тѣмъ не менѣе мнѣ нужно, послѣ всякой такой статьи, осмотрѣться получше» ¹⁾. Даже о критикѣ «Современника», съ которой Гоголь считался и не могъ не считаться, нѣтъ рѣзкихъ выраженій: «Если въ немъ кипитъ желчь», просить Гоголь передать Бѣлинскому, «пусть онъ ее вылетѣтъ противъ меня въ «Современникѣ», въ какихъ ему заблагоразсудится выраженіяхъ, но пусть не хранить ея противъ меня въ сердцѣ своемъ» (Прокоповичу, 20/vi 47) ²⁾. Единственное мѣсто, не похожее на общій тонъ, содержится въ письмѣ Смирновой (20/v 47): «Что касается до словъ вашихъ, чтобы я не смущался измѣною друзей моихъ, то на это замѣчу вамъ, что измѣны съ ихъ стороны нѣтъ»; «у нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватило разумѣнія, они спутались—вотъ и все» ³⁾ Конецъ этого письма, — нѣсколько не корректенъ по отношенію къ «друзьямъ», иг. Чижъ ⁴⁾ подчеркиваетъ эту фразу, какъ доказательство того, что Гоголь не могъ понимать отношенія друзей къ его книгѣ. Къ счастью, начало фразы какъ разъ опровергаетъ это мнѣніе; Гоголь былъ совершенно правъ, когда говорилъ, по поводу критики Бѣлинскаго: «восточные, западные, нейтральные — всѣ огорчились» ⁵⁾; онъ отлично сознавалъ, что идетъ своимъ путемъ; и раньше онъ не соглашался ни съ одной партией; надъ «восточными», хотя они были къ нему ближе всего, онъ даже подсмѣивался ⁶⁾; московскіе друзья, дѣйствительно, не понимали своей ошибки, возлагая на Гоголя слишкомъ много надеждъ какъ на «своего»; они «спутались», по выраженію Гоголя.

Чрезвычайно важно составить себѣ правильное понятіе о поведеніи Гоголя за 1847 годъ. Появленіе и критика «Переписки» — самый важный моментъ для психіатра въ біографіи Гоголя. Здѣсь именно легче всего могла проявиться душевная болѣзнь, если таковая существуетъ у Гоголя. Мы пока не кончили этого періода, но и за первые шесть мѣсяцевъ 47-го года видно:

¹⁾ Ib. 487.

²⁾ Ib. 496.

³⁾ Ib. 469.

⁴⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 70, стр. 787.

⁵⁾ Письма III, 491.

⁶⁾ Языкову, 5/x 1846. Письма III, 214—215.

что поведеніе Гоголя не имѣеть патслогическаго характера; Гоголь понимаетъ причину ожесточенной критики его книги со стороны «восточныхъ, западныхъ, нейтральныхъ»; принципиальной неуступчивости, свойственной больной логикѣ, у него нѣтъ; онъ призналъ оплеуху и отказался отъ одной изъ задачъ «Переписки»—дать «бодрящую мысль», показать, какъ «должно дѣлать»; наконецъ, въ его объясненіяхъ не обнаруживается того специфическаго тона, который свойственъ больной мысли, потерявшей высшіе регуляторные принципы.

Особую эпоху въ отношеніяхъ Гоголя къ «Перепискѣ» составляетъ знаменитое письмо Бѣлинскаго. Къ тому времени, какъ получить его, Гоголь успѣлъ уже сильно измѣнить свое прежнее мнѣніе о «Перепискѣ». Онъ согласился, что на «новомъ поприщѣ» получилъ пораженіе; проповѣдь «бодрящей мысли» не удалась; поэтому всѣ старанія Гоголя въ первую половину 47-го года направлены къ тому, чтобы доказать, что книга полезна для него самого (не для публики!) въ процессѣ его творчества «Мертвыхъ душъ»; поэтому онъ настойчиво опровергаетъ «нелѣпую» мысль о своемъ отказѣ отъ искусства. Что касается содержанія новой книги, то о немъ Гоголь почти не заговариваетъ; если онъ его касается, то въ самыхъ общихъ чертахъ («исканіе добра»), да и то примѣнительно къ себѣ самому, къ процессу собиранія матеріаловъ для «Мертвыхъ душъ» («я ожидалъ... что она *можетъ* породить многія капитальныя произведенія», письмо Жуковскому, 6/ш 47).

Нельзя не признать, что объясненія Гоголя построены очень искусно. Въдъ въ «Перепискѣ» масса писемъ разнаго содержанія, между прочимъ «письмо къ помѣщику», и тѣмъ не менѣе Гоголь за первые шесть мѣсяцевъ 1847 г. не защищаетъ, даже не задѣваетъ содержанія «Выбранныхъ Мѣстъ». Это еще разъ показываетъ несправедливость того мнѣнія (г. Чижъ), что Гоголь не могъ понять причины ожесточенной критики, обрушившейся на его произведеніе. Нѣтъ, Гоголь отлично понималъ, что онъ не удовлетворилъ ни одной изъ партій («западные, восточные, нейтральные»), кромѣ развѣ правительственной; отказаться отъ своихъ убѣжденій, выраженныхъ въ «Перепискѣ», онъ не могъ, потому что не имѣлъ другихъ, и посему «изъ боязни недоразумѣній» (Шевыреву, 11/п 47) онъ обходитъ содержаніе «Выбранныхъ мѣстъ».

Послѣ безпощадной критики Бѣлинскаго продолжать старую тактику сдѣлалось неудобнымъ, и Гоголь въ отвѣтъ ему пытается отстоять свое міровоззрѣніе уже съ теоретической стороны; я говорю «пытается», потому что большое письмо съ пространнымъ отвѣтомъ Бѣлинскому не было отослано по назначенію.

Строго говоря, въ полемикѣ между Гоголемъ и Бѣлинскимъ чисто теоретическихъ споровъ не могло быть. Это было два совершенно различныхъ міросозерцанія; между ними нѣтъ общихъ чертъ, кромѣ одной—глубокой убѣжденности въ правотѣ своихъ взглядовъ; они могли сдѣлать одно изъ двухъ: или прекратить полемику, или кидать другъ на друга громы и молніи. Гоголь такъ и понялъ свое несогласіе съ знаменитымъ критикомъ.

Уже раньше, по поводу статьи Бѣлинскаго во 2 № «Современника», Гоголь опредѣлилъ къ нему свое отношеніе. «Я прочелъ на дняхъ критику Бѣлинскаго,—пишетъ онъ Прокоповичу (20/VI 47). «Онъ, кажется, принялъ всю книгу написанною на его счетъ и прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ раздѣляющихъ его мысли. Это неправда; въ книгѣ моей, какъ видишь, есть нападеніе на всѣхъ и на все, что переходитъ въ крайность. Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналисту вообще. Мнѣ было очень прескорбно это раздраженіе... я въ этомъ случаѣ только обманулся: я считалъ Бѣлинскаго возвышеннѣй, менѣе способнымъ къ такому близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ. Пожалуйста, переговоры съ Бѣлинскимъ и напиши мнѣ, въ какомъ онъ находится расположеніи духа нынѣ относительно меня. Если въ немъ кипитъ желчь, пусть онъ ее выльетъ въ «Современникѣ», въ какихъ ему заблагоразсудится выраженіяхъ, но пусть не хранитъ ея противъ меня въ сердцѣ своемъ. Если жъ въ немъ угомонилось неудовольствіе, то дай ему при семъ прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и самъ» ¹⁾.

Въ «прилагаемомъ письмецѣ» ²⁾ нѣтъ ни одной рѣзкой нотки. Гоголь скорбитъ по поводу того, что его книга разсердила Бѣлинскаго, какъ и «всѣхъ до единого въ Россіи»: «восточные, западные, нейтральные—всѣ огорчились»; о содержаніи «Пере-

¹⁾ Письма III, 495—496.

²⁾ Ib. 491—493.

писки»—ни слова; Гоголь напоминаетъ только, что «не легко судить о книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія автора»; къ критикамъ, которые «по поводу моихъ сочиненій, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ» онъ относится съ «чувствомъ безпристрастія и справедливости» ¹⁾, и новую критику, «самую жестокою», онъ приметъ, «хотя и не безъ боли».

Такимъ образомъ, въ іюлѣ Гоголь относится къ Бѣлинскому совершенно такъ же, какъ къ своимъ «друзьямъ». Онъ отлично знаетъ, что никого не удовлетворилъ; не составляетъ исключенія и Бѣлинскій: онъ «прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ, раздѣляющихъ его мысли». Это для Гоголя—не новость; и съ друзьями онъ не говорилъ о содержаніи «Переписки», потому что боялся «недоразумѣній»; они на него сердились, какъ «разсердился» теперь Бѣлинскій.

Въ такомъ видѣ установились первыя отношенія къ критикѣ Бѣлинскаго. Другой формы не могло и быть; для Бѣлинскаго и тѣхъ, кто съ нимъ согласенъ (а согласныхъ, конечно, большинство), эпитетъ «разсерженный»—«слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня (слова Бѣлинскаго) чтеніе вашей книги». Но вѣдь нельзя требовать отъ Гоголя, чтобы онъ сталъ на чужую точку зрѣнія, чтобы онъ чувствовалъ то негодованіе, благодаря которому явилось громовое письмо Бѣлинскаго. А этого именно и требуетъ г. Чижъ, утверждая, что Гоголь не понималъ и не могъ понять настоящей причины негодованія Бѣлинскаго. Гоголь просто не хотѣлъ съ ней считаться; онъ зналъ, что здѣсь дѣло касается того различія убѣжденій, гдѣ трудно согласиться: «Одинъ смотритъ въ Англію, другой—въ Пруссію, третій—во Францію; тотъ выѣзжаетъ на однихъ началахъ, другой—на другихъ; одинъ суетъ тотъ проектъ, другой—опять иной» ²⁾. Для Гоголя Бѣлинскій былъ человѣкъ извѣстной партіи; такъ онъ съ нимъ и считался. Здѣсь нельзя не согласиться съ г. Чижомъ—«гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, тамъ никакія доказательства не убѣдятъ противниковъ»; жаль только, что г. Чижъ исключаетъ изъ этого пра-

¹⁾ Гоголь настолько тактиченъ, что прямо не высказываетъ предположенія, о которомъ говоритъ Прокоповичу.

²⁾ Письма IV, 35.

вила Гоголя, когда настаиваетъ на томъ, «что больной поэтъ рѣшительно не могъ себѣ представить, какъ онъ оскорбилъ великаго критика» и «смотрѣлъ на дѣло какъ на личное недоразумѣніе» ¹⁾.

«По всему вижу, что мнѣ придется сдѣлать нѣкоторыя объясненія на мою книгу, потому что не только Бѣлинскій, но даже тѣ люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня, относительно моей личности выводятъ такія странныя заключенія, что просто недоумѣваешь» ²⁾. Очевидно, Гоголь съ большой неохотой принимался «за объясненія»; онъ жаловался на это и въ «Автор. исповѣди»: «какъ случилось, что я долженъ обо всемъ входить въ объясненія съ читателемъ, этого я самъ не могу понять». Дѣйствительно, что могъ Гоголь написать въ отвѣтъ Бѣлинскому? Защищать православіе, самодержавіе и народность? Но для этого нужны цѣлые тома. Приходилось только выяснять самые общіе взгляды, повторять старое, оправдываться въ мелочахъ. Такая полемика, конечно, никого не могла убѣдить, она подливала масла въ огонь. Неудивительно, что Гоголь до сихъ поръ избѣгалъ говорить о содержаніи «Переписки»; отвѣчать Бѣлинскому ему «пришлось».

Несмотря на это, въ отвѣтѣ Бѣлинскому особенности гоголевскаго міросозерцанія выступаютъ очень ясно. Къ счастью, это изорванное письмо дошло до насъ; даже въ своемъ неполномъ видѣ оно намъ многое объясняетъ въ міровоззрѣніи Гоголя.

Нигдѣ такъ ясно не проявился индивидуализмъ въ убѣжденіяхъ Гоголя, какъ въ письмѣ Бѣлинскому. Онъ настойчиво много разъ подчеркиваетъ свою основную точку зрѣнія въ социальныхъ вопросахъ. Онъ въ разныхъ мѣстахъ письма развиваетъ цѣлую систему индивидуализма: зло происходитъ не отъ того, что общество плохо построено, а отъ того, что каждый отдѣльный человѣкъ плохъ; общество состоитъ изъ единицъ; должно, чтобы каждый членъ его исполнялъ свою должность; тогда и общество будетъ хорошимъ.

Мы уже не разъ встрѣчались съ этой замѣчательной чертой въ убѣжденіяхъ Гоголя; она рѣзко выступила уже въ 1836—

1) „В. Ф. и Пс.“, кн. 70, стр. 784, 787.

2) Письма III, 496.

1837 г., когда Гоголь, недовольный «Ревизоромъ», за границей составлялъ планъ «будущихъ твореній». Типичный индивидуалистъ, Гоголь эмпирически видимый вредъ нѣсколькимъ личностямъ считалъ важнѣе будущихъ благотворныхъ послѣдствій; онъ оскорбилъ, привелъ въ раздраженіе нѣсколькихъ лицъ своимъ «Ревизоромъ», и этого ему достаточно; онъ недоволенъ ни примомъ «Ревизора», ни его дѣйствіемъ. Въ 1847 году—та же точка зрѣнія; въ разнаго рода «проекты» Гоголь не вѣритъ; довольно заботъ и вокругъ насъ, будемъ исполнять свое ремесло и общество пойдетъ хорошо ¹⁾.

Въ письмѣ Бѣлинскому Гоголь не даромъ подчеркиваетъ свой индивидуализмъ. Трудно понять «Переписку», не зная своеобразной философіи автора; можно жалѣть узкую точку зрѣнія, оспаривать и высмѣивать ее, но нельзя отрицать самый фактъ. Гоголь самъ былъ глубоко индивидуаленъ и по отношенію къ другимъ былъ тоже индивидуалистомъ.

Въ остальной части своего міровоззрѣнія Гоголь, въ отвѣтъ Бѣлинскому, болѣе кратокъ, но точенъ и передаетъ свои взгляды со всѣми присущими ему особенностями. Благонамѣренный какъ всегда, онъ «благоговѣлъ передъ (всѣмъ, передъ) чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеніемъ, надъ уклоненіемъ, надъ неправильными толкованіями, надъ дурнымъ (приложеніемъ ихъ)»²⁾. Равнымъ образомъ онъ «не думалъ воздавать пѣснь духовенству, опозорившему нашу церковь, но духовенству, возвысившему нашу церковь»³⁾. Славянофильскій отгѣнокъ проглядываетъ и здѣсь. «Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что составляетъ основаніе русскаго характера и его величія силы. Моя ошибка—въ томъ, что я мало обнаружилъ русскаго человѣка, я не развернулъ его, не обнажилъ тѣхъ великихъ родниковъ, которые хранятся въ его душѣ...»⁴⁾. «Вы говорите, что спасенье Россіи въ европейской *цивилизациі*; но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы опредѣлили, что такое нужно разумѣть

¹⁾ Письмо IV, 40.

²⁾ Ib. 39.

³⁾ Ib. 35.

⁴⁾ Ib. 34.

подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи» ¹⁾. Не забыть также и религіозно-мистическій элементъ, игравшій въ личной жизни Гоголя такую громадную роль; свой методъ, «приведшій ко Христу», онъ предлагаетъ Бѣлинскому: «Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу»; «каждому изъ насъ слѣдуетъ напоминать, что званіе его свято. Пусть вспомнитъ, какой строгій отвѣтъ потребуется отъ него. (Пускай) вспомнитъ человѣкъ, (что) онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда (каждый) сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство» ²⁾.

Такова теоретическая часть отвѣта Бѣлинскому. Въ сущности, это—та же «Переписка» и «Исповѣдь», только въ миниатюрѣ, съ тѣмъ различіемъ, что индивидуализмъ Гоголя здѣсь выразился гораздо яснѣе. Гоголь былъ правъ, когда уклонялся отъ критики «Переписки» по существу; онъ былъ вполне убѣжденъ въ своей правотѣ, и поэтому долженъ былъ ограничиться повтореніемъ стараго.

Здѣсь ключъ къ разгадкѣ того, почему Гоголь не отправилъ письма Бѣлинскому. Что можно было сдѣлать послѣ письма Бѣлинскаго? Или подробно доказать свою правоту, или разразиться негодованіемъ по поводу потрясенія самодержавія, православія и народности, или замолчать, иными словами, отдѣлаться общими фразами. Перваго сдѣлать Гоголь не могъ; для этого надо было записаться въ ряды ученыхъ славянофиловъ и богослововъ, писать цѣлые тома; послѣ «Переписки» Гоголь не сомнѣвался, что это не его поприще; оно только отвлекало его отъ главной цѣли. Гоголь избралъ второй путь; тонъ его въ отвѣтѣ Бѣлинскому значительно отличается отъ тона другихъ писемъ; онъ начинается со словъ: «Опомнитесь, вы стоите на краю бездны», уличаетъ Бѣлинскаго въ необразованности, даже

¹⁾ Письмо IV, 33, 35—36.

²⁾ Ib. 41, 35, 40.

въ невѣжествѣ («вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса»), даетъ совѣты Бѣлинскому и пожеланія въ родѣ: «да внесутъ свѣтыя силы миръ въ вашу страждущую душу!..» Но Гоголь не даромъ тонко зналъ людей. Онъ чувствовалъ, что высокія фразы будутъ смѣшны въ глазахъ партіи, къ которой онъ относилъ Бѣлинскаго; съ другой стороны, Гоголь не могъ не замѣтить, что его письмо въ сравненіи съ Бѣлинскимъ проигрываетъ; онъ понималъ, что его аргументы будутъ слабы въ трехъ пунктахъ: надо было доказать, во-1-хъ, слова: «никому я не хотѣлъ ею польстить или покадить», во-2-хъ, мѣсто о просвѣщеніи и, во-3-хъ, письмо къ помѣщику. Первое мѣсто не искренно; былъ періодъ, когда Гоголь возлагалъ большія надежды на свое произведеніе; онъ писалъ объ этомъ и Смирновой, и друзьямъ, поручивъ раздать экземпляры «Переписки» всему царствующему дому, не исключая и малолѣтнихъ. Что касается двухъ остальныхъ мѣстъ, то достаточно прочесть относящіяся къ нимъ 10 строкъ, чтобы видѣть ихъ несостоятельность.

Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: Гоголь не отослалъ единственнаго письма, въ которомъ касался собственно содержанія «Выбранныхъ мѣстъ». Въмѣсто того, онъ отправилъ другой небольшой отвѣтъ, ничѣмъ въ сущности не отличающійся отъ массы писемъ другимъ лицамъ. «Богъ вѣсть», пишетъ Гоголь, «можетъ быть, въ вашихъ словахъ есть частица правды»; «я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь». «Не всѣ вопли услышаны, не всѣ страданія взвѣшены...» Мы ребенки (sic) передъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что вы и я равно виноваты передъ нимъ. Я по крайней мѣрѣ сознаюсь въ этомъ, но узнаете ли вы? Точно такъ же какъ я выпустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить, точно такъ же упустили и вы; какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ и вы много разбросались». «Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ»¹⁾.

Мнѣ кажется, достаточно сопоставить два письма, отослан-

1) Письмо IV, 45—46.

ное съ неотосланнымъ, чтобы понять причину, почему Гоголь только попытался защищать содержаніе «Переписки». Такія выраженія, какъ «частица правды», «я не знаю Россіи», «виновать передъ вѣкомъ», «спокойствіе душевное», словомъ— весь тонъ говоритъ за то, что Гоголь, послѣ нѣкотораго колебанія, возвратился къ старой тактикѣ—не касаться въ объясненіяхъ содержанія «Выбранныхъ мѣстъ».

Почему же Гоголь такъ послѣдователенъ? Почему и раньше, и теперь онъ избѣгаетъ говорить о содержаніи «Переписки»? Почему другой мотивъ—достоинства самой книги, теперь почти не замѣтенъ?

Если исторію полемики довести только до августа 1847 года, включая отвѣтъ Бѣлинскому, какъ это сдѣлалъ г. Чижевъ, на всѣ эти вопросы можно отвѣтить только предположеніями ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что письмо Бѣлинскому далеко не конецъ. Слѣдя за перепиской Гоголя, мы видимъ, что до конца 1847 года и даже въ 1848 году Гоголь продолжалъ выяснять свое отношеніе къ критикѣ «Выбранныхъ мѣстъ»; здѣсь появляются уже новыя нотки, свидѣтельствующія о томъ, что Гоголь былъ занятъ не только отвѣтами на нападки, но и лично для себя хотѣлъ объяснить неудачный шагъ къ «новому поприщу». И, судя по дѣтамъ, надо думать, что начало объективнаго отношенія къ «Перепискѣ» положило письмо Бѣлинскаго; «невѣжество» великаго критика и совѣты ему заняться самовоспитаніемъ—только *modus belli*; на самомъ дѣлѣ громовое письмо оставило глубокий слѣдъ; не даромъ же именно ради него Гоголь сдѣлалъ попытку теоретически защищать свое міровоззрѣніе, не даромъ въ письмѣ Анненкову (12/VIII 47), т.-е. одновременно съ отвѣтомъ Бѣлинскому, Гоголь жалуется на жестокую критику.

Въ августѣ 47 г., вмѣстѣ съ отвѣтомъ Бѣлинскому, написано много писемъ; въ нѣкоторыхъ отлично видно, какую борьбу переживалъ Гоголь, какъ ему тяжело было сознавать свою ошибку. Гоголь жалуется даже старушкѣ Шереметевой: «какъ трудно, будучи писателемъ... быть благоразумнымъ... въ нѣсколько разъ труднѣй, чѣмъ всякому другому» ²⁾. Письмо Плещееву (24/VIII 47) полно горькихъ фразъ за необдуманнѣйшій шагъ; между прочимъ

¹⁾ «В. Ф. и Пс.» кн. 70, стр. 788.

²⁾ Письмо IV, 51.

здѣсь вспоминается совѣтъ Пушкина—«живи одинъ»¹⁾. Гоголь часто повторяетъ, что во всякой критикѣ есть «частица правды» (Бѣлинскому, 10/viii, Анненкову, 12/viii, Плетневу, 24/vii, Аксакову, 28/viii); въ письмѣ Аксакову есть, между прочимъ, фраза: «я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ»²⁾.

Не трудно догадаться, о какомъ «значительномъ» письмѣ говорить Гоголь. Я не могу согласиться съ В. И. Шенрокомъ, когда онъ говоритъ, что письмо Бѣлинскаго не оставило особенно глубокихъ слѣдовъ, хотя и сильно подѣйствовало на Гоголя. Правда, и послѣ письма Бѣлинскаго Гоголь повторяетъ, и не однократно, старое соображеніе о той роли, которую сыграла «Переписка», «какъ законный и довольный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ»³⁾. Но есть и новый элементъ. Сначала онъ появляется въ видѣ общихъ положеній. «Вывести вполне вѣрнаго заключенія о *всей* книгѣ вообще никто не могъ, и не мудрено», пишетъ Гоголь Аксакову 28-го августа: «можетъ справедливѣе другихъ произнести ей окончательный судъ только тотъ, кто имѣетъ полный умъ, способный обнимать всѣ стороны дѣла, и не влюбился еще самъ ни въ какую свою собственную мысль... «въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго»⁴⁾. Совершенно ясно и опредѣленно новый взглядъ выясненъ въ письмѣ Анненкову (7/ix 1847. г.): «Анатомируя человѣка, видимъ, что въ мозгу и головѣ особенно устроены... возвышенія и шишки на головѣ. Органы даны,—стало быть, они нужны затѣмъ, чтобы каждый стремился своей дорогой и производилъ въ своей области открытія, никакъ невозможныя для того, кто имѣетъ другіе органы. Онъ можетъ наговорить много излишествъ, можетъ увлечься своимъ предметомъ, но не можетъ лгать, увлечься фантомомъ, потому что говоритъ онъ не отъ своего произволенія: говорить въ немъ способность, въ немъ заключенная, и потому у всякаго лежитъ какая-нибудь правда. Правду эту усмотрѣть можетъ только всесторонній и *полный* геній, который получалъ на свою (долю) полную организацію во всѣхъ отношеніяхъ. Прочіе

¹⁾ Ib. 60—61.

²⁾ Письма IV, 65.

³⁾ Ib., 66.

⁴⁾ Ib., 66.

люди будутъ путаться, сбиваться, мѣшаться, привязываться къ словамъ и попадать въ безконечныя недоразумѣнія... въ людяхъ, стоящихъ впереди: всякое слово... будетъ принято въ другомъ смыслѣ, и что въ немъ состояніе *переходное*, то будетъ принято другими за *нормальное*. Вотъ почему всякому человѣку, одаренному талантомъ необыкновеннымъ, слѣдуетъ прежде состроиться сколько-нибудь самому» ¹⁾).

Въ этой выдержкѣ замѣтны слѣды объективнаго отношенія къ вопросу. Повидимому, Гоголь хочетъ объяснить лично для себя инцидентъ съ «Перепиской» и становится на общую почву, на почву психологіи творчества вообще; видимо, эта мысль настойчиво требуетъ разрѣшенія; къ ней примѣняется даже теорія Галля; слѣдя въ этомъ отношеніи за Гоголемъ, можно замѣтить, какъ много въ этотъ вопросъ онъ вложилъ самообладанія и критики. По поводу лекцій Шевырева о древней русской литературѣ Гоголь пишетъ: «Мнѣ особенно понравилось, что ты развилъ въ своей книгѣ мысль о *безличности* нашихъ первоначальныхъ писателей, успѣвшихъ всегда позабыть о себѣ. По прочтеніи твоей книги передо мною обнаружилось еще болѣе мое собственное безразсудство въ моей «Перепискѣ съ друзьями». Я уже давно питалъ мысль—выставить на видъ мою *личность* (далѣе объясняетъ, почему это нужно). Я спуталъ и сбилъ всѣхъ. Поэтическія движенія, впрочемъ, сродныя всѣмъ поэтамъ, все-таки провалились и показались въ видѣ чудовищной гордости, несомѣстимой никакъ съ тѣмъ смиреніемъ, которое искалъ читатель на другой страницѣ, и ни одинъ человѣкъ не сталъ на ту надлежащую точку, съ которой слѣдовало глядѣть на эту загадочную книгу ²⁾. Въ другомъ письмѣ (Аксакову, 12/xii 1847 г.), замѣчательномъ по откровенному и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкому разбору своихъ отношеній къ московскимъ друзьямъ, Гоголь пишетъ о себѣ: «Мнѣ кажется, что я теперь все-таки люблю васъ больше, нежели прежде... Такъ я увѣренъ; а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и это ложь, и я ничуть не умѣю любить лучше, чѣмъ прежде. Поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая самихъ себя. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ челове-

¹⁾ Ib., 80—81.

²⁾ Шевыреву, 12/xii 1847; Письма IV, 109.

ской, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что могутъ только нѣсколько оцѣнить и съ нѣкоторою живостью выставить въ глаза другимъ, и величаются чужимъ какъ своимъ собственнымъ добромъ»¹⁾).

Таково послѣднее объясненіе по поводу «Переписки». Стоитъ только вчитаться въ эти три выдержки, Анненкову, Шевыреву и Аксакову, чтобы видѣть, что къ концу 1847 года Гоголь передумалъ и перечувствовалъ все: и «законный путь» своего творчества, и октябрьскій подъемъ 1846 года съ его «поэтическими движеніями... въ видѣ чудовищной гордости», и послѣдующую оплеуху, и беспощадную критику... Въ концѣ-концовъ, объективно смотря на дѣло, онъ находитъ объясненіе; оно заключается въ особенностяхъ поэтической природы. Это объясненіе не носило исключительно оправдательнаго характера; мысль Гоголя гораздо трезвѣе и объективнѣе; она идетъ до конца, до послѣднихъ слѣдствій и требуетъ разрѣшенія частнаго вопроса: но почему же эти «поэтическія движенія», эти особенности творческой природы проявились именно въ періодъ созданія «Переписки»? И на этотъ вопросъ Гоголь даетъ отвѣтъ съ откровенностью, вызывающей теперь глубокое уваженіе къ гениальному наблюдателю и чужой, и своей жизни. Отвѣтъ этотъ данъ въ томъ же декабрѣ 1847 года, когда были написаны приведенныя выдержки Шевыреву и Аксакову: свои «поэтическія движенія... въ видѣ чудовищной гордости», когда «величаются чужимъ какъ своимъ собственнымъ добромъ», Гоголь призналъ ошибкой, совершенной въ болѣзненномъ состояніи. 28/xii 1847 г. онъ пишетъ Иванову: «Нападки на мою книгу отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ»²⁾); а 12/i 1848 года (по новому стилю?) въ письмѣ о. Матвѣю говоритъ: «Книга моя есть произведеніе моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянія»³⁾. «Переходной» свою книгу Гоголь считалъ и раньше⁴⁾, но съ болѣзненнымъ со тояніемъ онъ связываетъ ее только теперь, послѣ цѣлаго года критической ра-

1) Письма IV, 115—116.

2) Письма IV, 143.

3) Ib., 152.

4) См. Шевыреву, 10/ш 1847 г. Письма III, 401.

Вопросы философіи, кн. 77.

боты. Теперь понятно известное письмо 22/xii 1847 года об искусствѣ, какъ примиреніи съ жизнью; въ немъ Гоголь признаетъ искусство *главнымъ и первымъ* въ своей жизни; «не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже — поученіе. Мое дѣло говорить живыми образами... Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ, и загорѣлся бы желаніемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и забыто». Это — послѣдняя публичная формулировка неудачнаго инцидента; ее (т.-е. послѣднюю формулировку), по словамъ Гоголя, «можно будетъ при второмъ изданіи «Переписки» поставить впереди книги, на мѣсто «Завѣщанія», имѣющаго выброститься»¹⁾.

Этимъ письмомъ кончается третій подъемъ творческаго самосознанія Гоголя. Попытка дать новое направленіе творчеству не удалась. Гоголь понялъ, что уклоненія въ сторону — не его прище и съ честью вышелъ изъ борьбы; вмѣсто «Завѣщанія», онъ рѣшилъ поставить статью объ искусствѣ. Мы видѣли, что этотъ подъемъ, чрезвычайно важный для рѣшенія вопроса о душевномъ здоровьѣ великаго писателя, аналогиченъ предыдущимъ подъемамъ; такъ же, какъ предыдущіе, онъ связанъ съ исторіей творчества, подготавливается долгое время, сопровождается характерными пониженіями (вначалѣ) и особенно повышеніями самочувствія, которое затѣмъ приходитъ въ равновѣсіе и уступаетъ критической работѣ мысли. Съ психіатрической точки зрѣнія этотъ періодъ, при правильномъ освѣщеніи фактовъ и детальной разработкѣ психологіи Гоголя, не говоритъ о какой-либо душевной болѣзни. Всѣ фразы повышеннаго тона, указывающія будто бы на идеи величія и, наоборотъ, фразы, свидѣтельствующія о пониженіи настроенія, объясняются просто и естественно моментомъ своего появленія; онѣ, какъ тѣнь, слѣдуютъ за работой творческой мысли. Какъ мы уже говорили, отношеніе Гоголя къ критикѣ «Выбранныхъ мѣстъ» не представляетъ ничего патологическаго; оно развивается постепенно, уступки слѣдуютъ за уступкой; и кончается критической оцѣнкой со стороны Го-

¹⁾ Письма IV, 134—141.

голя всего инцидента вообще, включая появленіе «Переписки» Здѣсь мы можемъ только удивляться способности Гоголя къ самонаблюденію и его объективно-откровенному отношенію къ себѣ. По его окончательной формулировкѣ, ложный шагъ съ «Перепиской» зависитъ отъ особенностей творческой природы плюсъ болѣзненное состояніе. Чтобы по достоинству оцѣнить это объясненіе, свидѣтельствующее о тонкой наблюдательности Гоголя, надо, конечно, отказаться отъ того метода психіатріи, по которому «геній Гоголя совершенно не связанъ съ остальной его духовной организаціей» и «не можетъ имѣть другого объясненія, кромѣ болѣзни» ¹⁾. Психологія высшаго типа, примѣромъ которой можетъ служить нашъ великій писатель, имѣетъ свои особенности, которыя нельзя игнорировать. Здѣсь мы встрѣчаемся съ процессами высшаго порядка, представляющими высшій продуктъ эволюціи *hominis sarpientis*, говоря біологической терминологіей. Но не нужно забывать, что это — конечный продуктъ развитія и потому самому — нестойкій; въ развитіи отдѣльнаго человѣка они поздно появляются и сравнительно рано исчезаютъ; благодаря неустойчивости, на нихъ могутъ дѣйствовать даже временныя разстройства въ физической и психической сферахъ, напр., вліяніе боли, усталости, горя; жизненные или, вѣрнѣе, житейскіе интересы часто сильнѣе высшихъ эмоцій; конечно, въ этомъ отношеніи—цѣлое море особенностей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; въ глазахъ медика громадное значеніе имѣетъ физическая сфера, а въ этомъ отношеніи біографія Гоголя имѣетъ громаднѣйшій интересъ для изученія; его физическое состояніе и самочувствіе опредѣленными чертами отражалось на теченіи творчества.

Есть лица, у которыхъ уваженіе къ продуктамъ геніальнаго творчества такъ велико, что къ самому генію они относятся какъ къ чему-то, стоящему выше всякихъ условій; слово «вдохновеніе» у нихъ вызываетъ смѣшанное чувство удивленія и страха предъ чѣмъ-то необыкновеннымъ; если древніе греки считали за геніемъ божественное происхожденіе, то и теперь, встрѣтивъ въ геніи слабость, свойственную обыкновеннымъ смертнымъ, часто говорятъ: «это могъ сдѣлать кто угодно, но не Гоголь». Отъ этого суевѣрнаго оттѣнка не свободна и та психіатрія, которая

¹⁾ В. Чижъ, «В. Ф. и П.», кн. 70.

констатируетъ душевную болѣзнь у великихъ людей на томъ основаніи, что банальныя вещи можетъ творить обыкновенный человѣкъ, но не Гоголь. «Если человѣкъ глупый», пишетъ г. Чижъ, «желая казаться мудрецомъ, говоритъ такія вещи: уходитъ въ себя мы можемъ посреди всѣхъ препятствій и волненій», или же: «болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага какъ физическое здоровье», мы пожалѣемъ лишь о напрасныхъ усиліяхъ его сказать что-либо другое, кромѣ общихъ мѣствъ, но если такія сужденія высказываетъ въ письмахъ авторъ «Ревизора», и притомъ, какъ нѣчто важное, какъ «душевное открытіе (?)»¹⁾, намъ остается лишь скорбѣть, что тяжкая болѣзнь отняла у насъ великаго писателя».

При всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ забывается одно: великій человѣкъ—тоже человѣкъ; его голова, по выраженію Паскаля, «поднимается далеко выше нашихъ, но зато его ноги стоятъ такъ же низко, какъ ноги самыхъ малыхъ изъ насъ». Ноги Гоголя, дѣйствительно, касались мистицизма, славянофильства, «основъ государства». Если можно примѣнить аналогію—у генія Гоголя было два главныхъ врага: его міровоззрѣніе и его физическое состояніе; когда врагъ нападалъ отдѣльно, геній побѣждалъ; если враги соединялись и нападали вмѣстѣ, геній Гоголя шелъ на компромиссъ, — однимъ изъ такихъ компромиссовъ и было появленіе «Переписки».

Послѣ 1847 года въ исторіи гоголевскаго творческаго самосознанія мы не встрѣчаемъ новыхъ подъемовъ. Вся работа его была завершена. Въ 1833 году Гоголь перешелъ отъ «Вечеровъ» къ «Ревизору», въ 1836—37 году составилъ планъ громадно-великаго произведенія, въ 1846 году хотѣлъ дать новое направленіе таланту, но въ 1847 году убѣдился, что новое направленіе—неудачно. Послѣдній подъемъ оставилъ большой слѣдъ въ душѣ Гоголя; даже въ половинѣ 1848 года, слѣдовательно чрезъ полтора года послѣ изданія «Переписки», Гоголь все еще не можетъ примириться со своей ошибкой. «Когда я издавалъ свою книгу, мнѣ казалось, что ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее», писалъ онъ

1) В. Чижъ. «В. Ф. и Пс.», кн. 70, стр. 764. Къ сожалѣнію, г. Чижомъ не сдѣлано ссылки, подтверждающей это сопоставленіе.

К. С. Аксакову (9/VI 1848 г.); «мнѣ становится теперь страшно всякій разъ, когда слышу челоуѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительною, но приводить больше доказательствъ»¹⁾. О томъ же онъ пишетъ въ письмѣ Н. Ф. Павлову, гдѣ между прочимъ сожалѣетъ, что «не показалъ даже нѣкоторыхъ писемъ Жуковскому, который могъ мнѣ сдѣлать возраженіе»²⁾. Теперь уже Гоголь не отступаетъ отъ искусства «осязательнаго, пластическаго»; съ этимъ критеріемъ онъ критикуетъ и чужія произведенія³⁾.

Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что предъ послѣдней болѣзнью начинался новый подъемъ; въ 1851 году великій писатель приступаетъ къ изданію своихъ сочиненій, передѣлываетъ «Портретъ», «Сорочинскую ярмарку», «Ночь передъ Рождествомъ». Отзвукъ этого предсмертнаго подъема замѣтенъ и въ знаменитомъ сожженіи II т. «Мертвыхъ душъ». Это было уже не въ первый разъ: и во время предыдущаго подъема, въ іюнѣ - іюль 1845 года, было сожженіе II тома. Къ счастью, мы знаемъ психологію этого сожженія; Гоголь самъ даетъ ее въ письмѣ 1846 года: «Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такими болѣзненными напряженіями... Но все было сожжено, и притомъ въ ту минуту, когда, видя передъ собой смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскресло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу, изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ» (Выбр. м., XVIII, 4). О психологіи сожженія 1852 года мы можемъ только догадываться; вѣроятно, это была послѣдняя борьба генія съ болѣзнью и смертью, послѣдняя вспышка непреклонныхъ требованій творческаго самоопредѣленія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Г. Трошинъ.

¹⁾ Письма IV, 193—194.

²⁾ Ib., 199.

³⁾ См. письмо С. Т. Аксакову, 12/VI 1848 года, по поводу драмы К. С. Аксакова.

Наказаніе какъ факторъ культуры ¹⁾.

Значительно расширенная и дополненная вступительная лекція, читанная 17 сентября 1904 г. въ Томскомъ университетѣ.

(Посвящается памяти незабвеннаго учителя Бориса Николаевича Чичерина.)

Если спросить каждаго интеллигентнаго человѣка, какой изъ современныхъ писателей наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе всего культурнаго міра, наиболѣе волнуетъ умы и трогаетъ сердца, то несомнѣнно получится отвѣтъ: Левъ Толстой.

Мало можно встрѣтить именъ, которыя пользовались бы у современниковъ такимъ обаяніемъ, какъ это имя, а если принять во вниманіе, что Львомъ Толстымъ глубоко интересуются не только въ Россіи, но во всѣхъ уголкахъ земнаго шара, то мы получимъ едва ли не исключительное явленіе въ исторіи культуры.

Очень бы ошибся тотъ, кто такое почти безпримѣрное вліяніе сталъ объяснять *новизной* идей и принциповъ, которые защищаетъ нашъ великій писатель: достаточно быть знакомымъ въ общихъ чертахъ съ исторіей философіи и съ исторіей политическихъ ученій, чтобы ни одного изъ положеній Толстого не признать новымъ по существу. То, что теперь говоритъ Толстой, уже много разъ говорилось и въ древнее, и въ среднее, и въ новое, и въ новѣйшее время.

Не легко было бы дать исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается причина такого огромнаго вліянія Толстого, такого обаянія его имени?

Я склоненъ думать, что помимо обстоятельствъ, относящихся къ самой личности Толстого, а также обстоятельствъ, выте-

1) Настоящая работа представляетъ собою этюдъ къ приготовленному авторомъ для печати большому труду.

кающихъ изъ общихъ условій переживаемой нынѣ эпохи, тутъ наибольшее значеніе имѣеть то, что читающій міръ ранѣе зналъ Льва Толстого, какъ гениальнаго художника, и что въ сочиненіяхъ своихъ Толстой говорить языкомъ, непосредственно проникающимъ въ душу, языкомъ искусства, — еще лишнее доказательство могущества искусства.

Но въ настоящую минуту меня интересуеть слѣдующій вопросъ: какое значеніе имѣеть этическое ученіе Льва Толстого для уголовного права?

Я уже слышу удивленный вопросъ читателя: «да что тутъ можетъ быть общаго? Левъ Толстой и уголовное право — вѣдь это два противоположныхъ полюса!»

И читатель могъ бы сказать не только «уголовное» право, но и право вообще, т. к. въ сочиненіяхъ Толстого можно отыскать не мало мѣстъ, изъ которыхъ видно, что великій писатель не только отрицаетъ необходимость права, но считаетъ право принадлежностью низшей степени культуры, точно такъ же, какъ и государство со всѣми его учрежденіями.

Тѣмъ не менѣе я думаю, что поставленный мною вопросъ не есть вопросъ неправильно поставленный, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда ¹⁾.

Прежде всего замѣчу, что для юристовъ, уважающихъ истинные принципы науки права (а въ числѣ ихъ важнѣйшіе: свобода и самоцѣльность личности), рѣзкости и крайности ученія Толстого не могутъ быть опасны: сплошь и рядомъ изъ совершенно правильныхъ положеній онъ дѣлаетъ парадоксальные выводы.

Возьму нѣсколько примѣровъ, не относящихся къ праву.

Не надо слишкомъ внимательно всматриваться въ окружающую насъ жизнь, чтобы замѣтить крайнюю ненормальность ея въ одномъ чрезвычайно важномъ отношеніи, а именно въ половомъ. Половая развращенность современнаго общества приняла поистинѣ ужасающіе размѣры, и страшно подумать, къ чему можетъ въ концѣ концовъ привести такое положеніе дѣла. Само собою разумѣется, что этотъ животрепещущій вопросъ обратилъ на себя вниманіе многихъ людей мысли. Появилась масса

¹⁾ Что вопросъ этотъ представляетъ научный интересъ, доказываетъ специальный курсъ, читанный недавно въ Берлинскомъ университетѣ такимъ авторитетнымъ криминалистомъ, какъ Листъ.

работъ, направленныхъ на борьбу со страшной опасностью, угрожающей человѣчеству; предлагались различные способы борьбы.

Какъ же отнесся Толстой къ этому вопросу? Онъ предложилъ средство несомнѣнно вѣрное, но по своей радикальности тождественное съ евангельскимъ: если глазъ твой соблазняетъ тебя, то вырви его. Могущественнѣйшее изъ стремленийъ чловѣка, стремленіе, вытекающее изъ самой основы міровой жизни, объявляется зломъ и идеаломъ выставляется *полное подавленіе этой стремленія*, т.-е., другими словами, уничтоженіе рода чловѣческаго. Идеаль, очевидно, парадоксальный.

Другой примѣръ. У всѣхъ насъ передъ глазами то безотрадное положеніе, въ которомъ находится современное искусство. Поразительная порча вкуса общества выражается ярче всего въ такихъ уродливыхъ явленіяхъ, какъ переполненіе зрительнаго зала и восторги публики въ то время, когда на сценѣ подъ видомъ искусства предлагается гаерство или циническая порнографія. Не буду останавливаться на другихъ примѣрахъ паденія искусства, т. к. это завело бы меня далеко въ сторону отъ моей темы.

И вотъ Толстой, возмущенный низведеніемъ искусства, этого по его глубоко-вѣрнымъ словамъ «высшаго проявленія могущества въ чловѣкѣ» на степень служенія животнымъ инстинктамъ и праздности одичалаго общества, сурово и безпощадно вычеркиваетъ изъ области искусства все, чего сразу не можетъ понять и оцѣнить «простой, неиспорченный деревенскій рабочій». Фуга Баха, симфонія Бетховена, статуя Кановы, картины Рафаэля, Кельнскій соборъ, романъ Толстого—все это объявляется зломъ.

Опять таки и здѣсь предлагаемый Толстымъ способъ равносилень уничтоженію того, что такъ высоко цѣнить онъ самъ, т.-е. искусства. Какъ здѣсь, такъ и въ предыдущемъ примѣрѣ гениальный писатель нарисовалъ поразительно вѣрную картину дѣйствительности, глубоко понялъ и изобразилъ все зло современнаго положенія вещей, но окончательные выводы далъ парадоксальные.

А вспомнимъ, что говоритъ Толстой о современной наукѣ. Развѣ не глубоко вѣрно подмѣчено имъ это чрезмѣрное перепроизводство «научныхъ» работъ? А это изощреніе въ созданіи различныхъ «вопросовъ», это упражненіе въ схоластикѣ, эта

виртуозность въ изображеніи самыхъ простыхъ вещей, такимъ образомъ, что никто, кромѣ кучки «посвященныхъ» не можетъ догадаться, въ чемъ тутъ дѣло, кому нужны такія работы и что собственно заставило автора взяться за перо? А эта погоня за созданиемъ новыхъ наукъ (состоящихъ въ большинствѣ случаевъ изъ названія и благихъ пожеланій творца науки), это стремленіе (выдаваемое за квинтъ-эссенцію «научности») — превратить социальные науки въ своего рода математику, старательно вычеркнувъ изъ нихъ всякіе намеки на творческій моментъ, на оцѣнку идеаловъ съ точки зрѣнія *должнаго*, на служеніе счастью человечества? — развѣ все это можно назвать нормальнымъ явлениемъ? ¹⁾.

И все-таки окончательные выводы Толстого и здѣсь невѣрны. Изъ того, что многіе современные ученые удивительно похожи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на древне-римскихъ авгуровъ, отнюдь не слѣдуетъ, что наука «должна отречься отъ своего опытнаго метода», что все не приносящее непосредственной пользы «простому и разумному рабочему человѣку, у котораго на шеѣ сидятъ люди, занимающіеся наукой», есть дѣло вредное и ненужное. Несомнѣнно, что, напр., юридическая наука должна имѣть своей конечной цѣлью счастье человечества, должна стремиться построить и обосновать во всѣхъ деталяхъ идеальное общежитіе, въ которомъ, по глубокому замѣчанію Б. Н. Чичерина, царствуетъ наибольшая степень свободы личности и гдѣ нравственный законъ господствуетъ надъ всѣми отношеніями. Но это не значить, что каждое юридическое сочиненіе должно быть прямо рассчитано на доставленіе непосредственной пользы рабочему человѣку.

Обращаюсь къ вопросу, интересующему юриста, къ вопросу о власти. И здѣсь Толстой замѣчательно вѣрно подмѣтилъ тем-

¹⁾ Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести цитату изъ недавно вышедшей книги проф. *Новгородцева* «Изъ лекцій по общей теоріи права» (часть методологическая) 1904: «Крупной и знаменательной работа юриспруденціи можетъ быть только тогда, когда она исходитъ отъ идеальныхъ началъ и вдохновляется ими; когда она, свободно обзрѣвая свой матеріалъ, возвышается надъ нимъ во имя высшихъ принциповъ. Безъ этого ей остается полезная, конечно, но чисто техническая задача приспособленія законодательнаго матеріала для нуждъ практическаго оборота». Ту же самую мысль авторъ высказываетъ въ своей превосходной работѣ: «Нравственный идеализмъ въ философіи права» (въ сборникѣ «Проблемы идеализма», стр. 248).

ныя и опасныя стороны власти: это опьянѣніе властью, которое въ концѣ концовъ портитъ и извращаетъ характеръ челоѣка, приводитъ къ произволу, къ взгляду на власть не какъ на средство, а какъ на самоцѣль, къ построению идеала общежитія въ видѣ казармы, лишенныхъ воли и самодѣятельности людей, слѣпо исполняющихъ всѣ приказы свыше.

Что существующій порядокъ скрываетъ въ себѣ много зла, что власть въ немъ проявляетъ слишкомъ много своихъ темныхъ сторонъ, — это ни для кого не тайна. Само собою разумѣется, что такая отзывчивая, чуткая и художественная натура, какъ Левъ Толстой, не могла остаться къ этому равнодушной. Но вспомня гдѣ парадоксальные выводы, къ которымъ пришелъ Толстой въ другихъ вопросахъ, мы можемъ предвидѣть, что и здѣсь *художникъ взялъ верхъ надъ мыслителемъ*.

Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

Изъ несомнѣнныхъ фактовъ насилія и произвола Толстой дѣлаетъ выводъ, что такъ какъ произволь и насиліе совершаются при посредствѣ власти, то стало быть все зло заключается въ этой власти. Ее надо уничтожить, упразднивши то страшное орудіе, которымъ она поддерживаетъ свое существованіе — насиліе.

Выводъ и здѣсь неправиленъ: уничтоженіе власти такъ же немислимо, какъ уничтоженіе половой жизни, науки и искусства. Анархія и общежитіе—это два исключаютія другъ друга понятія. Уже давно сдѣлалось truизмомъ, что челоѣкъ можетъ развивать всѣ свои силы и способности и стать челоѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова лишь въ обществѣ, а съ каждымъ днемъ успѣхи социальной науки показываютъ намъ все могущество общественныхъ вліяній на образованіе такихъ сторонъ духовной жизни личности, которыя прежде казались совершенно независимыми отъ этихъ вліяній ¹⁾).

Но гдѣ соберутся нѣсколько челоѣкъ для общихъ цѣлей,

1) Notre psychologie, notre morale, notre métaphysique, toutes nos sciences en un mot, sont les sciences de l'homme *en Société*. Placez l'homme seul dans un bois, vous supprimez tout ce développement supérieur qui finit pas mettre le cerveau de l'homme social en communication avec la nature entière. *A. Fouillée*. La science sociale contemporaine. 1897. p. 159.—Сравн. прекрасныя замѣчанія у Вундта «Очеркъ психологіи», пер. подъ редакціей Н. Грота. 1897. стр. 346 и сл., а также въ его «Этикѣ».

тамъ силою вещей возникаетъ та или иная *организация*, и чѣмъ сложнѣе общежитіе, тѣмъ сложнѣе и необходимѣе эта организация¹⁾. А вѣдь организация невозможна безъ *власти* въ той или иной формѣ, облеченной болѣе или менѣе обширными полномочіями, которыя давали бы возможность слѣдить, чтобы эта организация не была пустымъ звукомъ и не приносилась ежеминутно въ жертву проявленіямъ эгоизма. *Такимъ образомъ власть есть необходимый элементъ всякаго общежитія*²⁾. «Всякій, даже самый шаткій, союзъ — поскольку только онъ является отличнымъ отъ его членовъ единствомъ—имѣетъ свою особую, соотвѣтствующую его характеру власть» (*Еллинекъ*. Общее ученіе о госуд., 279).

Необходимость власти сдѣлается еще болѣе очевидной, если мы вспомнимъ о слишкомъ извѣстномъ присутствіи въ человѣкѣ темныхъ силъ, способныхъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ развиться до чудовищныхъ размѣровъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести замѣчательную страницу старика Аристотеля. «А кто не можетъ жить въ обществѣ, или кто не имѣетъ ни въ чемъ нужды, потому что самъ доволенъ собою во всемъ, тотъ не составляетъ никакой части государства *и есть или звѣрь, или богъ*. Между тѣмъ во всѣхъ людяхъ есть природное стремленіе къ такого рода общежитію; и основатель такой формы общежитія былъ виновникомъ величайшихъ благъ для людей. Потому что, если съ одной стороны въ совершенствѣ своемъ человѣкъ есть лучший изъ всѣхъ живыхъ существъ, то, съ другой стороны, *оставаясь внѣ закона и справедливости, онъ становится худшимъ изъ всѣхъ*, т. к.

1) Организация есть объединеніе многихъ лицъ въ подчиненіи извѣстнымъ *внѣшнимъ правиламъ* въ виду общей цѣли. Такимъ образомъ въ понятіи организации заключается понятіе права.

2) Совершенно правильно замѣчаетъ *G. T. Ladd* (*Phylosophy of conduct* 1902, 381), что какъ бы мы далеко ни заглянули въ сѣдую древность, вездѣ мы находимъ людей, живущихъ общественно въ той или иной организаціи, при чемъ даже этическая основа этой организаціи не отличается существенно отъ современной. Сравн. *Ad. Lasson*. *System der Rechtsphilosophie*. 1882, 296; *Еллинекъ*. *Право современнаго государства*. Общее ученіе о государствѣ. Пер. подъ редакціей прив.-доц. В. Гессена и Шалланда. 1903, 237; *Anton Menges*. *Neue Staatslehre*. 1903, 7—19; а также глубокія замѣчанія у *Дарвина*: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ». Пер. подъ ред. проф. И. Сѣченова. 1896. Стр. 66—103.

вооруженная несправедливость есть самая ужасная, а человекъ дѣйствительно по природѣ владѣеть могущественнымъ оружіемъ, которое заключается въ его мудрости и энергіи—оружіемъ, которое онъ можетъ употреблять въ ту или другую сторону. *Потому безъ добродѣтели человекъ становится самымъ нечестивымъ и самымъ дикимъ существомъ*; а въ отношеніи къ половому наслажденію и пищѣ онъ хуже тогда всякаго животнаго. *Но справедливость имѣетъ мѣсто только въ политической жизни*, потому что весь строй политическаго общежитія держится на правѣ, а право само по себѣ есть не что иное, какъ основа для критики справедливаго и несправедливаго» («Политика», переводъ Скворцова, стр. 8).

Дѣйствительно, если человекъ есть съ одной стороны носитель искры Божіей, то съ другой стороны въ громадномъ большинствѣ людей эта искра или совсѣмъ погасла или едва тлѣетъ, ежеминутно грозя погаснуть. Надо только представить себѣ, до какихъ грандіозныхъ размѣровъ способенъ разрастаться звѣрь въ человекѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы раз навсегда признать несбыточной утопіей ученія такихъ благородныхъ представителей анархизма, какъ Толстой, переоцѣнивающихъ идеальную сторону человека и игнорирующихъ другое начало въ природѣ человека, начало, благодаря которому человекъ такъ часто бываетъ, по словамъ Мефистофеля, «звѣроподобнѣ всѣхъ скотовъ» («Фаустъ»).

Вотъ почему Еллинекъ безусловно правъ, говоря, что отсутствіе права и государства повлекло бы за собой «bellum omnium contra omnes» ¹⁾. Въ этой войнѣ сейчасъ бы возникли отношенія силы и зависимости, и такъ какъ ничто въ мірѣ не можетъ уничтожить различія между слабымъ и сильнымъ, эгоистичнымъ и альтруистичнымъ, благожелательнымъ и порочнымъ, то не подлежитъ сомнѣнію, какой изъ этихъ типовъ останется побѣдителемъ въ обществѣ не признающемъ права и самой лучшей, надежной гарантіи этого права — государства. Конечно, — «государство» отнюдь не тождественно съ тою или другою формой государства: и швейцарскій кантонъ, и восточная деспотія — государства, а вполне возможно государство съ гораздо большею степенью свободы личности, чѣмъ въ Швейцаріи.

¹⁾ I. с., кв. II, гл. 7.

Итакъ, въ идеѣ власть не есть зло. Она есть охранительница твердаго законнаго порядка, а этотъ порядокъ, основа общежитія, есть драгоценное благо, которое, подобно воздуху, замѣчается лишь тогда, когда его недостаетъ. И здѣсь сказался въ Толстомъ художникъ. Съ необычайной силой и глубиной обнаружены имъ всѣ опасныя стороны, все зло, которое скрывается въ себѣ существующій порядокъ. Благодаря этому могуществу писателя одна книга Толстого стѣбитъ больше, чѣмъ сотня юридическихъ «изслѣдованій», но изъ всего изображеннаго имъ дѣлается совершенно невѣрный выводъ: идеаломъ можетъ быть не упраздненіе власти, не анархія, а такая организація власти, при которой власть была бы лишь выразительницей интересовъ всего общества, *разумной руководительницей ея* ¹⁾ и охранительницей правъ каждаго гражданина, предоставляя этому гражданину полную возможность истинно-человѣческаго существованія. А это и есть проблема, надъ рѣшеніемъ которой наука работаетъ уже столько времени и нельзя сказать, чтобы безуспѣшно ²⁾.

¹⁾ Правильно замѣчаетъ *Франческо Нитти*: „Существуютъ виды свободы, возможные только при наличности высшихъ формъ соціальной коопераціи. Всѣ наиболѣе возвышенныя идеи, всѣ высокія дѣянія зарождаются лишь въ небольшомъ кругу избранниковъ, и свободная ассоціація часто не способна распространить ихъ, и они пропали бы безслѣдно, если бы какая-нибудь принудительная сила не позаботилась объ ихъ сохраненіи. Въ подобныхъ случаяхъ государство, далекое отъ покушенія на личную свободу, напротивъ, дѣлаетъ возможнымъ ея практическое осуществленіе“. („Основныя начала финансовой науки“. 1904, стр. 20).—Весь третій томъ „Курса государственной науки“ Б. Н. Чичерина представляетъ собою замѣчательное по глубинѣ изслѣдованіе о руководящей роли государства по отношенію къ обществу. Уже одного примѣра реформъ императора Александра II, которыя Чичеринъ справедливо называетъ „фундаментомъ, на которомъ основана вся будущность Россіи“ (стр. 319), достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству культурную миссію государства. — Ср. замѣчанія о важности государственной дѣятельности у *Милля*. Система логики. 1878. II, 494 и слѣд.—Замѣчательно хорошо и обстоятельно изложенъ вопросъ о культурныхъ задачахъ государства у *Leroy-Beaulieu*. L'état moderne et ses fonctions. 1900.

²⁾ Кантъ (*Rechtslehre* II) говоритъ, что верховная власть должна быть устроена такъ, чтобы всеобщая свобода самоопредѣленія не была подавлена, чтобы порядокъ сочетался съ законностью и равенствомъ. Руссо (*Contr. soc.*) требуетъ такой формы союза, посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы одному только самому себѣ. У Фихте мы находимъ наиболѣе полно и послѣдовательно проведенный принципъ свободы и автономіи личности по отношенію къ государству.

И въ другомъ еще отношеніи возрѣніе Толстого на власть страдаетъ односторонностью, столь легко объяснимой въ художникѣ. Онъ утверждаетъ, что власть поддерживаетъ свое существованіе только силой. Но могла ли бы продолжаться хоть одинъ день власть, если бы она опиралась только на силу и открыто заявила бы, что не она существуетъ для народа, а наоборотъ?

Даже въ восточныхъ деспотіяхъ основой власти служить не личный произволъ деспота, не сила, а извѣстный рядъ идей, господствующій въ данную минуту среди большинства народа и служащій теоретическимъ основаніемъ существующаго порядка. Государственная власть должна опираться на убѣжденіе народа въ ея правомѣрности¹⁾. Слишкомъ это старая истина, что голая сила — факторъ болѣе чѣмъ ненадежный и что если извѣстная форма общежитія начинаетъ поддерживаться только силой, то это самый вѣрный признакъ очень серьезной болѣзни, которую надо немедленно лѣчить, иначе скоро послѣдуетъ смерть. Отожествлять власть и насиліе, право и силу — нельзя: «право должно быть сильнымъ, но для того, чтобы быть сильнымъ, оно должно быть правомъ».

Великую проблему организациі общежитія при наличности такихъ двухъ противоположныхъ истинъ, какъ 1) homo homini lupus и 2) «человѣкъ есть существо общественное по природѣ» Толстой разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: а) не надо никогда, ни при какихъ условіяхъ употреблять насиліе (отрицательный моментъ ученія) и б) надо проникнуться чувствомъ братства и любви ко всему человѣчеству (положительный моментъ ученія).

Здѣсь я нахожу небезполезнымъ напомнить въ общихъ чертахъ теоріи двухъ выдающихся мыслителей: Спенсера и Фуллье.

Спенсеръ говоритъ, что государственная власть есть сумма учреждений и орудій принужденія, сдерживающихъ антисоціальныя и эгоистическія склонности и обеспечивающіе преобладаніе склонностей альтруистическихъ. Развитіе нравственнаго чувства, т.-е. симпатическихъ и альтруистическихъ склонностей *постепенно* ведетъ къ уничтоженію принудительныхъ учреждений; не-

¹⁾ *Еллинекъ*, I. с. III, 12, § II.—Ср. *Дайси*. Основы государственнаго права Англій. Пер. подъ ред. проф. Виноградова. 1891, стр. 58 и слѣд. — Самъ Толстой говоритъ, что основой той или другой формы общежитія служить прежде всего „общественное мнѣніе“.

обходимость власти уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается уваженіе къ правамъ личности и такимъ образомъ функціи власти все больше и больше должны сокращаться, т. к. *когда нравственный законъ сдѣлается достаточно сильнымъ, принужденіе должно исчезнуть* ¹⁾.

Фуллеръ совершенно правильно говоритъ, что социальный идеаль есть съ одной стороны возможно полное и всестороннее развитіе индивидуальности каждой отдѣльной личности, а съ другой—наиболѣе полное проникновеніе каждой личности чувствомъ солидарности и братства со всѣмъ человѣчествомъ. *Свободный договоръ*—вотъ типъ, по которому сознательно или безсознательно стремятся образоваться всѣ безъ исключенія отношенія между людьми ²⁾. Трудная задача права и заключается въ томъ, чтобы сдѣлать необходимыя для общежитія ограниченія свободы дѣломъ самой свободы. При этомъ Фуллеръ высказываетъ мысль, которая въ настоящее время начинаетъ пріобрѣтать многихъ защитниковъ, хотя и не признается большинствомъ юристовъ, — а именно, что принужденіе вовсе не есть существенный признакъ въ понятіи права ³⁾.

Изложенныя выше воззрѣнія Спенсера и Фуллеръ имѣютъ много общаго съ ученіемъ Толстого. Но въ то время какъ Спенсеръ, согласно съ своей теоріей эволюціи, говоритъ о *постепенномъ со-*

¹⁾ Въ *Social statics* Спенсеръ считаетъ всякое законодательство противорѣчащимъ нравственности, т. к. оно основано на принужденіи, которое во всякомъ случаѣ есть зло. — Ср. *Гейфдингъ*. Этика. Перев. Оболенскаго. 1898, стр. 319.

²⁾ Сравн. блестящія и глубокія страницы 410 — 418 (*Synthèse de la sociologie et de la cosmologie*) въ его книгѣ „*La science sociale contemporaine*. 1897. Думается мнѣ, что Б. Н. Чичеринъ едва ли правъ, отрицательно отнесая къ этой теоріи. См. его прекрасную посмертную книгу „*Вопросы философіи*“. 1904, стр. 135—136.

³⁾ Глубоко вѣрно замѣчаетъ онъ, что право достигаетъ своего максимума тогда, когда принужденіе сводится къ минимуму. (*L'idée moderne du droit*. 1897, 281—284). Ту же самую мысль высказываетъ *Ziller*. *Allgemeine philosophische Ethik*. 1880, стр. 221. — Сравн. *Елличекъ*, *l. c.*, стр. 220. *Merke!* *Juristische Encyclopädie*. 1900. § 50; *Петражицкій*, *Очерки философіи права*. 1900. *Коркуновъ*. *Лекціи по общей теоріи права*. 1904. § 12. *Гамбаровъ*. *Право въ его основныхъ моментахъ* 86 (въ „*Сборн. общ. юрид. знаній*“. 1899.); *Thon*. *Rechtsnorm und subjektives Recht*. 1878, стр. 233 и *Сл. Регельсбергеръ*. *Общее ученіе о правѣ*. Переводъ И. Базанова. 1897, стр. 10—11; *T. Sternberg*. *Allgemeine Rechtslehre*. 1904. I, 31—32.

кращеніи функцій власти, объ исчезновеніи принужденія лишь тогда, когда нравственный законъ сдѣляется достаточно сильнымъ, въ то время какъ Фулье считаетъ право необходимымъ средствомъ къ достиженію всеобщаго братства, Толстой требуетъ *немедленно* уничтоженія принужденія и не признаетъ за правомъ никакого положительнаго значенія.

Несомнѣнно, что общежитіе держится на устояхъ болѣе солидныхъ и болѣе достойныхъ человѣческой природы, чѣмъ принужденіе ¹⁾, несомнѣнно, что выставляемый Толстымъ законъ любви есть самое могучее и наиболѣе дѣйствительное средство для борьбы со зломъ. Но вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: *есть ли это средство единственное и исключительное?*

Едва ли. Звѣрь въ челоуѣкѣ слишкомъ еще силенъ и челоуѣчество сдѣлало только первые шаги для обузданія этого звѣря. Пожалуй, можно согласиться съ Фурье, что челоуѣчество еще не вышло изъ періода дѣтства. Предстоитъ еще много времени, пока исполнится евангельское предсказаніе о всеобщемъ братствѣ, о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ, о перекованіи мечей въ орала. А пока,—оглянитесь кругомъ и посмотрите, что дѣлается въ нашемъ столь культурномъ мірѣ, и вы увидите, что вездѣ еще въ полной силѣ царитъ Гоббесовское *homo homini lupus* ²⁾.

Скажу больше: Шопенгауэръ писалъ ³⁾, что искоренить не-

¹⁾ „Кромѣ государства существуютъ еще другія социальныя силы, представляющія существенныя гарантіи соблюденія нормъ права. То неорганизованное давленіе, которое производятъ на индивида и общество общепризнанные социальныя нравы, особыя правила приличія опредѣленныхъ общественныхъ классовъ и профессій, конфессіональные союзы, пресса и литература — гораздо сильнѣе, чѣмъ сознательное, осуществляемое государствомъ принужденіе... Съ прекращеніемъ давленія указанныхъ социальныхъ силъ разрушился бы самый правопорядокъ, ибо правовое принужденіе является только элементомъ, служащимъ для необходимаго подкрѣпленія внѣ государственныхъ гарантій. Не разъ уже подтверждалось на опытѣ, что тамъ, гдѣ правопорядокъ впадаетъ въ противорѣчіе съ глубоко вкоренившимся социальнымъ или религіознымъ обычаемъ, правовое принужденіе безсильно. Дерогирующая сила обычнаго права, фактическое непримѣненіе законовъ, неопровержимо доказываетъ, что правовое принужденіе неспособно само по себѣ гарантировать право“. *Елминекъ*, I. с., 219—220.

²⁾ Едва ли не важнѣйшей причиной этого явленія служить то обстоятельство, что въ современномъ государствѣ на первомъ планѣ стоятъ не чисто культурные интересы, а интересы могущества и власти. Ср. *A. Meüger Neue Staatslehre*. 1903. 44—70.

³⁾ *Parerga und Paralipomena*. Изданіе Otto Hendel. II, 240.

правду изъ общества совѣмъ, безъ остатка, есть дѣло невозможное, и я думаю, что великій мыслитель правъ. Всеобщее братство есть идеаль, къ которому челоѣчество стремится, къ которому все больше и больше приближается, но котораго никогда не достигнетъ *вполнѣ*, т. к. этому препятствуетъ первородный грѣхъ челоѣка: Калибанъ всегда проявится, лишь только этому будутъ благопріятствовать условія. Припомнимъ восклицаніе такого глубоко-гуманнаго писателя, какъ Диккенсъ (въ «Оливерѣ Твистѣ»): «Сколько жестокости заключается въ самой природѣ челоѣка!» Всѣ усилія челоѣчества должны быть направлены къ тому, чтобы проявленія звѣря свести къ возможному минимуму.

Если бы мы сейчасъ, въ настоящій моментъ стали примѣнять режимъ, годный лишь для идеальнаго общества, мы бы сильно поплатились за свое желаніе опередить жизнь. Лучшей иллюстраціей къ только что сказанному можетъ служить судьба созданной симпатичнѣйшимъ изъ людей Робертомъ Оуэномъ колоніи Нью-Гармони въ Сѣв. Америкѣ. Несмотря на духовную мощь своего организатора, несмотря на сильный подъемъ духа, царившій среди членовъ колоніи и обусловившій процвѣтаніе ея въ первые годы, черезъ нѣсколько лѣтъ все распалось. Прекрасно замѣчаетъ по этому поводу Туганъ-Барановскій: «Жители Нью-Гармони воспитались и выросли въ совершенно иной социальной обстановкѣ, чѣмъ та, которую они старались создать въ своей кооперативной общинѣ. Ихъ нравы, привычки, характеры, симпатіи, потребности развились на почвѣ борьбы за существованіе и закона конкуренціи, верховныхъ владыкъ капиталистическаго міра. Какъ же могли они годиться для созданія новаго общества, основной законъ котораго требовалъ безкорыстнаго служенія общимъ интересамъ? Порыва энтузіазма могло хватить на нѣсколько лѣтъ, но огонь воодушевленія не принадлежитъ къ числу прочныхъ и устойчивыхъ строительныхъ матеріаловъ. Новый социальный строй требуетъ и новаго челоѣка, который не можетъ явиться по первому зову благороднаго мечтателя»¹⁾.

1) „Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи“. 1903, стр. 104—105. — Очень интересные факты сообщаетъ *Noges. History of American socialisms.* 1870, стр. 656: въ Америкѣ и Англии за послѣднее время образовалось нѣсколько коммунистическихъ обществъ на анархическихъ началахъ. И вотъ отсутствіе власти въ связи съ присутствіемъ темныхъ силъ природы челоѣка повело къ разложенію многихъ изъ этихъ общинъ, несмотря на полную солидарность членовъ во взглядахъ на основу общежитія.

Каждый изъ насъ проникся бы уваженіемъ къ человѣку, который вполне соблюдалъ бы правила Евангелія, съ особенной полнотою выраженныя въ Нагорной проповѣди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе, что нашлось бы много охотниковъ воспользоваться очень удобнымъ для нихъ отсутствіемъ внѣшнихъ средствъ защиты, и горсть истинныхъ христіанъ была бы стерта съ лица земли темными силами.

Что христіанскій идеалъ есть законъ любви и всепрощенія, что онъ несомнѣстимъ не только съ войной, но и со всякимъ проявленіемъ насилія, это не подлежитъ сомнѣнію. Это признаютъ многіе выдающіеся защитники существующаго порядка вещей. Такъ, проф. Паульсенъ оспариваетъ теоріи социалистовъ, доказываетъ необходимость и власти, и суда, и смертной казни, и войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что нельзя придумать болѣе рѣзкаго противорѣчія, чѣмъ то, которое мы видимъ теперь: церковь молится за военные успѣхи и благословляетъ войска въ явное нарушеніе закона Христа, запрещающаго всякое насиліе ¹⁾.

Но изъ существованія идеала нельзя еще дѣлать вывода, что употребленіе силы всегда и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ есть зло абсолютное и не можетъ быть допускаемо.

Представимъ себѣ, что мы путешествуемъ для изученія флоры и фауны острововъ Полинезіи и попадаемъ въ такое мѣсто, гдѣ туземцы не прочь поѣсть человѣческаго мяса. Неужели для того, чтобы не нарушать принципа, мы должны позволить сдѣлать изъ себя бифштексы? Да зачѣмъ забираться такъ далеко: ко мнѣ ночью входитъ разбойникъ и желаетъ перерѣзать мнѣ горло. Что тутъ дѣлать: употребить свой револьверъ, или пожертвовать жизнью во имя принципа «не убій». Я думаю, что самый завзя-

¹⁾ System der Ethik. 1900, 71—72. — Блекки („Четыре фазиса нравственности“. 1899, стр. 311—313) пытается доказать, что ученіе Христа не запрещаетъ войны, но аргументація автора представляетъ собою сплошной рядъ противорѣчій.— Ср. прекрасныя замѣчанія о христіанствѣ у Фюстель де Куланжа „La cit antique“. 1898, стр. 456—464.—При сравненіи христіанскаго идеала съ дѣйствительностью невольно вспоминаются слова *Спенсера* („Справедливость“. 1898, стр. 221): „Во всемъ христіанскомъ мірѣ съ его храмами и церквами, съ его обиліемъ благочестивыхъ книгъ и обрядовъ, имѣющихъ цѣлью внушеніе религіи любви, религіи, поощряющей милосердіе и всепрощеніе, мы видимъ господство насилія и мстительности, какую можно найти повсюду у дикарей“.

тый моралистъ формальной школы отвѣтитъ въ такой моментъ, пародируя Бисмарка: пусть лучше начнетъ г. разбойникъ. Въ своемъ разсказѣ «Дуэль» Антонъ Чеховъ говоритъ устами одного изъ своихъ героевъ: «По ихъ ученію, если къ вамъ приходитъ бурчатный, или убійца, или эпилептикъ и сватаетъ вашу дочь— отдавайте; если кретины идутъ войной на физически и умственно здоровыхъ, — подставляйте головы. Эта проповѣдь любви, ради любви; какъ искусства для искусства, если бы могла имѣть силу, въ концѣ-концовъ привела бы человѣчество къ полному вымиранію и такимъ образомъ совершилось бы грандіознѣйшее изъ злодѣйствъ, какія когда-нибудь бывали на землѣ».

Вспоминаются мнѣ здѣсь слова одного извѣстнаго нѣмецкаго криминалиста. Говоря объ институтѣ крайней необходимости, онъ находитъ, что если бы человѣкъ, умирающій съ голода, не взялъ лежащаго передъ нимъ чужого хлѣба, не желая нарушить принципа «не укради», то онъ заслуживалъ бы не мученическаго вѣнца, а дурацкаго колпака. Быть можетъ, мнѣніе это слишкомъ рѣзко, быть можетъ подобнаго рода поступкамъ нельзя отказать въ своего рода величіи, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка, подобно тому, какъ *omne jus hominum causa constitutum est*.

Къ чему же тогда идеалы, скажетъ читатель? Какое можно придавать имъ значеніе, когда всякій разъ ихъ дозволяется обходить, если они оказываются неудобными.

Здѣсь я не могу останавливаться на этомъ сложномъ и важномъ вопросѣ. Ограничусь замѣчаніемъ, что идеалы имѣютъ огромное значеніе для жизни: они даютъ ей смыслъ и значеніе, они служатъ маяками, указывающими путь человѣчеству, они представляютъ собой единственную абсолютную духовную цѣнность. «Идеаль въ сущности болѣе истиненъ, чѣмъ сама реальность, потому что идеаль есть вѣчный моментъ вещей гибнущихъ: онъ ихъ типъ, ихъ число, ихъ причина существованія, ихъ формула въ книгѣ Творца; слѣдовательно, онъ есть ихъ вѣрнѣйшее и въ то же время кратчайшее выраженіе» ¹⁾.

¹⁾ „Изъ дневника Аміэля“. Перев. подъ ред. Л. Толстого. 1894, стр. 41. „Въ сущности говоря, реальность обусловливается идеаломъ, который и составляетъ цѣль этой реальности, и исторію дѣяній невозможно понять безъ исторіи идей“. (А. Фуллье. „Исторія философіи“. 1893, стр. 5).

Не упразднять идеалы, не обходить ихъ, не идти въ разрѣзъ съ ними, а *стремиться осуществить ихъ насколько это окажется возможнымъ въ данное время и при данныхъ историческихъ условіяхъ*,—вотъ что составляетъ трудную задачу человѣчества. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ забывать заповѣди: «не создавай себѣ кумира». Жизнь всегда при своей необъятности будетъ представлять случаи, которые нельзя уложить въ готовые формулы, какъ бы красиво эти формулы ни звучали. Въ частности для законодателя руководящимъ правиломъ всегда должно быть приспособленіе къ *среднему человѣку*: всѣ законы пишутся въ расчетъ именно на такого человѣка, а не на героя. Чтобы сдѣлать мою мысль совершенно ясной, воспользуюсь слѣдующимъ примѣромъ. Линія, кругъ, шаръ — все это чисто идеальныя построенія разума, не только не существующія, но и не могущія существовать въ природѣ. А между тѣмъ эти идеалы оказываютъ самое реальное, могучее вліяніе на жизнь: мы стремимся, напр., изъ даннаго матеріала сдѣлать шаръ, какъ можно болѣе подходящий къ идеальному шару, существующему только въ теоріи. И если нашъ матеріалъ въ данную минуту таковъ, что, напр., въ иныхъ мѣстахъ мы вынуждены оставить на поверхности углубленія и возвышенія, то все-таки мы постараемся, чтобы эти углубленія и возвышенія насколько возможно не нарушали общаго впечатлѣнія шара. Мы такимъ образомъ *будемъ считаться съ нашимъ матеріаломъ*, но въ то же время имѣть въ виду конечную цѣль, идею, какъ сказалъ бы Платонъ (или *causa finalis* по Аристотелю).

Толстой безусловно правъ, говоря, что идеалъ общежитія есть всеобщее братство свободныхъ людей при полномъ отсутствіи какого бы то ни было насилія и принужденія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что *уже теперь* должны быть выброшены за бортъ всѣ тѣ средства, при помощи которыхъ сдерживается звѣрь въ человѣкѣ.

Однимъ изъ этихъ средствъ, *средствомъ крайнимъ*, самымъ рѣзкимъ является наказаніе, и пока не будетъ доказано воочію, что средство это *всегда, при всякихъ обстоятельствахъ кромѣ вреда ничего принести не можетъ*, до тѣхъ поръ оно имѣетъ полное право на существованіе. А доказать это еще никому не удалось, да врядъ ли когда и удастся.

Фулье указываетъ на то, что значительная часть вины въ

каждомъ преступленіи лежитъ на всемъ обществѣ и на каждомъ членѣ общества. «A vrai dire, говоритъ онъ, son crime n'a fait que révéler aux yeux, parmi les hommes, un état de guerre latent auquel tous contribuent, comme le choc de la foudre révèle l'orage amassé dans les nues» ¹⁾. Подъ этими прекрасными строками охотно бы подписался Толстой. И тѣмъ не менѣе Фуллье не дѣлаетъ изъ нихъ вывода о необходимости упраздненія наказанія. Такой выдающийся теоретикъ социализма, какъ А. Менгеръ, отлично сознавая невозможность коренного перевоспитанія человѣчества, сознавая необходимость организаци и власти, считаетъ наказаніе вѣрнѣйшей гарантійей правопорядка. «Die sicherste Garantie für die Verwirklichung der Rechte bleibt immer die Strafe», говоритъ онъ. (Neue Staatslehre, стр. 187).

Очень часто можно встрѣтить въ литературѣ (и даже иногда въ специальной) догматически выставляемое положеніе, что наказаніе еще никого не утратило, а стало быть оно бесполезно для уменьшенія преступленій. Это весьма легкомысленная фраза, и надо только удивляться, что ее повторяютъ нѣкоторые серьезные ученые и даже нѣкоторые криминалисты. Въ доказательство приводятъ дѣтское разсужденіе: наказаніе такъ же старо, какъ человѣчество, а между тѣмъ преступленія постоянно существовали и существуютъ. Это все равно, какъ если бы сказать: несмотря на существованіе медицины, больные умираютъ,—значитъ медицина не достигаетъ цѣли и ее нужно упразднить.

Что исторія знаетъ массу примѣровъ, когда уголовныя казни не только не достигали своей цѣли, но производили прямо противоположные эффекты,—это нисколько не говоритъ противъ самаго принципа, но лишь противъ его примѣненія. Конечно, сколько бы прусскій законодатель ни каралъ обученіе польскимъ отцомъ своего сына родному языку, онъ не добьется никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ противоположныхъ ожидаемому. Отрицательные результаты получаются и тогда, когда уголовныя кары примѣняются для подавленія идей, вѣрованій; когда онѣ грозятъ за совершеніе дѣяній, признаваемыхъ обществомъ непроступными. Наказанія бессильны уменьшать количество преступленій, совершаемыхъ по страсти.

Но, съ другой стороны, есть очень много поступковъ, выте-

1) La science sociale contemporaine. 1897, 305—306.

кающихъ изъ грубыхъ, низшихъ побужденій человѣческой природы, по отношенію къ которымъ наказаніе производитъ ожидаемый эффектъ¹⁾. Есть масса мелкихъ, повседневныхъ правонарушеній, чрезмѣрное увеличеніе которыхъ сдѣлало бы невозможной культурную жизнь, и для уменьшенія, и даже при нѣкоторыхъ условіяхъ, для полного уничтоженія которыхъ наказаніе является весьма пригоднымъ средствомъ²⁾.

Самымъ лучшимъ опытомъ, который могъ бы окончательно разрѣшить всѣ сомнѣнія относительно сдерживающей силы наказанія, былъ бы такой: отмѣнить на годъ всѣ уголовные законы и затѣмъ сравнить статистическія данныя до и послѣ такой отмѣны. Но вѣроятно этого опыта никто не рѣшится произвести³⁾.

1) „Въ общемъ развитіи человѣческой культуры праву принадлежитъ та великая заслуга, что оно вноситъ въ общественныя отношенія твердость и устойчивость, неизвѣстныя ранѣе. Однихъ внутреннихъ мотивовъ для людей недостаточно, чтобы сдерживать проявленія ихъ враждебныхъ страстей и устранить возможность общественныхъ столкновеній. Необходима твердая правовая организація, которая могла бы присоединить къ внутреннимъ мотивамъ сдерживающую силу внѣшняго закона и охранительный надзоръ власти. Только организація твердаго правового порядка вноситъ въ общество прочное и устойчивое замиреніе различныхъ общественныхъ элементовъ. Но когда достигается эта цѣль болѣе прочнаго внѣшняго замиренія, создается и лучшая почва для развитія нравственныхъ отношеній. Подъ охранительной снѣью закона, обезпечивающаго общественный порядокъ, утверждаются и упрочиваются и связи нравственныя. Не право ихъ создаетъ, конечно; но оно обезпечиваетъ для нихъ возможность счастливаго и успѣшнаго развитія, подобно тому, какъ всякая внѣшняя охрана, которая не производитъ роста, а только способствуетъ ему. Съ другой стороны, запрещая и карая злыя проявленія человѣческой воли, право имѣетъ извѣстное воспитательное значеніе: оно уничтожаетъ такимъ образомъ необузданный произволъ человѣческихъ страстей и въ самомъ внутреннемъ мірѣ челоѵка оставляетъ слѣды своего воздѣйствія. Вотъ почему такъ важно, чтобы весь правовой складъ общественныхъ отношеній проникался нравственнымъ духомъ и чтобы правовая жизнь народа протекала въ здоровой атмосферѣ твердаго порядка и законной справедливости“. П. Новгородцевъ. Право и нравственность (въ „Сборникѣ общ. юрид. знаній“. 1899, стр. 135) Много цѣнныхъ замѣчаній есть въ книгѣ Вл. Соловьева „Нравственность и уголовное право“.

2) Ср. мою работу „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовн. процесса“. „Вѣстн. Права“. 1903. Февраль—мартъ.

3) См. напр. очень интересныя замѣчанія и историческіе примѣры, доказывающіе сдерживающій эффектъ наказанія у *Tarda*. *La philosophie pénale*. 1895, стр. 477—487.—Ср. *Schopenhauer*. *Parerga und Paralipomena*. (Hendel) II, 340; *Колоколовъ*. О покушеніи, стр. 186—197.

Какое же значеніе можетъ имѣть ученіе Толстого для той науки, которая вся строится на самомъ рѣзкомъ видѣ принужденія, на уголовной карѣ?

Значеніе громадное. Толстой съ необычайной силой, съ поразительной убѣдительностью, на которую способенъ только художникъ, показалъ, что всякое принужденіе, насиліе, а тѣмъ болѣе всякое крайнее проявленіе его—наказаніе—есть зло.

Уже и раньше многіе криминалисты говорили, что наказаніе есть мечъ безъ рукоятки, который ранить и того, кто его употребляетъ; иногда наказаніе прямо называли неправдой, зломъ. Но положенія эти или высказывались вскользь, или имъ придавались весьма ограничительныя толкованія, или изъ нихъ дѣлались невѣрные выводы, или, наконецъ, они не проводились строго послѣдовательно.

Послѣ сочиненій Толстого положеніе, что наказаніе есть ¹⁾, зло, *могущее* производить самыя печальныя эффекты, *могущее* дѣйствовать самымъ опаснымъ образомъ и на наказующаго, и на наказуемаго, и на окружающихъ, не можетъ возбуждать сомнѣній и должно лечь въ основу науки уголовнаго права, сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ этой науки.

Значеніе этого положенія станетъ для насъ еще болѣе яснымъ, когда мы вспомнимъ, что и теперь есть масса ученыхъ, которые считаютъ наказаніе актомъ высшей справедливости и возмездіе объявляютъ верховнымъ принципомъ уголовного права ²⁾.

Величайшіе умы человѣчества раздѣляли и раздѣляютъ эти воззрѣнія. Такъ, Кантъ, которому наука права обязана однимъ изъ лучшихъ брилліантовъ въ своей коронѣ,—принципомъ самоцѣльности свободной человѣческой личности,—Кантъ училъ, что если бы человѣчеству предстояло завтра погибнуть, то все-таки сегодня должны быть казнены содержащіеся въ тюрьмахъ убійцы, такъ какъ наказаніе не есть средство, а самоцѣль. Точно такое же въ сущности воззрѣніе имѣлъ и другой колоссъ человѣческой мысли—Гегель.

1) Ошибка Толстого заключается въ томъ, что онъ считаетъ наказаніе абсолютнымъ зломъ.

2) См. напр. большую статью Биркмейера (въ 48 томѣ Archiv für Strafrecht und Strafprocess)—по поводу предстоящей реформы германскаго уголовного процесса. Авторъ энергично и убѣжденно защищаетъ принципъ возмездія, какъ основной для уголовного права, высказываясь, между прочимъ, противъ условнаго осужденія.

И если даже такой изъ ряда выходящій умъ, какъ Чичеринъ, защищаетъ принципъ возмездія и на этомъ основаніи принципиально высказывается противъ весьма симпатичнаго института условнаго осужденія, то насъ не должно удивлять, что въ наукѣ довольно прочно держится еще то направленіе, благодаря которому криминалисты получили, по остроумному выраженію Фойницкаго, не совсѣмъ лестное прозвище «кнутобойцы».

Какъ часто еще можно слышать разсужденія о вредѣ гуманнаго отношенія къ преступнику, о томъ, что преступникъ, совершивъ преступленіе, обратился по отношенію къ государству въ безправное существо, съ которымъ, ради охраны общества отъ лихихъ людей, можно дѣлать все, что угодно ¹⁾ до «обезвреженія», «кастраціи» ²⁾ и т. п. Какъ сильна еще вѣра въ то, что наказаніе есть лучшее и самое надежное средство для борьбы съ преступностью! ³⁾.

А между тѣмъ *наказаніе есть только палліативъ*. Единственнымъ цѣннымъ для общества результатомъ наказанія является рядъ косвенныхъ вліяній въ видѣ поддержанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторитета закона, устрашенія, предупрежденія дикой саморасправы, иногда исправленія (соціальнаго) преступника, а главное—подавленія многихъ низкихъ инстинктовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ другіе мотивы дѣйствуютъ недостаточно: тутъ въ полномъ смыслѣ слова *similia similibus curantur* ⁴⁾.

¹⁾ Къ этой же категоріи явленій слѣдуетъ отнести защищаемые многими представителями „передовыхъ“ теченій въ наукѣ *неопредѣленные приговоры* въ ихъ крайнемъ видѣ: трудно придумать мѣру, болѣе рѣзкимъ образомъ нарушающую принципъ самоцѣльности личности.

²⁾ См. напр. *R. de Grasserie. Des principes sociologiques de la criminalologie*, 1901; а въ особенности статья *Näcke* въ первой книгѣ *Archiv für krimin. Anthropologie*.

³⁾ См. напр. павегирикъ наказанію въ работѣ *Löffler'a: Der Begriff der Verantwortlichkeit. (Bulletin de l'Union intern. de dr. pénal. VI)*.

⁴⁾ Многие еще увлекаются идеей *исправленія* посредствомъ наказанія. Думаю, что *Grolmann* въ своей книгѣ *Grundsätze der Kriminalwissenschaft*, вышедшей въ 1798 году, совершенно правильно высказался противъ исправленія въ нравственномъ смыслѣ, какъ цѣли наказанія, и что *Фейербахъ* не даромъ называется отцомъ науки уголовнаго права, доказавъ, что главнѣйшая цѣль наказанія заключается въ психологическомъ принужденіи (общее предупрежденіе, т.-е. въ концѣ-концовъ устрашеніе, конечно не въ смыслѣ „жестокости казней“). Моментъ исправленія и другіе моменты играютъ хотя и важную, но все-таки второстепенную роль.

И хотя наказаніе есть средство весьма грубое, хотя оно представляет собой лишь палліативъ, но къ сожалѣнію безъ него обойтись нельзя. Наказаніе представляет собою *квалифицированное принужденіе*, почему и не противорѣчитъ сущности права, такъ какъ принужденіе есть одна изъ существенныхъ гарантій права. Наказаніе, конечно, есть зло, но зло необходимое.

Теперь посмотримъ, какіе результаты получаются изъ только что сказаннаго.

Если наказаніе есть зло, если оно есть средство очень опасное *ultimum remedium* права, то очевидно, что *имъ надо пользоваться въ высшей степени бережно, осторожно, всегда имѣя въ виду тѣ многочисленные вредные эффекты, которые оно можетъ произвести* ¹⁾.

Было время, когда законодатель щедрою рукою разсыпалъ всевозможныя наказанія за каждый поступокъ, въ которомъ усматривалъ опасность для существующаго порядка вещей: уголовные кодексы пестрятъ свидѣтельствами, до какихъ заблужденій доходить человѣчество въ этой области. Еще и въ настоящее время можно встрѣтить обломки средневѣковыхъ воззрѣній, въ особенности въ отдѣлахъ преступленій религиозныхъ, половыхъ и государственныхъ.

Но чѣмъ дальше пойдетъ человѣчество на пути къ прогрессу, тѣмъ болѣе уголовные кодексы будутъ уменьшаться въ объемѣ. Глубоко вѣрно сказалъ Игерингъ, что область карательной репрессіи стоитъ въ обратномъ отношеніи къ совершенству правового порядка и зрѣлости народа, и знаменитая фраза его ²⁾: «исторія наказанія есть постепенное вымирание его», вовсе не есть парадоксъ. Конечно, мечтать о совершенномъ исчезновеніи уголовныхъ кодексовъ было бы утопией. Болѣе совершенный порядокъ общежитія можетъ создать даже нѣкоторые новые виды преступленій, до сихъ поръ еще неизвѣстные въ исторіи уголовного права ³⁾. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что

1) Необходимость перенесенія центра тяжести на предупрежденіе преступленій дѣлается такимъ образомъ еще яснѣе.

2) *Das Schuldmoment im Römischen Privatrecht.* 1867, стр. 4. Я совершенно не могу согласиться съ тѣмъ толкованіемъ этой мысли, какое даетъ *Сергѣевскій* (Русское угол. право. 1904, стр. 110, примѣч.).

3) Напр. нарушение *allgemeine Arbeitspflicht.* (A. Menger, l. c., 192).

тающую большую часть преступлений, известных современному праву; 2) значительная часть преступлений должна быть вычеркнута уже теперь из кодексовъ, составляя пережитокъ низшей ступени культуры ¹⁾; 3) чѣмъ культурнѣе будетъ дѣлаться человекъ, чѣмъ больше духовная сторона его будетъ развиваться, тѣмъ менѣе онъ окажется способнымъ къ совершению очень многихъ преступлений, и 4) чѣмъ лучше и полнѣе будетъ организована предупредительная дѣятельность и чѣмъ лучше будетъ обеспечено раскрытіе и немедленное осужденіе каждаго преступленія, тѣмъ менѣе будетъ ихъ совершаться.

Если ко всему сказанному прибавить развитіе институтовъ въ родѣ условнаго осужденія, то мы установимъ на самомъ солидномъ научномъ аргументѣ, что вполне возможно такое положеніе вещей, при которомъ уголовный кодексъ будетъ представлять собою очень небольшой списокъ преступлений, которыя очень рѣдко будутъ совершаться и еще рѣже будутъ влечь за собой дѣйствительное примѣненіе наказанія.

Посмотримъ теперь, какими путями наука права разрѣшаетъ одну изъ величайшихъ, я бы сказалъ—самой важной изъ всѣхъ своихъ проблемъ: обезвреженія наказанія и превращенія его въ средство для достиженія завѣтной цѣли исторіи культуры, превращенія *насилія* въ *право*.

I. Прежде всего *наука государственнаго права* старается найти такую организацию государственной власти, при которой всѣ темныя стороны этой власти, неизбежныя въ каждомъ дѣлѣ рукъ человеческихъ, были бы сведены къ минимуму. Эта наука старается создать власть, какъ выразительницу стремленія всего общества, какъ *разумную руководительницу его*, какъ охранительницу правъ каждаго гражданина. Твердо и неуклонно должна власть дѣлать свое великое культурное дѣло, мощною рукой охраняя правопорядокъ отъ всякихъ на него покушеній, но при этомъ ни на минуту не забывать, что «общества имѣютъ собственно реальное существованіе только въ личностяхъ ихъ составляющихъ» ²⁾, что основной задачей государственной дѣя-

¹⁾ Въ особенности, повторяю, этихъ пережитковъ много въ отдѣлахъ преступлений государственныхъ, религиозныхъ и половыхъ.

²⁾ *Арнольди*. Задачи пониманія исторіи. 1898. Стр. 31.—Не могу не привести здѣсь слѣдующихъ словъ Игеринга: Eine Nation ist schliesslich nur die Summe aller einzelnen Individuen und wie die einzelnen Individuen fühlen,

тельности должно быть не усиленіе могущества, а приобщеніе всѣхъ гражданъ безъ исключенія къ благамъ истинно культурной жизни, подготовленіе гражданъ къ идеальному общежитію, наконецъ, что общее благо есть лишь сумма благъ всѣхъ составляющихъ общество личностей.

Такая власть не будетъ руководиться узкими интересами, она будетъ понимать всю важность поднятія цѣнности и достоинства человѣческой личности. И изданные ею уголовные законы будутъ тогда продиктованы истинными, разумно понятыми потребностями правопорядка.

II. Лучшей и самой надежной руководительницей для власти при изданіи ею уголовныхъ законовъ служить *наука уголовнаго права*, но конечно не такая наука, которая занимается пересказомъ статей закона и учить, что преступленіе есть все то, что законодатель считаетъ нужнымъ объявить преступленіемъ.

И самое существованіе этой науки обусловлено существованіемъ такого страшнаго средства охраны правопорядка, какъ на-

denken, handeln, so fühlt, denkt, handelt die Nation. (Der Kampf um's Recht. 1895, 67). Въ 1901 году вышла замѣчательная книга проф. *Дююи*, L'état, le droit objectif et la loi positive, въ которой авторъ еще разъ доказалъ неправильность органической теоріи государства, дѣлающей изъ государства самостоятельную «нравственную личность» съ присущими ей специфическими требованіями. Не могу не обратить здѣсь вниманіе читателя на прекрасную книгу *H. Michel*. L'idée de l'état. 1896. *Еллинекъ* (I. с. 108): „Государство, такимъ образомъ, ни въ какомъ направленіи не представляется субстанціей, а исключительно функціей. Лежащей въ основѣ этой функціи субстанціей являются и всегда остаются только люди“ (ibid. 161): „Существенные продуктивные элементы всей культуры народа заключаются преимущественно въ самыхъ индивидахъ, а не въ государственномъ обществѣ“.—Ср. *Гегфдинъ*. Этика. 1898, стр. 334 и слѣд.; *Карпеевъ*. Историко-философскіе и социологическіе этюды. 1894, стр. 151—156; Основные вопросы философіи исторіи. 1887, т. II, кн. IV; *Тэнъ*. Соціализмъ какъ правительство. 1884, стр. 45, 47; *Чичеринъ*. Курсъ государственной науки. III, 133 и сл.; II, 4 — 10 et pass.; Собственность и государство, II, 33; Философія права, кн. I; *A. Meenger*. Neue Staatslehre. 1903, 29 et pass.; *Vacherot*. La Démocratie. 1860, 229, 233 et pass.; *Dupon-White*. L'individu et l'Etat. 1857, стр. LX; *Fouillée*. L'idée moderne du droit. 1897; La science sociale contemporaine. 1897; *Spencer*. The man versus the state. 1884; *Renouvier*. La science de la morale. 1869, II; *F. Paulsen*. System der Ethik. 1900, II, 595; *Франческо Нумми*. Основныя начала финансовой науки. 1904, стр. 18 и слѣд. *A. Voistel*. Cours de philosophie du droit. 1899, II, 159 и слѣд. *P. Leroy-Beaulieu*. L'état moderne et ses fonctions. 1900.

казаніе. Главнѣйшая задача науки заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, при наличности какихъ условій къ человѣку, свободной личности, носителю искры Божіей, носителю сознанія абсолютнаго, можетъ быть примѣнена высшая, самая рѣзкая форма принужденія (наказаніе есть квалифицированное принужденіе), поражающая человѣка въ самыхъ драгоцѣнныхъ его правахъ, такъ рѣзко противорѣчащая конечной цѣли культуры— всеобщему братству.

Наказаніе и есть тотъ принципъ, который объединяетъ собою извѣстную группу социальныхъ явленій и *даетъ основаніе для выдѣленія этой группы въ самостоятельную науку*. Такимъ образомъ для науки уголовного права основнымъ понятіемъ является понятіе наказанія, а не преступленія ¹⁾. Биндингъ доказалъ, что всякое правонарушеніе *можетъ быть* объявлено преступленіемъ ²⁾, а въ настоящее время ученіе о принципиальномъ единствѣ всякой неправды можно считать прочно установленнымъ, несмотря на все еще сильную оппозицію многихъ выдающихся ученыхъ ³⁾. Теорія принципиальнаго единства всякой неправды служить весьма солидной опорой защищаемому мною воззрѣнію о приоритетѣ понятія наказанія для науки уголовного права.

Однимъ изъ главнѣйшихъ слѣдствій этого воззрѣнія является признаніе неправильности тѣхъ направленій, которыя требуютъ расширенія границъ науки уголовного права и введенія въ эту

¹⁾ Совершенно правильно говоритъ *Гуго Мейеръ*: Der Grundbegriff des Strafrechts, d. h. derjenige Begriff, durch welchen sich das Strafrecht von allen übrigen Gebieten unterscheidet, ist nicht der Begriff der strafbaren Handlung, sondern der Strafe, von dem auch der Begriff der strafbaren Handlung abhängt. (Lehrbuch, 1895, 3).—Сравн. *I. Maus*. De la justice pénale. 1890, 43 и слѣд. Доводы защитниковъ противоположнаго воззрѣнія (напр. *M. Liepmann*. Einleitung in das Strafrecht. 1900, 3 и слѣд.)—не убѣдительны.

²⁾ Die Normen und ihre Übertretung. 1872, I, 173 и сл. (et passim.) Сравн. впрочемъ *Henke*. Handbuch d. Criminalrechts und Criminalpolitik. 1823. 183—253.

³⁾ См. прекрасную работу *A. Меркеля*. Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen (Krim. Abh.) Совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Л. Бѣлогриць-Котляревскій, что единая въ своемъ родовомъ понятіи неправда можетъ подраздѣляться на самостоятельные виды, имѣющіе свои особыя индивидуальныя черты. (Очерки курса угол. права, 1904 г., стр. 103). Въ своей работѣ „Понятіе преступленія“ („Вѣстникъ Права“. 1901, мартъ) я держался теоріи принципиальнаго различія неправды, но болѣе внимательное изученіе вопроса заставило измѣнить свое воззрѣніе.

науку, напр., «указанія необходимыхъ социальныхъ реформъ для предупрежденія преступлений». Изъ того, что криминалисть, какъ и каждый ученый, обязанъ на каждомъ шагу считаться со многими другими науками, изъ того, что всѣ области знанія составляютъ одно гармоническое цѣлое, отнюдь не слѣдуетъ, что нужно упразднить принципъ раздѣленія труда и изъ уголовного права создать всеобъемлющую науку, тракующую обо всемъ, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ преступленію. *Задача той области права, съ которой имѣетъ дѣло криминалисть, какъ таковой,—не предупреждать преступленія, а карать ихъ; уголовное право выступаетъ на сцену только тогда, когда исчерпаны всѣ средства и ставится вопросъ о примѣненіи послѣдняго, крайняго средства.* Опасность этого средства и создаетъ необходимость существованія особой науки, которая, несмотря на кажущуюся ограниченность своей области, должна рѣшить слишкомъ много самыхъ животрепещущихъ вопросовъ и потому никогда не потеряетъ права на существованіе.

Важнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ по отношенію къ каждому отдѣльному преступленію является слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли данное общественное явленіе столь опасно для общезжитія, дѣйствительно ли оно нарушаетъ такіе важные интересы, дѣйствительно ли исчерпаны всѣ другія средства для уничтоженія этого явленія, что государство вынуждено обратиться къ послѣднему, крайнему средству и объявить это общественное явленіе не только правонарушеніемъ, неправдой, но и *неправдой наказуемой*, т. е. преступленіемъ? ¹⁾

Только отвѣтивъ утвердительно на этотъ вопросъ, криминалисть можетъ перейти къ разрѣшенію остальныхъ, связанныхъ съ даннымъ преступленіемъ вопросовъ ²⁾.

Въ числѣ этихъ остальныхъ вопросовъ важное мѣсто зани-

¹⁾ Таганцевъ (Русск. угол. право. 1902, I, 272) находитъ, что неправда наказуемая есть лишь видовое понятіе уголовной неправды. Изъ сказаннаго въ текстѣ и изъ принятаго самимъ Таганцевымъ ученія о принципиальномъ единствѣ неправды слѣдуетъ придти къ выводу о неудачности указанной терминологіи: если за данное правонарушеніе законодатель не грозитъ наказаніемъ, объ уголовной неправдѣ не можетъ быть и рѣчи. Неправда наказуемая и неправда уголовная—понятія тождественныя.

²⁾ Сравн. замѣчанія П. Пусторослева. „Программа лекцій по общей части русскаго угол. права“, 1904, стр. 51 и слѣд.

маеть вопросъ о наказаніи, находящійся въ связи съ общими вопросами, относящимися къ основному понятію уголовного права. Изъ защищаемаго мною воззрѣнія слѣдуетъ, что хотя арсеналь средствъ причинять человѣку страданія неистощимъ, законодатель не долженъ пользоваться такими средствами, которыя представляютъ слишкомъ большую опасность для достиженія конечной цѣли культуры, слишкомъ рѣзко противорѣчатъ этой цѣли, которыя несомнѣстимы съ уваженіемъ къ личности, съ признаніемъ наказанія лишь необходимымъ зломъ. *Наказаніе должно быть проникнуто не тѣми началами, съ которыми оно борется, а наоборотъ — тѣми, во имя которыхъ оно борется.* На этой почвѣ можно разрѣшить, думается мнѣ, одинъ изъ жгучихъ вопросовъ уголовного права — вопросъ о смертной казни, а также вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Если смотрѣть на наказаніе, какъ на самоцѣль, на актъ высшей справедливости, если стать на исключительную точку зрѣнія охраны общества отъ лихихъ людей, если понимать принципъ устрашенія въ его наиболѣе грубой формѣ, то всѣ доводы противъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній будутъ или не достигать цѣли, или даже бить дальше цѣли.

Съ защищаемой мною точки зрѣнія, эти наказанія, укрѣпляя въ обществѣ привычку къ физическому насилию, способствуя развитію наиболѣе дикихъ и грубыхъ сторонъ человѣческой природы, будучи лишены малѣйшей тѣни уваженія къ личности, — должны быть, какъ остатки варварства, вычеркнуты изъ кодексовъ, хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ они и оказывались цѣлесообразными. Тутъ государственная власть, имѣя въ виду серьезные интересы высшаго порядка, должна пожертвовать мимолетными выгодами, которыя представляетъ удержаніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній въ списокѣ карательныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ списокѣ остаются мѣры, обладающія весьма значительной репрессіей, эффектъ которой можетъ быть увеличенъ до максимума при рациональной организаціи отбытія наказанія, а также при рациональной организаціи полиціи и уголовного процесса, обезпечивающихъ быстрое обнаруженіе преступника, немедленное осужденіе его и обращеніе приговора къ исполненію.

По поводу смертной казни и тѣлесныхъ наказаній не могу не сдѣлать еще слѣдующихъ замѣчаній.

Кистяковскій въ своемъ изслѣдованіи о смертной казни (изд. 1896 г., стр. 268 и сл.), относясь отрицательно къ «отвлеченно-схоластическимъ» разсужденіямъ, находитъ, что «вопросъ о смертной казни можно рѣшить только тогда, когда мы признаемъ верховнымъ судьей и рѣшителемъ совершившійся и совершающійся фактъ, или, что одно и то же—прошедшую и настоящую жизнь человѣчества». Между тѣмъ историческое изученіе вопроса даетъ намъ только слѣдующій результатъ: смертная казнь въ кодексахъ удержалась за самыя тяжкія преступленія, очистилась отъ жестокостей и стала совершаться не публично. Но вѣдь этого-то и требуютъ наиболѣе солидные защитники смертной казни. Очевидно, что для рѣшенія вопроса о смертной казни требуются иныя, болѣе соотвѣтствующія наукѣ основы, чѣмъ «совершившіеся и совершающіеся факты». Сергѣевскій («Русское уголовн. право», 1904, стр. 132) говоритъ, что, «несмотря на всю свою бесплодность (1), философско-метафизическая постановка вопроса не сошла со сцены и до нашихъ дней», и что для рѣшенія вопроса о смертной казни надо обратиться «къ опыту, къ практикѣ» (стр. 133). Между тѣмъ, если мы перевернемъ назадъ пять страницъ и обратимся къ тому мѣсту, гдѣ авторъ аргументируетъ противъ смертной казни, то мы увидимъ слѣдующія строки, подъ которыми обѣими руками подпишется каждый метафизикъ: «Государство существуетъ для людей, а не люди для государства... Выше личности человѣка нѣтъ ничего въ современномъ государствѣ; она есть отправной пунктъ и центръ, около котораго вращается вся государственная дѣятельность. Поэтому, общимъ и основнымъ принципомъ для новаго государства является охраненіе жизни гражданъ. На этомъ основаніи мы должны прямо признать, что смертная казнь въ современномъ государствѣ противорѣчитъ его существенной чертѣ». Что представляютъ собою эти строки, какъ не «философско-метафизическую постановку вопроса? И выходитъ, что гони философію въ дверь, она войдетъ въ окно. Иначе и быть не можетъ. И историческое, и социологическое, и формально-юридическое изслѣдованія вопроса должны быть произведены для полноты и всесторонности его изученія, но сами по себѣ они не могутъ дать ключа къ его рѣшенію. И здѣсь, и вообще въ каждомъ другомъ вопросѣ юридической науки, этотъ ключъ можетъ дать только философія. Она, конечно, не можетъ указать

средствъ для достиженія цѣлей (это дѣло специальныхъ дисциплинъ), но она служитъ вѣрнымъ и надежнымъ критеріемъ для оцѣнки средствъ, она служитъ маякомъ, освѣщающимъ темные, извилистые и трудные пути науки, спасаетъ мысль отъ преклоненія передъ совершившимися фактами, какъ бы они ни претили нашему нравственному чувству.

Если разсматривать смертную казнь съ точки зрѣнія тѣхъ свойствъ, которыми должно обладать наказаніе, то почва подъ нею окажется довольно прочной: смертная казнь и репрессивна, и обезпечительна и индивидуальна, и экономична, и имѣетъ самую ближайшую по времени связь съ преступленіемъ, равна для всѣхъ классовъ общества (неотмѣнимость—аргументъ непринципiальный). Историческіе результаты изученія вопроса указаны выше. И только съ постановкой вопроса на философскую почву дѣло совершенно мѣняется и смертная казнь, такъ легко одерживающая побѣды надъ всѣми аргументами—и юридическими, и историческими, оказывается безсильной передъ короткимъ, но глубоко-содержательнымъ аргументомъ: она антикультурна. *Она именно отражаетъ въ себѣ тѣ начала, съ которыми призвано бороться наказаніе, а не наоборотъ.* Она противорѣчитъ принципу уваженія къ жизни человѣка, противорѣчитъ признанію безусловной необходимости уничтоженія всякаго пролитія крови, всякаго убійства, какъ конечной цѣли культуры.

Все это въ еще бѣльшей степени относится къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Если отрѣшиться отъ этического момента, можно научно констатировать, что при извѣстныхъ мѣстныхъ и временныхъ условіяхъ тѣлесныя наказанія оказываются цѣлесообразными и что они обладаютъ, подобно смертной казни, многими положительными качествами. Но съ появленіемъ на сцену высшихъ этическихъ критеріевъ (удалить которые изъ юридической науки можно только искусственно, временно, для чисто-методологическихъ цѣлей), дѣло принимаетъ другой оборотъ. Если путемъ наказанія законодатель желаетъ искоренить дикость, грубость, звѣря въ человѣкѣ, то цѣли этой онъ никогда не достигнетъ, если избранная имъ форма наказанія сама есть проявленіе дикости, способна укрѣплять привычку къ физическому насилию, способствовать униженію достоинства личности, огрублять нравы. А всѣмъ этимъ въ наиболѣе высокой степени обладаетъ тѣлес-

ное наказаніе. Примѣняя его, государство одною рукою разрушаетъ то, что создаетъ другою и получается безплодная Сизифова работа.

Итакъ, уголовный кодексъ, эта, по чрезвычайно мѣткому выраженію Листа 1), Magna Charta преступника, представляетъ собою *исчерпывающій* списокъ всѣхъ дѣяній, за которыя гражданинъ можетъ быть подвергнутъ наказанію. Въ этотъ списокъ занесены только такія дѣянія, необходимость внесенія которыхъ санкціонировала наука уголовного права; стало быть относительно каждаго преступленія государственная власть можетъ со спокойной совѣстью сказать, что лишь крайняя необходимость заставила ее прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, какъ угроза наказаніемъ.

Наконецъ, уголовный кодексъ въ спискѣ карательныхъ мѣръ имѣетъ только рекомендованныя наукой мѣры, т.-е. мѣры дѣйствительно цѣлесообразныя и разумныя, не могущія способствовать огрубѣнію нравовъ и униженію достоинства личности.

Такой уголовный кодексъ вовсе не будетъ оскорблять правосознаніе культурной, руководящей части общества, а, напротивъ, можетъ сослужить большую службу законодателю, особенно рельефно подчеркивая несомѣстимость извѣстныхъ дѣяній съ истинно-культурнымъ порядкомъ 2), создавая усиленную охрану особенно цѣнныхъ съ культурной точки зрѣнія благъ.

Между прочимъ старый принципъ *nullum crimen nulla poena sine lege*, подъ который подкапываются нѣкоторые «новаторы» науки уголовного права, получаетъ еще большую крѣпость и непоколебимость, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правъ личности. Никакимъ соображеніемъ общественной пользы нельзя оправдать примѣненія къ человѣку наказанія за дѣяніе, которое не предусмотрено въ ясныхъ, точныхъ и не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній опредѣленіяхъ закона. Предоставленіе суду права расширять область наказуемыхъ дѣяній (хотя бы только по аналогіи) было бы характернымъ симптомомъ попятнаго движенія культуры. Нисколько не умаляя значенія творческой роли суда въ процессѣ образованія права, я самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь противъ такого творчества, которое ничѣмъ

1) Kriminalpolitischen Aufgaben. Гл. IX.

2) Ср. дѣльную книгу проф. *Владимірова*. „Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа“.

въ сущности не отличается отъ произвола и притомъ произвола самаго опаснаго свойства.

Между прочимъ изъ принципа *nulla poena sine lege* слѣдуетъ, что государство не имѣетъ права подвергать преступника большому наказанію, чѣмъ то, которое указано въ нарушенномъ уголовномъ законѣ.

Существуетъ теорія, по которой, если во время производства въ судѣ дѣла выходитъ новый законъ, карающій, напр., смертной казнью преступленіе, за которое старый грозилъ только выговоромъ, судъ обязанъ примѣнить новый законъ: «Съ точки зрѣнія юридической,—говорить одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой теоріи, Таганцевъ ¹⁾, — можно говорить развѣ о правахъ, которыя рождаются отъ преступленія для государства и потерпѣвшаго, а не о правахъ преступника, такъ какъ для него существуютъ только «*obligationes ex delicto*». Изъ факта совершенія преступленія возникаетъ для преступника обязанность подчиниться наказанію, а какое наказаніе государство считаетъ въ каждую данную минуту наиболѣе цѣлесообразнымъ, до этого преступнику нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ «въ борьбѣ права съ неправомъ оружіе выбирается государствомъ и притомъ имъ однимъ, *нисколько не стѣсняясь приобретенными подданными правами на наказаніе вообще или на извѣстный его родъ въ частности*» (Биндингъ).

Итакъ, по этой теоріи преступникъ есть совершенно безправное существо, съ которымъ можно дѣлать все, что угодно. Уголовное «право» есть право, но не только для него. Существуютъ права для государства, для потерпѣвшаго, для свидѣтелей, а для преступника—только *obligationes ex delicto*. И если бы преступникъ сказалъ государству: «рѣшившись на это преступленіе, я взвѣсилъ всѣ шансы за и противъ, и нашель, что для меня будетъ выгоднѣе отбыть въ крайнемъ случаѣ высшую мѣру наказанія; если бы я зналъ, что за это преступленіе законъ будетъ грозить такимъ строгимъ наказаніемъ, я бы никогда не совершилъ преступленія»,—то ему отвѣтили бы: «ты нарушилъ не уголовный законъ, а *норму*, воспреещающую совершонное тобой дѣяніе; уголовный же законъ существуетъ вовсе не для тебя, а для судьи, который долженъ назначить тебѣ наказаніе».

¹⁾ Русск. угол. пр. 1902. I, 270 и сл.

Изложенная теорія находится въ самой тѣсной связи съ извѣстной Normentheorie, въ которой она и имѣетъ свою теоретическую опору. Здѣсь, конечно, не мѣсто подвергать подробному разсмотрѣнiю Normentheorie. Для моей цѣли достаточно, что уже только что приведенный логическiй выводъ изъ этой теорiи заставляеть сильно усомниться въ правильности ея. И дѣйствительно, несмотря на защиту Normentheorie нѣкоторыми выдающимися учеными, она представляется мнѣ искусственной и не выдерживающей критики: если уголовный законъ назначаетъ за извѣстное дѣяніе то или иное наказаніе, онъ тѣмъ самымъ *запрещаетъ* это дѣяніе, а слѣдовательно преступникъ, совершая преступленіе, нарушаетъ этотъ запретъ, т.-е. уголовный законъ. Уголовный законъ есть единое цѣлое, диспозиція и санкція его, находятся въ неразрывной логической связи. Пока не было уголовного закона, карающаго убійство, «норма», воспрещающая посягательство на жизнь—«не убій»—была *нравственной нормой* а не *юридической* ¹⁾.

1) Не могу не указать на противорѣчіе, допущенное однимъ изъ сильнѣйшихъ защитниковъ оспариваемой въ текстѣ теорiи, Таганцевымъ. Соглашаясь на стр. 270—274 (Русск. угол. право. 1902, I) съ Биндингомъ, что преступникъ вовсе не занимается вычислениями о гразящемъ ему наказаніи, утверждая, что законъ, карающій 15-тилѣтней каторгой убійство, говоритъ только: „не убивай“, а не „не убивай, ибо за этимъ послѣдуетъ каторга на столько то лѣтъ“, г. Таганцевъ на стр. 914 пишетъ: „учиненію преступнаго факта верѣдко предшествуетъ обстоятельное обсужденіе всѣхъ шансовъ за и противъ“; на стр. 917: „Несомнѣнно, что самое обнародованіе закона, *воспрещающаго извѣстное дѣяніе* подъ страхомъ наказанія, или опредѣляющаго условія и размѣры отвѣтственности... играетъ свою роль въ правоохранительной дѣятельности государства, въ особенности въ значеніи наставительно предупредительной мѣры по отношенію къ лицамъ, склоннымъ къ преступленію. Столь же неосновательно предполагать, что запретъ и угроза закона не могутъ имѣть никакого задерживающаго значенія, ибо это также опровергается жизненнымъ опытомъ“. Далѣе съ теорiей, развитой на стр. 270—274 не вяжется совершенно правильное утвержденіе, напр., на стр. 1401, что нельзя смотрѣть на наказаніе исключительно какъ на мѣру воздѣйствія на преступника, а надо имѣть въ виду интересы *общей* превенціи, интересы потерпѣвшаго и общества.—Наконецъ, какъ согласить высказанный на стр. 270—271 суровый взглядъ на преступника, какъ на совершенно безправное существо, для котораго существуютъ только obligationes ex delicto, съ прекрасной защитой объективнаго момента наказуемости, съ необходимостью признавать личность, обладающую правами, въ преступникѣ (стр. 921)?²⁾ Очевидно, можетъ быть только одно изъ двухъ: или уголовное *право*, т.-е.

III.

Мы познакомились съ двумя факторами превращенія *насилія въ право*. Переходимъ къ третьему, *едва ли не самому важному* ¹⁾.

Принудительныя функціи власти (самое рѣзкое проявленіе этихъ функцій—наказаніе),—функціи, благодаря которымъ власть имѣетъ столько принципіальныхъ противниковъ, функціи, столь опасныя и могущія такъ легко выродиться въ голое насиліе, очевидно нуждаются въ самыхъ тщательныхъ гарантіяхъ, для того, чтобы служить праву и только одному праву.

Когда государство предъявляетъ къ гражданину обвиненіе въ совершеніи одного изъ перечисленныхъ въ уголовномъ кодексѣ дѣяній, когда гражданину грозятъ тяжкія послѣдствія въ видѣ примѣненія къ нему крайней мѣры охраны правопорядка, когда такимъ образомъ *возникаетъ споръ между гражданиномъ и государствомъ*,—кто и какимъ образомъ долженъ рѣшить этотъ острый и въ высшей степени важный вопросъ?

Совершено ли данное преступленіе, было ли оно совершено именно обвиняемымъ, дѣйствительно ли совершенное есть одно изъ перечисленныхъ въ кодексѣ преступленій, должно ли совершенное быть вмѣнено обвиняемому, заслуживаетъ ли обвиняемый наказанія и въ какой мѣрѣ—все это такіе серьезные вопросы, что разрѣшеніе ихъ должно быть обставлено наилучшими гарантіями открытія истины.

Но этого еще мало. Необходимы гарантіи, что при разрѣшеніи только что указанныхъ вопросовъ обвиняемый не превратится въ простой объектъ изслѣдованія, что въ немъ будетъ ува-

заключеніе карательной дѣятельности въ границы, которыхъ она переступать не можетъ, признаніе, что фактъ совершенія преступленія порождаетъ и для преступника извѣстныя права (напр., не быть наказаннымъ строже, чѣмъ, быть можетъ, рассчитывалъ преступникъ, взвѣсивая всѣ шансы за и противъ),—или полное поглощеніе личности государствомъ, превращеніе преступника въ объектъ, съ которымъ нечего церемониться, т.-е. упраздненіе *права*.

¹⁾ *Глазеръ* (Handbuch des Strafprozesses. 1883, I, 43) нисколько не преувеличиваетъ, говоря, что отъ соотвѣтствія уголовного процесса своей цѣли общественное благо зависитъ быть можетъ болѣе, чѣмъ отъ чего-либо другого.—Ср. *Таганцовъ*. Карательная дѣятельность государства и ея границы. Жур. Гр. и Угол. Права. 1882, I, 47; *Гузъ-Глуцекъ*. О судѣ присяжныхъ. 1865, 214—215.

жаться личность, что эта личность будетъ признаваться спорящей стороною, обладающей такими же правами, какъ и другая сторона, т.-е. государство ¹⁾, наконецъ, что этотъ споръ будетъ рѣшенъ безпристрастнымъ третьимъ, *вполнѣ компетентнымъ для порученія ему столь ответственной задачи.*

Уголовный процессъ—вотъ наука, благороднѣйшею цѣлью которой и является созданіе всѣхъ перечисленныхъ выше гарантій, ихъ обоснованіе и указаніе наилучшихъ путей для проведенія этихъ гарантій въ законодательство.

Наука эта показываетъ намъ, что вѣковой опытъ человѣчества создалъ для разрѣшенія приведенныхъ выше вопросовъ, для разрѣшенія спора между государствомъ и гражданиномъ особый органъ государственной власти—*судъ.*

Разсматривая ученіе о функціяхъ государства, Еллинекъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ попытокъ классифицировать эти функціи, прочное значеніе получило только различеніе трехъ главнѣйшихъ функцій государственной власти: законодательства, управленія (администраціи) и суда. «Другія эфемерныя классификаціи потеряли свое значеніе въ силу того же прогрессирующаго проникновенія въ истинную сущность государства, приведшаго къ торжеству единственно правильнаго воззрѣнія ²⁾».

Напрасно только Еллинекъ (стр. 399) утверждаетъ, что рѣзкаго матеріальнаго признака, который отличалъ бы юстицію отъ управленія, не существуетъ и не можетъ существовать. Съ этимъ утвержденіемъ совершенно не вяжутся дальнѣйшія замѣчанія его. Такъ на стр. 404—5 читаемъ: «Такъ какъ *внутренне различное* всегда стремится проявить это различіе во внѣ, то представляется, правда, естественнымъ, что различныя функціи имѣютъ тенденцію проявляться въ различныхъ органахъ. Раздѣльности функцій соотвѣтствуетъ раздѣленіе труда между органами». На стр. 406: «Защита права... выступаетъ какъ особая функція, отличная отъ всей остальной государственной дѣятельности это-

¹⁾ Il faut que cette lutte solennelle, qui s'engage entre l'accusé et la puissance publique, ne subisse aucune autre influence, que celle de la justice.—F. Helie. Traité de l'instr. criminelle. 1845, I, 5.

²⁾ L. c. 395. Ср. Saint Girons. Essai sur la séparation des pouvoirs. 1881. Duguit. „La séparation des pouvoirs et l'assemblée nationale de 1789“. 1893. A. Boistel. Cours de philosophie du droit. 1899, II, 401—406.

го рода». На стр. 409: «Благодаря тому, что было познано различіе *матеріальных* функций, требовали, и все въ большей мѣрѣ проводили раздѣленіе ихъ между соотвѣтственными органами... Дифференціація управленія и суда все прогрессируетъ».

И дѣйствительно, теоретически администрація и судъ раздѣлены очень рѣзкими и отчетливыми признаками, которые не допускаютъ смѣшенія этихъ двухъ областей дѣятельности государства.

Управленіе (администрація, правительственная власть въ тѣсномъ смыслѣ)—это самая обширная и сложная область съ многочисленными задачами и необъятнымъ почти содержаніемъ¹⁾. Дѣятельность ея направлена на обезпеченіе «культурнаго развитія народа, обезпеченія наиболѣе благопріятныхъ условій возможно полнаго удовлетворенія потребностей его духовнаго и матеріальнаго существованія»²⁾.

Это въ высшей степени активная, гибкая, насквозь проникнутая инициативой и принципомъ цѣлесообразности сила, ведущая общество къ благу.

Гораздо проще дѣятельность другой великой культурой силы—законодательства. Оно лишь намѣчаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ планъ той громадной работы, которую должна выполнять администрація, указываетъ общіе принципы для всей государственной жизни.

И, наконецъ, еще проще дѣятельность третьей великой культурной силы—суда. *Охрана права*—вотъ единственная исключительная его задача.

Какимъ же признакомъ отличается дѣятельность суда, направленного къ охранѣ права, отъ дѣятельности администраціи, имѣющей между прочимъ такую же цѣль?

Въ своей прекрасной монографіи о судебной власти³⁾ проф.

¹⁾ См. прекрасныя замѣчанія у *Еллинека* I. с. 407—8.—Авторъ указываетъ на то, что управленіе есть исторически основная функция, къ которой лишь впоследствии присоединяется, или отъ которой обособляется законодательство и отправленіе правосудія.—Едва ли правъ *Эсменъ* („Общія основы конституціоннаго права“, 1898, стр. 266), утверждая, что судебная власть старѣе всѣхъ остальныхъ, т.-е. появилась тогда, когда другихъ еще не было.

²⁾ *Дерюжинскій*. Полицейское право. 1902, 2.

³⁾ *Du pouvoir judiciaire et de son organisation en France*. 1878.

Jousserandot говорить, что признакомъ, отличающимъ судебную дѣятельность отъ остальныхъ, является *споръ о правѣ*. Пока не возникаетъ этого спора, суду нечего дѣлать. Но какъ только возникаетъ споръ о правѣ между частными лицами, или между частными лицами и государствомъ, споръ, въ которомъ какая-нибудь сторона утверждаетъ, что ея права нарушены,—на сцену для окончательнаго и авторитетнаго рѣшенія этого спора выступаетъ судъ.

Jousserandot называетъ административную юстицію юридической неслѣпостью: споръ о правѣ изъемлетъ изъ вѣдѣнія суда подлѣ предлогомъ *особеннаго содержанія* предмета спора. Между тѣмъ признакомъ, раздѣляющимъ дѣятельность суда и администраціи, является не *содержаніе дѣла*, а *споръ*. Такимъ образомъ администрація становится судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ; ничего не можетъ быть опаснѣе для правъ личности». (I. с., стр. 23—29) ¹⁾.

Теорія Jousserandot имѣетъ большую научную цѣнность ²⁾. Но при всей своей правильности она нуждается въ существенномъ дополненіи.

Есть еще одинъ важный моментъ, который обусловливаетъ необходимость существованія судебной власти и проводитъ рѣзкую границу между дѣятельностью суда и администраціи. *Этотъ моментъ заключается въ распоряженіи принудительными функціями власти. Только судъ имѣетъ право распоряжаться этими функціями. Въ рукахъ суда сосредоточивается такимъ образомъ монополія при мѣненія силы, долженствующей служить праву.*

Этому положенію нисколько не противорѣчитъ область т. наз.

¹⁾ Объ административной юстиціи, совершенно неизвѣстной англійскому праву, см. прекрасныя замѣчанія у *Дайси* (I. с., 153, 245—267 et passim). Названіе „административный судъ“ не должно вводить въ заблужденіе, говоритъ авторъ: эти „суды“ носятъ правительствующій характеръ, смотрятъ на дѣла съ нравственной точки зрѣнія и рѣшаютъ ихъ въ иномъ духѣ, чѣмъ суды (253).—Ср. *Чичеринъ*. Курсъ государств. науки. I, 322; III, 412; *Picot*. La réforme judiciaire en France. 1881, 221—224.

²⁾ Между прочимъ изъ этой теоріи слѣдуетъ неправильность отнесенія къ вѣдѣнію суда т. наз. безспорныхъ, охранительныхъ и т. п. дѣлъ. Наша практика знаетъ производство въ судахъ массы дѣлъ, съ которыми въ сущности суду дѣлать нечего, наприм., направленіе въ судъ дѣлъ о преступленіяхъ, неизвѣстно кѣмъ (за необнаруженіемъ виновнаго) совершонныхъ „для прекращенія“. „Нѣтъ спора, нѣтъ и судьи“. (Игерингъ. Цѣль въ правѣ. 1881. стр. 288).

полиции безопасности. Принципъ судебной монополіи принужденія отнюдь не значитъ, что если, напримѣръ, городской видитъ разбойника, желающаго зарѣзать челоуѣка, то онъ долженъ сначала отправиться къ судѣ и получить приказъ объ арестѣ. Само собою разумѣется, что полиція имѣетъ и должна имѣть право употреблять и принудительныя мѣры для предупрежденія преступленій ¹⁾).

Но, во-первыхъ, всѣ эти мѣры должны быть сведены къ минимуму, должны примѣняться лишь въ предѣлахъ крайней необходимости, должны быть обставлены цѣлымъ рядомъ гарантій ²⁾, а, во-вторыхъ, и это самое важное—всѣ эти мѣры *должны подлежать судебному контролю*. Такимъ образомъ *окончательная санкція ихъ зависитъ отъ суда, какъ отъ единственнаго органа власти, уполномоченнаго распоряжаться принудительными средствами охраны правопорядка*.

Классическимъ образцомъ того, какъ можно сочетать принципъ судебной монополіи принужденія съ широкими полномочіями полиціи служитъ Habeas Corpus Act въ связи съ дополняющими его правилами, по которымъ каждое должностное лицо отвѣтственно передъ судомъ за всякое нарушеніе права гражданина. «Если бы министръ внутреннихъ дѣлъ арестовалъ незаконно кого-нибудь, то административный характеръ ареста, политическія соображенія, положеніе министра не оправдали бы его передъ судомъ, такъ же, какъ и полицейскихъ, исполнявшихъ приказъ министра» ³⁾, помимо того, что незаконно арестованный былъ бы въ силу Habeas Corpus Act'a *немедленно освобожденъ* судомъ.

Жизнь знаетъ еще и другіе случаи, когда власть употребляетъ противъ гражданъ силу безъ всякаго участія суда, но эти случаи нисколько не подрываютъ правильности защищаемой мною теоріи судебной монополіи принужденія.

1. Первая категорія этихъ случаевъ—это наложеніе въ административномъ порядкѣ на гражданина извѣстнаго рода взыска-

¹⁾ Возраженія, которыя сдѣлалъ мнѣ по этому поводу проф. Пусторослевъ („Отзывъ о сочиненіи Г. В. Михайловскаго.—Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовного процесса“. 1903)—плодъ недразумѣнія.

²⁾ См., наприм., R. Mohl. Die Polizei-Wissenschaft. 1845, III, 26 и сл., а также и Н. Тарасова. „Полицейскій арестъ“ въ VII томѣ Сборн. Госуд. Зн.

³⁾ Дэйси, 1. с., 212.

ній за спеціальныя проступки съ предоставленіемъ права неподчиниться постановленіямъ администраціи и требовать судебного разбирательства дѣла. Таковы, напримѣръ, у насъ штрафы, налагаемые администраціей за нѣкоторыя акцизныя и паспортныя правонарушенія; таковы стт. 454—458 германскаго устава угол. судопр., предоставляющія въ извѣстныхъ случаяхъ полиціи право постановлять опредѣленія о наложеніи на гражданъ легкихъ наказаній.

Не говоря уже о принципиальной неправильности этихъ порядковъ ¹⁾, достаточно имѣть въ виду право гражданъ не подчиняться карательнымъ постановленіямъ администраціи и требовать судебного разбирательства, чтобы не считать указанныхъ случаевъ подрывающими правильность принципа судебной монополии принужденія: предоставленіемъ гражданамъ этого права сама власть какъ нельзя лучше доказываетъ правильность названнаго принципа.

2. Вторая категорія—наложеніе на гражданъ наказаній администраціей безъ права требовать судебного разбирательства. Таковы, напримѣръ, наши Временныя правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Опять-таки и здѣсь уже само названіе «Временныя» показываетъ, что правительство хорошо сознаетъ несомѣстимость такихъ правилъ съ нормальнымъ строемъ правовой жизни. И хотя въ настоящее время есть еще много практическихъ дѣятелей администраціи, вѣрящихъ въ спасительность административныхъ каръ, но въ наукѣ давно уже сдѣлалось аксіомой, что «все то, что причиняетъ гражданину страданіе физическое или моральное, всякое стѣсненіе или ограниченіе свободы, всѣ виды запрещенія жить въ данномъ мѣстѣ, повелѣніе не оставлять и не выѣзжать изъ города, деревни, или мѣстности, отдача подъ надзоръ полиціи, выговоръ, замѣчаніе или предупрежденіе—все это, будучи по-своему существу наказаніями, какія бы имена имъ не прикладывались, какія бы основанія подъ нихъ не подводили, кромѣ основаній уголовного права, можетъ быть опредѣляемо только судомъ, однимъ судомъ и никѣмъ другимъ, какъ только судомъ» ²⁾.

1) Объ этой неправильности см. мою работу „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго угол. процесса“.

2) Проф. А. Кистяковскій. „Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду?“ Сбор. Госуд. Зн.,

И дѣйствительно, только такой порядокъ обезпечиваетъ соблюденіе великаго принципа свободы и самоцѣльности личности, этой движущей силы исторіи, источника всей общественной жизни, цѣли, для которой существуетъ общественный организмъ. «Вся наша современная культура,—говоритъ Еллинекъ (I. с., 152),—основана между прочимъ на убѣжденіи, что власть государства имѣетъ границы, что мы не подчиненные безгранично всемогущей власти государственные рабы»¹⁾.

Такая обезпеченность личности возможна только при твердомъ законномъ порядкѣ, охраняемомъ судомъ. Справедливо говоритъ Геффдингъ, что одна только сила въ своемъ чистомъ видѣ представляетъ самую необезпеченную связь²⁾. А вотъ замѣчательныя слова такого глубокаго мыслителя, какъ Б. Н. Чичеринъ: «Уваженіе къ закону, когда оно утверждается долгой практикой и входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя». «Нельзя съ достаточной силой выразить то высокое значеніе, которое имѣетъ для государственной жизни развитіе права и тѣ неисчислимыя выгоды, которыя оно приноситъ. Право служить первую и главную охраной человѣческой личности и всего того, что ей принадлежитъ. Ограждая человека отъ насилія, оно даетъ ему увѣренность въ прочности его бытія, обезпеченность будущаго и вмѣстѣ силы для дѣятельности. Съ другой стороны, внушая человѣку сознаніе своей силы, чувство права возвышаетъ нравственное его достоинство...» Административной власти долженъ быть предоставленъ достаточный просторъ для охраненія общественнаго порядка и для исполненія тѣхъ мѣръ, которыя требуются совокупными интересами государства и общества, но когда въ своей дѣятельности она сталкивается съ правами гражданъ, она должна прибѣгать къ содѣй-

IV, 155. Необходимо замѣтить, что въ вопросахъ подобнаго рода голосъ Кистяковскаго имѣетъ очень большое значеніе, т. к. этотъ криминалистъ, по справедливому замѣчанію проф. Л. Бѣлогриць-Котляревскаго («Очеркъ научной дѣятельности А. О. Кистяковскаго. 1885»)—не имѣетъ соперниковъ въ русской наукѣ по вопросамъ уголовной политики.

¹⁾ См. прекрасныя замѣчанія у Тэна. Соціализмъ какъ правительство. 1884. 45—47, а также слѣдующую мысль Паульсена. „De Staat zieht sich von dem Gebiet des geistig-persönlichen Lebens mehr und mehr zurück, dagegen dehnt er seine Thätigkeit auf dem Gebiete des wissenschaftlich-gesellschaftlichen Lebens mehr und mehr aus“. (System der Ethik, II, 595).

²⁾ „Этика“. 1898, стр. 333.—Ср. Еллинекъ. I. с., 120—124.

ствію суда. И съ своей стороны граждане должны имѣть право прибѣгать къ защитѣ суда въ случаѣ притѣсненій; иначе они отдаются въ жертву административному произволу»¹⁾.

Система административныхъ каръ можетъ существовать только на низшихъ ступеняхъ развитія государственной жизни, гдѣ личность оцѣнивается еще очень низко и гдѣ все приносится въ жертву ложно понятому принципу усиленія власти. Облеченіе администраціи правомъ наказывать гражданъ, т.-е. передача ей самыхъ важныхъ судебныхъ функций, равносильно признанію ненужности суда. А такое признаніе самымъ роковымъ образомъ влечетъ за собой безграничный произволъ власти со всѣми печальными послѣдствіями такого произвола: всѣ общественныя отношенія дѣлаются шаткими, неопредѣленными, никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, чувство законности утрачивается, развивается приниженность и рабскіе инстинкты, нравы дичають, всѣ привыкають жить только настоящимъ, не брезгая никакими средствами для доставленія себѣ расположенія сильныхъ, идеальные интересы, человеческое достоинство превращаются въ пустые звуки и государство превращается въ то *magnum latrocinium*, о которомъ говоритъ бл. Августинъ, какъ о неизбѣжномъ послѣдствіи отсутствія суда.

Закончу разсмотрѣніе этого вопроса словами проф. Таганцева, — словами, имѣющими тѣмъ большее значеніе, что авторъ ихъ, какъ первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената, близко стоитъ къ практической жизни, знакомъ съ дѣломъ государственной политики на основаніи лучшихъ источниковъ. «Почему административный чиновникъ можетъ прозрѣть и увѣриться тамъ, гдѣ судья встрѣчаетъ только сомнѣнія и слабая вѣроятности? Не угрожаетъ ли эта теорія административной непогрѣшимости замѣнить законъ простымъ усмотрѣніемъ? Мало того: эти мѣры нерѣдко представляются вредными и для общественнаго спокойствія. Онѣ озлобляютъ наказаннаго и изъ колеблющагося создаютъ непримиримаго крайняго; онѣ раздражаютъ семью и лицъ, близкихъ сосланному; онѣ, наконецъ, переводятъ часто во враждебный правительству лагерь всѣхъ тѣхъ, кому

1) „Курсъ государственной науки“. III. 400—413.—Ср. Его же „Собственность и государство“. II, 305—307.

дороги гражданская свобода и неприкосновенность; онѣ подрываютъ въ обществѣ уваженіе къ праву и закону»¹⁾).

3. Наконецъ, третья категорія случаевъ употребленія принужденія безъ участія суда — это такіе моменты государственной жизни, когда на первый планъ выступаетъ сила, моменты въ высокой степени патологическіе и ненормальные.

Эти случаи уже никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ противъ принципа судебной монополіи принужденія, такъ какъ здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о чисто фактическихъ отношеніяхъ, а не о правѣ. Всѣ усилія права должны быть направлены къ тому, чтобы предупредить возможность наступленія народныхъ волненій, мятежей, подобно тому, какъ всѣ усилія международнаго права клонятся къ тому, чтобы предотвратить войну, это величайшее изъ бѣдствій человѣчества. При этомъ нельзя не замѣтить, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ указанныхъ взрывовъ является то отсутствіе нормальной правовой жизни, о которой я только что говорилъ, какъ о слѣдствіи административнаго произвола.

Такимъ образомъ мы видимъ, что судъ не есть орудіе власти, а занимаетъ въ государственномъ организмѣ совершенно самостоятельное, особое положеніе. Судъ представляетъ собой спеціальнѣйшій органъ власти, призванный быть охранителемъ права, хотя бы въ отдѣльномъ случаѣ это право входило въ коллизію съ интересами власти. Судъ есть, по мѣткому выраженію Игеринга, «принципіальное самоограниченіе государственной власти»²⁾, но это самоограниченіе служитъ лишь къ укрѣпленію власти и къ возвышенію ея нравственнаго достоинства³⁾.

Только при существованіи суда граждане могутъ съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ правительству, только при существованіи суда такое страшное оружіе, какъ наказаніе, не будетъ опаснымъ для свободы личности. Граждане знаютъ, что гдѣ только возникаетъ острый вопросъ о примѣненіи къ кому-либо насильственныхъ мѣръ, гдѣ возникаетъ споръ между гражданиномъ и государствомъ, споръ этотъ будетъ рѣшенъ

¹⁾ „Русск. угол. право“. 1902, стр. 834.

²⁾ „Цѣль въ правѣ“, стр. 284.

³⁾ Ср. Б. Н. Чичеринъ. „Собственность и государство“. II, 306 — 307; „Курсъ госуд. науки“. III, 143—144.

безпристрастнымъ третьимъ, одинаково чуждымъ какъ стремленію подрывать основы исторически-сложившейся формы общезжитія, такъ и стремленію превращать гражданъ въ непрекословныхъ исполнителей приказаній органовъ власти. Граждане знаютъ, что разъ дѣло попало въ судъ, никакія вліянія ни сверху, ни снизу, никакія соображенія общественной или государственной пользы не могутъ имѣть ни малѣйшаго значенія для рѣшенія дѣла въ ту или другую сторону. И если подсудимый будетъ признанъ виновнымъ и заслуживающимъ наказанія, то, во-первыхъ, единственными и исключительными факторами для судьи будутъ «законъ, совѣсть и факты»; во-вторыхъ, будутъ соблюдены всѣ гарантіи, обезпечивающія открытіе истины; въ-третьихъ, виновный будетъ наказанъ лишь послѣ того, какъ его вина будетъ установлена какъ очевидная для всѣхъ и cadaго, и притомъ наказанъ лишь на точномъ основаніи уголовного закона, существовавшего до совершенія преступленія и въ-четвертыхъ, что вопросы о виновности и о примѣненіи наказанія будутъ разрѣшены съ должнымъ уваженіемъ къ личности подсудимаго и *съ полнымъ признаніемъ всей страшной ответственности такого дѣла, какъ примѣненіе къ человеку принужденія въ его самой рѣзкой формѣ.*

Но достаточно ли одного внѣшняго отдѣленія суда отъ администраціи для достиженія только что указанныхъ цѣлей?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою напрашивается изъ всего до сихъ поръ сказаннаго. И дѣйствительно, въ то время, какъ вопросы о службѣ государственной вообще и объ организаціи всѣхъ административныхъ учреждений разсматриваются въ наукѣ государственнаго права, особенности судебной службы и организаціи судовъ настоятельно требуютъ разсмотрѣнія ихъ въ особой наукѣ судоустройства¹⁾.

1) Ср. превосходныя, полныя глубины замѣчанія о существѣ судебной власти у Коркунова „Лекціи по общей теоріи права“. 1904, стр. 267 — 268. Авторъ правильно указываетъ, что для законодательной и административной власти право служить только внѣшней границей, но не началомъ, опредѣляющимъ внутреннее содержаніе ихъ дѣятельности (какъ для суда). Въ основу организаціи судебныхъ установленій кладется начало ихъ независимости какъ отъ правительства, такъ и отъ общества, потому что только при этомъ условіи судъ можетъ въ своей должности руководствоваться исключительно началами права.

Самой характерной изъ этихъ особенностей является необходимость обезпечить независимость судей отъ какихъ бы то ни было влiяній какъ сверху, такъ и снизу¹⁾. «Административная дѣятельность не только регулируется опредѣленными общими правилами, но и по каждому частному вопросу администраціи могутъ быть дѣлаемы непосредственныя указанія, что и какъ сдѣлать²⁾. Перенесеніе такого порядка на судъ, сдѣлало бы изъ суда простое орудіе власти, а не безпристрастнаго рѣшителя спора между личностью и государствомъ». Первое и необходимое свойство судьи есть безпристрастіе, а оно возможно только при *полной независимости* какъ отъ тяжущихся лицъ, такъ и отъ власти, охраняющей общественный порядокъ и преслѣдующей его нарушенія. *Судья подчиняется единственно безличному закону и самъ является первымъ его хранителемъ; но такъ какъ приложеніе закона къ данному случаю всегда носитъ индивидуальный характеръ, то приговоръ долженъ быть дѣломъ личнаго внутренняго убѣжденія. Никакая власть не имѣетъ права предписать приговоръ, подобно тому, какъ предписываются дѣйствія низшимъ административнымъ органамъ»³⁾.*

Отсюда понятна особенная важность вопроса объ *организациіи* суда. И здѣсь, какъ и вообще въ государственной жизни, организациія играетъ наиболѣе важную роль. Только организациія можетъ дать настоящія, прочныя гарантіи, создать судъ, который будетъ судомъ не по имени только⁴⁾, создать судъ, о которомъ говоритъ Биндингъ, какъ объ учрежденіи, производящемъ успокаивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ импонирующее впечатлѣніе, стоящемъ выше всѣхъ партій, выше всѣхъ страстей и правителей,

1) Die gewöhnliche Dienstverhältnisse der Justizbeamten wird aber in eingreifender Weise modifiziert, wenn dem Beamten ein Richteramt übertragen wird. Für diesen Fall treten besondere Vorschriften in Kraft, um die Unabhängigkeit der Richter zu verstärken und zu sichern. *Laband*. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs, III, zweite Abth., 143.

2) *Коркуновъ*. „Русское государственное право“. Изд. третье. II, 203.

3) *Б. Н. Чичеринъ*. „Курсъ государственной науки“. I, 320—321.

4) Безусловно правъ *Гарро* (*Récis*. 1845, 423), говоря: „En matière criminelle les lois organiques ont peut-être plus d'importance que les lois pénales: car si on a vu des peuples avec un bon système d'organisation judiciaire et de la procédure corriger les inconvénients d'un système défectueux d'incrimination et de la pénalité, le phénomène inverse ne s'est jamais rencontré“.—Ср. *Ortolan*, *Elements*. 1886. II, 380—381. *Faustin Hélie*. *Traité*. I, 4.

и управляемыхъ 1). Только организація, наконецъ, можетъ снабдить судъ всѣми средствами для успѣшнаго разрѣшенія его сложной, трудной и отвѣтственной задачи и поставить въ условія, наиболѣе благоприятныя для его культурной работы.

Но когда все это найдено, когда найдены средства, обеспечивающія суду полную независимость, необходимую полноту власти, авторитета, средства, дающія возможность безпрепятственно и продуктивно работать,—все ли уже сдѣлано?

Конечно, нѣтъ. Для того, чтобы «власть столь страшная» (Монтескье, XI, 3) оказалась на высотѣ своей задачи, необходимо еще множество условій, относящихся къ самой личности судьи, такъ какъ, по глубокому замѣчанію Игеринга, «успѣшность юстиціи въ концѣ-концовъ зависитъ вполнѣ отъ условій, предлагаемыхъ правомъ въ личности судьи 2).

Прекрасно замѣчаетъ Стивенъ: «The judges position is thus one of great delicacy, and it is not, I think, too much to say, that to discharge the duties, which it involves as well, as they are capable of been discharged, demands the strenuous use of uncommon faculties, both intellectual and moral 3). Дѣйствительно, однихъ внѣшнихъ условій, какъ бы много значенія они не имѣли, еще слишкомъ мало для судьи. Онъ долженъ обладать *всею полнотою научныхъ знаній*, опыта и нравственныхъ качествъ, долженъ сознавать, что отправленіе правосудія есть своего рода священнодѣйствіе, къ которому нельзя приступать съ неумытыми руками 4). Тогда только судъ не употребить во зло своей громадной власти,

1) Die drei Grundfragen der Organisation des Strafgerichts. 1876. 77.—По прекрасному выраженію Чичерина (Курсъ госуд. наукъ, I, 320), судъ является высшимъ органомъ правды.

2) „Цѣль въ правѣ“. 289.

3) Stephen. A History of the criminal law of England. I. 455.

4) „Je mehr im Richterstande das Bewusstsein der Grösse und Verantwortlichkeit seiner hohen Aufgabe: *dem Recht allein zu dienen, nicht der Macht*, einer Aufgabe, die schon von einem alten römischen Juristen als eine priesterliche bezeichnet wird, lebendig ist, desto mehr wird auch der Einzelne vor Anwendungen der Nachgibigkeit gegen Zumuthungen, die von aussen an ihn herantreten, geschützt, desto weniger wird überhaupt die Gewalt den Mut haben solche Zumuthungen zu stellen... Der Richter zum Schützen des Rechts und der Freiheit bestellt ist gegen Willkür und Gewalt auch gegen die Willkür der an sich rechtmässigen Gewalt“. Fr. Paulsen. Die deutschen Universitaeten usw. 1902.

тогда только онъ будетъ *высшимъ органомъ правды* въ глазахъ всего народа. Когда подумаешь, сколько глубокихъ научныхъ знаній, сколько опытности, сколько твердости, сознанія долга, сколько гуманности необходимо судьѣ, — невольно приходишь въ изумленіе передъ тѣми законодательствами, которыя допускаютъ занимать судейское кресло молодымъ, только что сошедшимъ со школьной скамьи, совершенно неопытнымъ, сплошь и рядомъ совершенно несвѣдушимъ въ наукѣ людямъ, съ неустановившимся еще характеромъ¹⁾. Результатомъ такого порядка можетъ быть только дискредитированіе юстиціи въ глазахъ народа²⁾.

Но всего этого еще недостаточно. Недостаточно создать судъ независимый, вооруженный знаніями, опытомъ и нравственными качествами, поставленный въ наиболѣе удобныя условія для работы. Если бы ограничиться только тѣмъ, что можетъ дать одно судоустройство, организація, была бы сдѣлана лишь половина дѣла. При всей ея громадной важности одной организаціи недостаточно для того, чтобы судъ стоялъ на высотѣ своей столь отвѣтственной задачи.

Представляется необходимымъ самую дѣятельность суда подчинить извѣстнымъ правиламъ, обставить рядомъ гарантій. Такими гарантіями и служить обряды и формы судопроизводства, эти, по мѣткому выраженію Ф. Эли, маяки судебныхъ дѣйствій.

¹⁾ Ср. прекрасную книгу *Schellhas'a*. Was fordert unsere Zeit vom Richterstande und der Rechtspflege? 1898.—Дѣльные замѣчанія у *Th. Sternberg*. Allgemeine Rechtslehre. 1904. I, 205—206.

²⁾ Lorsqu'on considère ce qu'est de la justice, quelles éminents et rares qualités elle suppose chez ceux qui en ont la charge, on se prend à douter qu'il puisse se rencontrer une créature humaine assez parfaite pour en accepter le fardeau. En effet, *dire droit* à son semblable, démêler la vérité entre deux affirmations contraires, dépouiller l'un pour donner à l'autre, disposer de la liberté, de la vie, de l'honneur, c'est là une tâche au dessus de notre faiblesse, et cependant comme elle est une nécessité sociale, elle a toujours été remplie... Le problème à résoudre consiste donc à trouver le système qui placera l'administration de la justice dans la main des plus capables, des plus honnêtes, j'ajoute, des plus indépendants". *J. Favre*, De la réforme judiciaire. 1877. 16. Относительно единоличныхъ судей, которымъ ввѣряется громадная область такъ называемыхъ маловажныхъ дѣлъ, совершенно правильно говорить *G. Picot* (La réforme judiciaire en France. 1881. 250): il n'y-a pas de magistrature qui puisse faire plus de bien et empêcher plus de mal. Ничто не можетъ быть печальнѣе, когда думаютъ, что эти судьи могутъ быть поставлены въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ судьи высшаго суда въ государствѣ.

Эти формы и обряды придаютъ судебному производству извѣстную тяжеловѣсность, неповоротливость, громоздкость, но вмѣстѣ съ тѣмъ только благодаря имъ судъ можетъ стоять внѣ всякихъ подозрѣній. Въ сущности, если лишить судебную дѣятельность формъ и обрядовъ, эта дѣятельность ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дѣятельности органовъ администраціи и скоро проникнется тѣмъ же принципомъ цѣлесообразности, который такъ необходимъ администраціи и такъ противорѣчитъ отправленію правосудія.

Формы и обряды процесса не даны человѣчеству, какъ нѣчто готовое, а создаются и вырабатываются по мѣрѣ развитія культуры. Мы съ ужасомъ говоримъ теперь о пыткѣ, какъ о средствѣ получить сознаніе обвиняемаго, а между тѣмъ для современниковъ ничего не могло быть естественнѣе этого обряда судопроизводства. Если при такой замѣчательной постановкѣ уголовного процесса, которую мы видимъ въ Аѳинахъ ¹⁾, рабъ могъ быть допрошенъ не иначе, какъ подъ пыткой, а въ дѣлахъ объ измѣнѣ пытка примѣнялась ко всѣмъ, безъ различія классовъ; если даже въ Англіи только въ концѣ XVIII ст. отмѣненъ такой чудовищный обрядъ судопроизводства, какъ такъ называемый *la peine forte et dure* ²⁾ и въ той же Англіи лишь въ 1836 году отмѣненъ законъ, по которому обвиняемый въ фелоніи не имѣлъ права на формальную защиту ³⁾, то насъ не должно удивлять, что при системѣ тайнаго инквизиціоннаго процесса, при отсутствіи гарантій правъ личности, при превращеніи обвиняемаго въ объектъ изслѣдованія, пытка была самымъ обыкновеннымъ средствомъ открытія истины не только въ средніе вѣка, но и въ новое время. Такъ, напримѣръ, *question préparatoire* отмѣнена во Франціи 14 августа 1780 года, а *question préalable* существовала до самой великой революціи ⁴⁾.

1) См. напр. *Бекко*. Организациія уголовной юстиціи въ главнѣйш. ист. эпохи. 1867. 1—40. *I. Wargha*. Die Verteidigung in Strafsachen. 1879. 16—32; *F. Hélie*. 1. c. I. 16—33.

2) *Stephen*. A history of the criminal law of England. I, 298; *Loiseau*. Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. 1863. 299.

3) *Glasson*. Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre etc. 1883. VI. 778. *Стифенъ*. Уголовное право Англіи. Пер. Спасовича. 1865. 38.

4) *Tissot*. Le droit pénal étudié dans ses principes, dans ses usages et les lois des divers peuples du monde. 1888. II. 725—726.; *Loiseau* 1. c. 216.

По мѣрѣ поступательнаго движенія культуры вырабатываются все болѣе и болѣе совершенные, справедливыя и цѣлесообразныя формы и обряды судопроизводства. Нельзя указать границъ этому движенію, а напротивъ, при сравненіи старыхъ грубыхъ формъ съ современными, при ознакомленіи съ новѣйшими научными работами хотя бы по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ¹⁾ — нельзя не выразить увѣренности въ томъ, что и здѣсь наука медленно, но неуклонно идетъ впередъ и будетъ открывать все болѣе справедливыя и совершенныя, все болѣе свободныя отъ субъективныхъ вліяній средства для достиженія конечной цѣли уголовного процесса.

Послѣ всего сказаннаго намъ понятна теперь важность науки уголовного процесса: въ обоихъ своихъ отдѣлахъ—судоустройствѣ и судопроизводствѣ—она стремится создать едва ли не самую важную изъ всѣхъ гарантій, обеспечивающихъ превращеніе силы въ право, обеспечивающихъ служеніе принужденія высшимъ этическимъ началамъ.

Ознакомившись съ тѣми гарантіями, которыя даютъ судоустройство и судопроизводство, мы понимаемъ, почему только судъ имѣетъ право распоряжаться принудительными функціями власти. Эти гарантіи дѣлаютъ судъ тѣмъ органомъ власти, черезъ руки котораго наказаніе становится неопаснымъ для достиженія конечной цѣли культуры—всеобщаго братства, и не противорѣчитъ гуманнымъ идеаламъ. Судъ долженъ быть не только *правымъ*, но и *милостивымъ*, по прекрасному выраженію свѣтлой памяти создателя Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Само собою разумѣется, что гуманность и мягкость вполне совмѣстимы съ неуклоннымъ исполненіемъ судомъ своего долга, подчасъ очень тягостнаго. Когда этого требуютъ разумно понятыя интересы репрессіи, судъ долженъ твердою рукою неумолимо карать, не смущаясь ни односторонними теоріями, ни сжимающими сердце перспективами человѣческихъ страданій. Въ такихъ случаяхъ судья долженъ по-

A. Esmein. Histoire de la procédure criminelle en France etc. 1861. 401.
A. Du-Bois. Histoire du droit criminel en France. etc. 1874. II. 290.

¹⁾ См. напр. работу прив.-доц. Штерна. Zur Psychologie der Aussage, въ XXII томѣ Zeitschrift'a Листа и статью Листа въ № 1 Deutsche Juristenzeitung за 1902 годъ. Этими работами начатъ цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

мнить изреченіе стараго англійскаго судьи: *pity is due to the criminal, but pity is also due to the country.*

Еще одно замѣчаніе, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ. Не такъ давно одинъ изъ нѣмецкихъ криминалистовъ высказалъ мысль, что уголовный законъ есть не предписаніе о наказаніи, а лишь законное предположеніе о наказуемости, которое съ одной стороны полагаетъ предѣлы судейской власти, а съ другой—даетъ суду лишь право наложить наказаніе, но отнюдь не обязывать его налагать наказаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно предписано закономъ.

Такимъ образомъ судъ можетъ признать, что обвиняемый совершилъ приписываемое ему преступленіе, совершилъ при условіяхъ, исключających всякую мысль о невмѣненіи, но что по обстоятельствамъ даннаго дѣла онъ не заслуживаетъ наказанія (т. е. «виновенъ») и «заслуживаетъ наказанія» понятія далеко не тождественныя).

Теорія эта имѣетъ очень немногочисленныхъ послѣдователей и рѣзко порицается авторитетами науки уголовного права. Говорятъ, что она находится въ противорѣчій съ задачами суда—быть только охранителемъ закона и что если представить суду «право помилованія», то получится судебный произволъ и нарушится принципъ раздѣленія властей.

А между тѣмъ всѣ эти возраженія основаны на недоразумѣніи. Здѣсь не мѣсто развивать и обосновывать только что приведенную, по моему мнѣнію, совершенно правильную теорію. Замѣчу только, что ни законоохранительныя функціи суда, ни принципъ раздѣленія властей, ни принадлежащее верховной власти право помилованія нисколько не будутъ нарушены, если уголовный законъ будетъ конструированъ, какъ норма, *дающая право* суду наложить на преступника наказаніе, если онъ будетъ признанъ не только виновнымъ, но и заслуживающимъ наказанія. Не надо смѣшивать понятій «милость» (гуманность), и «помилованіе», а страшныя слова «судебный произволъ» потеряютъ весь свой эффектъ, если мы будемъ имѣть въ виду громадную разницу между освобожденіемъ отъ наказанія нарушителя закона, освобожденіемъ по мотивамъ гуманности, вслѣдствіе убѣжденія суда какъ въ полной безвредности преступника, такъ и въ ненужной жестокости примѣненія къ нему наказанія по принципу *fiat justitia pereat mundus*,— и съ осужденіемъ невиновнаго

по какимъ бы то ни было мотивамъ, съ наказаніемъ свыше его вины, или съ наказаніемъ обвиняемаго за «преступленіе», не существующее въ кодексѣ.

Предоставленіе суду права освобожденія отъ наказанія было бы лишь узаконеніемъ того порядка, который фактически всегда существовалъ, и не только на судѣ присяжныхъ, неуязвимомъ въ своемъ короткомъ, немотивированномъ «нѣтъ не виновенъ», но и въ коронномъ судѣ, который въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ натяжки, вступаетъ въ сдѣлки съ совѣстью (явленія нежелательныя) и прибѣгаетъ къ приему недоказанности обвиненія.

Въ сущности столь популярный и симпатичный институтъ условнаго осужденія имѣетъ въ основѣ ту же мысль, далеко не всегда отчетливо сознаваемую теоретиками. Къ тому же порядку слѣдуетъ отнести и рекомендуемое наукой возможно большее расширеніе власти суда при опредѣленіи наказанія, подобно тому, какъ это существуетъ, на примѣръ, въ Англіи и Голландіи, гдѣ часто судъ властенъ приговаривать къ тюремному заключенію отъ одного дня до двадцати лѣтъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о правильности такой системы, могущей въ концѣ концовъ привести къ слѣдующему нежелательному результату: въ кодексѣ перечислены лишь одни преступленія, а наказанія опредѣляетъ судъ по своему усмотрѣнію, руководствуясь указаніями общей части. Во всякомъ случаѣ думается мнѣ, что защищаемая мною теорія гораздо болѣе соотвѣтствуетъ достоинству суда, какъ органа государственной власти, чѣмъ случаи, бывающіе въ Англіи, когда судья за тяжкое преступленіе приговариваетъ къ нѣсколькимъ часамъ заключенія. Не проще ли, не достойнѣе ли сказать подсудимому: «да, ты совершилъ это преступленіе, я признаю тебя виновнымъ, подобнаго рода проступки въ общемъ я порицаю; но въ виду такихъ-то соображеній я нахожу, что ты долженъ быть освобожденъ отъ наказанія». Такъ сформулированный приговоръ гораздо болѣе способенъ поддержать авторитетъ закона, чѣмъ продѣлываніе комедіи съ назначеніемъ микроскопическаго наказанія ¹⁾.

¹⁾ Во Франціи 12 мая 1885 г. сенаторы Мишо, Шельперъ, Бераль, Мазо, Накэ и Толэнъ внесли проектъ закона о «судебномъ прощеніи», по которому суду предоставляется право въ извѣстныхъ случаяхъ прощать подсудимаго и освобождать его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Этотъ проектъ перешелъ и въ проектъ новаго французскаго уголовнаго уложенія (§ 66), но

По поводу нарушенія будто бы принципа раздѣленія властей не могу не замѣтить слѣдующее: Стивенъ въ шестомъ отдѣлѣ VI главы своей книги «A general view of the criminal law England» говоритъ, что право есть въ сущности средство грубое и несовершенное и что посему его нельзя примѣнять съ прямолинейной неуклонностью, а въ началѣ IX главы онъ прямо высказывается за расширеніе полномочій суда въ области правотворчества ¹⁾. Очень характерно, что такія мысли высказываются англичаниномъ, т.-е. человѣкомъ, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ желаніи ослабить уваженіе къ закону и поколебать твердость правопорядка.

Но само собою разумѣется, съ вопросомъ о расширеніи полномочій суда самымъ тѣснымъ образомъ связаны вопросы объ организаціи суда, личности судьи ²⁾, гарантіяхъ правосудія, *условіяхъ мѣста и времени*, о довѣріи населенія къ суду. Напримѣръ, для народа, въ плоть и кровь котораго не вошло еще уваженіе къ закону, для котораго чувство законности еще не сдѣлалось «седьмымъ чувствомъ», который во всемъ привыкъ руководиться усмотрѣніемъ, едва ли цѣлесообразно слишкомъ расширять предѣлы судейскихъ полномочій ³⁾.

Нельзя не замѣтить, кстати, что судья-чиновникъ, порвавшій съ наукой всякую связь, совершенно не пригоденъ для той почетной роли, которую желаютъ поручить ему новѣйшія теченія въ наукѣ.

при окончательномъ разсмотрѣніи не былъ принятъ. Въ Англии The Summary jurisdiction Act 1879 Section 16 предоставляетъ право суду въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда по мнѣнію суда назначеніе наказанія является излишнимъ, освобождать обвиняемыхъ отъ преслѣдованія.

¹⁾ Ср. *Pollock. Essays in jurisprudence and Ethics; Bülou. Gesetz und Richteramt 1885*, а также *Lightwood. The nature of positive law. 1883*. Весьма интересны замѣчанія о желательности расширенія полномочій суда у *Salleilles. Ecole. historique et droit naturel d'après quelques ouvrages récents* (въ *Revue trim. d. dr. civ. 1902, I*); *Leroy-Beaulieu. L'état moderne et ses fonctions. 1900. 110*.

²⁾ Тутъ невольно вспоминается фраза Игеринга (Цѣль въ правѣ, 289): «Успѣшность юстиціи въ концѣ-концовъ зависитъ вполнѣ отъ условій, предполагаемыхъ правомъ въ личности судьи».

³⁾ При такомъ положеніи дѣла некультурная масса легко можетъ проникнуться мыслью, напримѣръ, о дозволенности преступленій, совершаемыхъ въ первый разъ, о полной возможности избѣжать наказанія и т. п. Такимъ образомъ можетъ быть въ значительной степени парализовано стремленіе уголовного законодателя создать *усиленную* охрану правовыхъ интересовъ.

IV.

Но достаточно ли всѣхъ рассмотренныхъ нами гарантій?

Для того, чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, представимъ себѣ, что въ странѣ существуетъ прекрасно организованная власть, прекрасный уголовный кодексъ, прекрасные суды и прекрасные чисто процессуальные законы, представимъ себѣ, что при наличности всѣхъ этихъ данныхъ обвиняемый будетъ осужденъ и заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму. Если эта тюрьма будетъ напоминать Дантовъ адъ, если она будетъ мѣстомъ мученій, болѣзней, истязаній, школой порока и преступленій, если преступникъ, выйдя изъ нея, сдѣлается тяжкимъ бременемъ для общества, навсегда потерявъ здоровье, человѣческое достоинство, или превратившись въ закоренѣлаго злодѣя, — всѣ благодѣтельные эффекты, рассмотренныхъ нами трехъ родовъ гарантій будутъ парализованы. Очевидно, эти гарантіи нуждаются въ весьма существенномъ дополненіи.

И такъ какъ въ настоящее время центральное мѣсто въ карательной системѣ занимаетъ лишеніе свободы въ видѣ заключенія, такъ какъ, очевидно, этому роду наказанія предстоитъ еще большее будущее, то разумная организація отбытія тюремнаго заключенія является дѣломъ первостепенной важности. Эта организація должна сдѣлать то, чтобы наказаніе потеряло всѣ свои грубыя и оскорбительныя для человѣческаго достоинства черты, чтобы оно способствовало социальному исправленію наказаннаго, чтобы оно воочію доказало и наказанному и обществу *могущество, справедливость* и *чужанность* правопорядка.

И здѣсь, какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, на помощь человѣчеству приходитъ наука.

Одинъ изъ отдѣловъ науки уголовного права, отдѣлъ, который въ виду богатства содержанія, важности и жизненности разсматриваемыхъ вопросовъ, въ виду обширности уже накопившейся литературы имѣетъ тенденцію выдѣлиться въ самостоятельную область знанія—*тюрьмовѣдѣніе*,—беретъ на себя трудную и благородную задачу быть руководителемъ законодателя въ дѣлѣ созданія послѣдняго ряда гарантій, обеспечивающихъ служеніе наказанія высшимъ культурнымъ идеаламъ.

Эта наука требуетъ между прочимъ, чтобы изъ тюремнаго режима было изгнано все, что причиняетъ человѣку невызываемыя

крайнею необходимостью страданія. Конечно, тюрьма не есть и не должна быть благотворительнымъ учрежденіемъ, она не должна казаться привлекательной для преступника, репрессивный моментъ долженъ играть во всемъ тюремномъ режимѣ главную роль, но этотъ моментъ не долженъ вырождаться въ издѣвательство надъ личностью. Проф. I. Wargha прекрасно замѣчаетъ, что и въ осужденномъ преступникѣ надо уважать самоцѣльную личность и ея человеческое достоинство и соотвѣтственно съ этимъ обращаться съ отбывающимъ наказаніе ¹⁾.

Только тогда можетъ быть достигнута одна изъ труднѣйшихъ, но за то и благороднѣйшихъ задачъ тюрьмы: сдѣлать, чтобы человѣкъ вышелъ изъ тюрьмы лучшимъ, чѣмъ онъ вошелъ туда.

А для того, чтобы тюрьма могла стать на надлежащую вы-

1) Die Abschaffung der Strafknechtschaft. II, 494 и сл. *Tardъ* (Les transformations du droit. 1893. 14—23) указываетъ, что въ первобытныя времена существовали два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга типа наказанія: 1) *кровавая мечь* противъ членовъ чужой общины, мечь безпощадная, безъ всякаго проявленія понятія о виновности, имѣющая цѣлью истребленіе врага, и 2) *искупленіе* (а въ случаѣ невозможности — *изгнаніе*)—относительно членовъ своей общины; тутъ уже является моральное понятіе о виновности, понятіе, основанное на симпатіи, этомъ основномъ элементѣ общества. *Источникомъ цоловаго права и явилась эта вторая форма*, которая съ теченіемъ времени комбинировалась съ первой. *Кулишеръ* въ своей работѣ Untersuchungen über das primitive Strafrecht (въ Zeitschrift für vergleich. Rechtswissensch. 1904. Band 17) доказываетъ, что изгнаніе изъ общины Friedlosigkeit вовсе не влечетъ за собою обязанности для членовъ совершать надъ изгнаннымъ какія бы то ни было насильственныя дѣйствія: онъ лишь отлучался, изгонялся (активный моментъ) и община затѣмъ вовсе о немъ не заботилась (пассивный моментъ).—Все это можетъ быть весьма назидательнымъ для построенія теоріи наказанія, т. к. показываетъ, что и въ самомъ эмбрионѣ наказанія не господствуютъ чисто животныя побужденія мести, а заключаются моменты высшаго порядка.

Девизомъ тюремовѣдѣнія должно быть *in severitatae humanitas*. Теорія Бара (Handbuch. 1882. 311—361) не можетъ быть принята: дѣйствительно наказаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *порицаніе* извѣстныхъ дѣяній, но кромѣ порицанія въ наказанія есть еще плюсъ и этотъ-то плюсъ есть сущность наказанія. Эта сущность заключается въ причиненіи преступнику извѣстнаго страданія, въ лишенія его извѣстныхъ благъ. Такимъ образомъ *основнымъ* моментомъ наказанія, моментомъ, разчитаннымъ на общую превенцію, является *репрессивный* моментъ, *severitas*. Но одна *severitas* въ ея чистомъ видѣ легко можетъ выродиться въ жестокость, въ звѣрство. Тутъ является на сцену другой моментъ—*humanitas*. Онъ служить *дополненіемъ*, *коррективомъ*.

соту, чтобы въ тюремной дѣятельности не было вредныхъ укло-неній ни въ сторону *ложно понятой* гуманности, ни въ сторону излишней строгости, необходимо (помимо общихъ реформъ) созданіе хорошаго персонала служащихъ тюремному дѣлу отъ низшихъ до высшихъ. И если Кроне ¹⁾ предъявляетъ къ тю-ремнымъ дѣятелямъ, быть можетъ, слишкомъ высокія требованія, то не надо забывать, что *теоретически* эти требованія безусловно правильны и что только путемъ повышенія уровня научной под-готовки и нравственныхъ качествъ тюремныхъ дѣятелей можно надѣяться превратить прежнихъ «тюремщиковъ» въ культурныхъ работниковъ высшаго порядка.

Важность тюремовѣдѣнія въ общей системѣ академическаго изученія права не возбуждаетъ теперь никакого сомнѣнія. От-дѣльные курсы тюремовѣдѣнія читались въ нѣкоторыхъ герман-скихъ университетахъ и у насъ въ петербургскомъ (Фойницкій), московскомъ (Пусторослевъ) и одесскомъ (Піонтковскій) уни-верситетахъ. На петербургскомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ послѣ докладовъ Фойницкаго, Ломброзо, Ягемана и Жоли было признано необходимымъ учрежденіе въ университе-тахъ самостоятельной кафедръ тюремовѣдѣнія.

Надо только помнить, что юридическая наука, какъ и всякая другая, только тогда можетъ стоять на высотѣ своей задачи, когда она не теряетъ связи съ философіей, безъ которой не-возможно выработать цѣльнаго и правильнаго міровоззрѣнія и которая составляетъ начало и конецъ всѣхъ нашихъ знаній ²⁾. Ученый, посвящающій свои силы исключительно малымъ зада-чамъ, опредѣленнымъ отдѣламъ опыта, слишкомъ легко утрачива-етъ широкій взглядъ на возможные задачи науки, какъ цѣлаго.

1) Zweifellose Moralität, sittlicher Ernst, gesunde Religiosität, klares Den-ken, mutige Entschlossenheit, eine der Stellung entsprechende gute allgemeine bzw. technische Bildung und vollste Hingebung an den Beruf. *K. Krohne*, Lehr-buch der Gefängnis-kunde. 1889. 519. Безусловно правъ авторъ, говоря (стр. 518), что die besten Systeme, die vollkommensten Reglements werden wenig ausrichten bei einem mittelmässigen Beamtenpersonal и что въ тюрем-номъ дѣлѣ афоризмъ „люди, а не правила“ имѣетъ совершенно особенное значеніе.

2) „Философія есть общая наука, которая должна объединить въ гармо-ническую систему знанія, добытыя специальными науками, и свести къ ихъ принципамъ общіе методы и предпосылки познанія, которыми пользуются науки“. *В. Вундтъ*. Введеніе въ философію. 1902 г., стр. 14.

Глубоко вѣрны слова Чичерина: «Сколько бы мы ни изучали народное хозяйство, право и государство въ ихъ проявленіяхъ, мы изъ этого не поймемъ, соотвѣтствуютъ ли эти проявленія тѣмъ высшимъ началамъ правды и добра, которыя лежатъ въ душѣ человѣка и которыя онъ стремится осуществить въ своей жизни. Эти начала могутъ быть выяснены единственно философій, которая, вслѣдствіе того, становится высшимъ мѣриломъ всѣхъ общественныхъ отношеній ¹⁾».

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души возрожденія въ наукѣ права идеальныхъ стремленій. Можно не соглашаться съ терминологіей, съ частными положеніями, съ подраздѣленіемъ единой науки на нѣсколько самостоятельныхъ наукъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться появленію въ наукѣ живого духа, нельзя не признать, что въ этомъ духѣ—залогъ будущаго развитія юридической мысли. Ни историзмъ, ни социологическое направленіе (я уже не говорю о формально-юридическомъ методѣ) не могутъ раскрыть юридической мысли широкихъ горизонтовъ, не могутъ дать ей надежныхъ и твердыхъ критеріевъ для оцѣнки существующихъ явленій, не могутъ вернуть юридической наукѣ того блеска и величія, какими отличалась она въ тѣ времена, когда боролась за свободу, за миръ, правду, за братство между людьми, когда «мощное слово ея разрушало вѣковые предрасудки и суевѣрія въ правѣ, насаждало просвѣщенное и гуманное истинное право и справедливость». Одно знаніе того, что было и что есть, никогда не можетъ дать намъ отвѣта на вопросъ, что будетъ, точно такъ же, какъ наука о существующемъ не можетъ дать никакихъ критеріевъ для оцѣнки этого существующаго. *Абсолютная цѣнность личности и ея свободы — этотъ основной принципъ права* — не можетъ быть выведенъ ни путемъ историческихъ, ни путемъ социологическихъ изслѣдованій, т. к. «тамъ, гдѣ личность берется, какъ звено общаго движенія, ея положеніе опредѣляется всецѣло временными условіями среды» и поэтому о присущихъ личности, какъ таковой, правахъ не можетъ быть и рѣчи. Только что указанный основной принципъ права рѣзко отличаетъ идеалистическія теоріи права отъ реалистическихъ (теоріи интереса, компромисса, экономического материализма и т. п.) и отличаетъ къ несомнѣнной выгодѣ первыхъ.

¹⁾ Собственность и государство. I, стр. XIII.

Каждый будущій служитель правосудія долженъ ясно представлять себѣ всю трудность и отвѣтственность того дѣла, которому онъ собирается посвятить себя, и помнить, что какъ бы ни были хороши законы, которые ему придется примѣнять, никогда его дѣятельность не принесетъ пользы людямъ, если не будетъ проникнута живымъ духомъ, не будетъ освѣщена свѣтомъ разума, не будетъ согрѣта чувствомъ. Надо, чтобы свѣтлые идеалы науки во все продолженіе жизни, полной испытаній, не покидали служителя правосудія. Только тогда онъ найдетъ въ себѣ силы противостоять массѣ искушеній и невзгодъ, только тогда онъ сумѣетъ при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ принести хоть крупицу пользы великому дѣлу правосудія, только тогда онъ почувствуетъ нравственное удовлетвореніе отъ сознанія честно исполненнаго долга.

А для этого, между прочимъ, необходимо какъ можно лучше использовать тѣ прекрасные, незамѣнимые годы, когда будущій служитель правосудія почерпаетъ эти идеалы изъ самаго чистаго источника. Въ университетѣ, этомъ храмѣ свободной науки, студентъ долженъ много и добросовѣстно поработать, но центр тяжести долженъ лежать не въ приобрѣтеніи техническихъ навыковъ и практическихъ знаній, а въ приобрѣтеніи того, чего ужъ потомъ сплошь и рядомъ приобрѣтать нельзя будетъ, въ приобрѣтеніи тѣхъ богатствъ, которыя «ни моль, ни ржа не истребляютъ и которыхъ воры не подкапываютъ и не крадутъ».

Прив.-доц. І. В. Михайловскій.

Пифагоръ и пифагорейцы.

Личность Пифагора, религіознаго реформатора и одного изъ величайшихъ философовъ Греціи, была уже въ V вѣкѣ окружена легендой, и точныя свѣдѣнія объ его жизни, ученіи и ранней судьбѣ основаннаго имъ союза крайне скудны. Онъ жилъ въ VI в. до Р. X., а біографіи Диогена Лаэртія, Порфирія и Ямвлиха составлены въ III и IV в. послѣ Р. X.; самые источники, на основаніи которыхъ онѣ написаны, въ лучшемъ случаѣ не восходятъ ранѣе IV в. до Р. X.

Пифагорейская философія, или точнѣе, совокупность ученій, носившихъ это названіе, тянется съ VI в. до Р. X. вплоть до неоплатонизма, въ которомъ она растворяется въ III в. нашей эры. Не удивительно, что она измѣняла свое первоначальное значеніе въ теченіе столь долгихъ вѣковъ. Первые два вѣка приходятся на развитіе старо-пифагорейской школы, при чемъ уже за этотъ періодъ въ ея средѣ намѣчаются значительныя разногласія или различія. Затѣмъ во второй половинѣ IV в. пифагорейское *ученіе* поглощается платонизмомъ, а самая школа продолжаетъ существовать лишь въ видѣ мистической секты или религіознаго союза, въ которомъ научная дѣятельность теряется—сохраняется лишь обрядность и суевѣрное постничество, надъ которымъ потѣшаются комики. Наконецъ, начиная съ II в., пифагорейство возрождается вновь, но это «новопифагорейство» есть въ сущности совершенно новое ученіе, стремящееся примирить начала Платона, Аристотеля и стоиковъ въ сборной системѣ, которая выдается за подлинную философію Пифагора, вкладывается въ яко бы древніе пифагорейскіе символы и развивается въ цѣлой литературѣ подложныхъ сочиненій, приписываемыхъ Пифагору и ближайшимъ его ученикамъ. Почти всѣ

«пифагорейскія» произведенія, дошедшія до насъ въ фрагментахъ или извѣстныя хотя бы по заглавіямъ, принадлежатъ именно къ этой апокрифической литературѣ. Таковы, напр., фрагменты изъ мнимаго сочиненія Архита, тарентскаго стратега, современника и друга Платона: «кухонный» дорійскій языкъ этихъ фрагментовъ и ихъ чисто Аристотелевская терминологія достаточно обличаютъ ихъ фабрикацію. Труднѣе высказаться относительно фрагментовъ, приписываемыхъ Филолаю, который яко бы впервые составилъ письменное изложеніе Пифагоровой философіи: несмотря на сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ, ихъ легче объяснить, допуская ихъ подлинность, нежели отвергая ее. Такимъ образомъ, разбираясь въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ или источникахъ, касающихся пифагорейскаго ученія, мы должны тщательно различать позднѣйшія наслоенія новопифагорейства (со II в.) и платонизма. Большое значеніе имѣютъ для насъ свидѣтельства Платона, Спевсиппа (Diels, Fragmenta 245), Аристотеля и его ближайшихъ учениковъ, въ особенности Теофраста, дошедшія до насъ черезъ посредство доксографовъ. Однако и эти свидѣтели не могли имѣть точныхъ свѣдѣній о началѣ ученія: они могли знать Филолая или Архита, которому Аристотель посвятилъ особое сочиненіе, но то, что Аристотель говоритъ о началѣ ученія (М. I, 5), показываетъ, что онъ и не претендуетъ знать, чему училъ самъ Пифагоръ, который, по преданію самой школы, не оставилъ письменнаго изложенія своего ученія. О степени различія и уклоненія въ области ученія мы можемъ судить на томъ основаніи, что такіе оригинальные и своеобразные мыслители, какъ Парменидъ и Эмпедоклъ, принадлежали къ пифагорейскому союзу: это не мѣшало имъ выступить каждому съ своимъ ученіемъ, которое никто не назоветъ пифагорейскимъ. Между тѣмъ они выступили съ своими сочиненіями во всякомъ случаѣ ранѣе Филолая, а ихъ сочиненія цѣнны и для исторіи ранняго пифагорейства, поскольку въ нихъ можно прослѣдить его вліянія.

Все это до крайности затрудняетъ задачу критика. Трудно даже отвести пифагорейцамъ подобающее мѣсто въ изложеніи исторіи философіи. Пифагоръ—полумифическій мудрецъ, современникъ Анаксимандра и Ферекида, Филолай—современникъ Сократа, Архитъ—другъ Платона. Иные отдѣляютъ Пифагора отъ пифагорейцевъ, причисляютъ его къ мистикамъ и видятъ въ немъ религіознаго учителя, близкаго къ орфикамъ и чуждаго научнаго

духа, и помѣщаютъ пиѳагорейцевъ лишь *посль* другихъ до-сократовскихъ физиковъ. Но какъ отдѣлить ранніе элементы пиѳагорейства отъ болѣе позднихъ, въ особенности при томъ условіи, что и эти послѣдніе недостаточно выяснены? Все міросозерцаніе школы, поскольку мы можемъ составить себѣ понятіе о немъ, носитъ весьма архаическій характеръ и показываетъ слабую степень развитія абстракціи. И тѣмъ не менѣе оно проникнуто однимъ духомъ, и руководящія начала его ясны и опредѣленны, при всѣхъ тѣхъ частныхъ различіяхъ, какія Аристотель отмѣчаетъ среди пиѳагорейцевъ, ему современныхъ.

О математикѣ пиѳагорейцевъ мы также имѣемъ лишь фрагментарныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ главнымъ образомъ черезъ посредство позднѣйшихъ греческихъ математиковъ, черпавшихъ изъ исторіи геометріи ученика Аристотеля Евдема. (См. *Tanneri Hist. de la geometrie grecque* и его же *Ист. греч. науки*; также *Cantor Vorles. über die Gesch. d. gr. Mathematik*, 1894 и *Hultsch, статью Arithmetik* въ *Энци. Pauly-Wissowa*).

Пиѳагоръ, сынъ Мнесарха, уроженецъ острова Самоса, прославился уже среди современниковъ, какъ религіозный учитель, ученый и философъ, превосходившій всѣхъ своими познаніями. «*Многознаніе* уму не научаетъ, — говоритъ Гераклитъ, — иначе бы оно научило Гесіода и Пиѳагора, а также и Ксенофана и Гекатея (fr. 40); въ другомъ отрывкѣ онъ говоритъ, что «Пиѳагоръ болѣе всѣхъ подвизался въ учености и сочинилъ свою премудрость — многознаніе и злохудожество». Позднѣйшія преданія много говорятъ о путешествіяхъ Пиѳагора, но ничего достовѣрнаго о нихъ мы не знаемъ — болѣе остального вѣроятно еще его путешествіе въ Египетъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно тѣхъ учителей, которыхъ ему приписывали: вѣроятно только его знакомство съ ученіемъ Анаксимандра, а можетъ быть и другихъ представителей Милетской школы; возможно также, что онъ былъ знакомъ съ ученіемъ Ферекида, хотя намъ и неясно, чему онъ могъ научиться изъ его мифологической космогоніи. Приблизительно около 530 г. Пиѳагоръ переселился въ Кротонъ, важный культурный центръ Великой Греціи (Ю. Италіи), гдѣ онъ основалъ союзъ, носившій его имя. Пиѳагорейскія мистеріи уже въ древности сближались съ орфическими — настолько, что уже Геродотъ не различалъ между ними (II, 81); какъ уже сказано, есть основаніе предполагать, что орфики часто заимство-

вали у пиеагорейцевъ нѣкоторыя свои ученія, частью же могли и сами оказать на нихъ нѣкоторое вліяніе. Переселеніе Пиеагора могло быть вызвано его связью съ мѣстными орфиками, или же тиранніей Поликрата, который не могъ допустить дѣятельности тайнаго общества, преслѣдующаго не только религіозныя, но и политическія цѣли, какимъ несомнѣнно былъ пиеагорейскій союзъ. Политикой и религіей дѣятельность союза однако не ограничивалась—союзъ былъ философскою школою и Пиеагоръ—одинъ изъ величайшихъ греческихъ мыслителей (Herod. IV, 95 ἐλλήνων οὗκ ἀσθενέτατος σοφιστῆς Πυθαγόρας), создатель научной геометріи, теоріи чиселъ, ученія о гармоніи и основатель оригинальнаго философскаго міросозерцанія, видѣвшій во вселенной царство математическихъ законовъ.

Въ Пиеагорѣ видѣли то исключительно религіознаго реформатора, мистика или пророка, то моралиста и политическаго организатора, то исключительно ученаго и философа. Уже у древнихъ можно найти отголоски этихъ мнѣній, если разобраться въ различныхъ наслоеніяхъ преданій, вошедшихъ въ біографіи Ямвлиха, Порфирія и Діогена Лаэртія. Между тѣмъ, оригинальность Пиеагора сказывалась, повидимому, именно въ своеобразномъ соединеніи различныхъ сторонъ духовной дѣятельности, въ основаніи новаго особеннаго «образа жизни»: его союзъ былъ въ одно и то же время церковью, философскою школою и политической *гетеріей*, распространившеюся далеко за предѣлы Кротона. По всѣмъ даннымъ союзъ этотъ былъ довольно многочленнымъ, и члены его дѣятельно вмѣшивались въ политическую жизнь. Въ самомъ Кротонѣ еще при Пиеагорѣ союзъ вызвалъ сильную оппозицію, во главѣ которой сталъ нѣкій демагогъ Килонъ. Пиеагоръ былъ вынужденъ удалиться въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ—неизвѣстно въ V или VI вѣкѣ. Послѣ его смерти политическая дѣятельность союза не прекращается. Парменидъ былъ политическимъ дѣятелемъ въ Элеѣ, ученикъ его Зенонъ палъ мученикомъ за свободу роднаго города, Эмпедоклъ Агригентскій былъ демагогомъ, борцомъ противъ тираніи. Приблизительно во второй половинѣ V в. въ Ю. Италіи произошелъ разгромъ пиеагорейскаго союза. Сторонники Килона подожгли домъ атлета Милона Кротонскаго, гдѣ были собраны пиеагорейцы; изъ нихъ спаслись будто бы только двое—Архиппъ и Лисисъ, бывший впоследствии въ Оивахъ учителемъ Эпаминонда. Такъ какъ этотъ послѣдній родился

только приблиз. въ 420 году, то ясно, что разгромъ союза, о которомъ идетъ рѣчь, могъ произойти лишь во второй половинѣ V в. Изъ Кротона движеніе противъ союза быстро распространилось и по другимъ городамъ, захвативъ и Метапонтъ, что уже само по себѣ указываетъ на политическое значеніе союза, ставшаго жертвою настоящаго заговора. «Повсюду въ Великой Греціи, — говоритъ Полибій (II, 39), — собранія пиеагорейцевъ были сожжены и такъ какъ, естественно, *такимъ образомъ погибли первые люди въ каждомъ городѣ*, то отсюда повсемѣстно произошли величайшія потрясенія государственнаго строя и города переполнились убійствомъ, усобицей и всяческой смутой». Остатки пиеагорейцевъ разсѣялись; иные переселились въ Грецію, какъ наприм. Лисисъ и Филолай, гостившіе въ Эивахъ въ концѣ V в. Смуты прекратились лишь при помощи посредничества посланцевъ изъ Ахеи, — Кротонъ былъ ахейскою колоніей. Пиеагорейцы снова вернулись въ италійскую родину и вновь достигли значительнаго вліянія. Филолай будто бы былъ убитъ по подозрѣнію въ заговорѣ съ цѣлью захватить власть.

Главнымъ центромъ уцѣлѣвшихъ пиеагорейцевъ дѣлается Тарантъ, гдѣ въ началѣ IV в. прославился Архиппъ, другъ Платона, знаменитый математикъ и физикъ, создатель научной механики и вмѣстѣ государственный человѣкъ, долгое время стоявшій во главѣ родного города и бывший семь разъ стратегомъ. Пиеагорейцы были дѣятельными противниками тирана Діонисія Сиракузскаго и стояли во главѣ оппозиціи противъ его политики среди греческихъ городовъ Италіи.

Такимъ образомъ борьба противъ тираніи и столкновение съ демократіей — вотъ характерныя черты пиеагорейской политики; пиеагорейскій союзъ является аристократической гетеріей, организованный Пиеагоромъ на чужбинѣ, среди демократическаго общества южно-италійскихъ колоній. Это важное историческое указаніе, бросающее свѣтъ на дѣятельность Пиеагора. Его цѣль состояла повидимому въ томъ, чтобы *создать* новую аристократію, — образовать *господство лучшихъ* посредствомъ *религіознаго союза и воспитанія* въ философской школѣ. Союзъ Пиеагора впоследствии внушилъ Платону его идеаль государства, управляемаго философами. Но во всякомъ случаѣ замысль Пиеагора, о широтѣ котораго мы теперь судить не можемъ, оказался болѣе практичнымъ, осуществимымъ: ему удалось на дѣлѣ сплотить

могущественную умственную аристократію, въ составъ которой вошли выдающіеся политическіе дѣятели, ученые, философы, врачи, атлеты, подобно Милону. Достоинно вниманія, что и женщины допускались въ союзъ. Идеаль этой аристократіи есть прежде всего этической идеаль, и можно думать, что Аристоксенъ, ученикъ Аристотеля, знавшій «послѣднихъ пифагорейцевъ» философовъ, даетъ приблизительно вѣрное изображеніе ихъ нравственныхъ тенденцій. Для человѣческаго общества нѣтъ зла хуже безначалія, и для спасенія общества необходимо существованіе правителей. Отъ правящихъ требуется *просвѣщеніе и гуманность*, челоуѣколюбіе, отъ управляемыхъ—не только повиновеніе, но и почтеніе къ старшимъ, къ правящимъ, почитаніе отечественныхъ боговъ и отечественныхъ законовъ, почитаніе родителей и правителей—вотъ нравственно-религіозная основа нормальнаго общества. Но для того, чтобы достойно и успѣшно дѣлать свое государственное дѣло, правящіе должны быть дѣйствительно лучшими людьми—не по рожденію, а по доблести, силѣ, разуму, по развитію своихъ способностей и добродѣтелей. И отсюда требованіе воспитанія: религіознаго, умственнаго и нравственнаго, которое осуществляется въ союзѣ. Мистическій культъ, въ который члены посвящались послѣ опредѣленнаго послушничества, общія трапезы, общія занятія музыкой и гимнастикой и научныя занятія соединяли пифагорейцевъ помимо тѣхъ общихъ политическихъ цѣлей, которыя они преслѣдовали. Здѣсь впервые осуществляется тотъ своеобразный идеаль высшей жизни, свойственный въ извѣстной мѣрѣ и всѣмъ позднѣйшимъ философскимъ школамъ древности,—жизни, проводимой въ замкнутомъ кругу избранныхъ друзей, соединенныхъ общностью духовныхъ интересовъ, отдавшихъя всецѣло совмѣстному исканію истины и заботѣ о совершенствованіи, о гармоническомъ развитіи своихъ духовныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ. Въ философскихъ школахъ древности развивались самыя сильныя узы дружбы: нигдѣ не цѣнили ее такъ высоко, нигдѣ не отдавались ей съ такимъ паесомъ, находя въ ней одно изъ высшихъ благъ челоуѣческой жизни; то былъ восторгъ передъ почувствованнымъ высшимъ благородствомъ, духовною красотой челоуѣческой личности. Впослѣдствіи Платонъ художественно изображаетъ намъ этотъ восторженный паеосъ, доходящій иногда до болѣзненныхъ уклоненій. Аристотель даетъ замѣчательно тон-

кую и возвышенную этическую *оцѣнку* дружбы, и самые эпикурейцы прославились ея культомъ. Но первымъ союзомъ, церковью друзей былъ пиеагорейскій союзъ. И въ преданіяхъ школы сохранились имена истинныхъ героевъ дружбы, о которыхъ повѣствуетъ Аристоксенъ у Ямвлиха (V. Pyth. 233—239),—между прочимъ, сказаніе о дружбѣ Дамона и Финтія, вдохновившее Шиллера.

Пиеагоръ былъ *учителемъ жизни*, и еще во дни Платона популярность его и его послѣдователей связывалась преимущественно съ тѣмъ новымъ «образомъ жизни» (*πυθαγόρειος τρόπος τῆς βίης*), котораго они держались (Rep. X 600 et B). Школа была своего рода религіознымъ орденомъ, и основатель его уже въ V вѣкѣ пользовался высшимъ религіознымъ авторитетомъ, изображался какимъ-то «сверхъ-человѣкомъ», обладавшимъ особою мудростью и прозорливостью (ср. Эмпедокла фр. 129). То небольшое, что мы знаемъ объ его религіозномъ ученіи, заставляетъ сближать его съ орфикиами, хотя повидимому главнымъ божествомъ союза былъ *Аполлонъ* и хотя возможно, что ученіе о душепереселеніи было заимствовано орфикиами отъ Пиеагора. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь, и тамъ религіозною цѣлью служить *спасеніе души*. Эта послѣдняя есть безсмертное демоническое существо, падшее въ земной міръ и, въ наказаніе, заключенное подъ «стражу» въ «темницу» тѣла. Душа не имѣетъ необходимаго отношенія къ тѣлу, въ которомъ она живетъ: она можетъ переселяться и въ другія тѣла. По смерти, разлучившись съ тѣломъ, душа получаетъ возмездіе въ загробномъ мірѣ; а по истеченіи опредѣленнаго срока воплощается вновь въ какомъ-либо другомъ *человѣчскомъ* или даже животномъ тѣлѣ,—возрѣніе, которое осмѣиваетъ уже Ксенофанъ (fr. 7). Старинныя легенды повѣствуютъ о томъ, что Пиеагоръ обладалъ памятью своихъ предшествовавшихъ воплощеній, и повидимому представленія о такой чудесной анамнезѣ (воспоминаніи) были распространены въ пиеагорейскихъ кругахъ V в. (ср. Эмпедокла II. 117).

Съ этими вѣрованіями, какъ и у орфиковъ, связывался особый *культъ*, состоявшій изъ таинственныхъ обрядовъ и очищеній, особенный «пиеагорейскій образъ жизни», налагавшій на членовъ союза рядъ обрядовыхъ предписаній,—воздержаніе отъ мясной пищи, отъ бобовъ, отъ нѣкоторыхъ рыбъ и шерстяной одежды и вообще соблюденіе особаго рода ритуальной «чистоты». Правда, нѣтъ основанія приписывать самому Пиеагору

всю совокупность аскетическихъ правилъ и ритуальныхъ суевѣрій, соблюдавшихся впослѣдствіи его школой: повидимому здѣсь влияніе орфиковъ было очень значительно и впослѣдствіи, когда научная и политическая жизнь союза заглохла. Но, съ другой стороны, извѣстные «символы» связывались со всѣми тайными культами. Спасеніе души посредствомъ таинственнаго очищенія и посвященія очевидно играло первенствующую роль и въ раннихъ пифагорейскихъ мистеріяхъ: освобожденіе отъ душескитанія, приобщеніе безсмертію боговъ было главною цѣлью, а средствомъ служило не одно нравственное, но и прежде всего ритуальное очищеніе. Въ какой мѣрѣ требовалъ Пифагоръ воздержанія отъ мясной пищи, которое строго соблюдалось его послѣдователями,—сказать трудно ¹⁾; но повидимому уже онъ требовалъ жалости къ животнымъ, обосновывая это требованіе ученіемъ о душепереселеніи.

Отъ религіи Пифагора перейдемъ къ его философіи и разсмотримъ, въ чемъ заключались основы пифагорейскаго міросозерцанія. «Онъ былъ первый, давшій философіи ея названіе, и назвавшій себя философомъ»—говоритъ Діогенъ (ргооеп. 12) ²⁾. Какъ ни трудно говорить о такой неопредѣленной величинѣ, какъ «философія Пифагора», мы полагаемъ, что вся исторія его школы дѣлается непонятной, если мы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми современными критиками откажемся видѣть въ этомъ «первомъ изъ философовъ», что-либо иное, кромѣ знахаря, и отвергнемъ преданія, правда, можетъ быть не достаточно раннія, но все же дающія хотя бы правдоподобный отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ чемъ состояла «многоученость» Пифагора и та «исторія», или научное знаніе, въ которомъ онъ, по свидѣтельству Гераклита, превосходилъ современниковъ и предшественниковъ.

Философія начала Пифагорейцевъ.

По свидѣтельству Евдема, Пифагоръ впервые обратилъ занятія геометріей въ дѣйствительную науку, рассмотрѣвши ея начала

1) По Ямвлиху онъ воздерживался лишь отъ мяса тѣхъ животныхъ, которыя не приносятся въ жертву Олимпійскимъ богамъ (человѣческая душа не переселяется въ ѳύλα ζῷα—животныхъ годныхъ для жертвы V. Pyth. 85).

2) Зенонъ, ученикъ Парменида, полемизировавшій съ пифагорейцами, озглавилъ свое сочиненіе, направленное повидимому противъ ихъ ученія, «противъ философовъ»—что подтверждаетъ это преданіе.

съ высшей точки зрѣнія и изслѣдовавъ ея теоремы умозрительнымъ путемъ. Онъ создалъ ученіе о несоизмѣримости и пяти правильныхъ тѣлахъ. Ему же приписывается теорема, носящая его имя о квадратахъ сторонъ прямоугольнаго треугольника. Онъ является такимъ образомъ основателемъ дедуктивной геометріи. «Исторіей» Пифагора была прежде всего *геометрія*¹⁾. Еще болѣе занимался Пифагоръ ариѳметикой или *теоріей чиселъ*, которая также отъ него ведетъ свое начало: ему приписывается ученіе о четныхъ и нечетныхъ числахъ, о квадратныхъ и гармоническихъ числахъ. Далѣе Пифагору уже приписывается первое примѣненіе математики къ музыкѣ, т.-е. открытіе законовъ музыкальной гармоніи. Наконецъ, какъ мы увидимъ, есть основаніе думать, что Пифагору не были чужды и астрономическія наблюденія и умозрѣнія въ духѣ его предшественниковъ Милетской школы. Въ какой мѣрѣ все это достовѣрно и въ какой степени труды послѣдователей и учениковъ приписываются самому учителю—отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ все направленіе школы предполагаетъ открытіе *научной геометріи, занятія теоріей чиселъ и попытку объяснить природу путемъ приложенія геометріи и высшей ариѳметики къ физикѣ*. Въ этомъ—суть пифагорейства, и его начальный научно-философскій замыслъ всего естественнѣе возводить къ отцу научной математики—Пифагору.

«Такъ называемые пифагорейцы, говоритъ Аристотель взяли за математическія науки и подвинули ихъ впередъ. Вскормленные въ этихъ наукахъ, они признали математическія начала за начала всего существующаго. Изъ такихъ началъ числа суть первыя по природѣ, и имъ казалось что въ числахъ они видятъ множество подобій съ вещами... такъ что данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая какъ душа или разумъ, третья—какъ благопріятный случай и т. д. относительно всего остальнаго; далѣе, свойства и отношенія музыкальной гармоніи они усматривали тожé въ числахъ. И такимъ образомъ, такъ какъ имъ казалось, что все прочее по природѣ своей уподобляется числамъ, а самыя числа являлись имъ первыми изъ всей природы, то они приняли, что элементы числа суть элементы всего существующаго и что все небо есть гармонія и число. И всѣ соотвѣтствія, какія они могли указать въ числахъ

1) Jambl. de V. P. 89 ἐσκαλείτο δὲ τὴ γεωμετρία πρὸς Πυθαγόρου ἱστορία.

или гармоніяхъ съ состояніями или частями неба, или съ строеніемъ мірового цѣлаго, они собирали вмѣстѣ и согласовывали другъ съ другомъ; а если гдѣ чего-нибудь не хватало, они всячески усиливались прибавить что-нибудь, дабы придать связную послѣдовательность всему своему построенію» (Met. I).

Итакъ, пифагорейцы впервые занялись математикой и открыли въ ней путь безусловно достовѣрнаго научнаго знанія. Первые лучи научной истины не могли не поразить умовъ, не ослѣпить непривычнаго глаза. Органъ научнаго познанія найденъ; не есть ли математика, и принципъ математики, число,—ключъ къ познанію всего сущаго? «Природа числа даетъ знаніе, руководство, поученіе всякому во всякой вещи сомнительной или неизвѣстной, говоритъ Филолай. Ибо ни одна изъ вещей не была бы ясной ни для кого ни сама по себѣ, ни по отношенію къ другимъ, если бы не было числа и того, что ему присуще» (fr. 11). Древніе поэты вѣрили въ объективный законъ, царствующій въ мірѣ: міръ есть *устроенное* цѣлое, ладъ или строй—«*Космосъ*»,—терминъ, по преданію, опять-таки впервые введенный въ употребленіе Пифагоромъ. Задача философа въ томъ, чтобы понять этотъ строй вселенной и его законы, и математика даетъ ключъ къ такому пониманію. Весь протяженный міръ, міръ тѣлъ подчиненъ законамъ геометріи поскольку геометрически опредѣляется форма тѣлъ и ихъ пространственныя отношенія. Далѣе, не наблюдаемъ ли мы математическія законности въ области астрономическихъ явленій? И не сталкиваемся ли мы съ такими законностями въ непротяженномъ мірѣ звуковъ? Открытіе гармоническихъ интерваловъ блистательно подтверждало пифагорейскую гипотезу, если не внушало ее собою: не только отношенія величинъ, но и отношенія качествъ опредѣляются математически, допускаютъ числовое выраженіе. Качественныя различія сводятся къ количественнымъ. Отсюда выводъ—«все небо есть гармонія и число»; всѣ факты, соотвѣтствующіе этому воззрѣнію, подбираются и «гармонизируются», всѣ недочеты восполняются для придачи стройности системѣ.

Среди позднѣйшихъ пифагорейцевъ существовало, повидимому, *нѣсколько* различныхъ концепцій, нѣсколько различныхъ попытокъ объяснить существо и происхожденіе міра изъ числа или чиселъ, при чемъ, какъ уже сказано, платоническія и неопифагорейскія умозрѣнія о числахъ нерѣдко смѣшиваются съ пифаго-

рейскими; но если ограничиться свидѣтельствами Аристотеля и критически провѣреннымъ доксографическимъ матеріаломъ, то и тогда трудно дать сколько-нибудь точный отчетъ о древне-пиеагорейскихъ построеніяхъ. Впрочемъ, въ самомъ разнообразіи попытокъ рѣшенія сказывается единство основной проблемы. Все существующее и возникающее, всѣ свойства вещей требуетъ объяснить математически—такова цѣль, поставленная повидимому отъ начала. Преслѣдованіе этой цѣли привело къ важнымъ открытіямъ и гениальнымъ догадкамъ въ области физики; но поскольку методологическій принципъ былъ превращенъ въ метафизическую реальность, поскольку все сущее требовалось объяснить изъ математическихъ началъ или изъ числа, какъ «перваго начала» математики—задача дѣлалась невозможной и естественно вызвала *различныя* невѣрныя рѣшенія.

Какимъ образомъ пиеагорейцы проглядѣли въ вещахъ тотъ качественный остатокъ, который остается въ нихъ за вычетомъ всего количественнаго? Очевидно, имъ приходилось приписывать числамъ *качественныя* свойства. Мы уже видѣли, что «данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая какъ разумъ или душа» и т. д.; единица есть начало числа, причина *единства* или *единенія*, двоица—начало множества, раздѣленія, тріединство—первое проявленіе единства во множествѣ; 4 и 7, какъ среднія пропорціональныя между 1 и 10 являются числами или началами пропорціональности вообще, а слѣд. гармоніи, здоровья, справедливости; «четверица» заключаетъ въ себѣ полноту числа, опредѣляется какъ его «источникъ и корень», скрывая въ себѣ всю декаду ($1+2+3+4=10$). О тайныхъ свойствахъ этой послѣдней писали Филолай и Архитъ: сила ея «все-совершенна и вседѣйственна», она есть начало и глава божеской и небесной и человѣческой жизни¹⁾. Было бы бесполезно перечислять здѣсь всѣ умозрѣнія о силѣ и качествахъ отдѣльныхъ чиселъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь всего труднѣе различать древнія преданія отъ напластованій позднѣйшаго мистицизма. Отмѣтимъ, что числами опредѣляется и самая внѣшняя форма предметовъ: такъ единица соотвѣтствуетъ точкѣ, 2—линіи, а

1) Филолай fr. 11. Ср. Фрагментъ Спевсиппа у Дильса 245 и у Tannery Hist. de hascence helleue, 374. Пиеагореецъ Прорось современникъ Платона писалъ о «седмидѣ».

3—плоскости, поскольку линия опредѣляется двумя, а плоскость тремя точками; на томъ же основаніи 4 соотвѣтствуетъ первому геометрическому тѣлу, пирамидѣ и постольку служить началомъ тѣлесности и т. д. Аристотель говоритъ о нѣкоемъ пифагорейцѣ Эвритѣ, который будто бы опредѣлялъ число того или другого предмета, растенія или животнаго, обозначая его фигуру фишками и потомъ подсчитывая эти фишки (Met. XIV 5 1092 b 8).

Въ теоріи чиселъ Пифагорейцы отъ начала устанавливали различіе между *четными* и *нечетными* числами. «Четъ» и «нечетъ» это основные *элементы* числа, основные виды его, при чемъ единица, въ своемъ качествѣ перваго общаго начала всѣхъ чиселъ, иногда опредѣлялась какъ «четно-нечетное» начало (Ar. M. I 5 986 a 15 и Philol. fr. 5). Четныя числа суть кратныя двухъ: они допускаютъ элементарную форму дѣленія—раздвоеніе; нечетныя наоборотъ, не допускаютъ такого раздвоенія, противятся ему. Они имѣютъ въ себѣ единицу между двумя равными числами (напр. $7=3+1+3$). Поэтому «четъ» знаменуетъ раздвоеніе, множество, разладъ, а «нечетъ», напротивъ того,—внутреннее единство, цѣльность согласія.

Но мірозданіе не только управляется числами, оно складывается изъ чиселъ, откуда невольно является вопросъ, какимъ образомъ числа получаютъ тѣлесность и протяженность, и, прежде всего, какимъ образомъ арифметическое переходитъ въ геометрическое? Нѣкоторымъ отвѣтомъ служитъ самая теорія чиселъ пифагорейцевъ, которая вся проникнута мыслью объ аналогіи арифметическихъ величинъ и отношеній съ пространственными или геометрическими. Мы знаемъ числа квадратныя и кубическія; пифагорейцы говорятъ также о числахъ линейныхъ, плоскостныхъ, многоугольныхъ, тѣлесныхъ, о числахъ продолговато-четыреугольныхъ и треугольныхъ, о числахъ-гномонахъ.

На ряду съ арифметическимъ мірообъясненіемъ мы находимъ и геометрическое мірообъясненіе, которое связывается съ первымъ,—во всякомъ случаѣ у пифагорейцевъ Аристотеля, а можетъ быть и несравненно ранѣе.

Мы видѣли, что предшественникъ Пифагора Анаксимандръ признавалъ началомъ всего *безпредѣльное*: міръ сложился изъ нѣсколькихъ основныхъ противоположностей, заключавшихся въ безпредѣльномъ пространствѣ и снова разрѣшающихся въ него

въ процессѣ вѣчнаго движенія. По ученію пиѳагорейцевъ изъ одного безпредѣльнаго нельзя объяснить опредѣленное устройство, опредѣленныя формы вещей, существующихъ раздѣльно. Ученіе Анаксимандра исходило изъ представленія неограниченнаго, безпредѣльнаго пространства, какъ основного начала всего вещественнаго міра, всего существующаго. Но изъ одного пространства нельзя объяснить ни физическихъ, ни даже геометрическихъ тѣлъ. Тѣло ограничивается плоскостями, плоскости линіями, линіи точками, образующими предѣлъ (πέρας) линіи. И такимъ образомъ все въ мірѣ составлено «изъ предѣловъ и безпредѣльностей», т.-е. изъ границъ и того, что само по себѣ не ограничено, но ограничивается ими. «Природа, находящаяся въ космосѣ (міровомъ порядкѣ), говоритъ Филолай (fr. 1), гармонически слажена изъ безпредѣльнаго и опредѣляющаго; такъ устроенъ весь космосъ и все, что въ немъ». Этими словами Филолай начинаетъ свое сочиненіе.

«Предѣлъ» и «безпредѣльное», или неограниченное, суть элементы всего существующаго,—не только всѣхъ пространственныхъ величинъ, но и самихъ чиселъ. При этомъ у Филолая и «пиѳагорейцевъ» Аристотеля мы находимъ странное отождествленіе «предѣла» съ «нечетнымъ», а безпредѣльнаго или неограниченнаго—съ «четнымъ» числомъ, началомъ неопредѣленнаго множества и дѣлимости. «Пиѳагорейцы утверждаютъ, что находящееся за предѣлами неба есть безпредѣльное... и что безпредѣльное есть четное... ибо будучи включено и ограничено предѣломъ нечетнаго числа, оно сообщаетъ вещамъ безпредѣльность» (Ar. Phys. III, 4, 203 a 1). Чтобы уяснить себѣ это смѣшеніе ариѳметическаго и геометрическаго, обратимся къ другимъ текстамъ. «Пиѳагорейцы утверждаютъ, что существуетъ пустота и что она входитъ въ самое небо, поскольку оно вдыхаетъ въ себя и пустоту изъ безпредѣльнаго духа (дыханія); эта пустота различаетъ элементы, такъ что она служитъ причиною различенія и нѣкотораго раздѣленія среди непрерывнаго. И это есть первое въ области чиселъ, ибо пустота различаетъ ихъ природу» (ib. IV, 6 213 b 22). Такимъ образомъ міръ представляется окруженнымъ воздушной бездною, которую онъ въ себя вдыхаетъ,—древнее воззрѣніе, начало котораго можно искать и ранѣе Пиѳагора у милетскихъ физиковъ. Если бы міръ не вдыхалъ въ себя эту воздушную «пустоту», въ немъ бы не

было пустыхъ промежутковъ: все сливалось бы въ сплошной непрерывности, въ безразличномъ единствѣ. Единство борется съ безпредѣльностью, которую оно въ себя втягиваетъ, и результатомъ взаимодѣйствія обоихъ началъ является «число»,—опредѣленное множество: такъ объясняли пифагорейцы Аристотеля происхожденіе всѣхъ вещей. Какъ только первоначальное «единое» сложилось, неизвѣстно какимъ образомъ, среди безпредѣльнаго, ближайшія части этого безпредѣльнаго были тотчасъ же стянуты и ограничены силою предѣла (Met. XIV 3, 1091 а 14). Вдыхая въ себя такую «безпредѣльность», единое образуетъ внутри себя опредѣленное мѣсто, раздѣляется пустыми промежутками, которые дробятъ его на отдѣльныя другъ отъ друга части,—протяженные единицы. «Это есть первое въ области чиселъ»—которыя возникаютъ такимъ образомъ одновременно съ протяженными величинами, съ тѣлами вообще: они не отличаются отъ самихъ вещей, отъ того, что они счисляють. На этомъ особенно настаиваетъ Аристотель: небо состоитъ изъ чиселъ, природа, чувственные вещи состоятъ изъ чиселъ. Правда, это поясняется тѣмъ, что элементы числа суть элементы всѣхъ вещей, а эти элементы суть, какъ мы только что видѣли, предѣлъ и безпредѣльное (или ограниченное и неограниченное). Особенность пифагорейцевъ, по словамъ Аристотеля, состояла въ томъ, что «предѣльное или безпредѣльное или единое не являлись имъ предикатами какихъ-нибудь другихъ сущностей, напр., огня, земли или тому подобныхъ вещей, но само безпредѣльное или само единое они принимали за сущность того, о чемъ оно сказывается, вслѣдствіе чего они и признавали, что число есть сущность вещей» (ib. I, 5, 987 а 13).

«Другіе пифагорейцы», говоритъ онъ нѣсколько ранѣе (986 а) принимаютъ десять началъ, перечисляемыхъ въ параллельномъ порядкѣ

предѣлъ и безпредѣльное
нечетъ и четъ
единство и множество
правое и лѣвое
самецъ и самка
покоющееся и движущееся
прямое и кривое
свѣтъ и тьма

добро и зло
квадратъ и продолговатый четырехугольникъ.

Нѣчто въ этомъ родѣ признавалъ повидимому и Алкмеонъ Кротонскій, и либо онъ заимствовалъ отъ пиеагорейцевъ это ученіе, либо они отъ него—ибо Алкмеонъ былъ младшимъ современникомъ Пиеагора и высказывался въ смыслѣ близкомъ къ этимъ мыслителямъ. Этотъ знаменитый врачъ-натурфилософъ также признавалъ двойственность противоположностей въ основаніи всѣхъ вещей, хотя онъ и не опредѣлялъ ихъ «числа и свойства»: таковы черное и бѣлое, сладкое и горькое, доброе и злое, великое и малое и т. д. Зачатокъ этого ученія можно искать пожалуй и у Анаксимандра, который признавалъ возникновеніе и обособленіе противоположныхъ стихій теплаго и холоднаго въ движеніи безпредѣльнаго.

Въ пиеагорейской таблицѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что противоположности раздѣляются на два ряда, изъ которыхъ первый рядъ «предѣльнаго» носитъ положительный, а второй рядъ «безпредѣльнаго»—отрицательный характеръ. Первый является рядомъ свѣта, добра, единства, мужского (активнаго) начала, а второй, противоположный первому—рядомъ недостатка, неопредѣленности, мрака, женственнаго (пассивнаго) начала. Въ послѣдующей философіи Платона и Аристотеля всѣ эти противоположности были сведены къ *дуализму формы*—дѣятельной, образующей силы, дающей всему *видъ* (*εἶδος*), опредѣленную мѣру, устройство, и *матеріи*, безпредѣльной и неопредѣленной, косной, пассивной и безформенной, образуемой въ опредѣленные формы лишь творческою силой перваго начала. Этотъ дуализмъ развивается Платономъ и его послѣдователями, но первое выраженіе его мы находимъ несомнѣнно у пиеагорейцевъ. Вопреки предположенію Аристотеля, самая таблица десяти противоположностей кажется намъ сравнительно поздней, какъ попытка искусственнаго согласованія геометрическихъ, арифметическихъ, физическихъ и этическихъ началъ: но тотъ дуализмъ, который лежитъ въ ея основаніи и который отражается уже въ ученіи Алкмеона, представляется намъ первоначальнымъ.

Но въ основаніи всякаго дуализма лежитъ философская проблема, требующая рѣшенія: какъ соединяются, сочетаются, согласуются между собою противоположныя начала? Этотъ вопросъ во всей его глубинѣ впервые ставится Гераклитомъ, фи-

лософія котораго повидимому не осталась безъ вліянія на Филолая. Но Гераклитъ прежде всего не знаетъ противоположностей неизмѣнныхъ — онѣ переходятъ другъ въ друга сочетаются другъ съ другомъ въ самой борьбѣ, уравниваются, нейтрализуютъ другъ отъ друга въ вѣчномъ процессѣ. Далѣе, онъ не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько *постулируетъ* его, т.-е. утверждаетъ высшее единство противоположностей какъ ключъ къ разрѣшенію міровой загадки. Пифагорейцы (какъ Филолай) ссылаются на *необходимость* гармоніи, безъ которой ничего не могло бы существовать. Противоположныя и разнородныя начала не могли бы войти въ стройное цѣлое вселенной, «если бы не наступила гармонія, какимъ бы образомъ она ни возникла» (fr. 6). Музыкальная гармонія или согласіе различныхъ тоновъ является пифагорейцамъ лишь какъ бы случаемъ всемірной гармоніи, ея звуковымъ выраженіемъ. Музыкальная гармонія опредѣляется числовыми отношеніями—Филолай тутъ же ихъ приводитъ: отношеніе тоновъ кварты=3 : 4, квинты=2 : 3, октавы=1 : 2 ¹⁾). Октава и называется «гармоніей: въ этой «гармоніи» раскрывается тайна внутренняго согласія *одного и двухъ, единого и двоицы, четъ и нечетъ*. И это единство въ разнородномъ, единство въ различіи, которое наблюдается въ музыкальной гармоніи, раскрывается и во всей вселенной: «все небо есть гармонія и число». Повторяемъ, у пифагорейцевъ было несомнѣнно *нѣсколько* попытокъ мірообъясненія: «природа требуетъ не человѣческаго, а божественнаго разумнѣнія», говоритъ Филолай (ib.); достоверность относительно невидимаго и относительно видимаго доступна лишь богамъ; намъ, людямъ, дано лишь предположеніе, говоритъ Алкмеонъ (Diog. VIII 83). Лишь въ области математики, въ области числа мы имѣемъ свѣтъ высшаго божественнаго знанія, исключющаго ложь (Phil. fr. 11); черезъ число поэтому мы должны познавать все сущее, ибо всѣ конкретныя вещи суть лишь какъ бы *подобіе* того, что мы находимъ въ области чиселъ.

¹⁾ По свидѣтельству Аристоксена изъ восьми «симфоній» установленныхъ позднѣйшими теоретиками, его предшественники касались лишь кварты, квинты и октавы (Aristox. Harm. I, 20, II, 45). Однако Архитъ опредѣлилъ соотношеніе тоновъ въ гаммахъ энгармонической, хроматической и діагонической.

Космологія пифагорейцевъ.

Мы уже видѣли, что міръ слагается изъ величинъ, изъ предѣла и безпредѣльнаго. Онъ представляется сферой, носящейся въ безпредѣльной пустотѣ и «вдыхающей» ее въ себя. Первоначальное *единое*, возникнувъ среди безпредѣльнаго, втягиваетъ его въ себя и тѣмъ самымъ распространяется и расчленяется: въ немъ образуются пустые промежутки, множество и движеніе. Такъ возникаетъ міровое пространство и міровыя тѣла, міровое движеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и самое время. «Космосъ единъ и началъ образовываться отъ центра», говоритъ Филолай (17). Въ серединѣ его находится огонь,—очагъ вселенной. Втягивая въ себя безпредѣльное, какъ воздухъ, огонь образуетъ въ себѣ пустоту, отдѣляющую центръ отъ окружности, — отъ периферическаго огня, окружающаго небо неподвижныхъ звѣздъ (*πῦρ ἕτρον ἀνωτάτω περιέχον*). Центральный огонь Филолай называетъ Гестіей (очагомъ вселенной, домомъ Зевса, матерью боговъ или алтаремъ, связью и мѣрой природы ¹⁾). Вокругъ него ведутъ свои хороводы десять божественныхъ тѣлъ—небо неподвижныхъ звѣздъ, пять планетъ, подъ ними солнце, луна, земля, а подъ землю «противоземіе»—особая десятая планета, которую пифагорейцы принимали для круглаго счета, въ виду божественности декады. При ея помощи объясняли лунныя затменія; впоследствии, однако, ее замѣняли «кометой», въ которой усматривали десятую планету (*Agist. meteor. II, 6, 342 b 29*).

Космическія тѣла происходятъ изъ центрального тѣла; поэтому-то оно и есть «матерь боговъ». Эти тѣла прикрѣплены къ прозрачнымъ кругамъ или сферамъ—старинное представленіе, существовавшее среди пифагорейцевъ еще до Филолая (слѣды его мы находимъ и у Парменида). Есть полное основаніе думать, что самъ Пифагоръ переработалъ его изъ ученія Анаксимандра о небесныхъ колесахъ. Планеты вращаются отъ запада къ востоку, обращенныя къ центральному огню неизмѣнно, одною и тою же стороною; такимъ же образомъ вращается вокругъ центрального огня и земля—мы не видимъ его потому, что земля обращена къ нему другою своей стороною. Поэтому наше полушаріе и не согрѣвается имъ. Оно воспринимаетъ его свѣтъ и теплоту лишь

1) *Aet. II, 7, 7* (Д. 336 вѣроятно свид. Теофраста).

поскольку лучи его отражаются солнцемъ. Это послѣднее (какъ и луна) представляется стекловиднымъ шаромъ, отражающимъ свѣтъ и теплоту центрального огня. Частицы его, уносимыя въ наиболѣе темныя и холодныя сферы мірового пространства, освѣщаютъ, согрѣваютъ и оживляютъ ихъ своимъ движеніемъ: пылинки (*ἄσματα*), играющія въ солнечныхъ лучахъ, суть души всего живого.

Какъ ни наивны эти представленія, непосредственно примыкающія къ воззрѣніямъ Анаксимандра, пифагорейская астрономія дѣлаетъ важный шагъ впередъ. Она перестаетъ быть геоцентрической, и если мы еще не находимъ въ ней ученія о вращеніи земли вокругъ своей оси, то все же суточное вращеніе земли вокругъ воображаемаго центра, о которомъ говоритъ Филолай, являлось значительнымъ приближеніемъ къ истинѣ: суточное обращеніе всего неба вокругъ земли было признано кажущимся, центральное положеніе земли и ея неподвижность были отвергнуты. Это привело пифагорейцевъ IV в., сиракузянъ Гикета и Экфанта къ гениальной догадкѣ о вращеніи земли вокругъ своей оси. Далѣе, еще задолго до Филолая пифагорейцы признавали круглую форму земли—воззрѣніе, которое опять-таки встрѣчается у Парменида. Солнечныя затменія объяснялись прохожденіемъ луны между солнцемъ и землею, измѣненія временъ года—наклоннымъ положеніемъ земной орбиты по отношенію къ солнечной. Планеты считались окруженными атмосферой и обитаемыми. Своеобразно старинное представленіе о «гармоніи сферъ»: прозрачныя круги или сферы, къ которымъ прикрѣплены планеты, раздѣляются между собою промежутками, которые относятся другъ къ другу какъ интервалы тоновъ октавъ. Всякое быстро движущееся тѣло издаетъ звукъ, высота котораго соотвѣтствуетъ скорости движенія; поэтому и планеты или ихъ сферы звучатъ въ своемъ движеніи и производятъ созвучіе, являясь какъ бы семью струнами небеснаго гептахорда. Эта гармонія сферъ не различается нашимъ слухомъ, потому что она звучитъ непрерывно. Замѣчательно, что согласно этой теоріи рѣчь идетъ лишь о семи планетахъ—нижнею изъ которыхъ является луна. О «противоземліи» здѣсь еще нѣтъ рѣчи и земля еще остается неподвижной—повидимому наиболѣе древнее представленіе ¹⁾). Міро-

¹⁾ См. Zeller I. 430 сл. Филолай, который говоритъ о десяти небесныхъ тѣлахъ, повидимому обходитъ „гармонію сферъ“ молчаніемъ. Древнее уче-

вое цѣлое дѣлится на три части: божественный *олимпъ*, верхняя область, обнимающая небо неподвижныхъ звѣздъ, *космосъ* — мѣсто правильнаго и равномернаго движенія планетъ, солнца и луны, и, наконецъ, *уранъ* или небо, — третья, *подлунная* область измѣнчиваго, беспорядочнаго движенія. Но мы не будемъ долѣе останавливаться на подробностяхъ пиеагорейской космологіи.

Упомянемъ только о попыткѣ Филолая объяснить строеніе стихій изъ правильныхъ геометрическихъ тѣлъ: огонь состоитъ изъ правильныхъ тетраэдровъ, воздухъ изъ октаэдровъ, земля изъ кубовъ, вода изъ двадцатигранниковъ. Эти четыре стихіи были заимствованы отъ Эмпедокла. Оставался еще додекаедръ и соотвѣтственно ему Филолай принимаетъ еще пятую стихію, эфиръ. Такъ и здѣсь физическія свойства сводятся къ геометрическимъ.

Изученіемъ органическаго міра пиеагорейцы повидимому мало интересовались, хотя близкій къ нимъ врачъ-философъ Алкмеонъ первый занялся анатоміей, фізіологіей и эмбриологіей. Онъ указалъ на мозгъ какъ центръ умственной дѣятельности, къ которому черезъ посредство особыхъ каналовъ стекаются ощущенія отъ органовъ чувствъ. Онъ же создалъ общую теорію болѣзней: здоровье зависитъ отъ равновѣсія противоположныхъ элементовъ нашего организма, болѣзнь — отъ нарушенія этого равновѣсія.

По замѣчанію Аристотеля исключительнымъ предметомъ всѣхъ изслѣдованій и трудовъ пиеагорейцевъ служитъ внѣшній міръ (I, 8). Не удивительно, что ученіе о душѣ, несмотря на весь религіозный интересъ, на вѣру въ безсмертіе и душепереселеніе, не могло получить у нихъ научной или философской разработки. Движущаяся частица вѣчнаго огня, сходящая и восходящая въ солнечныхъ лучахъ — вотъ *физическое* представленіе, какое можно извлечь изъ свидѣтельства Аристотеля (de an. I, 404a 16). Въ этомъ можно искать связь психологіи пиеагорейцевъ съ ихъ астрономіей: душа есть своего рода «астральное тѣло», которое движется вѣчно подобно солнцу, лунѣ и другимъ «астральнымъ тѣламъ» (ib. 405a 30). Другія опредѣленія, приписываемыя впоследствии пиеагорейцамъ, — душа есть гармонія (ib. I, и Phaedo

ніе о гармоніи знало лишь семь тоновъ гептахорда (точнѣе, пять тоновъ и два полутона). Земля остается неподвижной среди вращающихся сферъ небесныхъ еще у Парменида (начало V в.).

85е), или душа есть число—соотвѣтствуютъ ихъ точкѣ зрѣнія, поскольку «все небо есть гармонія и число». Это показываетъ небесную природу души. Небо, воплощающее въ себѣ математическую законность или божественное число, — разумно; наша душа, способная къ познанію математической истины, имѣетъ въ себѣ разумъ, есть существо, сродное божественному, небесному. Освобожденное изъ «темницы» тѣло, чистая душа возносится въ надлунную, въ высшія сферы. Въ «Федрѣ» Платонъ, очевидно, вдохновляясь пифагорейскими мотивами, описываетъ, какъ души, слѣдуя за богами, поднимаются на сводъ небесный созерцающая горную сверхъ-небесную красоту, между тѣмъ какъ одна Гестія остается въ домѣ боговъ; инныя изъ этихъ душъ падаютъ на землю съ тѣмъ, чтобы по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода, вернуться на небеса.

Всѣ небесныя явленія (а съ ними и явленія земной жизни) управляются «числомъ», т.-е. математическимъ закономъ, повторяются въ опредѣленные сроки. Среди позднѣйшихъ пифагорейцевъ мы находимъ представленіе о томъ, что души, подобно планетамъ и всему воинству небесному, подчинены роковому закону круговорота. Какъ свѣтила восходятъ и заходятъ въ опредѣленные сроки и затменія наступаютъ періодически, такъ и душа по истеченіи опредѣленнаго астрономическаго цикла соединяется съ тѣломъ и вновь покидаетъ его.

О морали пифагорейцевъ, которая, какъ и у всѣхъ древнихъ философовъ до Сократа, не составляла предмета научно-философской разработки, мы уже говорили выше. Вѣра въ объективный законъ и мѣру всего, вѣра въ разумное начало—«число», зиждущее вселенную, очевидно сказывалась и въ нравственной области—какъ вѣра въ естественную *правду*, въ мѣру и законъ, царствующій и въ нравственномъ мірѣ. Мудрый долженъ проводить въ жизнь эту мѣру и законъ—начало «космоса» или чиннаго разумнаго порядка и красоты. Онъ врагъ всего безмѣрнаго и неограниченнаго—всякой неумѣренности, невоздержанія, беззаконія. Нравственно-эстетическій идеаль *мѣры* и *гармоніи*, столь свойственный греческому генію, обосновывается всѣмъ философскимъ міросозерцаніемъ пифагорейцевъ.

Подводя итоги этой философіи, испытавшей столь продолжительное развитіе, мы должны отказаться отъ претензіи провести точное разграниченіе между первоначальнымъ ея содержаніемъ

и позднѣйшими наслоеніями. Но, во всякомъ случаѣ, судьба ея нѣсколько напоминаетъ самую пиеагорейскую космогонію: первоначальное ядро ученія развивается, вдыхая въ себя посторонніе, новые элементы, но вмѣстѣ претворяя ихъ, подчиняя ихъ основной тенденціи ученія. Требованіе математическаго мірообъясненія, давшее такой сильный толчокъ математикѣ и ея приложеніямъ въ физикѣ, представляется намъ основнымъ требованіемъ; ученія о предѣлѣ и безпредѣльномъ, чѣтномъ и нечѣтномъ, о томъ, что все небо есть гармонія и число, о дыханіи міра, изъ котораго рождается пространство и время, о гармоніи сферъ, о круглой формѣ земли, наконецъ религиозное ученіе — вотъ элементы, которые представляются намъ первоначальными. Происхожденіе философіи числа обусловливается сложными мотивами — научно-философскими и мистическими. Успѣхи математическихъ знаній заставили пиеагорейцевъ искать въ математикѣ ключъ къ познанію сущаго; но независимо отъ этого мотива, на который указываетъ Аристотель, слѣдуетъ имѣть въ виду, что мистическая символика чиселъ, столь пышно расцвѣтшая вполнѣдствіи, имѣла несомнѣнное вліяніе и на самое возникновеніе ученія. Психологическіе и историческіе корни этой мистики чиселъ весьма глубоки — стоить вспомнить многочисленныя вѣрованія, связанныя съ числами семь, три, девять, четыре и т. д., у множества народовъ, во множествѣ обрядовъ, у множества мистиковъ, при чемъ числа получаютъ значеніе какихъ-то магическихъ, каббалистическихъ символовъ, созерцаніе которыхъ нерѣдко сообщаетъ тайное высшее вѣдѣніе. Далѣе, числа могутъ служить и философскими символами монизма, дуализма, всеединства или единства во множествѣ. Для пиеагорейцевъ число именно служило символомъ такого всеединства, — символомъ единообразія, законѣрности вселенной. Эта законѣрность предполагается, утверждается, постулируется въ этомъ символѣ, болѣе нежели она доказывается, нежели она была доказуема: «природа вещей доступна не человѣческому, а божественному разумѣнію», но философія постулируетъ это совершенное, цѣльное знаніе. То истинное знаніе, которое доступно человѣку, есть знаніе математическое, раскрывающееся въ отдѣльныхъ теоремахъ геометріи, въ теоріи чиселъ, въ математической физикѣ. Слѣдовательно и совершенное, божественное знаніе есть универсальное математи-

ческое знаніе: міръ познаваемъ посредствомъ «числа» — значитъ «число» есть начало всѣхъ вещей. И дальнѣйшее развитіе пифагорейства сводится, съ одной стороны, къ плодотворному развитію математики, математической физики и астрономіи, — съ другой — къ ряду попытокъ осуществить постулатъ цѣлостнаго мірообъясненія изъ математическихъ началъ: здѣсь вмѣсто доказанныхъ и опознанныхъ математическихъ истинъ приходилось довольствоваться ариѳметическими и геометрическими символами. Три обстоятельства благопріятствовали развитію и продолжительному существованію пифагорейства — успѣхи математическихъ знаній и ихъ приложенія въ области гармоникѣ и механикѣ, удобство символики, допускавшей различныя толкованія и болѣе постулировавшей, нежели доказывавшей философскія положенія, наконецъ самая организація союза, о которой мы говорили.

Тѣмъ не менѣе, недостаточность пифагорейства съ его математической символикой выяснилась весьма рано. Прежде всего, напр., въ области физиологіи или наукъ объ органической природѣ съ математикой нечего было дѣлать. И уже Алкмеонъ, столь близко сходящійся съ пифагорейцами въ другихъ отношеніяхъ, совершенно оставляетъ въ сторонѣ ихъ философскую ариѳметику и геометрію; то же дѣлаетъ впослѣдствіи и Эмпедоклъ, на которомъ сильно отражается вліяніе медицинскихъ занятій. Этого мало: уже въ основной проблемѣ физики — проблемѣ движенія, точно такъ же, какъ и въ проблемахъ генезиса, одна математика явно недостаточна, и здѣсь уже сами пифагорейцы возвращаются къ представленіямъ іонійской физики — дыханіе міра, воздухъ, огонь, являющійся сѣменемъ міра. Это послѣднее представленіе залегло въ основанія ученія пифагорейца *Гиптаса*, который, приближаясь къ Гераклиту, признаетъ огонь началомъ всѣхъ вещей. Наконецъ, самая проблема вещества, протяженнаго матеріальнаго множества не разрѣшается пифагорейской ариѳметикой. И вотъ пифагореецъ IV в. Экфантъ превращаетъ первоначальныя пифагорейскія единицы въ матеріальныя точки — атомы (Ает. I, 3, 19).

Философія пифагорейцевъ была дуалистической философійей. Правда, она постулировала и утверждала существованіе гармоніи, сочетающей противоположности. Разъ существуетъ «кос-

мость», стройный міровой порядокъ, существуетъ гармонія. «какимъ бы образомъ она ни возникала». Но это, очевидно, не есть объясненіе. И вотъ наряду съ пиеагорейскою философіей и ея дуализмомъ возникаютъ два строго-монистическія ученія. Одно изъ нихъ—элейская философія, родоначальникомъ которой считается Ксенофанъ, развивающаяся въ рѣзкой оппозиціи пиеагорейскому дуализму; другое—ученіе Гераклита, который исходитъ изъ мысли единства противоположностей въ вѣчномъ процессѣ генезиса.

Кн. С. Н. Трубецкой.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Л. Шестовъ. Апоеозъ безпочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб., 1905.

«Нужно оправдываться — сомнѣнія быть не можетъ. Вопросъ лишь, съ чего начать: съ оправданія формы или содержанія настоящей работы. У насъ полагаютъ, что книга должна представлять изъ себя послѣдовательно развитую систему мыслей, объединенныхъ общей идеей, иначе она не оправдываетъ своего назначенія... Но по мѣрѣ того, какъ растетъ недоувѣріе къ послѣдовательности и сомнѣніе въ пригодности всякаго рода общихъ идей, не должно ли явиться у человѣка отвращеніе и къ той формѣ изложенія, которая наиболѣе приспособлена къ существующимъ предрасудкамъ?»

Такими словами начинается г. Шестовъ свою книгу. Мы собственно думаемъ, что ни афористическая форма, ни философскій импрессионизмъ, который онъ въ эту форму вкладываетъ, въ такомъ оправданіи не нуждаются. Не нуждается въ оправданіи та форма изложенія, которую избрали Шопенгауэръ и Ницше. Что касается до содержанія «адогматическаго мышленія», то мы готовы его привѣтствовать именно въ нашъ вѣкъ доувѣрія ко всякимъ монистическимъ системамъ. Намъ несомнѣнно угрожаетъ схоластика единыхъ системъ и всеохватывающихъ схемъ, и весьма нелишнее вспомнить о фрагментарномъ характерѣ нашего знанія, о вѣчно-измѣнчивой пестротѣ нашего опыта; полезно почувствовать, какъ эта безконечная міровая игра мало способна уложиться въ окаменѣвшее русло нашей теоретической схемы. Догматизмъ самый, быть можетъ, опасный врагъ въ

предѣлахъ современнаго духовнаго горизонта. Но, чтобы тотъ «адогматизмъ» производилъ свое дѣйствіе, необходимо ему быть совершенно свободнымъ. Отрицаніе систематизаціи не должно само обращаться въ систему. Иначе всѣ эти афоризмы философскаго импрессионизма не покажутся искрами вспыхнувшей мысли, а холодными, заранѣ придуманными фокусами.

Мы опасаемся, что афоризмамъ г. Шестова не хватаетъ этой высшей свободы и легкости. Многое читается съ приковывающимъ интересомъ (особенно тамъ, гдѣ авторъ касается истолкованія литературныхъ произведеній с. 79, 87, 178 и пр.), но на ряду съ этимъ есть страницы, гдѣ слишкомъ чувствуется тенденціозная борьба съ систематичностью, а иногда и нѣсколько подогрѣтые парадоксы, съ задолго обдуманномъ намѣреніемъ ошеломить читателя... Авторъ общается «адогматизмъ», а частенько сбивается на «антидогматизмъ». Думается, что сокращеніе числа афоризмовъ сдѣлало бы впечатлѣніе болѣе цѣльнымъ и сильнымъ.

Мы рѣшаемся говорить это собственно потому, что предшествовавшія работы г. Шестова; посвященныя Достоевскому, гр. Толстому и Ницше, явились образцами великолѣпнаго критическаго дарованія, столь же глубокаго, сколь и интереснаго. Въ своихъ этюдахъ о Юліи Цезарѣ и книгѣ Мережковскаго, посвященной Л. Толстому и Достоевскому,—эти этюды приложены къ разбираемому сочиненію — авторъ не пошелъ назадъ. И мы надѣемся въ слѣдующій разъ встрѣтить его мысли свободными отъ всякаго тенденціознаго «антидогматизма» — равно далекаго и отъ желанія угождать умственнымъ привычкамъ читателя и отъ старанія какъ можно болѣе идти имъ на перекоръ

С. К—ій.

L'année psychologique publiée par *A. Binet*, avec collaboration de *H. Beaunis*, *V. Henri* et *Th. Ribot*. Secrétaire de la Rédaction: *Larguier des Bangels*. Neuvième année ¹⁾. Paris, 1903.

Оригинальныя работы, помѣщенные въ этомъ выпускѣ «Психологическаго Ежегодника», всѣ, за исключеніемъ двухъ пер-

1) Въ настоящее время вышелъ уже 10-й томъ „Психологическаго Ежегодника“, но мы откладываемъ обзоръ его до одного изъ слѣдующихъ номеровъ журнала, тѣмъ болѣе что въ расположеніи матеріала въ этомъ томѣ встрѣчаются нѣкоторыя особенности по сравненію съ предшествующими выпусками.

выхъ, принадлежатъ неутомиму редактору этого изданія—А. Бинэ. Что касается работъ двухъ другихъ авторовъ, то одна изъ нихъ относится къ области педагогики или педагогической психологіи и принадлежитъ Малаперу, другая можетъ быть отнесена въ сферу психо-физиологіи, и авторомъ ея является Бурдонъ. Наибольшій интересъ представляетъ первая изъ этихъ статей, посвященная изслѣдованію чувства гнѣва у дѣтей. Въ этой статьѣ Малаперъ подвергаетъ тщательной разработкѣ довольно разнообразный матеріалъ относительно гнѣва у дѣтей, собранный при помощи разосланныхъ вопросниковъ (эти вопросники были разосланы отъ имени «Société libre pour l'étude psychologique de l'enfant», предсѣдателемъ котораго состоитъ извѣстный Buisson). Вся статья состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой—авторъ даетъ статистическія данныя относительно различныхъ явленій, сопровождающихъ обнаруженія гнѣва или предшествующихъ имъ. Здѣсь онъ удѣляетъ достаточно мѣста и физическимъ симптомамъ гнѣва, и изображенію психическаго состоянія во время этого акта, характеризуетъ и тѣ явленія, которыя влечетъ за собою эта сильная эмоція. Затрагивается здѣсь вопросъ и относительно здоровья объектовъ наблюденія, въ связи съ фактомъ наследственности; анализируются и другія различныя «вліянія», которыя содѣйствуютъ возникновенію характеризуемаго чувства (вліяніе температуры, давленія, времени года и дня и т. п.). Во второй части идетъ рѣчь о различныхъ формахъ гнѣва и дается характеристика дѣтей, преимущественно склонныхъ къ проявленію этого чувства и вообще отличающихся особенною раздражительностью. Наконецъ, въ послѣдней части дѣлаются замѣчанія педагогическаго характера и указываются нѣкоторыя мѣры для борьбы съ этимъ чувствомъ (какъ для предупрежденія, такъ и для подавленія названной эмоціи). Всѣ эти мѣры (интеллектуальное воздѣйствіе, моральная самодисциплина, иногда физическое воздѣйствіе—въ видѣ обливаній и т. п.) общеизвѣстны и не представляютъ собою ничего оригинальнаго. Да и другія части работы не отличаются новизною и опредѣленностью выводовъ, тѣмъ болѣе что эти послѣдніе основываются на сравнительно небольшомъ количествѣ наблюденій, полученныхъ же притомъ далеко не совершеннымъ методомъ (при помощи вопросниковъ). Вообще, родители и воспитатели не могутъ почерпнуть особенно интересныхъ свѣдѣній въ этой статьѣ,

но послѣдняя все-таки представляетъ нѣкоторую цѣнность, какъ одна изъ попытокъ дать посильное научное освѣщеніе тому психическому процессу, который такъ часто наблюдается на всѣхъ стадіяхъ дѣтской жизни.

Статья Бурдона анализируетъ фактъ различія ощущеній, наблюдаемый въ явленіи воспріятія одного и того предмета при помощи обоихъ глазъ. Въ результатѣ своихъ довольно остроумныхъ опытовъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что если мы испытываемъ различіе между двумя впечатлѣніями, различіе въ отношеніи интенсивности, или отчетливости, или количества подробностей, то это получается благодаря субъективному процессу—ощущенію нѣкоторой затрудненности или неловкости въ томъ глазу, который получаетъ менѣе сильное, менѣе отчетливое и менѣе богатое подробностями впечатлѣніе. Другой глазъ, въ которомъ въ это время наблюдается ощущеніе съ противоположными качествами (особенная легкость, ясность и т. п.), соотвѣтственно съ этимъ получаетъ въ этотъ моментъ и своеобразное впечатлѣніе, характеризующееся также противоположными чертами (сила, отчетливость, большее количество деталей и т. п.). Эти ощущенія, по мнѣнію экспериментатора, являются ощущеніями мускуловъ глаза. Этому субъективному акту въ нѣкоторыхъ случаяхъ (когда опытъ производится въ темнотѣ надъ свѣтящейся точкой) соотвѣтствуетъ особый объективный феноменъ, который состоитъ въ явленіи своеобразной тѣни.

Первая оригинальная работа Бинэ въ этомъ «Ежегодникѣ» носитъ заглавіе: «Письмо во время состояній искусственнаго возбужденія, вызванныхъ работою графическаго характера». Здѣсь авторъ характеризуетъ особенности въ изображеніи буквъ, которыя наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда пишущій въ самомъ актѣ письма принужденъ выполнять работу, касающуюся самого состава слова (напр., замѣна гласныхъ во всѣхъ словахъ фразы другими гласными, занимающими слѣдующее мѣсто въ алфавитѣ). Отличительная особенность буквъ, написанныхъ при такихъ условіяхъ, заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ большой размѣръ, чѣмъ обыкновенныя, и, кромѣ того, изображены болѣе отчетливо и раздѣльно. Бинэ не рѣшается дать окончательное объясненіе этому явленію; но пытается указать нѣкоторые элементы для объясненія, лежащіе въ хорошо извѣстныхъ фактахъ изъ области психологіи и психо-фізіологіи. Сюда онъ относитъ

двигательную силу образовъ, и большой размѣръ начертываемыхъ при извѣстныхъ искусственныхъ условіяхъ буквъ можно объяснить большею живостью представленія этихъ мыслимыхъ знаковъ, на которыхъ въ данный моментъ естественно сосредоточивается гораздо больше вниманія. Затѣмъ, имѣетъ здѣсь значеніе и то обстоятельство, что мы стараемся эти вновь изображаемыя буквы сдѣлать болѣе отчетливыми и не смѣшиваемыми съ прежними, и отсюда естественно придаемъ имъ болѣе замѣтную и яркую форму. Наконецъ, здѣсь можно предположить вообще вліяніе умственного труда на подвижность различныхъ мускуловъ. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, интеллектуальное напряженіе, напр., въ видѣ умственного счета, сопровождается ослабленіемъ мускуловъ пальцевъ. Быть можетъ, аналогичное явленіе имѣетъ мѣсто и въ данномъ случаѣ, такъ какъ здѣсь также затрагивается дѣятельность пальцевыхъ мускуловъ. Но какъ бы то ни было, всѣ приведенныя объясненія, по мнѣнію Бинэ, могутъ считаться только частичными, и изслѣдователь думаетъ, что въ этомъ случаѣ мы должны допустить «разсѣянное или диффузное возбужденіе» движеній, гдѣ все-таки наблюдается извѣстная связь, которая и находитъ свое выраженіе въ болѣе крупномъ и яркомъ изображеніи письменныхъ знаковъ.

Слѣдующая работа того же автора посвящена вопросу объ измѣреніи чувствительности. Здѣсь идетъ рѣчь собственно объ одномъ видѣ чувствительности, именно чувствительности осязательной или тактильной. Бинэ подробно рассматриваетъ различные способы измѣренія чувства осязанія, сравнительно долго останавливается на извѣстныхъ опытахъ Вебера и, наконецъ, подробно описываетъ усовершенствованный имъ самимъ эстезіометръ и всю технику изслѣдованія при помощи этого инструмента. Но вслѣдствіе своего чисто-экспериментальнаго характера эта работа не поддается краткому изложенію, и поэтому мы прямо переходимъ къ слѣдующимъ статьямъ того же автора, гдѣ онъ пытается намѣтить различные типы изслѣдованныхъ имъ субъектовъ. Бинэ считаетъ возможнымъ указать два главныхъ типа среди тѣхъ довольно многочисленныхъ индивидуумовъ, которыхъ ему пришлось изслѣдовать съ точки зрѣнія остроты чувства осязанія. Это непосредственно ощущающіе или «симплисты» (simplicistes) и толкователи или «интерпретаторы»

(interpréteurs). Что касается первыхъ, то здѣсь разумѣются тѣ индивидуумы, которые сразу воспринимаютъ осязательныя впечатлѣнія и вѣрно оцѣниваютъ послѣднія (особенно если это раздраженіе происходитъ въ видѣ прикосновенія одного острія, въ родѣ, напр., одной ножки циркуля). «Толкователи» отличаются противоположными качествами, и не столько непосредственно воспринимаютъ раздраженія, сколько «истолковываютъ» свои ощущенія. Бинэ старается поставить эти особенности въ дѣятельности осязательнаго чувства въ связь съ общимъ умственнымъ развитіемъ и степенью вниманія испытуемыхъ субъектовъ, а въ силу этого онъ считаетъ возможнымъ выдѣлить еще новый типъ «развлекаемыхъ» или разсѣянныхъ (distracts). Впрочемъ, этотъ типъ нельзя назвать вполне самостоятельнымъ, и его можно наблюдать и среди двухъ упомянутыхъ категорій лицъ, если въ процессѣ изслѣдованія осязательнаго чувства у этихъ субъектовъ допускается намѣренное отвлеченіе ихъ вниманія (напр., въ видѣ умственнаго вычисленія во время самаго акта тактильнаго раздраженія).—Въ нѣкоторой связи съ этими работами Бинэ находятся и двѣ послѣднія статьи того же автора, гдѣ идетъ рѣчь о вліяніи упражненія и внушенія на положеніе порога ощущенія (осязательнаго) и гдѣ доказывается, что въ случаѣ двойнаго ощущенія (т.-е. при полученіи одновременно двухъ раздраженій) научно опредѣлить порогъ ощущенія невозможно.—Всѣ эти работы Бинэ могутъ представлять значительный интересъ въ методологическомъ отношеніи, но онѣ страдаютъ однимъ очень существеннымъ недостаткомъ, который присущъ большинству произведеній этого трудолюбиваго изслѣдователя: въ нихъ слишкомъ много сырого матеріала и очень мало твердо установленныхъ выводовъ и прочныхъ обобщеній.

Вторая часть «Ежегодника» содержитъ, подобно предшествующимъ выпускамъ, анализъ выдающихся произведеній изъ области психологіи и смежныхъ съ нею дисциплинъ, появившихся въ теченіе 1901 и 1902 гг., а въ третьей—заключается перечень болѣе 2600 работъ изъ указанныхъ же отраслей знанія, за тотъ же періодъ времени.

Н. Виноградовъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

А. Амонъ. Детерминизмъ и вмѣняемость. Спб. 1905. Ст. XIII+226.
Ц. 1 р.

Байронъ. Сочиненія. Томъ I. Изданіе Брокгауза и Ефрона.
Спб., 1905.

В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. I. Спб.,
1903. Ст. VIII+253.

Д-р. Е. Н. Berger. Mythische Kosmographie der Griechen. 1 M.
80 Pf. Ст. 40. Leipzig, 1904.

Гаральдъ Гѣфдингъ. Философскія проблемы. Пер. Р. Соловьева.
Москва, 1905. Ст. 87. Ц. 60 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и
права въ его философской системѣ. Спб., 1904. 173+III.

Библіотека для самообразованія:

IV. Г. Еллинекъ. Декларация правъ челоуѣка и гражданина.
Перев. съ нѣм. подъ редакціей А. Э. Вормса. Ст. XIX+81.
Ц. 40 к.

А. И. Елистратовъ и А. В. Завадскій. О вліяніи вопросовъ безъ
внушенія на достовѣрность свидѣтельскаго показанія. Казань,
1905. Ст. 30.

Osip Lougié. La psychologie des romanciers russes du XIX siècle.
Paris, 1905. Ст. XV+432. Ц. 7 fr. 50 c.

П. В. Никольскій. Письма о русскомъ богословіи. Спб., 1904.
Ст. 156.

Проблемы психологій. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. I.
Изд. И. Н. Холчева. Ст. 264. Ц. 1 р. 75 к.

Ф. Ферстеръ. Свобода воли и нравственная отвѣтственность.
Перев. съ нѣм. подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. Москва, 1905.
Ст. 57. Ц. 25 к.

Д-ръ Г. Шумковъ. Разказы и наблюденія изъ настоящей
Русско-Японской войны. (Военно-психологическіе этюды). Кіевъ,
1905. Ст. 60. Ц. 50 к.

Эммануиль Сведенборгъ. О божественной любви и божествен-
ной мудрости. Спб., 1905. Ст. 103. Ц. 50 к.

1905 Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ГОДЪ V.

на

„Журналъ Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ при Московскомъ Университетѣ подъ редакціей:

проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго и приватъ-доцентовъ А. А. Корнилова, Л. С. Минора, Г. И. Россолимо и С. А. Суханова.

ПРОГРАММА:

- 1) Оригинальныя статьи по невропатологіи, психіатріи, судебной психопатологіи, психологіи, гипнотизму, медико-педагогическимъ вопросамъ и т. п.
- 2) Обзоры вопросовъ научной и практической невропатологіи и психіатріи.
- 3) Рефераты статей изъ русской и иностранной литературы.
- 4) Корреспонденціи и отчеты засѣданій ученыхъ обществъ и съездовъ.
- 5) Отчеты клиникъ и больницъ.
- 6) Рецензіи книгъ.
- 7) Біографіи и некрологи.

Приложенія: а) библиографическій указатель книгъ и статей по вопросамъ невропатологіи, психіатріи и т. п. в) Протоколы О-ва Невропатологовъ и Психіатровъ при Московскомъ Университетѣ.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ выпусками въ 12—15 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ пересылкой и доставкой—10 р.
За границу—12 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника Нервныхъ Болѣзней.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ Литературнаго Фонда въ восьми большихъ книгахъ.

Цѣна по подпискѣ безъ пересылки **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при выдачѣ I книги уплачивается **7 рублей**, а затѣмъ **3 рубля** при выдачѣ II книги и по **2 рубля** при выдачѣ III, IV, V, VI, и VII книгъ, VIII же книга будетъ выдана безплатно.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ повышена. Въ отдѣльной продажѣ I и VII кн. по **3 р. 50 к.**, II, IV, V и VI по **4 р.**, III—**2 р. 50 к.**, VIII—**4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при доставкѣ книгъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Тридцать седьмой годъ изданія.

Особымъ Отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. журналъ **допущенъ** къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученич. библиотеки **среднихъ и низшихъ** учебн. завед. и въ безплат. народн. читальни и библиотеки. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 г.).

ВЪ ГОДЪ
4 р. 50 к.
безъ пересылки.
5 р. съ пере-
сылкой.

Редакція журнала „Дѣтское Чтеніе“ ставитъ себѣ задачей давать семьѣ и школѣ тщательно избранный матеріалъ для чтенія, какъ художественный, такъ и популярно-научный матеріалъ, но только легкой и занимательный, но вмѣстѣ съ этимъ и воспитательный, развивающій духовную природу человѣка, укрѣпляющій высокія стремленія человѣка осуществлять въ жизни „разумное, доброе, вѣчное.“

По глубокому убѣжденію редакціи, чтеніе—не праздная забава, не пустое развлеченіе, а серьезное дѣло, удовлетворяющее и развивающее высшіе жизненные запросы человѣка, обогащающее умъ и чувство новыми и новыми духовными сокровищами, воспитывающее вкусъ въ выборѣ и оцѣнкѣ матеріала для чтенія, вырабатывающее интересъ и привычку читать и мыслить, читать и чувствовать и получать отъ этого занятія одно изъ высшихъ жизненныхъ наслажденій.—Разумное чтеніе цѣлесообразно избраннаго матеріала есть могучій рычагъ самообразованія, главнѣйшій руководитель на жизненномъ пути, указующій, „куда идти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя пытаться“. Въ этомъ направленіи редакція работала до сихъ поръ, неизмѣнно будетъ работать и впредь.

Въ 1905 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ дастъ **вѣзмъ** подписчикамъ: **12 книжекъ** журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разск. и сказки; б) стихотворенія; в) историческ. очерки и биографія; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ.

7 томиковъ бесплатныхъ приложений: I. Картинки изъ японской жизни (со многими рис. въ текстѣ), составила по Пьеру-Лоти, Шредеру и другимъ источникамъ *Е. Н. Тихомирова*.—II. Сочин. Шиллера въ изложеніи и объясненіи *И. И. Иванова*. 1) Шиллеръ—биографія; 2) Орлеанская Дѣва; 3) Марія Стюартъ; 4) Донъ-Карлосъ.—III. Сборникъ разсказовъ Генрика Сенкевича и Элизы Ожешковой, въ переводѣ *В. М. Лаврова*.—

IV. Избранныя сочиненія Лермонтова, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*.

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“.

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 кн.).

Безъ доставки на годъ . . . 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ . . . 5 р. 50 к.

Съ доставк. и перес. на годъ 5 „ — „

Съ доставк. и перес. на годъ 6 „ — „

За границу „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ — 8 руб.

Допускается разсрочка.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Д. И. Тихомирова и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 50/0.

Плата за объявленія въ журналъ „Дѣтское Чтеніе“ за цѣлую стран. 40 р., за полстраницы 15 р.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за пренніе годы съ 1897—1904 гг. по 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Постановленіе Международной Экспертной Комиссіи при выставкѣ „ДѢТСКІЙ МІРЪ“ въ Петербургѣ 1904 г. присуждено Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогический Листокъ“, за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низш. училищъ и младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній, — Золотая медаль. Кроме того, литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ Грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по техническ. и профессиональному образованію, золотой медали отъ всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

Издательница **Е. Н. Тихомирова**.

Издатель **Д. И. Тихомировъ**.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ и „Педагогическій Листокъ“ организована книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

въ 1905 году.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1905 г. слѣдующія бесплатныя приложенія:
Двѣ книги изданія**I) „Библиотека дѣтскаго отдыха.“**

Рассказы Вильяма I. Лонга съ иллюстраціями Чарльза Колланда.

II) Атласъ картинъ по русской исторіи,

выпускъ 3-й, заключающій въ себѣ слѣдующія картины:

1) Славяне, 2) Въ теремѣ, 3) Подъячье, 4) Святѣйшій патріархъ, 5) Школа въ Московской Руси, 6) Тушинскій лагерь, 7) Раскольники, 8) Стрѣльцы. Картинъ исполнены автотипіей по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ **„Изъ прошлаго Русской земли“**, составленный С. Князьковымъ, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „Библиотека Дѣтскаго Отдыха“. Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія библиотеки всѣхъ нившихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки и въ библиотечныя учебныя завед. мин. народн. просв.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (въ С.-Петербургѣ, Загородный проспектъ, 28).

Открыта подписка на 1905 г. (изданія XVII годъ)

на политическо-общественную и литературную газету

„ЕНИСЕЙ“.

Выходитъ въ Красноярскѣ три раза въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкой на годъ—7 р., на полгода—4 р. на четверть года—2 р. 50 к., на одинъ мѣсяць—1 р. Отдѣльный номеръ 5 к. Перемѣна адреса 30 к. Отдѣльные №№ газеты продаются въ отдѣленіяхъ конторы: въ Томскѣ, Енисейскѣ, Канскѣ и Ачинскѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ Сибирской ж. д. и въ книжныхъ шкафахъ Самаро-Златоустовской ж. д. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Енисей“, Воскресенская ул., соб. домъ; въ Ачинскѣ въ отдѣленія конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Енисейскѣ въ аптекарскомъ магазинѣ Л. Ф. Флееръ; въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисей“, Дворянская ул., и въ книжномъ магазинѣ Макушина; въ Иркутскѣ въ книжномъ магазинѣ Макушина и Посохина; въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ централ. конт. объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о. Редакторъ-издатель Е. Ф. Кудрявцевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЗАПИСОКЪ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(десять выпусковъ въ годъ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Отчеты о дѣятельности Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и другихъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и пр. 2) Новости техники и промышленности (оригинальныя и переводныя статьи, корреспонденція и мелкія сообщенія и пр.). 3) Техническое образованіе. 4) Критика и библиографія. 5) Правительственныя распоряженія. 6) Справочный отдѣлъ (спросы и предл., вопросы и отвѣты). 7) Объявленія. 8) Приложенія.

Подписная цѣна „Записокъ“:

за годъ съ пересылкой и доставкой 5 р., за полгода 3 р.; безъ пересылки и доставки за годъ 4 р. 50 к., за полгода 2 р. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Записокъ“: Москва, Садовая-Каретная, 241.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ. НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВДА

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ II-Й).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Беллетристика — романы, повѣсти, очерки, пьесы, стихотворенія и проч. — какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Критика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ эстетики, морали и философиі. 4) Статьи по различнымъ отдѣламъ искусства — живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, сценическому искусству, музыкѣ, поэзи и проч. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоры общественной жизни отечественной и иностранной. 7) Художественная хроника — театр, музыка, художественныя выставки. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ — художественныхъ, философскихъ, ученыхъ и проч. 9) Хроника важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній — техническихъ, коммерческихъ, научныхъ и проч. 10) Педагогическій отдѣлъ — статьи по вопросамъ обученія и воспитанія. 11) Судебная хроника. 12) Общій отдѣлъ — письма въ редакцію, почтовый ящикъ, разныя извѣстія, смѣсь и проч. 13) Портреты художественныхъ и общественныхъ дѣятелей и ихъ біографіи. 14) Иллюстраціи къ тексту журнала. 15) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

В. В. Авшолов, Леонидъ Андреев, В. Базаров, К. Д. Балмонтъ, А. Богдановъ, В. Я. Богочурскій, проф. В. П. Бузескулъ, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Бьлосовъ, К. Н. Венцель, А. А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Сергій Глаголь, Г. Галина, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гославскій, Г. А. Гросеманъ, И. Гурвичъ, Е. В. Деленъ, А. К. Джигелевъ, Р. І. Дмитриева, С. Елеонскій, проф. В. Н. Ивановскій, А. В. Игельстромъ, Н. Иорданскій, М. Н. Ковалевскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, акад. О. Е. Коршъ, проф. Н. А. Котляревскій, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. Р. Крандѣевская, С. Н. Крапивельдъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. П. Куртинъ, М. Е. Ландау, М. К. Лемке, Максъ-Лу, А. Е. Лосицкій, А. В. Луначарскій, М. Г. Луницъ, М. Л. Мандельштамъ, П. П. Масловъ, С. П. Мельниковъ, пр.-доц. Л. С. Миноръ, В. М. Мисевъ, С. А. Найденовъ, Ив. Наживинъ, М. Невдомскій, Л. Ф. Нелидова, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, М. Ольминскій, Ва. Орликъ, Е. Орловъ, М. Н. Покровскій, пр.-доц. Н. А. Рожковъ, пр.-доц. М. Н. Розановъ, пр.-доц. Г. И. Россолмо, П. П. Румянцевъ, Д. Сатуринъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ, Скиталецъ, Е. Л. Смирновъ, И. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, С. А. Суворовъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, А. Ю. Финъ, В. М. Фриче, пр.-доц. А. В. Цингеръ, Е. Н. Чириковъ, Л. Шейнисъ, В. А. Щерба, Ю. Д. Энгель, Семенъ Юшкевичъ, Яблоновскій, пр.-доц. Л. Н. Яснопольскій, А. М. Федоровъ и др.

Условія подписки

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ	7 р. 20 к.	5 р. 40 к.	3 р. 60 к.	1 р. 80 к.
Безъ дост. въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ	7 р. 50 к.	5 р. 65 к.	3 р. 75 к.	1 р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ	7 р. 60 к.	5 р. 70 к.	3 р. 80 к.	1 р. 90 к.
Съ пересылкой въ Россіи	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
„ за границей	10 р. 80 к.	8 р. 10 к.	5 р. 40 к.	2 р. 70 к.

Годовымъ подписчикамъ разсрочка безъ повышенія платы, по соглашенію съ редакціей.

Адресъ Редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18.
 „ для телегр.: Москва — Журналь.
 „ Московской конторы: Неглинная, 4,
 Журнальное дѣло.

Адресъ Петербургской конторы: Загородный 21, 43.
 „ Одесской конт.: Ринельская 12, Образованіе.
 „ Харьковской конт.: Московская 21, А. Дредеръ.

Подписка принимается и во всеѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель *Вал. Кожевниковъ.*

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА
 XVI г. „ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“ XVII г.

I. Оригинальныя и переводныя статьи. О занятіяхъ въ научной школѣ. Проф. *А. Фортунатова*.—Изъ истории педагогическихъ идей на Западѣ (продолженіе). *Л. Симицкаго*.—Дѣти въ современной англійской беллетристикѣ. *Юрія Веселовскаго*.—Итоги и ожиданія (къ вопросу о реформѣ средней школы). *Г. Рокова*.—Вопросъ о ненормальныхъ дѣтяхъ. *Альфреда Бинз* (перев. съ франц.).—Ростъ матеріальнаго и духовнаго благосостоянія населенія Западной Европы въ XIX вѣкѣ. *И. В. Х—рова*.—Изъ дѣтскихъ воспоминаній. *Рене Базена* (перев. съ франц. S. W.)—**II. Критика и библиографія.**—**III. Рефераты и мелкія сообщенія.**—Воспоминанія дѣтства. *Л. С.*—Мангеймская школьная система. *Его же*.—Дѣтскій клубъ въ Москвѣ.—Подготовка руководителя дошкольнымъ воспитаніемъ дѣтей. *Н. В. Чехова*, и проч.—**IV. Хроника.** *Школа, литература и жизнь*. Работы по реформѣ средней школы. Расширеніе частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Семейно-педагогическій кружокъ въ Уральскѣ. Совѣщанія педагоговъ съ родителями въ кавказскомъ учебномъ округѣ, въ Ярославлѣ, Петербургѣ и Самарѣ и проч.—*Письмо изъ Парижа*. Общественныя условія народнаго воспитанія и образованія и проч.—**V. Объявленія.**

Продолжается подписка на 1905 годъ.

Подписная цѣна въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
 ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
 на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ науки: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профес. и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнне преподаванія, распрежденіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **А. Александровъ**.

IV годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ изданія.
на большую ежедневную съ полной программой, выходящую въ Баку, газету

„БАКИНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“.

Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ крупныхъ городахъ Кавказскаго края, а также въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и за границей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	* Для Черн. гор., Для Бакова, Бала- хан. и многогород. подписчиковъ		* Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.	Для городовъ.		Для иногород.	
	на годъ	на 6 мѣсяцевъ		При подпискѣ	Къ 1 апрѣля	3 р.	3 „
На годъ	7 р. — к.	8 р. 50 к.	3 р.	2 „	3 р. 50 к.	3 „ — „	3 „ — „
На 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	5 „ — „	2 „	1 „	2 „ — „	2 „ — „	2 „ — „
На 3 мѣсяца	2 „ 50 „	3 „ — „	1 „	— „	1 „ — „	1 „ — „	1 „ — „
На 1 мѣсяць	1 „ — „	1 „ 50 „	— „	— „	— „	— „	— „

Годовые подписчики на 1905 г., внесеніе при подпискѣ полностью всю подписную сумму, получаютъ въ 1904 г. газету со дня подписки бесплатно.

Редакторъ-издатель Н. А. Гриневъ.

Открыта подписка на 1905 годъ

на журналъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“,

издаваемый подъ редакціей К. Н. Арсеньева, М. М. Винавера, прив.-доц. В. М. Гессена, В. Д. Набокова и проф. І. А. Покровскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромя іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ по полугодіямъ

Условія подписки:	на годъ	январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкой	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ 50 „
Въ другихъ городахъ съ доставкой	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяць платятъ 1 р. 20 к. съ доставкой.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, рассылаемого подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условія подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ	январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 „ — „	7 „ — „	5 „

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкой и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ „ВѢСТНИКА ПРАВА“: С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2, и, кроме, того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „ВѢСТНИКЪ ПРАВА“ принимаются въ конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25. * Телефонъ № 29—36.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

1905 годъ.

„РЕБУСЪ“

Годъ изданія 24—25.

Выходятъ выпусками не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяць въ объемѣ отъ одного до пяти печатн. листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

По исключительному направленію своей дѣятельности „РЕБУСЪ“ въ Единственный Россій журналъ, который главное мѣсто отводитъ обзору и изученію личностныхъ и загадочныхъ явленій: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, магнетизма, медиумизма, гипнотизма и т. п. сверхъ-нормальныхъ фактовъ и явленій въ области психизма.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб. За границу на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к.; болѣе льготныя условія по особому соглашенію съ редакціей.

Отдельный номеръ въ продажѣ 20 к. (можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ: въ редакціи журнала—Смоленскій бульваръ, д. Мишке, кв. № 8 и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова, „Нового Времена“, Т-ва М. О. Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Лицъ, сочувствующихъ направленію журнала, просятъ способствовать его распространенію.

Открыта подписка на 1905 годъ

на журналъ для воспитателей и начальныхъ учителей

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Тридцать седьмой годъ изданія.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія РАЗРѢШЕНЪ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библиот. и безпл. народн. читальнѣ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ кнѣжками околѣ 5 листовъ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законодѣлннѣ, очерки по литературѣ, по искусству, общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ и другія общенаучныя статьи для самообразования воспитателя и учителя, *периодическій указатель дѣтской и учебной литературы*, содержащей въ себѣ краткое изложеніе и разборъ *новыхъ выходящихъ книгъ* для дѣтой, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе

Гг. Анофріевъ, В. И. — Вагнеръ, В. А. — Волковскій, Д. Л. — Галанннъ, Д. Д. — Гольцевъ, В. А. — Ельницкій, К. В. — Ермаловъ, В. Е. — Зенченко, С. В. — Ивановъ, И. И. — Каллашъ, В. В. — Коганъ, П. С. — Оболенскій, М. Е. — Скабичевскій, А. М. — Сквордовъ, Н. А. — Тихомировъ, Д. И. и многіе другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки на годъ	1 руб. 75 коп.
Съ доставкой и пересылкой въ годъ	2 „ — „
Съ доставкой и пересылкой на 1/2 года	1 „ — „
„Педагогическій листокъ“ вмѣстѣ съ „Дѣтскимъ Читаніемъ“ на годъ	6 „ — „

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. 24, Дм. Нв. Тихомирова.

Телефонъ № 2—98.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА 5%.

Въ конторѣ вмѣются въ продажѣ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ за прежніе года: 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902 и 1903 гг. Цѣна „Дѣтскаго Чтенія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ по 5 р. за годъ безъ пересылки. „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ 4 р. 50 к. „Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго Чтенія“ 1 р. 50 к. безъ пересылки.

За 1904 г. „Педагогическій Листокъ“ разошелся безъ остатка.

Плата за объявленія журналѣ „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“:

За 1/4 страницу 40 руб. ● За 1/2 страницы 20 руб.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“ вмѣстѣ съ другими литературно-педагогическими трудами Д. И. Тихомирова удостоены золотыхъ медалей — на Всемирной Парижской выставкѣ 1900 года и на международной „выставкѣ Дѣтскій Миръ“ въ Петербургѣ (1904 г.).

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ и „Педагогическій Листокъ“ организованы книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

XIV ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1905 г

на

Юридическую газету

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационнаго Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующ. Сената и Собранія узаконеній и распоряж. Правительства.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежъ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣлю—остальные—3 рубля. Правительственныя, Судебныя и Административныя, равно какъ общественныя и сословныя учрежденія могутъ подписываться въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги (7 р.) были прислаемы въ теченіе ШЕСТИ мѣсяцевъ, но во всякомъ случаѣ до истеченія подписнаго года; лица же, служащія въ въ этихъ учрежденіяхъ, въ правѣ подписываться чрезъ Г. Г. Казначеевъ—въ разсрочку, со взносомъ ежемѣсячно по одному рублю, каковыя деньги должны быть доставляемы въ редакцію Г. Г. Казначееми.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 59.)

Открыта подписка на 1905 годъ

на

„Казанскій Медицинскій Журналъ“

органъ Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ,

издаваемый подъ редакціей предсѣдателя Общества

проф. А. Н. Каземъ-Бека.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всемъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

Программа журнала: I. Оригинальныя статьи.—II. Рефераты текущей литературы.—III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ.—IV. Отчеты о заведеніяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и докторскихъ диспутахъ въ казанскомъ университетѣ.—V. Отчеты больничныхъ учрежденій.—VI. Корреспонденція.—VII. Рецензіи.—VIII. Библиографія.—IX. Письма въ редакцію.—X. Некрологъ.—XI. Хроника и мелкія извѣстія.

Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества 5 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ бібліотекѣ Общества (Казань, университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, пассажъ).

Рукописи для помѣщенія въ журналѣ направляются по адресу: Казань, Университетъ, Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

Предсѣдатель А. Н. Каземъ-Бекъ.

XXI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г. XXI г.
на издающуюся въ городѣ Ставрополь-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

выходящую три раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носить.

Въ промежуточные дни выходятъ телеграммы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: на годъ—5 р. 50 к., на полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к. Безъ дост. и перес.: на годъ—4 р. 50 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Для учителей и учительницъ сельск. школъ—5 р. въ г. Годовымъ подписчикамъ допускается расрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 августа остальные 1 р. 50 к. При неуплатѣ въ срокъ высылка газеты прекращается. Годовые подписчики на 1905 г., внесшіе при подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету со дня подписки бесплатно.

Адресъ: Ставрополь-Кав. редакция „СѢвер. Кавк.“. Телефонъ № 36.

Приемъ объявленій: въ Ставр.-Кавк. въ редакціи „СѢв. К.“; въ Москвѣ и Петербургѣ въ конт. Тор. Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Издатели наследники Беркъ.

Редакторъ Д. И. Евсѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА за 1905 годъ

двѣнадцать второй годъ изданія

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“

Органъ общественно-литературный, выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней поста и праздничныхъ.

Оставаясь вѣрно прежнимъ своимъ задачамъ и стремленіямъ. „Самарская Газета“ и въ 1905 г. задается цѣлью прежде всего освѣщать въ возможной полнотѣ мѣстныхъ нужды Самарской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губ., и въ то же время „Самарская Газета“ попрежнему будетъ носить характеръ большого ежедневнаго изданія, замѣняющаго для провинціи столичные органы.

Подписная цѣна: иногороднимъ на годъ—7 р. 5 к., на 1/2 года—3 р. 55 к. на 1 м.—75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ при редакціи, на Алексѣевской площади, въ соб. домѣ. Редакторъ-издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ИЗВѢСТІЯ

МОСКОВСКАГО

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Годъ XI—1905.

Извѣстія выходятъ четырьмя книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8^о.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и въ книжн. магаз. Карбаеникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные оттиски статей естественнo-историческихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по разсчету 20 к. за листъ.

Редакторы С. И. Ростовцевъ.

Д. Н. Прянишниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ (XII годъ изданія)
на иллюстрированную *) ежедневную общедоступную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

По воскреснымъ днямъ въ газетѣ, а при обиліи матеріала—въ особомъ приложеніи, даются иллюстраціи, относящіяся къ этнографіи и исторіи Сибири, къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ и къ выдающимся явленіямъ русской и иностранной жизни. Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ любезно обѣщали продолжать свое сотрудничество и въ будущемъ году нѣкоторые профессора томскаго университета.

Подписная цѣна остается прежняя:

Годъ. 9 мѣс. 6 мѣс. 1 мѣс.

Съ пересылкой въ другіе города 5 р. 4 р. 3 р. 50 к.

Съ пересылкой за границу 9 „ 7 „ 5 „ 1 р.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ. Погодные свои требованія адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.)

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы П. Макушинъ.

А. Макушинъ.

*) Кромѣ дней послѣ праздниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ (седьмой годъ изданія)
на еженедѣльную газету

„П Р А В О“,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи І. В. Гессена, пр.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: „Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія І-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената“.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Права“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ Справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей; списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода — 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Загородный пр., № 2, при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики „Права“ пользуются при выпискѣ частныхъ изданій скидкой въ размѣрѣ 50/0.

ПОДПИСКА на 1905 годъ на ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЬ“.

Девятый годъ изданія.

Подписная цѣна за годъ 2 руб. Полугодовая подписка не принимается. Журналъ за 1903 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народнаго Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 годы платятъ 16 рублей.

Адресъ редакціи: Казань, типографія университета.

Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ

С Л О В О

съ доставкою и пересылкою:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р.	Р. К.	Р. К.	Р.	Р. К.	Р. К.	Р.	Р. К.	Р.	Р. К.	Р.	Р. К.
I издание . . .	12	11—	10—	9	8—	7—	6	5—	4	3—	2	1—
За границу 20	19—	18—	17	15—	13—	11	10—	8	6—	4	2—	
II издание . . .	5	470	440	4	370	340	3	250	2	150	1	—50

Годовые подписчики на 1905 г. получают газету за конецъ 1904 г. бесплатно со дня получения отъ нихъ требованій. Лица, желающія ознакомиться съ изданіемъ, благоволятъ присылать свои адреса, по коимъ и будетъ имъ выслано бесплатно нѣсколько №№.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Невскій, д. 92, кв. 3. Телефонъ 6357.

Редакція открыта для личныхъ объясненій ежедневно отъ 4-хъ до 6-ти час. Приемъ у редактора по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 6-ти до 7-ми час. Присылаемые рукописи должны имѣть фамиліи и адреса авторовъ; возвращеніе рукописей для редакціи не обязательно.

Контора редакціи открыта для приема подписки и объявленій: въ будни отъ 10 до 5 час., по праздникамъ отъ 1 до 3 час. Подписка принимается также во всехъ мѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжн. магазинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: впереди текста 60 коп. за строку петита; позади текста: предложеніе и спросъ труда, прислуга и проч.—10 к. строка, остальные—20 к. Объявленія въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 1 р. за строку петита. Годовыя и мѣсячныя объявленія—по соглашенію.

Издатель Н. Н. Перцовъ.

Редакторъ П. В. Быковъ.

Открыта подписка на 1905 годъ на

(III г. изданія)

ХАРБИНСКИЙ ВѢСТНИКЪ,

торгово-промышленную и общественную газету.

Городскіе и иногородніе годовые подписчики, подписавшіеся до 1 марта, получаютъ въ іюль мѣсяцъ бесплатную премію **ГЛАВНЫЕ ГОРОДА МАНЧЖУРИИ** въ описаніи самихъ китайцевъ. Съ рисунками, планами и картой. Сост. по китайскимъ источникамъ.

Годовые подписчики, служащіе на К. В. ж. д., пользующіеся уступкой и разрочкой, для полученія приложенія приплачиваютъ 1 р.

Подписная цѣна: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ на 1 годъ 10 р., на полгода 6 р., на 3 м. 3 р. 50к., на 1 мѣс. 50 к. Для служащ. К.-В. ж. д., съ разрочкой по четвертямъ, на годъ 6 р., на полгода 4 р., на 1 мѣс. 75 к. За границу (разрочка не допускается) на 1 годъ 14 руб., на полгода 8 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ Новомъ Харбинѣ, только въ конторѣ газеты: Коммерческая часть К. В. ж. д., отъ 9 до 3¹/₂; на пристани—въ книжн. магаз. Ровенскаго, 1-я Новопрістанская ул. и въ русско-китайской коммисіонной конторѣ, 4-я Новопрістанская ул. (Пекарная), д. Байко, № 846; въ Старомъ Харбинѣ—въ конторѣ типографіи Китайской Восточной жел. дор. Иногородніе адресуютъ въ редакцію газеты, Коммерческая часть. Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, принимаются въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метгль и К^о, въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова, и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Вечерняя Почта

безъ предварительной цензуры.

Редакція ставитъ своею цѣлю создать совершенно оригинальный типъ газеты, девизами которой будутъ: краткость, ясность, объективность и общедоступность.

Весь матеріалъ въ газетѣ будетъ систематизироваться и обрабатываться такъ, чтобы въ газету не могъ попадать никакой балластъ и мелочи, не имѣющія общаго значенія и интереса. Благодаря этому, читатели, экономя свое время, будутъ вводиться въ курсъ всѣхъ событій и знакомиться со всѣми важными и интересными извѣстіями.

Редакція намѣрена стремиться къ тому, чтобы всѣ фактическія свѣдѣнія получались ею отъ своихъ корреспондентовъ по телеграфу и телефону. Обычнымъ путемъ всѣхъ газетъ въ этомъ отношеніи, — агентскими телеграммами, редакція будетъ пользоваться въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Цѣль этого — достигнуть возможности давать своимъ подписчикамъ раньше другихъ газетъ извѣстія о всѣхъ важныхъ событіяхъ какъ русской, такъ и заграничной жизни.

Чась выхода номеровъ газеты въ свѣтъ выбранъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, попадая на первые побѣда, газета могла бы получаться всюду въ провинціи раньше другихъ газетъ.

Избѣгая распространяться о подробностяхъ своихъ намѣреній и стремлений въ литературной сторонѣ дѣла, редакція предоставляетъ желающимъ самимъ ознакомиться съ характеромъ и физиономіею газеты и съ этою цѣлю предлагаетъ возможно легкія условія получения пробныхъ номеровъ.

Условія подписки на 1905 годъ:

На годъ **4 р.** На полгода — **2 р.** На 3 мѣс. — **1 р.** На 1 мѣс. — **45 к.**
 На недѣлю — **15 к.** Съ пересылкой: на годъ **4 р. 50 к.** На полгода — **2 р. 50 к.** На 3 мѣс. — **1 р. 25 к.** На 1 мѣс. — **50 к.**

Адресъ: Москва, Тверской бульв., д. № 105. Телефонъ конторы газеты 36.84.

Редакторъ-издатель И. Н. Холчевъ.

Въ 1905 году будетъ продолжаться (29-й годъ) изданіе

ЖУРНАЛА

Извѣстія Московской Городской Думы.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей и отдѣлъ официально-справочный.

Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отд. офиц.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — коп.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Городская управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на 1905 годъ НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЮЖНЫЯ ЗАПИСКИ.

Выходить въ гор. Одессѣ книжками около 1.000 страницъ каждая.

Главные задачи изданія: 1) отстаивать права личности и общественныхъ учреждений, 2) содѣйствовать развитію и росту общественной самостоятельности и 3) изучать и всесторонне разрабатывать вопросы областной жизни юга Россіи.

„Южныя Записки“, представляя собою областной журналъ для Южной Россіи, удѣляютъ въ то же время столько же мѣста и вниманія вопросамъ и главнымъ событіямъ обще-русской и иностранной жизни, сколько и столичныя изданія.

Въ журналѣ еженедѣльно помѣщаются: 1) военная хроника и иностранное обозрѣніе (В. Водовозовъ). 2) Внутреннее обозрѣніе (А. Изгоевъ). 3) Обзоръ русской жизни и печати (М. Гельротъ). 4) Беллетристическія произведенія. 5) Статьи по мѣстнымъ вопросамъ и письма изъ всѣхъ значительныхъ городовъ юга Россіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. Народнымъ учителямъ, земскимъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся „Южныя Записки“ высылаются за 4 р. въ годъ, за 2 р. въ полгода и за 1 р. на три мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ“ высылается для ознакомленія бесплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: Одесса, Троицкая ул., № 26.

Розничная продажа номеровъ и приемъ подписки производится: въ Кіевѣ, въ главныхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ; въ Житомирѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“; въ Каменецъ-Под.—у Р. Кнопинга; въ Полтавѣ—въ книжн. маг. Перельцевейгъ; въ Черниговѣ—въ земскомъ книжномъ складѣ; въ Кременчугѣ—у М. М. Витлина и др. мѣстахъ.

Редакторъ-издатель К. М. Панкѣвъ.

Открыта подписка на 1905 годъ

на ежедневную, общественную, политическую и литературную газету

СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ,

издаваемую въ гор. Минскѣ подѣ редакціей М. П. МЫСАВСКАГО.

Съ доставк. и пересылк.: 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 75 к., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к., 7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м.—75 к.

Безъ дост. и пересылк.: 12 м.—4 р., 11 м.—3 р. 70 к., 10 м.—3 р. 40 к., 9 м.—3 р., 8 м.—2 р. 70 к., 7 м.—2 р. 40 к., 6 м.—2 р., 5 м.—1 р. 80 к., 4 м.—1 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к., 2 м.—1 р., 1 м.—50 к.

Новые подписчики, уплатившіе при подпискѣ всю плату за годъ сполна, получаютъ газету со дня подписки по 31-е декабря 1904 г. **БЕЗПЛАТНО.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Минскѣ, въ конторѣ газеты (Захарьевская ул., д. Павловскихъ, пр. О-ва сельск. хоз.) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Могилевѣ, въ книжной торговлѣ С. М. Гуревича; въ Бобруйскѣ, у Е. О. Марголина (Муравьевская ул., соб. д.); въ Борисовѣ, въ книжн. маг. В. Л. Левина; въ Слуцкѣ, въ книжн. маг. Гринвальда; въ Несвижѣ, въ книжн. маг. Каплана; въ Мозырѣ, въ типографіи С. Б. Козела. Во всѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ отдѣльной конторы, приемъ подписки производится въ книжн. магазинахъ.

Допускается разсрочка платежа: 1) по полугодіямъ; 2) при подпискѣ—2 р., къ 1 мая—2 р. и 1 р. къ 1 октября.

Открыта подписка на 1905 г.

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

СИБИРСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Съ 1-го июля 1903 г. газета выходитъ при обновленномъ составѣ сотрудниковъ.

Газета будетъ выходить попрежнему ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, по программѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Подписка принимается: въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сиб. Вѣстника“, Ямской пер., д. Орловой; въ отдѣленіи конторы редакціи—въ книжномъ магазинѣ В. М. Посохина—Почтамтская ул., д. Фуксмана; въ Ново-Николаевскѣ, у частн. повѣрен. Н. И. Самойловича (Ядринцевская ул., соб. д.); въ Омскѣ, въ магазинѣ М. Г. Красныхъ (Дворцовая, домъ Баранова); въ г. Петропавловскѣ—у В. А. Манина.

Подписная цѣна на газету съ доставкой и пересылкой:

ВЪ ТОМСКѢ:

На 12 мѣсц.	5 р.— к.
„ 11 „	4 „ 75 „
„ 10 „	4 „ 50 „
„ 9 „	4 „ 25 „
„ 8 „	3 „ 75 „
„ 7 „	3 „ 25 „
„ 6 „	2 „ 75 „
„ 5 „	2 „ 25 „
„ 4 „	2 „ — „
„ 3 „	1 „ 50 „
„ 2 „	1 „ — „
„ 1 „	— „ 50 „

ИНОГОРОДНИМЪ:

На 12 мѣсц.	7 р.— к.
„ 11 „	6 „ 65 „
„ 10 „	6 „ 25 „
„ 9 „	5 „ 60 „
„ 8 „	4 „ 95 „
„ 7 „	4 „ 30 „
„ 6 „	3 „ 65 „
„ 5 „	3 „ 25 „
„ 4 „	2 „ 60 „
„ 3 „	1 „ 95 „
„ 2 „	1 „ 30 „
„ 1 „	— „ 65 „

Въ розничной продажѣ отдѣльный №:

въ Томскѣ 3 коп. | въ Томска 5 коп.

Годовые подписчики, подписавшіеся до 1-го декабря—городскіе и до 15-го декабря—иногородніе, получаютъ газету въ первомъ случаѣ съ 1-го, во второмъ—съ 15-го декабря текущаго года по 1-е января 1905 года бесплатно.